

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Отв. ред. Д.Б. Никуличева

Москва – 2017

*Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением
Российской академии наук
Институтом языкознания РАН*

Р е ц е н з е н т ы:

д.ф.н. Т.Н. Дренясова (МГЛУ)
к.ф.н. Н.Н. Трошина (ИНИОН РАН)

Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. Коллективная монография / Отв. ред. Д.Б. Никуличева. Ред. колл.: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев, В.И. Карпов, Е.Б. Кротова, Т.В. Топорова, Е.Б. Яковенко. М., Изд-во «Канцлер» 2017. – 286 с.

Ответственный редактор Д.Б. Никуличева

*Редакционная коллегия: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев, В.И. Карпов,
Е.Б. Кротова, Т.В. Топорова, Е.Б. Яковенко.*

В коллективной монографии рассматриваются проявления человеческого фактора в грамматическом строе германских языков. На материале языков германской группы исследуется то, как формирование грамматических смыслов соотносится с перцепцией человека и его когницией; обсуждается роль человеческого фактора в изменениях, отмечаемых в языках германского ареала на синхронном срезе; анализируются категории межличностной коммуникации, представленные в грамматических системах германских языков, изучается влияние личности повествователя, исследователя и переводчика на языковые особенности текстов, создававшихся в разные периоды истории германских языков.

ISBN ???

© Институт языкознания РАН, 2017

Оглавление

Предисловие. Человеческий фактор в исследовании германских языков.
Д.Б. Никуличева 5

I

Перцептивные основы грамматической категоризации

- 1.1. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии. *М.Л. Котин* 9
- 1.2. Категориальные формы немецкого глагола сквозь призму говорящего. *Ж.К. Гух* 17
- 1.3. Датские пространственные предлоги как отражение вербальной ориентации говорящего во времени. *Д.Б. Никуличева* 26

II

Когнитивные основы метафорической, грамматической и лексической категоризации

- 2.1. Концептуальные основания лексических и грамматических категорий: сходства и различия. *Е.Г. Беляевская* 40
- 2.2. Специфика реализации грамматического потенциала фразеологии в свете понятия фразеологической креативности: от лексических категорий к грамматическим. *И.В. Зыкова* 49
- 2.3. Роль концептуальных метафор в формировании лексических представлений времени в английском языке. *А.Д. Донченко* 57
- 2.4. Английские словосочетания типа *thrilling moment* и *thrilled moment* как средство выражения субъективного темпорального опыта. *А.В. Нагорная* 64
- 2.5. Антропоцентрическая метафора в научной прозе: текстовое функционирование и эвристический потенциал. *Е.В. Терехова, Т.Н. Великода* 76

III

Факторы грамматических изменений в современных германских языках

- 3.1. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики в современном немецком языке. *Н.А. Голубева* 81
- 3.2. Когнитивные и коммуникативные аспекты функциональной переориентации единиц современного английского языка. *А.Э. Левицкий* 90
- 3.3. Сентенциональное поле и структурирование синтаксических единиц. *Л.М. Ковалева* 98
- 3.4. Особенности взаимодействия грамматики и семантики общего/среднего рода в скандинавских языках. *Е.М. Чекалина* 103

3.5. Глобализация английского языка и изменения в грамматических системах контактирующих языков. <i>А.А. Ривлина</i>	111
3.6. Денглиш в интернет-коммуникации. <i>Р.К. Потапова, В.В. Потапов</i>	123

IV

Грамматика межличностной коммуникации

4.1. Языковые средства выражения социального дейксиса в современном английском языке. <i>С.Ю. Богданова</i>	135
4.2. Эволюция вежливого обращения в нидерландском языке. <i>А.Л. Зеленецкий</i>	145
4.3. Антропоцентричность модальных частиц в немецком языке. <i>А.В. Аверина</i>	157
4.4. Эмфаза и средства ее выражения в современном шведском языке. <i>Е.Л. Жильцова</i>	166
4.5. Прагматические особенности высказываний с датским неопределённым местоимением <i>noget</i> . <i>А.А. Немцева</i>	174

V

**Субъект повествователя и субъект исследователя:
языковые проявления в тексте**

5.1. О субъективности жанра прорицания и языковых способах выражения субъекта в «Прорицании вёльвы». <i>Т.В. Топорова</i>	181
5.2. Юридический субъект и грамматическое подлежащее в юридических текстах немецко-русских контактов XII-XIV веков. <i>Е.Р. Сквайрс</i>	193
5.3. Грамматические маркеры узусов немецких первопечатников. <i>С.И. Дубинин</i>	203
5.4. Критерий ясности как основа концепции грамматической правильности в грамматиках английского языка эпохи Просвещения. <i>Н.Н. Германова</i>	222
5.5. Отпричастные семантические образования в лексикографической перспективе. <i>Е.А. Кондакова, Е.В. Морозова</i>	230
5.6. Омонимия и проблемы разметки электронных корпусов. <i>Е.Б. Кротова</i>	

VI

Переводческие решения и грамматика перевода

6.1. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке. <i>Е.Б. Яковенко</i>	257
6.2. Мотивы переводческого решения при передаче предикативности: русский и английский языки. <i>О.А. Сулейманова</i>	265
6.3. Проблема синтаксической вариативности при изучении художественного перевода. <i>В.А. Нуриев</i>	273
Contents	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человеческий фактор в исследовании германских языков

Предлагаемая коллективная монография обобщает результаты исследований, представленных на V лингвистических чтениях памяти В.Н. Ярцевой. Их тематика была посвящена проявлениям человеческого фактора в грамматическом строе германских языков. Сразу следует оговориться, что в трудах Виктории Николаевны Ярцевой термин «антропоцентризм» не использовался. Доминирующей лингвистической парадигмой периода, к которому относится научное творчество Виктории Николаевны, было изучение языка как системно-структурного образования и описание факторов исторической эволюции языков как целостных грамматических систем. Одним из наиболее важных для нее направлений лингвистических исследований являлось изучение процессов грамматической категоризации на протяжении истории германских языков. В частности, ее интересовали преобразования разных типов глагольных словосочетаний в истории английского языка, приводящие, с одной стороны, к формированию новых грамматических категорий, а с другой стороны, благодаря различным формам лексикализации, – к образованию лексико-грамматических конструкций фразеологического характера.

Лингвистика конца XX – начала XXI века представила процессы языковой категоризации в новом – антропоцентрическом – ракурсе. Категоризация, как отмечает Е.Г. Беляевская в **разделе о когнитивных основах грамматической категоризации**, стала соотноситься «не столько с самими классами-категориями и критериями их выделения, сколько с когнитивными процессами формирования категорий» (с. 40). В результате основной задачей когнитивной лингвистики сделалось изучение того, «как человек осуществляет категоризацию». При этом обращает на себя внимание неполнота и неравномерность использования антропоцентрического подхода к явлениям языка. Этот подход, активно применяемый при анализе лексики, «оказывается значительно менее популярным при работе с грамматическими явлениями и практически невостребованным при комплексном анализе единиц, принадлежащих разным уровням языковой системы» (с. 64), замечает в своей статье А.В. Нагорная.

Задача предлагаемого коллективного труда состоит в том, чтобы на примере анализа материала языков германской группы показать, как формирование грамматических смыслов соотносится с перцепцией человека и его когницией; какова роль человеческого фактора в грамматических изменениях, отмечаемых на синхронном срезе в языках германского ареала; какие категории межличностной коммуникации находят отражение в грамматиче-

ских системах германских языков; каково влияние личности повествователя, исследователя и переводчика на языковые особенности текстов, создававшихся в разные периоды истории германских языков. Все эти вопросы освещаются в отдельных разделах предлагаемой монографии.

Открывающая **раздел о перцептивных основах грамматической категоризации** статья М.Л. Котина формулирует важное теоретическое понятие *категориальной конвергенции*, понимаемой как функциональная взаимосвязанность единиц, выражающих глагольные категории аспектуальности, темпоральности и модальности. Автор убедительно показывает, что истоки функциональной корреляции грамматических форм, относящихся к разным категориальным доменам, заложены в особенностях человеческого восприятия. С опорой на исследования Э. Лайсс доказывается, что глагольный вид, и в целом аспектуальность, основаны на противопоставлении «внутренней» (имперфективной) и «внешней» (перфективной) перспективы говорящего: «Говорящий кодифицирует высказывание, помещая себя либо *внутри* описываемого события, либо *вне* его» (с. 12), и это противопоставление является прототипической категориальной функцией человеческого языка. «Темпоральная функция развивается из аспектуальной несколько позднее на основе её метонимического переосмысления и перенесения пункта отнесения на воображаемую временную ось <...>. Ещё позднее на базе темпоральной функции развивается модальная в её сначала деонтическом, а затем эпистемическом прочтении» (с. 12). Идущая от Карла Бюлера идея о системе координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения, побудила Ж.К. Гух дать перцептивное объяснение категориальному значению причастия второго в немецком языке, а Д.Б. Никуличеву предложить перцептивную систематизацию темпоральных значений датских пространственных предлогов и объяснить многие лингвоспецифические особенности предложного обозначения времени в датском языке.

В целом тематика грамматической и лексической категоризации временных смыслов – в наименее доступных человеку в ощущениях и поэтому регулярно переосмысляемых метафорически – стала актуальной и для многих статей когнитивного раздела сборника, что нашло отражение в работах Е.Г. Беляевской, И.В. Зыковой, А.Д. Донченко и А.В. Нагорной.

Раздел о роли человеческого фактора в грамматических инновациях германских языков открывается статьей Н.А. Голубевой, рассматривающей традиционную для германистики проблему грамматикализации в антропоцентрическом ракурсе. На примере анализа вновь появляющихся нестандартных конструкций немецкого языка типа рейнской длительной формы *Sie ist am Lesen* она показывает, что «грамматикализация является механизмом решения коммуникативных проблем с их праг-

матическими задачами. Способность и желание говорящих представить вещи оригинальным способом ведут к перепрофилированию языковых знаков, когда выражаемые ими конкретные концепты перерождаются в абстрактные» (с.85).

Типичное для современного английского языка изменение речевого функционирования лексических, морфологических и синтаксических единиц в зависимости от того смысла, который им стремится придать субъект высказывания (*a must, dos and donts* и др.), рассматривается А.Э. Левицким как проявление особого типа функциональной деривации, позволяющей единицам языка при неизменности их формы реализовать новые, нехарактерные для них ранее, но потенциально возможные функции.

Человеческий фактор как источник дополнительной семантизации исследуется Е.М. Чекалиной на примере скандинавских языков, в которых родовая принадлежность существительных нередко нарушается для выражения противопоставления вещественных и предметных объектов, а также для актуализации ряда других, субъективно акцентируемых смыслов. Особо показательно целенаправленное введение в шведский речевой обиход нового гендерно нейтрального личного местоимения *hen*, представляющего собой компиляцию местоимений *han* и *hon*, обусловленное борьбой за равноправие сексуальных меньшинств.

Вопросы воздействия социальных факторов на грамматику заимствований обсуждаются и А.А. Ривлиной, в частности, отмечается, что в русском речевом варианте английского языка преимущественно используются «маскулинно-ориентированные» грамматические показатели, что объясняется отсутствием в русскоязычном сообществе тенденции к использованию «политкорректного» языка. В целом же автор подчеркивает, что при анализе изменений в системах контактирующих с английским языков следует учитывать как «символические коннотации» моды, престижности, прогресса, интернационализации и др., так и игровую функцию (*Александр Масляков шоу, The Тёлки*), но также и внутренние факторы, такие как нарастание аналитизма в грамматической системе заимствующего языка. Влияние языковых контактов на образование лексических неологизмов обсуждается и в статье Р.К. Потаповой и В.В. Потапова об использовании англо-американизмов в немецком языке Интернета.

Раздел о грамматике межличностной коммуникации открывается статьями, посвященными таким прагматическим явлениям, как *коммуникативное поведение и речевой этикет*, в которых влияние человеческого фактора проявляется в полной мере. Так, в статье С.Ю. Богдановой на английском материале дается общий обзор типов социального дейксиса и исследуются средства выражения социальной иерархии в современном английском

языке, а средства выражения категории вежливости рассматриваются в статье А.Л. Зеленецкого на материале истории нидерландского языка.

Другой важнейшей сферой взаимодействия грамматики и прагматики являются *средства выражения субъективной модальности говорящего*. Это и модальные частицы, исследуемые на немецком материале А.В. Аверинной; и шведские синтаксические конструкции, служащие для эмпазы той части высказывания, на которую говорящий хочет обратить внимание слушающего, анализируемые Е.Л. Жильцовой; и датское неопределенное местоимение среднего рода *noget*, которое, как показывает А.А. Немцева, снимает категоричность высказывания и сигнализирует о неуверенности говорящего или о его отстраненности от сообщаемого.

Остальные разделы коллективной монографии посвящены **языковым проявлениям личности в создаваемом ею тексте**. Это и личность повествователя в древнеисландском эпическом тексте (Т.В. Топорова), и юридический субъект в немецких правовых текстах XII-XIV вв. (Е.Р. Сквайрс), и узус немецких первопечатников (С.И. Дубинин), и отражение личности авторов в английских грамматических трактатах эпохи Просвещения (Н.Н. Германова). Особое место занимает обсуждение вопроса о влиянии исследователя на формирование той или иной модели описания языка. На немецком материале в лексикографическом ключе этот вопрос обсуждается в статьях Е.А. Кондаковой и Е.В. Морозовой (проблема разграничения причастия / отглагольного прилагательного) и Е.Б. Кротовой (проблема омонимии при корпусной разметке).

Завершают монографию статьи, посвященные **проблемам принятия переводческих решений** (В.А. Нуриев, О.А. Сулейманова), в том числе, тогда, когда создаваемый текст находится «между авторством и переводом» (Е.Б. Яковенко).

Как видим, круг проблем, интересующих германистов в связи с проявлением человеческого фактора в языке, оказывается весьма широким, что свидетельствует о перспективности применения антропоцентрического подхода не только в сфере общего, но и в сфере частного языкознания.

Д.Б. Никуличева

Перцептивные основы грамматической категоризации

М.Л. Котин

Зеленогурский университет, Зелена-Гура, Польша

Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии

Der Beitrag präsentiert eine universaltypologisch konzipierte Sicht auf das Phänomen kategorialer Interaktion bzw. Konvergenz. Speziell werden funktional greifbare Affinitäten und kategoriale Schnittstellen von Aspektualität, Temporalität und Modalität behandelt, wobei an exemplarischen Beispielen demonstriert wird, dass gewisse Kategorialfunktionen sowohl durch overte als auch durch kovertе (versteckt-grammatische) Signale kodiert werden können. Die Interaktion dieser Signale ist ein evidentes Indiz für das Vorhandensein universeller Kategorialfunktionen, welche auf formaler Ebene durch unterschiedliche, miteinander korrelierende Signale im Gesamtverbund einer Proposition ausgedrückt werden. Aus sprachhistorischer bzw. -genealogischer Sicht handelt es sich um einen «funktionalen Ersatz» verschwindender Sprachformen durch eine neue Funktionsverteilung anderer Formen sowie durch Grammatikalisierungsprozesse.

1. Вводные замечания и цель статьи

В.Н. Ярцева высказывается в пользу применения методов универсального логического исследования в лингвистике, основанного на онтологически несомненном постулате о том, что «сквозь их [языков – М.К.] кажущееся бесконечным разнообразие проступает общая модель» [Ярцева 1977, 30].

Развитие так называемой «универсальной грамматики» и проведённые в её рамках исследования последних десятилетий выявили взаимосвязь между единицами, принадлежащими к разным категориальным доменам, в частности, аспектуальности, темпоральности и модальности глагола (которые являются предметом рассмотрения в настоящей статье). Для обозначения функциональных корреляций различных грамматических форм вводится понятие *категориальной конвергенции*. Под данным феноменом здесь понимается функциональная эквивалентность граммем разного типа, выявляемая при контрастивном описании языковых систем.

Онтологическое измерение категориальной конвергенции позволяет установить сходные функции соответствующих языковых форм, в частности, их взаимозаменяемость в определённых контекстах или общие дистрибутивные «запреты» и ограничения.

Генеалогически доказывается последовательность исконных (аспектуальных) и производных (темпоральных и модальных) сигналов как в онтоге-

незе, так и в филогенезе, в результате чего постулируется эволюция грамматических форм в истории отдельных языков [ср. Leiss 1992; 2002].

Типологически можно проследить закономерности проявления функционального перераспределения аспектуальных, темпоральных и модальных форм, в частности, «субституции» глагольного вида в языках, где данная категория отсутствует, контрастирующей модальностью базового (субъектного) и дейктического (эпистемического) типа [ср. Abraham, Leiss 2008; 2013].

Настоящая статья представляет собой попытку анализа двух типов вышеназванных категориальных корреляций.

2. Видо-временные и модальные сигналы

Рассмотрим следующие пары примеров:

(1) англ. *John must die.* vs. *John must be dying.*

(2) нем. *Peter muss sterben.* vs. *Peter muss im Sterben liegen.*

Первое предложение в каждой из пар содержит модальный глагол, употребляемый в значении неотвратимости события, которое должно наступить в будущем. Это один из вариантов так называемого «деонтического» (deontic) прочтения модального глагола, в котором модальность характеризует подлежащее, приписывая ему признак *необходимости* в широком смысле. Такая модальность в англоязычной лингвистической традиции справедливо называется «корневой» (root modality) [ср. Sweetser 1990, 49; Yule 2004, 89; Kratzer 2012, 24, 50].

Во втором предложении английского и немецкого примеров модальный глагол характеризует не подлежащее, а степень осведомлённости говорящего о событии. Такое употребление называется в литературе «эпистемической» (epistemic) модальностью, выражающей уверенность говорящего в реальности или нереальности описываемого глаголом в инфинитиве события [ср., Nuyts 2001; Hundt 2003; Kratzer 2012, 23 и др.]. Эпистемическое прочтение воспринимается языковым сознанием как вторичное, производное от деонтического, что подтверждается и фактами истории языков, содержащих модальные глаголы, употребляемые в обеих функциях.

В первом предложении английской пары примеров деонтическая («корневая») модальность сочетается с проспективной темпоральностью, а также с перфективной аспектуальностью (имплицитной завершённости события, которая в случае перевода данного предложения на язык, содержащий грамматически выраженную оппозицию совершенного и несовершенного вида, автоматически переходит в эксплицитную, ср. рус. *Иван должен умереть* / **умирать*). Второй пример, наряду с эпистемической модальностью, кодифицирует, в отличие от первого, отнесённость события к настоящему времени в сочетании с грамматически выраженной имперфек-

тивностью / дуративностью (*Иван, должно быть / по-видимому / вероятно, умирает*).

В немецком языке категориальные признаки те же, единственным отличием от английских примеров является здесь формальная кодификация длительности события посредством глагольно-именного сочетания *im Sterben liegen*, что объясняется отсутствием в немецком языке глагольной формы, соответствующей английскому Present Progressive / Continuous.

Подобные типы конвергенции в сфере глагольных категорий в последние годы были описаны достаточно подробно. В. Абрахам и Э. Лайсс [Abraham, Leiss 2008, XII-XVII] формулируют в этой связи в общей сложности пять правил взаимодействия глагольных категорий при кодификации временной, видовой и модальной функций, которые они называют «Typological Interface Generalizations». Очевидно, что формальные обобщения такого типа никогда не бывают абсолютными и вполне допускают отклонения от базовой модели, обусловленные различными причинами, прежде всего, семантикой *способа действия* соответствующего глагола в инфинитиве. Однако практически всегда можно определить («исчислить») дистрибуцию категориальных признаков предложений рассмотренного выше типа с модальными сигналами в зависимости от типа выражаемой модальности в сочетании с временными и видовыми маркерами.

Следующая пара немецких примеров содержит глагол со значением ‘лежать’, который является *durativum tantum*:

(3) нем. *Der Kranke muss im Bett liegen*. ‘Больной должен лежать в постели’ vs. *Das Heft muss in der linken Schublade liegen*. ‘Тетрадь должна лежать в левом ящике стола’.

Первое предложение в случае деонтического прочтения модального глагола (которое, бесспорно, является приоритетным) может иметь двоякую аспектуальную интерпретацию, а именно (а) больной на ногах, но ему следует лечь в постель или (б) больной вынужден лежать в постели, где он сейчас и находится. В первом случае действует «правило Абрахама – Лайсса», во втором оно, как может показаться, нарушается. Однако это нарушение является лишь проявлением общей «нейтральной» позиции деонтического значения в оппозиционной паре, а учитывая, что трансформативно-перфективная семантика глаголу в инфинитиве (*liegen*) вообще не свойственна, можно без натяжек считать, что употребление модального глагола в деонтическом значении при прочтении (а) является *единственным* средством «перфективизации» и «футуризации» пропозиции в целом. При *маркированном* эпистемическом прочтении первого предложения (больной, по всей вероятности, лежит в постели) возможна при этом только референтность настоящего времени и длительного, неопредельного действия, что уже целиком отвечает «правилу Абрахама – Лайсса».

Второе предложение с неодушевлённым подлежащим предполагает в качестве немаркированного эпистемическое прочтение, тогда как деонтическая семантика выступает в качестве маркированного члена оппозиции. При этом аспектуально-темпоральное распределение ещё более жёстко, чем в случае с антропоцентричной пропозицией, и фактически безальтернативно соответствует упомянутому правилу: деонтическая интерпретация предполагает, что тетрадь не лежит в левом ящике стола, и её следует туда положить, тогда как эпистемическая интерпретация исключает как будущее время, так и завершённость или трансформацию.

С точки зрения генеалогии, рассмотренные категориальные корреляции между аспектуальностью, темпоральностью и модальностью глагола получают, согласно гипотезе Э. Лайсс, сформулированной и обоснованной в ряде её работ [ср., в числе прочих, Leiss 1992; 2002], следующее толкование. Глагольный вид и в целом аспектуальность, представляющие собой противопоставление «внутренней» (имперфективной) и «внешней» (перфективной) перспективы, из которых говорящий кодифицирует высказывание, помещая себя, таким образом, либо *внутри* описываемого события, либо *вне* его, являются прототипической категориальной функцией человеческого языка. Темпоральная функция развивается из аспектуальной несколько позднее на основе её метонимического переосмысления и перенесения пункта отнесения на воображаемую временную ось, которую впервые описал Х. Райхенбах в 1947 г. [ср. Reichenbach 1947, 71-78]. Ещё позднее на базе темпоральной функции развивается модальная в её сначала деонтическом, а затем эпистемическом прочтении.

Языки, утрачивающие категорию вида (как, в частности, германские языки), переживают своего рода «взрыв», ведущий к поистине тектоническим изменениям в инвентаре грамматических категорий. В частности, в них возникает большое число времён глагола, кодифицируемых как синтетически, так и аналитически, развивается разветвлённая система форм глагольного наклонения и модальных глаголов, постепенно приобретающих, наряду с деонтическими, самые широкие эпистемические, в том числе эвиденциальные («ссылка на внешний источник информации») [ср. Plungian 2001; Aikhenvald 2004; Kotin 2011] функции, ср.

(4) *Peter soll sich derzeit in Berlin aufhalten.* (1) ‘Пётр должен (ему приказано, поручено) быть в настоящее время в Берлине.’ vs. (2) ‘Говорят, что Пётр в настоящее время находится в Берлине.’

При этом вновь возникающие языковые формы неизменно несут в себе следы исконной аспектуальности, в силу чего и проявляется феномен категориальной конвергенции видо-временной и модальной функций.

В отношении рассматриваемых феноменов весьма характерна ситуация в готском языке, где сохраняются, по-видимому, унаследованные от

общегерманского состояния, систематически выраженные и в известной мере сопоставимые со славянскими языками видовые противопоставления простых и префиксальных глаголов типа *saihan* ‘смотреть, видеть’ – *gasaihan* ‘увидеть’ (подробно, с учётом дискуссии по данной проблеме, см., в частности, в [Kotin 2012, 291-300]). При этом как парадигма грамматических времён (наличие лишь презенса и претерита), так и система модальных глаголов, в частности, отсутствие в готских текстах их употребления в эпистемической и тем более в эвиденциальной функции, весьма показательны с точки зрения описанных выше свойств языковых систем, сохраняющих грамматическую кодификацию видовой функции.

3. Темпоральность и модальность

Автор настоящей статьи выдвинул в 2010 г. достаточно радикальную гипотезу, состоящую в том, что формы времени и наклонения не просто пересекаются в определённой функциональной сфере, а обнаруживают прямую референциальную идентичность [ср. Kotin 2010]. Идея состояла в том, что в качестве категориального интеграла обеих функций выступает категория дистанции, которая может осмысляться как во временном, так и в модальном (в том числе, но не только, эпистемическом) плане. Сходные построения, правда, без постулирования категориальной идентичности времени и наклонения, содержатся в монографии Р. Тироффа [Thieroff 1992], посвящённой роли категории дистанции в кодификации модальных и темпоральных функций.

Р. Тирофф показал, в частности, что перифрастическая конструкция *würde* + Infinitiv I в современном немецком языке далеко не всегда замещает синтетические формы сослагательного наклонения и вполне может выражать чисто временные отношения, ср.

(5) *Schon damals wusste ich, dass bald ein neuer Krieg ausbrechen würde.*
‘Уже тогда я знал, что вскоре начнётся новая война’

vs. (5a) **Schon damals wusste ich, dass bald ein neuer Krieg ausbräche.*

При употреблении на временных отрезках настоящего или будущего дистанция переосмыляется уже иначе, поскольку время кодифицируется иным способом, «высвобождая», таким образом, модальную функцию, ср.

(6) *Ich würde dich gern besuchen.* ‘Я бы с удовольствием к тебе пришёл.’

Аналогичное функциональное смещение наблюдается при осмыслении глагола *werden* с инфинитивом как темпорального или модального маркера в зависимости от того, как именно понимается дистанция – как отстоящее от настоящего будущее или как различие между фактом и предположением, ср.

(7) *Peter wird morgen in seinem Büro sitzen.* ‘Пётр будет завтра сидеть в своём кабинете’ vs. *Peter wird jetzt in seinem Büro sitzen.* ‘Пётр, вероятно, сидит сейчас в своём кабинете.’

При сопоставлении форм кодификации модальности и темпоральности в разных языках можно видеть, что, например, референтность к прошлому не только связана с дистанцией, вытекающей из кодификации нереальности, желательности или предположения, но и может прямо пересекаться с ней, вплоть до отношений дополнительной дистрибуции соответствующих грамматических форм.

Например, в русском или польском языке сослагательное наклонение образуется только от форм глагола прошедшего времени, причём темпоральная интерпретация кодифицируемого события зависит исключительно от контекста, ср.

(8) *Вчера / сейчас / завтра я бы с удовольствием **смотрел** телевизор.*

(9) *Wczoraj / teraz / jutro chętnie **ogłądałbym** telewizję.*

Английский и немецкий языки различают настоящее / будущее условного наклонения, с одной стороны, и его прошлое, с другой, однако в обоих случаях для их кодификации используются, хотя и разные, формы *прошедшего* времени глагола:

(10) *Now / tomorrow I would gladly watch TV. vs. Yesterday I would have gladly watched TV.*

(11) *Jetzt / morgen würde ich gern fernsehen. vs. Gestern hätte ich gern ferngesehen.*

Наиболее ярко конвергентные отношения темпоральности и модальности проявляются в условном нереальном периоде. В его первой части – придаточном условном (протасисе) – конъюнктив обязателен в большинстве языков, однако в некоторых, как в современном английском, практически не используется (за исключением формы *were* вместо *was* в так называемом *if*-clause). Чтобы выразить модальную дистанцию, заимствуется дистанция темпоральная, посредством которой формы прошедшего времени индикатива получают (в сочетании с условным союзом) прочтение условия, относящегося к настоящему или будущему. В главном предложении (аподосисе) используется субъюнктив, ср.

(12) *Yesterday I **had** a lot of time.*

(13) *If I **had** time today, I would visit my brother.*

4. Выводы

Рассмотренные выше случаи достаточно ярко иллюстрируют тезис о наличии доказуемых категориальных взаимосвязей внешне различных грамматических форм.

Анализ приведённых в статье примеров показывает, что категориальные функции, кодифицируемые различными грамматическими формами, могут не только пересекаться в отдельных сегментах своей функциональ-

ной принадлежности, но и находиться в полновесных отношениях дополнительной дистрибуции.

Корреляция различных категориальных сигналов является по своей сути пограничным феноменом, характеризующим отношения между фенотипическими (явно-грамматическими) и криптотипическими (скрытограмматическими) языковыми формами.

Так, аспектуальная функция может выражаться как явно – посредством грамматических маркеров категории глагольного вида, так и скрыто – посредством квази-аспектуальных составляющих форм времени и наклонения глагола.

Темпоральная функция, в свою очередь, не просто коррелирует с аспектуальной и модальной, но при известных условиях может замещать последнюю даже там, где подобное замещение на первый взгляд маловероятно. В таких случаях приходится постулировать определённые иерархически высшие функции, которые свойственны, например, как темпоральности, так и модальности. В обсуждаемом здесь случае была допущена функция «дистанции», получающая сопоставимое осмысление при её кодификации посредством как темпоральных, так и модальных форм.

Полученные выводы имеют существенное значение как для развития теории универсальной грамматики, так и для методологического обоснования типологических и контрастивных исследований, включая изучение диахронических констант при анализе причин и механизмов языковых изменений.

Литература

Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Том 2. Категория глагола. М., 1977. С. 5-127.

Ярцева В.Н. Научно-техническая революция и развитие языка. // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977. С. 28-36.

Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Tübingen, 2005.

Abraham W., Leiss E. (eds.). Modality-Aspect Interfaces. Implications and typological solutions. Amsterdam, 2008.

Abraham W., Leiss E. (Hg.). Funktionen von Modalität. Berlin, 2013.

Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford, 2004.

Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung // Zeitschrift für Germanistische Linguistik 31, 2003. S. 343-381.

Kotin M.L. Zur referenziellen Identität von Tempus- und Modusformen // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / Kątny A. / Socka A. (Hg.). Frankfurt a.M., 2010. S. 29-38.

Kotin M.L. Ik gihôrta đat seggen... Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Modalität und Evidentialität / Modality and Evidentiality / Diewald G. / Smirnova E. (Hg.). Trier, 2011. S. 35-47.

Kotin M.L. Gotisch. Im (diachronischen und typologischen) Vergleich. Heidelberg, 2012.

Kratzer A. Modals and Conditionals. Oxford, 2012.

Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin-N. Y., 1992

Leiss E. (1) Die Rolle der Kategorie des Aspekts im Sprachwandel des Deutschen: ein Überblick. (2) Der Verlust der aspektuellen Verbpaare und seine Folgen im Bereich der Verbalkategorien des Deutschen. (3) Der Verlust der aspektuellen Verbpaare und seine Folgen im Bereich der Nominalkategorien des Deutschen // Grammatische Kategorien aus sprachhistorischer und typologischer Perspektive. Akten des 29. Linguisten-Seminars (Kyoto, 2001) / Japanische Gesellschaft für Germanistik (Hg.). München, 2002. S. 9-58.

Nuyts J. Epistemic Modality, Language and Conceptualization. Amsterdam, 2001.

Plungian V.A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics, 33, 2001. P. 349-357.

Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. N.Y., 1947.

Sweetser E. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge, 1990.

Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen. Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.

Yule G. Explaining English Grammar. 5th impression. Oxford-N.Y., 2004.

Категориальные формы немецкого глагола сквозь призму говорящего

Eine Untersuchung der kategoriellen Formen des deutschen Verbs setzt Berücksichtigung der Rolle der Flexionsmorphologie, der Auxiliärverben und der Spezifik ihrer Kombination aus der Sicht des Sprechers voraus. Im Gegensatz zu den synthetischen Verbalformen sind beide (eventuell mehrere) Bestandteile analytischer Formen für den Ausdruck entsprechender grammatischer Konzepte verantwortlich. Einen besonderen Beitrag leistet das Partizip II als Grenz(en)marker, als ein Zeichen, welches das Geschehen aus der Außenperspektive vollzogen sehen lässt. Die ersten Komponenten der periphrastischen Formen fungieren als a) Zeichen der Denkmodelle bei der Wiedergabe außersprachlicher Sachverhalte: der *sein-*, *haben-* sowohl *werden-* Perspektiven, b) Zeichen des Sprechers/Betrachters, die den subjektiven Teil der Semantik der zusammengesetzten Formen explizit zum Ausdruck bringen.

Вопреки традиционному пониманию грамматических значений как объективных в исследованиях последних лет особый акцент делается на субъективный элемент семантики, связанный с дейктическим говорящим как мыслящим субъектом и его речевой деятельностью. Рассмотрение категориальных форм немецкого глагола в антропоцентрической перспективе предполагает многоаспектность, а именно учет роли флексий, вспомогательных глаголов, специфики их комбинации из перспективы говорящего. Важно также следующее: исследуя проблему иерархии грамматических категорий, В.Н. Ярцева подчеркивала два типа отношений между категориями, объединяющимися в их комплексном выражении: синтезирование и сопряженность. При синтезировании объединяются внутренне не связанные друг с другом значения (например, лицо и число). Более частым способом межкатегориальных связей является сопряженность, понимаемая как взаимозависимость значений формы, в основе которой лежит их «внутренняя связанность» [Ярцева 1975, 15-16].

В конституировании макропарадигмы немецкого глагола участвуют, в первую очередь, неличные формы глагола (синтетический инфинитив, причастие II) и личные синтетические формы презенса/претерита индикатива/конъюнктива активного залога, полученные в результате различных операций над простым инфинитивом. Уникальный вклад в формирование аналитических форм вносят вспомогательные глаголы *sein*, *haben*, *werden*,

bekommen. Причастие II чаще входит в состав аналитических форм (перфекта, плюсквамперфекта, процессуального пассива, пассива адресата) в качестве именного компонента, в связи с чем встает вопрос о его специфике. Маркером формы партиципа II служит дискретная морфема *ge-t/en*, четко сигнализирующая границы словоформы по обеим сторонам. Из истории языка известно, что первоначальное значение префикса *ga-* – указание на объединение, общность – уже в готском часто сменялось более абстрактным: придать имперфективным глаголам перфективное значение (в терминологии В. Вильманса *perfektive Aktionsart*). В отличие от непроизводного глагола, обозначающего протекающее, неограниченное действие, *ga-* в сочетании с финитной и обеими нефинитными формами глагола указывал на момент наступления или окончания действия [Wilmanns 1899, 167]. До средневерхненемецкого периода наблюдается подвижное использование *ge-* во всех трех глагольных формах: в личной (в презенсе и претерите), в инфинитиве и в составе причастия II. Причастие II уже в древневерхненемецком почти с необходимостью имело данный префикс. Здесь сливаются воедино элемент прошлого (временная ступень) и элемент окончания действия (по В. Вильмансу, способ протекания действия), так что форма причастия с *ge-*, функционируя как единство, представляет уже не момент совершенности в прошлом, а действие прошлого как абсолютно законченное/совершенное [там же, 170].

Приведенное выше толкование В. Вильманса показывает, что в исследованиях способ протекания действия (в широком смысле) и аспект/вид (но не аспектуальность как родовое понятие для обоих явлений) зачастую не получают четкого разграничения. Отметим, что большинство ученых не признает наличие категории вида в немецком языке (см. обзор точек зрения в Thieroff 1992, 67-79)), так как исследователи отталкиваются от принятого понимания вида, когда в качестве примера берутся славянские языки, в частности русский, а в немецком языке подобные видовые пары на уровне инфинитивов не обнаруживаются. Чаще аспектуальные качества получают реализацию на лексическом уровне как разные способы протекания действия [Павлов 1984; Leiss 1992; Fabricius-Hansen 2009, 408-411]. Напротив, В. Бартш считает, что в противопоставлении причастия II инфинитиву и личным синтетическим формам дано видовое противопоставление перфективного неперфективному [Bartsch 1980, 91]. У. Энгель в перфекте и плюсквамперфекте видит не временные, а видовые формы с признаком «законченность/ abgeschlossen» [Engel 1994, 113].

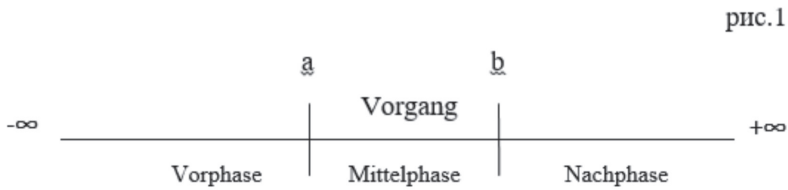
Главное отличие способов протекания действия от вида, вслед за М. Дойчбайном, было, на наш взгляд, верно сформулировано В. Шмидтом: способы протекания говорят нечто об объективно данных различиях в протекании события, в то время как аспект – перспектива, в которой говорящий

видит процесс, то есть это субъективное видение и представление события [Schmidt 1966, 207, 211]. Объективность способов протекания подразумевает выражение их лексическим значением глагола. Способ протекания может быть особо не отмечен и вычленяется лишь при сопоставлении с другими лексемами, например, *gehen – rennen, sein – werden*, маркирован словообразовательными средствами (*erblühen, zerschlagen*), синтаксическими сочетаниями (фазовый глагол + инфинитив). В противопоставлении форм инфинитива и партиципа II/финитного глагола мы, напротив, имеем дело с грамматизованным видом противопоставлений: маркер причастия II не привносит ничего нового в лексическое содержание глагола.

Как известно, опираясь на работу К. Бругмана (1904), К. Бюлер в книге «Теория языка» (1934) предложил систему ориентации относительно говорящего: «Есть система координат «субъективной ориентации», во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [Бюлер 1993, 95]. Исходной точкой этой системы является *Origo*, в позиции 0 находятся три указательных слова: здесь – теперь – я. Эта отправная точка «субъективной ориентации» в принципе не устранима. Дейктические языковые знаки могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам речевого (коммуникативного) акта (его участникам, его месту и времени). Данное положение лежит в основе многих современных исследований, в том числе и касающихся парадигмы немецкого глагола: [Leiss 1992; Bittner 2005; Bredel, Töpler 2009].

Так, для немецкого лингвиста Э. Лайсс решающее значение в грамматике имеет перспектива наблюдателя (*Betrachterperspektive*) как точка отсчета мира, не производная и не элиминируемая. Именно из нее можно вывести (*ableiten*) все грамматические признаки, значения и категории. По отношению к рассматриваемым им предметам (в широком смысле) и событиям говорящий может представить себя находящимся внутри них или вне них. Именно перспектива/местонахождение наблюдателя (*Standort/Standpunkt des Betrachters*) определяет, воспринимается им предмет/событие как нечто целое (внешняя перспектива: говорящий расположен вне предмета) или нет (внутренняя перспектива: говорящий расположен внутри предмета) [Leiss 1992, 52, 46, 285].

Местонахождение наблюдателя как некая точка отсчета релевантна также в работе французского лингвиста Ж. Фурке, вслед за которым представим частеречное значение глагола на временном континууме (*Zeit*), или оси абсолютного времени, не зависящем от коммуникативной ситуации. Располагаемое на этой временной оси глагольное событие (в терминологии Ж. Фурке *Vorgang*) делит ее на три части, занимая отрезок между двумя «границами» (см. рис.1).

Расстояние от $-\infty$ до a Ж. Фурке называет предфазой (Vorphase), от a до b – срединной фазой, или фазой, которая соответствует самому глагольному событию (Mittelphase), расстояние от b до $+\infty$ – постфазой (Nachphase) [Fourquet 1969, 57]. Над осью абсолютного времени располагается система различных измерений, решающим в которой является местонахождение наблюдателя (Standort) и исходя из которой рассматриваются события, занимающие какой-то отрезок на линии абсолютного времени. В эту систему измерений входят, на наш взгляд, не только темпус как грамматическое время, на примере которого излагал свои рассуждения Ж. Фурке, но и базовая, или элементарная категория вида (см. ниже), залога и модуса. Таким образом, возвращаясь к схеме, можно сказать, что важным является не только отрезок времени, заполненный глагольным процессом (отрезок между a и b), в результате чего событие предстает в его протекании, или как незавершенное (unvollzogen), поскольку подразумевается внутренняя перспектива наблюдателя, помещающего свой «ментальный взгляд» внутрь события, но и пересечение границы b , в результате чего событие предстает как завершенное – vollzogen¹. Оппозиция unvollzogen – vollzogen, согласно данным Ж. Фурке, берет свое начало в 1300 году и является содержанием третьей грамматической категории, в равной степени важной для германских языков как темпус и модус. Эта категория у Ж. Фурке получает название Phase (также [Engel 1994, 113], ср. у В. Флемига это Stufe [Flämig 1971, 262]), при этом, как видно, фаза (не вполне удачный термин, на наш взгляд) не понимается в смысле фаз самого события (начала, конца) и не является равнозначной термину «вид», принятому в описаниях русского вида. Грамматической формой, сигнализирующей завершенность (Vollzug) глагольного процесса, в немецком языке, по мнению Ж. Фурке и В. Флемига, является причастие II с его яркой формальной маркированностью: ge-t/en. Однако на основе схемы Ж. Фурке и циркумфикса мы предполагаем, что причастие II в мыслительном процессе говорящего маркирует не просто переход границы b и вслед за этим завершенность, а обе границы события: $a \dots b$. В форме второго партиципа говорящий мысленно, то есть находясь в роли наблюдателя,

¹ см. также о границе временного «пространства» изображаемой ситуации и возможности выхода за нее в другой связи в [Павлов 1984, 53].

видит событие в границах, занимая, следовательно, по отношению к нему позицию извне.

В зависимости от определенного видения (*lat. aspicere* – взгляд, способ рассмотрения, ср. русский термин «вид» от «видеть») говорящий с помощью словоизменительных средств немецкого языка может представить любой глагольный процесс как целостное, завершённое событие (и для этого в его распоряжении есть форма причастия II) либо сигнализировать процессность, незавершённость – этому служат инфинитив и личные синтетические формы. При сигнализации завершенности говорящий локализует себя вне события, воспринимая его на расстоянии во всей целостности и ограниченности (внешняя перспектива есть одновременно пространственная дистантность=удалённость, *Ferne*). При сигнализации незавершённости, напротив, говорящий-наблюдатель – часть события, и поэтому он не может осознать его во всей целостности и ограниченности, а событие предстаёт в его протекании (внутренняя перспектива). Другими словами, *verbum finitum* как синтетических, так и аналитических форм (*macht, machte, hat gemacht, hatte gemacht, wird gemacht, wurde gemacht, ist gemacht worden*) представляет событие из внутренней перспективы, что согласуется с внутреннеперспективным характером глагола как части речи, а внешнеперспективное причастие II противоречит внутренней позиции говорящего в *Origo* и не может быть ядром сказуемого (личной формой глагола). Схема Ж. Фурыке наглядно показывает, что событие может видеться в двух аспектах в зависимости от того, попадают в фокус границы события или нет. В первом случае контурированность, ограниченность сущности рамками делает её похожей на предмет, которым можно манипулировать, так как его можно удержать (в отличие от линии) и, далее, поместить его перед или за собой, слева или справа, чем, в частности, можно объяснить возможность использования перфекта для обозначения как прошлых, так и будущих событий, но взятых как холистичные.

Для неличных компонентов в сложной глагольной структуре (в частности в аналитических формах) всегда есть другой глагольный компонент, к которому они отсылают. Такой вид дейксиста ориентирован на внутреннюю структуру текста и был назван К. Бюлером анафорическим [Бюлер 1993, 112]. Кроме своих парадигматических значимостей инфинитив и причастие II через отсылку к другому глаголу ориентируют адресата, куда следует направлять взгляд (в широком смысле): назад (анафорическое указание) или вперед (катафорическое указание). В результате причастие II, призванное маркировать некоторое событие как целостное, завершённое, проявляет ещё один признак: ‘+ретроспектива’ по отношению к финитному глаголу или инфинитиву, что интерпретируется как предшествование, а инфинитив коррелирует с признаком ‘-ретроспектива’.

Существенный вклад в глагольную парадигму вносят четыре глагола: *sein*, *haben*, *werden* и *tun*, знаки базовых для немецкого языка моделей мышления (см. подробно [Гух 2010]). Причастие II в комбинации с *sein* и *haben* формирует перфектные формы (в неличной и личной сфере), причастие II от *tun*-глаголов в сочетании с *werden* – процессуальный пассив. Возникает вопрос, случайно ли перфектные формы реализуются в статичной перспективе? По определению Ю.С. Маслова, перфектность характеризуется своеобразной временной двойственностью, соединением в одной предикативной (или свернуто-предикативной) единице двух так или иначе связанных между собой временных (в хронологическом понимании – Г.Ж.) планов – предшествующего и последующего. Связь между этими двумя планами является причинно-следственной в самом широком смысле слова: предшествующее положение дел вызывает некие последствия для субъекта/объекта действия или для всей ситуации в целом, некое новое состояние, некое «положение дел» [Маслов 1983, 42]. Эти последствия и акцентируют статичные знаки *sein* и *haben*.

Формами презенса неперфектных и перфектных форм события представляются как актуальные, имеющие непосредственное отношение к говорящему (*mentale Präsenz für den Sprecher*). Формы претерита неперфектных и перфектных форм, напротив, выражают неактуальность некоторого события с точки зрения говорящего: сообщаемое является уже фактом прошлого (для сознания говорящего, а не в объективном времени) и не имеет непосредственного отношения к нему. Из трех выделенных К. Бюлером видов указания в претеритальных формах имеет место дейксис к воображаемому (*deixis am Phantasma*), или дейксис перенесения [Бюлер 1993, 113, 116]. Говорящий фиктивно переносится в прошлое (далекое), отличающееся от его исходной точки «я-здесь-теперь» (близкого), и вспоминает нечто, ставшее уже историей.

Из всех видо-временных форм футур следует, видимо, признать наиболее маркированной и в формальном, и в семантическом отношении. Последнее заключается в том, что *werden*-перспектива в футуре презентна. Презентность подразумевает становление в актуальном сознании говорящего (а не в объективном мире) некоторого события. По словам К. Фабрициус-Ханзен, *werden*-футур фиксирует событие (взятое либо в процессном аспекте, в форме инфинитива I, либо в целостном аспекте, в форме инфинитива II) из перспективы актуального говорящего в нереальном мире, но совместимом с реальным (поскольку *werden* стоит в форме презенса индикатива) как его продолжением [Fabricius-Hansen 2000, 93], как данность (без ореола сомнения). Такие аспектуальные характеристики семантики *werden* как инхоативность, не-точечность и направленность к результату объединяют моменты прошлого (опыт), настоящего и будущего в континууме сознания.

На основе пережитого опыта говорящий может предвидеть нечто, наблюдая / созерцая (в СЕЙЧАС) его становление внутренним взором, в сознании.

Содержание «привязывается» к сознанию через корневую часть знаков *haben, sein* и *werden* и показатели финитности. Первые конститuentы перфектных и футуральных форм *haben, sein, werden* выступают: а) как знаки трех базовых моделей мышления/познавательных перспектив, б) как знаки говорящего, лексикализирующие субъективный компонент смысла предложения. В них говорящему дана возможность проявить себя, эксплицитно сигнализируя,

(1) что он как мыслящий субъект «имеет» в сознании некую целостно оцениваемую пропозицию (завершенное событие) как «мысленный объект» (актуальную (Präsens Perfekt) или неактуальную (Präterit Perfekt)). В зависимости от *haben* или *sein* данное положение можно представить в двух моделях:

а) *Ich als deiktischer Sprecher habe eine vollzogene Proposition im Bewusstsein.*

‘Я, как дейктический говорящий, имею в сознании пропозицию, оцениваемую целостно, как завершенную’.

б) *Die vollzogene Proposition ist in meinem, des deiktischen Sprechers, Bewusstsein.*

‘В моем, дейктического говорящего, сознании есть целостно оцениваемая, завершенная пропозиция’.

(2) что происходит становление некоторой пропозиции в его сознании (Futur (Non-)Perfekt):

Die (un)vollzogene Proposition wird in meinem, des deiktischen Sprechers, Bewusstsein.

‘В моем, дейктического говорящего, сознании происходит становление некоторой пропозиции (оцениваемой в протекании – в форме футурума 1 – или целостно, как завершенной – в форме футурума 2)’.

В завершение остановимся на проявлении антропоцентричности в категории залога. К. Фабрициус-Ханзен высказывает мысль, что событие (Geschehen) потенциально может иметь несколько измерений и эти измерения не могут одновременно быть на переднем плане [Fabricius-Hansen 2009, 544]. В соответствии с приведенной в [Bredel, Töpler 2009, 863] внутренней структурой глагола *töten* – х cause (become (y be [tot])) – можно сказать, что в активной форме способного к пассивизации глагола высвечивается характер действия или деятельности, динамической активности, а процессуальность остается на заднем плане, она лишь имплицитно. В пассивных формах, напротив, профилируется процессуальный характер/процессуальное измерение вербализованного события, и это возможно только благодаря вспомогательному глаголу (*werden* или *bekommen*). В форме процессуального

пассива происходит экспликация (дискретная вербализация) двух концептов: процесса (WERDEN), сопряженного с действием (TUN). Концепты при этом не суммируются, а находятся в отношениях подчинения: первичность концепта процесс объясняется тем, что процессуальная семантика, имеющаяся во внутренней структуре *tun*-концепта, извлекается из него и лишь затем подхватывается подчиненным понятием действия.

С другой стороны, его «производность» от концепта действия сигнализируется маркером причастия II. В этой форме (*werden* + Partizip II от *tun*-глаголов) причастие сохраняет значение завершенности. Сама форма причастия II означает, что осмысление действия (в форме *getan*) произошло раньше, интерпретатор/наблюдатель мысленно уже «схватил» действие с действующими лицами: агенсом, пациенсом (и, возможно, другими) или с одним активным участником, что сначала именно признак действия предстал в его голове как фигура. При этом он представил себе действие как нечто целостное, ограниченное границами в схеме Ж. Фурке (на это указывает форма причастия II *tun*-глаголов), и выделил из него компонент процессуальности, актуализировав его первым в языковой цепи и сделав именно его фигурой, а действие, соответственно, отодвинулось на задний план, в результате чего возникает значение пассива «процесс действия» (*Vorgang einer Handlung*), или «процесс, обусловленный действием». Само причастие II сигнализирует о том, что ситуация должна была быть воспринята и пережита. С помощью причастия II происходит, таким образом, прерывание временного континуума/течения события в сознании говорящего-наблюдателя, занимающего внешнюю перспективу, и, следовательно, происходит разрыв с актуальной точкой ТЕПЕРЬ, дистантность. Завершенность, или *Vollzogenheit*, знаком которой является причастие II, – это не завершение реальной ситуации в реальном времени, не соотнесение отдельных событийностей в реальном мире, а такое внутреннее переживание события в сознании говорящего-наблюдателя, как воспринятого целостно, завершенно.

Таким образом, как синтетические, так и аналитические формы оказываются концептуально многомерными, но различающимися по способу вербализации сопряженных концептов того или иного рода. В противоположность синтетическим формам, совмещающим их в одном номинативном элементе, аналитические вербализуют соответствующие грамматические концепты расчлененно. Первые конститuentы аналитических форм выступают как: а) знаки трех базовых моделей мышления (*sein*-, *haben*-, *werden*-перспектив), б) знаки говорящего, лексикализирующие субъективный компонент семантики сложных форм глагола.

Литература

- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Гух Ж.К.* Связь языковых и когнитивных структур на примере категории залога в современном немецком языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 83-97.
- Маслов Ю.С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 41-54.
- Павлов В.М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 42-70.
- Ярцева В.Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975. С. 5-23.
- Bartsch W.* Tempus, Modus, Aspekt: die systembildenden Ausdruckskategorien beim deutschen Verbalkomplex. Frankfurt/Main, Berlin, München, 1980.
- Bittner D.* Evidenzen für ein aspektuell basiertes Flexionsparadigma der deutschen Verben // Fenk-Ocslon, G. & Ch. Winkler (Hg.). Sprache und Natürlichkeit. Gedenkbund für Willi Mayerthaler. Tübingen, 2005. S. 21-36.
- Bredel U., Töpler C.* Verb // Hoffmann L. (Hg.). Handbuch der deutschen Wortarten. Berlin, New York, 2009. S. 823-901.
- Engel U.* Syntax der deutschen Gegenwartssprache. 3., völlig neu bearb. Auflage. Berlin, 1994.
- Fabricius-Hansen C.* Die Geheimnisse der deutschen würde-Konstruktion // Thieroff R. et. al. (Hg.). Deutsche Grammatik in Theorie und Praxis Tübingen, 2000. S. 81-95.
- Fabricius-Hansen C.* Das Verb // Dudenredaktion (Hg.). Duden. Die Grammatik. 8. Auflage. Mannheim, 2009. S. 389-566.
- Flämig W.* Zur Funktion des Verbs: Tempus und Temporalität – Modus und Modalität – Aktionsart und Aktionalität // Probleme der Sprachwissenschaft. Beiträge zur Linguistik aus den Jahrgängen 1964-1967 der Zeitschrift „Deutsch als Fremdsprache“. Leipzig, 1971. S. 253-289.
- Fourquet J.* Das Werden des neuhochdeutschen Verbsystems // Festschrift für Hugo Moser zum 60. Geburtstag am 19. Juni 1969. Düsseldorf, 1969. S. 53-65.
- Leiss E.* Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin, New York, 1992.
- Schmidt W.* Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin, 1966.
- Thieroff R.* Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.
- Wilmanns W.* Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. 3. Abteilung: Flexion. 1. Hälfte: Verbum. 1. und 2. Auflage. Strassburg, 1906.

Датские пространственные предлоги как отражение вербальной ориентации говорящего во времени

The article focuses on Danish temporal prepositions denoting some perceptually motivated meanings: 1) spatial orientation of time representations (frontal / prospective), 2) perceptor's involvement into the temporal event (association / dissociation), 3) perceptor's distancing from the temporal event. The linguistic data are compared to the results of the experimental research into Danish speakers' visualization of biographic events.

В статье рассматриваются проявления в датской темпоральной фразеологии таких перцептивно обусловленных смыслов, как: 1) пространственная ориентация временных представлений (фронтальная / проспективная) относительно воспринимающего субъекта в момент речи, 2) большая или меньшая перцептивная вовлеченность воспринимающего субъекта в ситуацию (его ассоциация / диссоциация), 3) большая или меньшая дистанцированность воспринимающего субъекта от темпорального события. Языковые проявления сопоставляются с результатами эксперимента по визуализации событий биографического времени носителями датского языка.

Ключевым понятием статьи, посвященной антропоцентризму представления времени в языке, является понятие *воспринимающего субъекта*. Антропоцентризм временных представлений состоит в том, что человек организует время относительно своего Я в каждый момент собственного бытия. В этой точке он является воспринимающим субъектом. Говоря о том или ином событии, он становится субъектом речи, но остается при этом и воспринимающим субъектом, так как обязательно локализует событие во времени относительно «момента речи», то есть относительно собственного «сейчас». Повествование о событии может принять форму письменного текста, у которого будут читатели. Но и каждый читатель, в свою очередь, превращается в воспринимающего субъекта, декодирующего временную локализацию уже относительно своего собственного «сейчас». В том и состоит эффект эмпатии художественного текста, что вымышленные события, никогда не происходившие в реальности, воспринимаются читателем как локализованные во времени относительно него самого. В основе всего лежит та базовая модель временной локализации, когда субъект речи, субъект

ситуации и воспринимающий субъект¹ – это одно и то же лицо, то есть когда человек говорит о событиях, имеющих отношение к его собственному настоящему, прошлому или будущему.

Исследования показывают, что внутренние, невербальные, представления времени разными людьми – при всей их индивидуальности – несут отпечаток той лингвокультуры, к которой принадлежит индивид. Выявление механизмов, посредством которых язык и культура участвуют в построении наших ментальных представлений о времени, являлось темой исследований автора предлагаемой ниже статьи с 2004 г. В статьях [Никуличева 2004; 2006; 2007; 2008] было проанализировано то, как структура темпоральных грамматических оппозиций в русском, английском и датском языках соотносится с внутренними визуализациями событий прошлого, настоящего и будущего в ментальных представлениях носителей соответствующих языков. В статьях [Никуличева 2009; 2011; 2013; 2015] прослеживалось, каким образом художественные метафоры времени, особенно вызывающие сложности при переводе на другой язык, оказываются обусловленными идиоэтнической спецификой репрезентации времени, что, в свою очередь, оказывается сопряженным с особенностями грамматической категоризации времени в соответствующем языке.

Важно подчеркнуть, что в экспериментальных исследованиях нами целенаправленно использовались трехмерные задания. Благодаря этому появилась возможность соотнести внутренние ментальные визуализации информантов с тремя осями координат, а именно – *вертикальной* и двумя горизонтальными: *перспективной*, направленной по центру от глаз наблюдателя к горизонту, и *фронтальной*, расположенной параллельно линии горизонта и идущей либо слева направо, либо справа налево. Результаты наших экспериментов в целом совпадают с выводами Л. Бородицки о том, что для европейских культур доминантно представление о горизонтальной направленности времени. (Ср. эксперимент, описанный в [Boroditsky 2008], когда носителям английского и китайского языков предлагалось выстроить временную последовательность, указывая на разные точки трехмерного пространства вокруг них. В результате для носителей английского языка была отмечена большая тенденция к горизонтальной организации временных представлений, а для носителей китайского языка – большая склонность к вертикальному упорядочиванию временных последовательностей. Л. Бородицки объясняла эти невербальные различия ролью такого культурного артефакта, как направление письма – горизонтальное слева-направо или вертикальное сверху-вниз [Бородицки 2015, 202-203]).

---

¹ В наших графических схемах (см. ниже) воспринимающий субъект обозначается значком

В данной статье мы сосредоточим внимание на особенностях пространственной организации временных представлений в том виде, как они предстают в системе датских пространственных предлогов, используемых для обозначения временных ориентиров. Материалом исследования послужили данные датских грамматик и словарей, а также данные онлайн-корпуса Dansk korpus 2007 <http://ordnet.dk/korpusdk>.

Первое, что бросается в глаза в отношении пространственной локализации временных представлений в датском языке, – это сама внутренняя форма слова *fortid* ‘прошлое’ (букв. ‘пред-время’). Если и для русского, и для английского языка *прошлое* – это то, что *прошло* (мимо наблюдателя), ср. англ. *past is past*, то в датском языке внутренняя форма слова *fortid* связана с наречием *for*, имеющим сложную пространственную этимологию, указывающую на фронтальное расположение объекта относительно воспринимающего субъекта: «**For** præp., adv., konj., urnord. *fura, got. *faúr*. *Til den ie. præp. *per* ‘ud over’, *hvoraþ gr. pará* ‘ved siden af, forbi, ud over’, *oldind. purá* ‘*för, tidligere, foran*’». (Etym. 127). Здесь, как видим, присутствуют разнообразные пространственные смыслы: и ‘*перед*’, и ‘*напротив*’, и ‘*сбоку*’, и ‘*мимо*’, и ‘*прежде, ранее*’. В словаре DDO само понятие *fortid* трактуется как «(ubestemt) tidsrum som ligger (længe) **forud for** den nuværende tid» «(неопределенный) промежуток времени, который расположен (далеко) *впереди* (относительно) нынешнего времени». Не *до* настоящего времени, что звучало бы как *før*, а именно *впереди*. Дериватами с приставкой *forud-* в современном датском языке являются такие слова, как *forudgående* – ‘предварительный’, *forudelse* – ‘предчувствие’, *forudse* – ‘предвидеть’. То есть можно отметить регулярную контаминацию смыслов, совмещающих расположение *neped* наблюдателем и предшествование во времени.

Пространственное значение *for* ‘перед’ близко к значению *foran*: *sætte skodder for vinduerne* ‘повесить ставни на окна’ (букв. поместить ставни *neped* окнами), *Jeg kunne ikke se fem skridt for mig*. ‘Я ничего не видел в пяти шагах *neped* собой’. *Han blev stillet for en dommer* ‘Он предстал *neped* судом’ (RDO 247). Для обозначения настоящего момента в датском языке также используется предлог *for*, концептуализирующий означаемое событие как расположенное непосредственно *neped* говорящим: *for tiden*, *for øjeblikket*, *for nærværende* (<adv. *nær* ‘рядом’ и part. I *værende* ‘бытующее’, ‘существующее’). Все подобные сочетания переводятся с датского предложениями иной семантики: на русский как ‘*в* настоящее время’, ‘*в* настоящий момент’, а на английский как ‘*at present*’, ‘*at the moment*’.

Актуальное прошлое, как и ближайшее будущее, также выражается в датском языке при помощи предлога *for*: *Jeg har mødt ham for nylig* ‘Я его *недавно* встречал’ (NDO 777), *Vi har dagen for os* ‘У нас *впереди* весь день’ (DRO 247), а о живо вспоминаемом событии прошлого (*om noget fortidigt*)

говорят: Jeg *ser* det *for mig* ‘Это стоит у меня *перед глазами*’, (DRO 798), букв. ‘Я вижу это *перед собой*’. В результате можно предположить, что для носителя датского языка актуальные события в большей степени, чем для носителей русского и английского языков, концептуализируются как расположенные *фронтально*, то есть *перед* наблюдателем.

Фронтальному представлению прошлых событий в датском языке, казалось бы, противоречит тот факт, что и в датском языке (в соответствии с универсальной телесной метафорой времени как движения наблюдателя в пространстве) будущие события регулярно метафоризируются как расположенные впереди, а прошлые – позади воспринимающего субъекта. Проверка по Датскому корпусу 2007 дает сотни примеров типа: *Men når jeg en dag får børn vil jeg også gerne kunne se tilbage på de ”gode gamle” dage*. ‘Когда однажды у меня появятся дети, я тоже с удовольствием буду оглядываться назад на «старые добрые дни»’ (Mie Christiansen. Er vi overladt til os selv i samfundet? 12.3.2001). *Ved årsskiftet kan borgerne i Fredensborg-Humlebæk se tilbage på et meget aktivt år, hvor flere store projekter er kommet på plads*. ‘К концу года жители Фреденсборг-Хумлебека смогут с удовлетворением оглянуться назад на очень активный год со множеством реализованных проектов’ (Lokal-avisen Fredensborg, 27.12.91). Однако следует обратить внимание, что везде речь идет о том, что человек «смотрит назад», не на прошлое (в его обозначении *fortid*), а «на старые добрые дни», «на прожитые *годы*» или «на *время*, когда происходили те или иные события», и т.п. Датское словосочетание, аналогичное сверхчастотному для английского языка выражению *to look back into the past* представлено в датском корпусе единичными примерами, причем контексты указывают на то, что, возможно, они калькированы с английского: *Edgar Cayce er en amerikaner, der stadig er meget berømt. Selv om folk f.eks. ikke var til stede, kunne han alligevel fortælle om deres sygdomme. Han kunne også både se tilbage i fortiden og ind i fremtiden*. ‘Американец Эдгар Кейси по-прежнему очень известен. Не видя человека, он мог рассказать о его болезнях. Он мог заглянуть как назад в прошлое, так и вперед в будущее’. (Kristian Kristiansen. Mysteriet om Atlantis 1991). ‘*Få fat på Donna Karan*”, *har tøjdesignere og modebevidste vælgere sikkert haft lyst til at skribe, da de så Laura Bush’ rejse tilbage i fortiden rent beklædningsmæssigt*. ‘”Позовите Донну Каран”, – хотелось воскликнуть модельерам и неравнодушным к моде избирательницам, когда они смотрели на Лауру Буш, одевавшуюся так, словно она попала назад в прошлое’. (Politiken 14.11.2001).

Чаще же, когда речь идет об обращении к прошлому именно как к *fortiden*, в датском корпусе отсутствует указание на обращение *назад*, то есть *tilbage*: *Endelig afslører Peter, at han besidder det specielle talent at kunne se ind i både sin fortid og sin fremtid*. ‘Наконец Петер признается, что имеет способность заглядывать как в свое прошлое, так и в будущее’. (Morti Vizki.

Peters revolution, 1987). *En healer har set ind i både hans fortid og fremtid, uden at skulle have penge for det.* ‘Целитель заглянул в его прошлое и будущее, не потребовав за это денег’ (Jens Branner. Aids. Portræt af et samfundsproblem, 1991). *Jeg er hverken nostalgisk eller sentimental, og jeg ser sjældent på fortiden. Så lad os se fremad.* ‘Я не сентиментален, не ностальгирую и редко смотрю на прошлое. Давайте смотреть вперед!’ (Kim Flyvbjerg. Cohen og kærligheden. ALT for damerne, 26-11-92). Субъект либо *заглядывает в* свое прошлое и в будущее: *ser ind i fortiden og fremtiden*, либо более отстраненно *смортит на* свое прошлое: *ser på fortiden*, как будто и прошлое, и будущее одновременно находятся в его поле зрения. В первом случае используется сложный предлог *ind i*, концептуализирующий временной интервал как контейнер, внутрь которого направлен взгляд перцептора, что создает эффект большей перцептивной вовлеченности наблюдателя в ситуацию. Во втором случае используется предлог *på*, концептуализирующий временной интервал как поверхность, на которую направлен взгляд перцептора, что создает эффект более отстраненного наблюдения.

Для обозначения событий, удаленных в прошлое, происходивших какое-то время тому назад, в датском языке используется предложное сочетание, не имеющее ничего общего с реверсивной направленностью упомянутого выше русского коррелята *«тому назад»*. Это двойной предлог *for... siden*: *for to uger siden* ‘две недели тому назад’, *for længe siden* ‘давно, много времени тому назад’ (DCG 392). *Jeg hørte fra hende for nogen tid siden.* ‘Некоторое время тому назад я получил от нее известие’ (Øckenholdt, 2001, 37).

Этимология предлога *siden* ‘с тех пор как’, ‘после того как’ напрямую возводится к темпоральным наречиям: glda. *sithan, sithæn*, oldnord. *siðan*, oldeng. *siþþan*, eng. *since*, got. *seiþus* = da. *sen*. А датское прилагательное *sen* ‘поздний’, в свою очередь, возводится к корням с пространственным значением: к *sid* ‘широкий, просторный, низко расположенный, болотистый’: oldnord. *siðr*; mnty. *sit, sīde* ‘низкий, широкий’, и к *side* ‘сторона’, ‘берег’: glda. *sithæ*, oldnord. *siða*, oldsax. *sīda*, oldthyr *sīta*, oldeng. *sīde*, eng. *side*. (Etym. 364). Пространственное значение, связанное со *смещением в сторону* от объекта, четко просматривается в предложном сочетании *ved siden af*, имеющем локативный смысл ‘рядом с’, ‘сбоку от’. Таким образом, если обратиться к внутренней форме слова, то в датской темпоральной фразеологии явно обнаруживается латеральное смещение представлений о прошлых событиях, как бы «в сторону» от перцептора.

Фразеологические данные подтверждают результаты серии перцептивных экспериментов, проведенных нами в 2006 г., в ходе которых была выявлена характерная для носителей датского языка ассиметричная перцептивная организация прошлых и будущих событий биографического времени. В результате была предложена пространственная схема, объединяю-

щая особенности внутренних представлений событий и структуру грамматических темпоральных категорий датского глагола [Никуличева 2008, 100]:

Когнитивные планы датской видо-временной системы

Схема 1

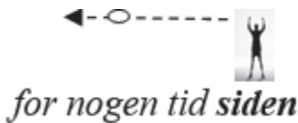
Внутренние визуализации событий, относящиеся к актуальному прошлому (*har gjort*), обычно располагались информантами *проспективно*, непосредственно по центральной оси зрения; события прогнозируемого будущего (*vil gøre*) также размещались *фронтально*, но с *нижним смещением* относительно центральной оси; события, относящиеся к неактуальному прошлому (*gjorde*), также располагаясь в поле зрения испытуемого, характеризовались тем более явным *смещением в левую сторону*, чем более отдаленным событие было по времени.

Внутренняя форма фразеологизма *for* [*nogen tid*] *siden* полностью соответствует этим представлениям. Временной интервал, выражаемый конкретным показателем времени, напр., *for* [*tre år*] / [*to måneder*] / [*en uge*] *siden*, четко задает смещение *в сторону (siden)* по оси времени относительно *фронтального положения (for)* перед перцептором-говорящим и тем самым ту временную точку, в которой располагается событие. Каждая из таких точек локализует предикат, обычно выражаемый формой имперфекта как показателя неактуального прошлого, отделенного от перцептора-говорящего указанным временным интервалом: *Mitsubishi vågnede for et par år siden op efter en lang Tornerosesøvn*. ‘Компания Мицубиси проснулась пару лет назад после долгого сна, подобного сну спящей красавицы’. (Jørli Petersen, Det Fri

Aktuelt, 14-11-92). *Lise Andreassen kom til Australien for 4 1/2 år siden. Hun var landbrugs-udvekslingsstudent i Port Campbell.* ‘Лице Андерсен приехала в Австралию четыре с половиной года назад. По студенческому обмену она изучала сельское хозяйство в Порт Кемпбеле’ (Karen Glahn. Dansk pige på kamelryg i Australien. Jyllandsposten, 23-2-89).

Если сравнить конструкцию **for** [*nogen tid*] **siden** с употреблением временного предлога **siden** (*siden da / dengang / din fødselsdag / i går / i lørdags*), то обращает на себя внимание то, что предикат при конструкциях с предлогом *siden* получает иное грамматическое оформление и регулярно выражается формой перфекта: *Der er sket meget siden da/ dengang* ‘Многое произошло с тех пор’. *Lige siden din fødselsdag har jeg ventet på svar* ‘Я ожидаю ответа со времени твоего дня рождения’. *Vi var sammen i går, siden har jeg ikke set ham* ‘Мы были вместе вчера, с тех пор я его не видела’. (DSB 382). Перцептивное объяснение этому состоит в том, что предложные конструкции типа *siden da* задают направленность *om* определенного момента в прошлом к настоящему моменту перцептора-говорящего, включают его и тем самым создают актуализированное временное пространство, что и подтверждается использованием перфектных форм.

В плане пространственного дейксиса предлог **siden** в любом случае имплицитно представляет о *смещении в сторону* от воспринимающего субъекта. В случае с **for nogen tid siden** – это смещение от субъекта в точку в прошлом, отстоящую на указанный временной интервал, что закономерно выражается формами имперфекта: *jeg så ham for nogen tid siden* ‘Я виделся с ним довольно давно’:

а в случае **siden da** – это смещение от указанной точки в прошлом (*da*) в сторону субъекта, включая точку его настоящего, что закономерно выражается формами перфекта: *jeg har ikke set ham siden da* ‘Я не виделся с ним с тех пор’:

Антропоцентрическая ориентация обозначений времени наглядно проявляется в датском языке в предложном противопоставлении одних и

тех же временных интервалов, по-разному ориентированных относительно настоящего времени говорящего. Для сравнения отметим, что в русском языке, в отличие от датского, отнесенность события к тем или иным временным интервалам выражается одинаково. Это значит, что прошлые и будущие события организуются *симметрично*: так, по-русски мы говорим: *в прошлую* или *в следующую субботу*, *на прошлой* или *на следующей неделе*, *прошлым* или *будущим летом*, *в прошлом* или *в следующем году*. По-датски же все эти обозначения организованы *асимметрично*. То есть для обозначения локализации временного интервала либо в прошлом, либо в будущем относительно момента речи регулярно используются сочетания с разными предлогами. Так, вопрос *Skal du på landet til sommer?* – относит намерение к ближайшему будущему лету (*først kommende sommer*) ‘Ты поедешь летом загород?’, а утверждение *Jeg var i London i sommer* – к прошедшему или к уже начавшемуся лету этого года (*dette års sommer*) ‘Я был летом в Лондоне’ (NDO 1012). Аналогично распределяются предлоги, противопоставляющие прошлые и будущие дни недели: *Vi ses igen på tirsdag* ‘Увидимся во вторник’ и *Hvor var du henne i tirsdays?* ‘Где ты был во вторник?’, а также прошлый и будущий годы: *Det var en dårlig sommer i år. Jeg håber det bliver bedre til næste år* ‘В прошлом году лето было плохое. Надеюсь, в следующем году лето будет лучше’ (Øckenholdt 1999, 37-38).

Асимметричность обозначений одних и тех же временных отрезков, кажущаяся, на первый взгляд, нелогичной, становится понятной, если обратиться к упомянутому выше психолингвистическому эксперименту по выявлению невербальных представлений датчан о временной локализации событий, в ходе которого также была выявлена асимметричность ментальной локализации прошлых и будущих событий биографического времени (См. Схему 1). За тем и другим проявлением асимметричности стоят перцептивные различия телесного опыта человека. Для воспринимающего субъекта его прошлое – как актуальное, так и далекое, – а также его настоящее являются категориями «пережитой реальности». Они подкреплены телесным опытом. В них можно перенестись воспоминаниями, будто оказавшись *внутри* того прожитого момента. Именно поэтому совершенно логично использование относительно временных интервалов пережитой реальности предлога *i*, концептуализирующего этот интервал как контейнер, в котором находился или находится перцептор: *i tirsdays, i sommer, i år*.

Что же касается событий будущего, то их еще нет в перцептивном опыте человека. Они лишь конструируются как некая «прогнозируемая реальность» или же как еще не достигнутый временной ориентир, к которому «движутся» события. Поэтому вполне понятным становится использование для обозначения временного интервала в будущем предлога *til*, этимологически восходящего к Асс. Sg. древнегерм. сущ. *tila- ‘цель’, ср. нем. *Ziel*

’цель’ (Etym., 452): *Vi får frost til natten* ‘Ночью будет мороз’ (NDO759); *Til foråret fylder han 40* ‘Весной ему исполнится 40 лет’; *Hun er færdig med sine studier til næste år* ‘Он заканчивает учебу в следующем году’ (Øckenholdt 2001, 37).

С обозначениями дней недели как ориентиров в будущем используется предлог *på* в отличие от дней недели как ориентиров в прошлом, где используется предлог *i*. Ср. будущее событие: *han kommer på mandag / tirsdag / onsdag / torsdag / fredag / lørdag / søndag* и прошлое событие: *han kom i mandags / tirsdags / onsdags / torsdags / fredags / lørdags / søndags*.

Использование предлога *på* в отношении будущих событий также может быть объяснено перцептивными основаниями. Первичное пространственное значение предлога *på* связано с расположением на поверхности: *ligge på bordet / på gulvet* ‘лежать на столе / на полу’ или же направленностью в сторону поверхности: *se på kortet / på billedet* ‘смотреть на карту / на картину’. События будущего не вспоминаются сенсорно, они конструируются визуально. Субъект перцептивно отдален от них и смотрит на прогнозируемые события, как на воображаемые картины.

Таким образом, временные смыслы, выражаемые предлогом *på*, перцептивно более отстранены (диссоциированы) от воспринимающего субъекта. Именно поэтому, когда о времени говорят *i celom*, как бы глядя на него со стороны, то в датском языке используется предлог *på*: *på den tid* ‘в это время’, *på samme tid* ‘в то же самое время’, *på alle tider af døgnet* ‘в любое время суток’. Предлог *på* также регулярно используется в отношении времени, которое планируют, организуют, измеряют по протяженности его отрезков: *Kan vi ikke ses sidst på måneden?* ‘Мы не могли бы встретиться в конце месяца?’. *Professoren begynder altid sine forelæsninger på minuttet*. ‘Профессор начинает все свои лекции минута в минуту’. *Han kommer altid på klokkeslæt* ‘Он всегда приходит ровно в назначенное время’. *Vi kørte 600 kilometer på knap fem timer* ‘Мы проехали 600 километров почти за пять часов’. *Ambulancen kom på under ti minutter* ‘Скорая приехала быстрее, чем за десять минут’ (Øckenholdt 1999, 38).

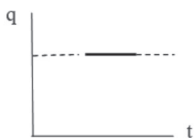
То есть предлог *på*, перцептивно отстраняющий наблюдателя от наблюдаемого объекта, закономерно используется тогда, когда время предстает как внешний по отношению к перцептору протяженный объект, некая объективно заданная линия, на которой отмечаются те или иные временные ориентиры.

Перцептивная противопоставленность представлений времени посредством предлогов четко прослеживается при сравнении датских предложных конструкций типа *år efter år / uge efter uge / dag efter dag*, с одной стороны, и *år for år / uge for uge / dag for dag*, с другой. На первый взгляд, они синонимичны. В обоих случаях речь идет о последовательности оди-

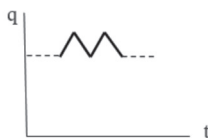
наковых временных интервалов. Однако процессы, представляемые этими конструкциями, концептуализируются по-разному. В первом случае речь идет о ровно протекающих процессах, во втором – об изменениях либо в сторону увеличения, либо уменьшения интенсивности. Рассмотрим это на типичных примерах употребления из датского корпуса.

Dag efter dag (138 случаев): *Troligt sad hun i skolehuset og indprentede sig den viden hun ønskede, dag efter dag vinteren igennem.* ‘Она постоянно сидела в школе и вдалбливала в голову те знания, которые были ей необходимы, день за днем, всю зиму напролет’. (Cecil Bødker. Silas. De blå heste 1985). *Og han arbejdede ufortrødent videre dag efter dag, selv om vinden tog til, og mørke skyer samlede sig over Borgnæsbugten.* ‘И он неутомимо день за днем продолжал работать, хотя ветер усиливался и темные тучи собрались над Боргнесской бухтой’. (Jette Kjørboe. Albertines fortællinger 1992). *Engang troede jeg, at de grimme, solbrændte, afpillede cykelryttere stort set aldrig sov. Nu ved jeg bedre. De sover og vågner og spiser og bestiger bjerge og styrter og sejrer dag efter dag, sommer efter sommer.* ‘Когда-то я думал, что страшные, почерневшие от солнца, отощавшие велогонщики никогда толком не спят. Теперь я знаю. Они спят и просыпаются, и едят, и мчатся по горам, и падают, и побеждают, день за днем, лето за летом’. (Dagbladet Aktuelt 1997).

Для визуального представления этих процессов может быть использована предложенная У. Крофтом [Croft 2012] и развитая Л. Яндой [Янда 2015] геометрическая модель аспектуальных контуров с двумя параметрами: t – время (по горизонтальной оси) и q – качественное состояние (по вертикальной оси, где расстояние показывает разницу между состояниями). Тогда первые два примера будут иллюстрироваться, согласно типологии Л. Янды, как статив, а третий – как циклическая деятельность:

статив [Янда 2015, 271]

циклическая деятельность [Янда 2015, 219]

Dag for dag (237 случаев): *Antallet af overførte trailere og lastbiler stiger dag for dag og er nu oppe på 1100 i døgn.* ‘Количество трейлерных и грузовых перевозок растет изо дня в день, и сейчас их число составляет 1100 в сутки’. (Jyllands-Posten. 5-2-2000). *Det mørkner i mig. Mere og mere. Dag for dag. Det er mit livs lys, der er ved at slukne.* ‘Во мне меркнет свет. Все больше. День ото дня. Это свет моей жизни, который вот-вот угаснет’. (Anne Refslund Poulsen. Tilfældigvis levende, 1988). **Dag for dag** *svinger hun*

mellem jublende optimisme og den sorteste depression, afhængig af den politiske situation i Mellemøsten. 'День за днем она впадает то в состояние ликующего оптимизма, то в чернейшую депрессию, в зависимости от политической ситуации на Ближнем Востоке'. (Carsten A. Andersen- В.Т. 22-9-91).

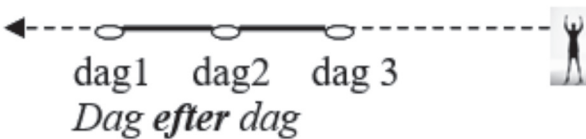
Согласно типологии Л. Янды, первые два примера будут иллюстрироваться как направленная деятельность [Янда 2015, 219], но третий – снова как циклическая деятельность (см. предыдущую схему).

направленная деятельность [Янда 2015, 219]

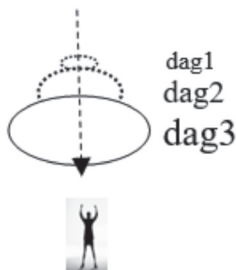
Таким образом, эти геометрические модели не могут объяснить, почему при описании одних процессов в датском языке временные ориентиры вводятся предлогом *efter*, а при описании других – предлогом *for*. Это, однако, может быть объяснено, если применить предлагаемую нами антропоцентрическую перцептивную модель. При сравнении семантики предлогов *efter* и *for* обнаружится явное различие в пространственной ориентации вводимых этими предлогами временных ориентиров относительно воспринимающего субъекта.

Представляя смену временных интервалов так, что каждый последующий идет *za* предыдущим (*dag efter dag*), говорящий фокусируется на всем временном отрезке, на протяжении которого процесс остается стабильным:

Когда же временные ориентиры представляются говорящим таким образом, что каждый последующий день возникает *перед* предыдущим (*dag for dag*), то единственным перцептивным объяснением может быть то, что события визуализируются *проспективно*, то есть прямо перед перцептором, по центральной оси его зрения:

Dag for dag

Как показал наш эксперимент, так обычно располагаются события актуального прошлого (см. Схему 1). Изменения, происходящие в каждый последующий день, как бы *заслоняют* собой то, что происходило в день, ему предшествующий. Поэтому, когда каждый последующий день отличается от предыдущего, он не встраивается в линию ему подобных, а располагается *перед* глазами говорящего – *for ens øjne*. Именно поэтому, когда, при всем их разнообразии, события *повторяются* изо дня в день, используется предлог *efter*: *De sover og vågner og spiser og bestiger bjerge og styrter og sejrer dag efter dag*, а когда день ото дня происходят *изменения* – то предлог *for*: *Dag for dag svinger hun mellem jublende optimisme og den sorteste depression*.

Таким образом, исследование показало, что использование антропоцентрической перцептивной модели, описывающей ориентацию темпоральных представлений относительно воспринимающего субъекта, позволяет объяснить множество лингвоспецифических явлений, в частности, особенности предложного обозначения временных ориентиров. Особенно важным представляется вывод о взаимосвязанности и взаимообусловленности таких трех факторов, как: 1) лингвоспецифические особенности предложной номинации темпоральных смыслов, 2) структурно-пространственная модель, организующая парадигму грамматических форм времени в данном языке, и 3) культурно-специфические особенности ментальной репрезентации событий биографического времени носителями данной лингвокультуры. Выявление указанной взаимообусловленности продвигает нас в разработке такой перспективной области лингвистических исследований, как психология грамматики.

Литература

- Бородицки Л. Как языки конструируют время // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 199-212.
- Никуличева Д.Б. Перцептивное и грамматическое в разных языковых культурах // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селиверстовой). М., 2004. С. 172-184.

Никуличева Д.Б. Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени (на материале сопоставления русского и английского языков) // Вопросы психолингвистики. 2007. №6. С. 91-105.

Никуличева Д.Б. О перцептивных основах категоризации видо-временных значений в английском и датском языках // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. Сборник статей к юбилею О.А. Смирницкой. М., 2008. С. 76-103.

Никуличева Д.Б. Метафора времени в художественном тексте как отражение грамматической категоризации времени в языке // Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.-Калуга, 2009. С. 54-63.

Никуличева Д.Б. Грамматическая футуральность в датском языке. Особенности визуализации, метафоризации и место в структуре глагольных категорий. // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011. С. 231-244.

Никуличева Д.Б. Проблемы передачи лингвоспецифических особенностей представления времени на материале анализа романа Питера Хега «De måske egnede» и его русского перевода // Актуальные проблемы художественного перевода. Вестник МГЛУ, серия «Языкознание». 2013. Выпуск 9 (669). С. 181-191.

Никуличева Д.Б. Игра со временем: сценарии, задаваемые грамматикой, их литературное воплощение и сложности перевода (на материале романа О. Ниффенегер «The Time Traveler's Wife») // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию А.Д. Швейцера. М., 2015. С. 325-356.

Янда Л.А. Аспектуальные типы русского глагола: пересматривая типологию Крофта // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 213-237.

Croft W. Verbs. Aspect and Causal Structure. Oxford, 2012.

Øckenholdt M. Dansk er lidt svært. Øvelser i dansk 2. København, 1999.

Øckenholdt M. Dansk er svært. Øvelser i dansk 3. København, 2001.

Словари и другие источники

Dansk korpus 2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ordnet.dk/korpusdk>
DDO – Den Danske Ordbog. Moderne Dansk Sprog. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ordnet.dk/ddo>

DRO – Dansk Russisk Ordbog. Red. Jørgen Harrit, Elena Krasnova. København, 2005.

DSB – Dansk Sprogbrug. En stil og konstruktionsordbog. Red. Erik Bruun. København, 1995.

Etym. – Dansk Etymologisk Ordbog. Ordens Historie. Red. Niels Åge Nielsen. København, 4.udg., 1989.

NDO – Politikens Nudansk Ordbog. Bd 1-2. København, 15 udg.,1996.

II

Когнитивные основы метафорической, грамматической и лексической категоризации

Е.Г. Беляевская

Московский государственный лингвистический университет,
Москва

Концептуальные основания лексических и грамматических категорий: сходства и различия

The paper proceeds from the assumption that language categories are based on cognitive models, and sets out to show that both lexical and grammatical categories are formed by underlying conceptual structures which evolve as a combination of conceptual oppositions, conceptual metaphors and metonymies, and frames brought together in the process of categorization. The construal of lexical and lexico-semantic categories starts with conceptual oppositions embedded in word semantics and proceeds to conceptual metaphors and frames, while grammatical categories originate in event structure frames which, through focusing on different constituent elements of the frame can bring out conceptual oppositions relevant for the grammatical system of the language and give rise to conceptual metaphoric and metonymic representations.

Проблема категоризации, наряду с проблемой концептуализации, – одна из основных проблем когнитивной лингвистики, причем таких проблем, которые обусловили само появление этого научного направления [Croft, Cruse 2007, 3]. Категоризация в когнитивной лингвистике определяется как систематизация знания о мире, которое приобретается в ходе познания и закрепляется в языковой форме посредством распределения информации по классам, то есть по категориям [Lakoff 1990, 5-11].

Вопрос о принципах выделения языковых категорий известен в теоретическом языкознании с момента его возникновения, однако в когнитивной лингвистике категоризация соотносится не столько с самими классами-категориями и критериями их выделения, сколько с когнитивными процессами формирования категорий и структурами памяти, из которых извлекается информация в процессе речевой деятельности. Показательно в этом плане высказывание Дж. Лакоффа о том, что основная задача когнитивной лингвистики – это изучение того, как человек осуществляет категоризацию (the study of the way people categorize [Lakoff 1990, xvii]), причем из этого заявления становится ясно, в чем когнитивная лингвистика видит разницу между категоризацией и классификацией. Поэтому типология категорий в

когнитивной лингвистике проводится на основе принципов их формирования. Так, Дж. Лакофф, в частности, выделяет категории базового уровня (basic-level), радиальные (radial), градуальные (graded), размытые (fuzzy), иерархические (hierarchal), прототипические (prototype-based) и другие категории [Lakoff 1990].

Как известно, понятие *категории* является ключевым не только для когнитивной лингвистики, но и для других парадигм лингвистического знания. Выделяемые в отечественной лингвистической традиции разновидности категорий, которые можно обозначить как *классические*, представляют собой группы языковых элементов, характеризующиеся общностью некоторого признака (например, категория одушевленности / неодушевленности). Таким образом, основанием формирования, точнее описания классических категорий, является признак, задающий категорию. Разнообразие классифицирующих признаков обеспечивает разнообразие выделяемых категорий, которые, в свою очередь, могут образовывать иерархические системы (например, существительные образуют категорию, в рамках которой далее можно говорить о категориях падежа, рода, одушевленности и т.д.). Систематизации по категориям подлежат самые разные языковые сущности, и соответственно выделяются категории грамматические, лексические, лексико-грамматические, лексико-семантические, морфологические, синтаксические, текстовые и прочие, что связано с характером того признака (в широком смысле), который выступает в роли категориального.

При всем кажущемся различии двух описанных выше подходов к выделению языковых категорий следует отметить, что по сути они имеют много сходства. Действительно, и в том, и в другом случае выделяются классы или группы языковых элементов (языковых сущностей) определенного рода, причем результирующие категории во многом оказываются сходными. Имеется сходство и в поиске оснований категоризации: в классической лингвистике функцию категориального основания выполняет некоторый семантический, формальный или функциональный признак, а в когнитивной лингвистике роль категориального основания выполняет некий ментальный критерий, который позволяет человеку отнести какой-либо новый элемент к наиболее подходящему классу, что тоже можно трактовать как «признак». Неслучайно поэтому значительное количество исследователей, работающих в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, заняты поиском когнитивных оснований хорошо известных «классических» категорий, лексических, морфологических, синтаксических [Категоризация мира в языке 2012].

В когнитивной лингвистике выделение категорий связывается с определением концептуальных оснований категорий – традиция, идущая от работ Дж. Лакоффа, который высказал мысль о том, что в качестве категориального принципа любой языковой категории выступают *идеализированные*

когнитивные модели (Idealized cognitive models – ICM) [Lakoff 1990]. К сожалению, признание существования концептуальных оснований языковых категорий не дает никакой информации о тех формах, которые эти концептуальные основания могут принимать. В качестве категориального основания Дж. Лакофф рассматривает самые разные когнитивные явления, в том числе прототипические эффекты, идею «фамильного сходства» Л. Витгенштейна, фреймвые структуры и использование закономерностей организации «пушистых» (или неопределенных) множеств (fuzzy sets) и др. [Lakoff 1990, 12-57], не давая идеализированным когнитивным моделям четкого определения. Анализируя языковой материал, Дж. Лакофф рассматривает три категории – различные способы репрезентации гнева (ANGER) в английском языке, многозначное предложно-наречное слово OVER и синтаксические конструкции с THERE. При этом в каждой категории выделяется своя идеализированная когнитивная модель, не применимая к другим рассмотренным случаям. Категория обозначений эмоции ANGER описывается как имеющая концептуально-метафорическое основание. Автор выделяет целый ряд метафорических концептов, которые продуцируют значения слов, переменные и устойчивые словосочетания, а также идиомы, репрезентирующие ANGER в английском языке. Предложно-наречное слово OVER формирует, по мнению Дж. Лакоффа, самостоятельную семантическую категорию, состоящую из многочисленных значений этого слова, и основанием данной категории являются образ-схематические представления, описывающие каждое отдельное значение или группу сходных значений. И, наконец, синтаксические конструкции, имеющие в своей структуре THERE, также обладают развитой полисемией, но эта многозначная синтаксическая категория имеет концептуальное основание, то есть идеализированную когнитивную модель (ИКМ) уже иного по сравнению с категорией OVER рода. Здесь в качестве концептуального основания рассматривается experiential gestalt, то есть схематизированное представление о некоторой эмпирически наблюдаемой картинке, выполняющее функцию указания на некоторую локализацию.

Отметим, что в ходе предпринятого Дж. Лакоффом рассмотрения языкового материала концептуальное основание выделялось отдельно для каждого конкретного элемента категории, а общее основание категории определялось как совокупность этих частных идеализированных когнитивных моделей. При таком подходе возникает ряд логических следствий, которые трудно принять. Во-первых, из данной концепции напрашивается вывод о том, что разные категории основываются на идеализированных когнитивных моделях, принципиально отличающихся от концептуальных оснований всех остальных категорий. Это, в свою очередь, заставляет высказать предположение о том, что каждая категория формируется индивидуально на основании индивидуальных (а не «типовых») ментальных про-

цессов. Во-вторых, остается неясным, почему у элементов одной и той же категории должны быть разные ИКМ.

Эти положения вызывают сомнение прежде всего потому, что когнитивная лингвистика ставит своей целью моделирование языковой и коммуникативной способности человека и, соответственно, в этой лингвистической парадигме языковые категории соотносятся со структурами памяти. Хорошо известен тот факт, что носители языка благодаря трудно определяемому явлению «чувства языка» достаточно легко относят тот или иной элемент к некоторой категории, хотя и не могут объяснить, какими основаниями категоризации они при этом пользуются. Трудности распределения языковых элементов по категориям возникают, в основном, когда лингвисты пытаются эти интуитивные критерии выявить и конкретизировать, то есть при поиске непротиворечивых критериев языковой категоризации в лингвистической теории.

Легкость интуитивной категоризации, например, при выборе артикля или при определении грамматического рода, позволяет предположить, что концептуальные основания языковых категорий должны быть относительно простыми и построенными по единому принципу, причем так, чтобы обеспечивать возможность конструирования разных и многочисленных категорий. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что **в основе языковых категорий лежат концептуальные структуры, представляющие собой «сборные конструкции», построенные из однотипных концептуальных составляющих**. Данное утверждение, как мы постараемся показать, в равной степени применимо и к лексическим, и к лексико-семантическим, и к грамматическим категориям.

Нельзя сказать, что предлагаемый нами подход является общепринятым; далеко не все лингвисты признают саму идею концептуальных структур, лежащих в основе формирования и функционирования языковых категорий. Более привлекательной в современной лингвистике представляется идея поиска категориальных *прототипов*, позволяющих объяснить принадлежность (или отнесенность) языковых сущностей к тому или иному множеству. Тем не менее, мы постараемся показать, что в настоящее время имеется достаточно информации, чтобы полагать, что в основе самых разных категорий лежат сходные по своей структуре концептуальные конструкции.

И.В. Зыкова показала, что содержащая более 2,5 тысяч единиц фразеосемантическая категория указаний на речевую деятельность человека продуцируется 11 макрометафорическими концептуальными моделями (МКМ) [Зыкова 2014], то есть сложными концептуальными структурами, сформированными на базе концептуально-метафорических переносов. МКМ допускают дальнейшее разложение на более простые концептуальные составляющие, включая метафорические концепты, метонимические

концепты и концептуальные оппозиции типа *свет – тьма, плоскость – объем, движение – покой, хороший – плохой* и т.д. Рассматривая лексико-семантическую категорию времени, включающую лексические и фразеологические обозначения времени в английском языке, А.Д. Гулимова установила, что в ее основе лежат концептуальные оппозиции *свет – тьма, покой – движение*, представления о пространстве и природных стихиях. Взаимодействуя друг с другом, эти относительно простые концептуальные составляющие дают начало более чем десяти концептуальным метафорам, причем список этих метафорических концептов постоянно пополняется на протяжении развития английской языковой системы [Гулимова 2016]. Таким образом, можно говорить о существовании некоторых **концептуальных примитивов, которые, по-разному комбинируясь, составляют концептуальные основания, по крайней мере, лексико-семантических категорий** [Беляевская 2011].

Лексические категории в качестве своего концептуального основания могут иметь и фреймовые структуры – ментальные образы типовых ситуаций и естественных классификаций. Таким способом систематизируется знание, например, о разных траекториях движения, о разных формах предметов (предметов острых, круглых, плоских и т.д.), о расстоянии, о предметах мебели или одежды и многом другом, давая толчок формированию языковых категорий. Исследователи обращаются к фреймовым структурам как основаниям лексической категоризации, в основном анализируя предметные категории [Бондарчук 2011; Гольдберг 2012], однако это не означает, что категоризация абстрактных понятий может обходиться без обращения к фреймам. Так, участие представлений о стихиях, лежащее в основе лексико-семантической категории времени в английском языке, может принимать форму некоторой концептуальной оппозиции, отраженной в этимологии обозначений времени, или форму концептуальной метафоры (например, ВРЕМЯ – ВОЗДУШНАЯ СТИХИЯ: *time flies / expires / fades, fleeting time, turbulent time*, etc). Однако само понятие природной стихии (огня, воды, земли, воздуха) соотносится с некоторой структурой знания, соотносимой с фреймом. Взаимодействие концептуальных оппозиций, концептуальных метафор и фреймов при конструировании лексических категорий обусловлено, на наш взгляд, тем, что все указанные когнитивные структуры тесно связаны между собой и составляют единый когнитивный комплекс. По крайней мере, в настоящее время установленным является тот факт, что представление о фреймах всегда возникает в когнитивных исследованиях, вне зависимости от того, какая конкретная техника (концептуальная метафора, концептуальный анализ, концептуальная интеграция) применяется при изучении языкового материала [Croft, Cruse 2007].

При переходе к изучению концептуальных оснований грамматических категорий обнаруживается, что такие категории удобнее описывать посредством обращения к фреймам. Особенно это относится к грамматическим категориям глагола [Durst-Andersen 2011]. Действительно, грамматические категории обеспечивают функционирование языковых сущностей в процессе коммуникации, или, что то же самое, выделяются на основе анализа функционирования языковых сущностей в дискурсе. Моделирование процесса коммуникации предполагает формирование модели говорящего (автора сообщения), модели адресата (слушающего) и анализ сообщения с целью систематизации передаваемой в ходе коммуникации информации и определения тех прагматических целей, которые преследует адресант. При этом в любой точке моделирования могут быть использованы представления о фреймах. Сама по себе ситуация коммуникации соотносится с отдельным фреймом, который составляет ее концептуальное основание. Но и информационное содержание сообщения также может быть представлено, учитывая многомерность передаваемой информации, в виде сложной структуры, состоящей из разного количества фреймов. С другой стороны, коммуникативное сообщение конструируется из языковых единиц разной степени сложности, которые, в свою очередь, являются элементами лексических, лексико-семантических и лексико-фразеологических категорий. Таким образом, в дискурсе должны взаимодействовать концептуальные основания лексических категорий (производных от внутренней структуры системы языка) и концептуальные основания грамматических категорий (производных от внутренней структуры процесса коммуникации).

На первый взгляд, может показаться, что единственной точкой соприкосновения в конструировании концептуальных оснований лексических и грамматических категорий является использование фреймов. Однако необходимо помнить, что ситуация коммуникации метафорически описывается посредством CONDUIT METAPHOR, которая репрезентирует этот процесс как обмен объектами-контейнерами, наполненными информацией и направляемые (посылаемые) от говорящего к слушающему. Многие ситуации, составляющие предмет сообщения, также зачастую допускают концептуально-метафорическую репрезентацию. Кроме того, грамматические значения, такие как процессуальность, длительность, акциональность и др., основываются на соответствующих концептуальных оппозициях, и это приводит нас к выводу о том, что в принципе строевые элементы у концептуальных оснований лексических и грамматических категорий одни и те же.

На основании полученных в отечественной лингвистической традиции данных можно утверждать, что речевое высказывание имеет не линейную, а многомерную структуру, которая может также описываться как ие-

рархически организованная, если учитывать не только грамматические, но и лексические значения, ее формирующие. Здесь следует учитывать данные В.Н. Ярцевой, которая показала, что становление словообразовательной системы в английском языке тесно связано с динамикой частей речи, как известно, выделяемых на основе комплекса морфологических, синтаксических и семантических критериев [Ярцева 1960]. Это означает, что тесная взаимосвязь синтаксической, морфологической и семантической категоризации, существующая как в диахронии, так и в синхронии, может обеспечиваться только принципиальным единством концептуальных оснований языковых категорий разного рода.

Но есть ли какие-либо существенные различия в концептуальных структурах, лежащих в основе лексических и грамматических категорий и определяющих их специфику?

При сходстве общих конструктивных особенностей концептуальные основания грамматических категорий отличаются тем, что центральную роль в них играют событийные фреймы, что, в частности, отмечает П. Дурст-Андерсен [Durst-Andersen 2011, 68-74].

Именно структура события фиксирует, например, параметр времени – начало события, его развитие (длительность, прерывность / непрерывность) и его окончание (то есть основные грамматические категории глагола), а также локализует во времени и пространстве все составляющие (конструктивные элементы) события, включая участников события и вовлеченные в событие предметные сущности (конкретные и абстрактные). Формирование временных параметров высказывания является прямым аналогом концептуально-метафорической модели физического времени как соединения множества осей времени в единый коллективный параметр, характеризующий события и объекты, существующие в едином пространстве. Действительно, речевое высказывание сообщает информацию о некотором событии (временная ось-1), которое не может существовать вне связи с другими событиями, происходящими в данном пространстве (временные оси 2-N), причем множество временных осей, соотнесенных с данным пространством, образуют многомерную структуру, конфигурация которой определяется *наблюдателем* (то есть автором высказывания).

В реальной ситуации роль наблюдателя сводится исключительно к фиксации наблюдаемой картины. В языке, напротив, говорящий выступает не просто в роли наблюдателя, но играет роль активного интерпретатора, который может сфокусировать свое внимание на разных аспектах наблюдаемой картины-фрейма, не меняя при этом своей позиции как наблюдателя. Изменение фокусировки фрейма события интерпретатором модифицирует общую конфигурацию всей системы, что и обуславливает несовпадение времени физического и времени грамматического, а также различия объ-

ектов реальных и объектов, описываемых с помощью языковых средств в процессе коммуникации.

Таким образом, грамматические категории формируются принципиально иным способом, чем лексические категории. **Грамматические параметры высказывания возникают в дискурсе как результат фокусировки фрейма описываемого высказыванием события.** Именно фокусировка этого событийного фрейма устанавливает последовательность событий (их одновременность или предшествование), отнесенность событий к настоящему, прошедшему или будущему, длительность события, его реальность / нереальность и т.д. Способность событийного фрейма к фокусировке создает возможность фиксации некоторого набора концептуальных оппозиций, которые становятся концептуальным основанием той или иной грамматической категории. В свою очередь, акцентирование коммуникативно-значимого аспекта событийного фрейма вовлекает в действие концептуально-метафорическую репрезентацию: *the moon rides the sky like a tarnished silver dollar* (Stephen King) '(каждую ночь) луна катится по небу как испачканный серебряный доллар'.

Сходство конструктивных элементов, формирующих концептуальные основания лексических и грамматических категорий, свидетельствует о когнитивном единстве процессов номинации и процессов текстообразования, в то время как различия в организации этих концептуальных оснований позволяют сделать вывод о разной активности одних и тех же концептуальных составляющих при формировании лексических и грамматических категорий.

Литература

- Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая концептуализация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии. Сб. научных трудов к 100-летию проф. И.И. Чернышевой / отв. ред. Г.М. Фадеева = Aktuelle Probleme der modernen Lexikologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I.I. Černyšova zum 100. Geburtstag. M., 2011. С. 13–30.
- Бондарчук Г.Г. Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
- Гольдберг В.Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира // Категоризация мира в языке: Когнитивные исследования языка: Вып. X. Тамбов, 2012. С. 151-173.
- Гулимова А.Д. Концептуальные основания лексико-семантической категории времени в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.

Категоризация мира в языке: Когнитивные исследования языка: Вып. X. Тамбов, 2012.

Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М.-Л., 1960.

Croft W., Cruse D. Alan. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2007.

Durst-Andersen Per. Linguistic supertypes: a cognitive-semiotic theory of human communication. Berlin / New York, 2011.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago and London, 1990.

**Специфика реализации грамматического потенциала
фразеологии в свете понятия фразеологической креативности:
от лексических категорий к грамматическим¹**

The paper discusses the issues of how English phraseologisms acquire specific grammatical characteristics and of what makes them relevant items and effective means of the grammatical system of the English language. In studying these issues, we rest on the notion of phraseological creativity elaborated in our research. The phraseological creativity is understood as a capacity of complex conceptual structures – macro-metaphorical conceptual models to create various phraseological images. The paper aims to show that the creation of phraseological images implies simultaneously their “inclusion” in the grammatical structure of the English language. The latter manifests itself in the fact that English phraseologisms that are produced by particular macro-metaphorical conceptual models refer to different part-of-speech classes and, owing to this, possess corresponding grammatical properties, which provide their functioning in discourse. All in all, the paper sheds more light on the general ways in terms of which lexical and grammatical categories correlate and interact in the process of idiom-formation.

Изучение проблемы формирования фразеологии как особого уровня языковой системы, обладающего определенными внутривидовыми особенностями и системными свойствами, началось приблизительно в первой трети XX-го столетия и не теряет своей актуальности и в настоящее время. Традиционно данная проблема исследовалась и исследуется в рамках диахронического подхода к изучению языковых знаков. В отечественной англистике в разработку рассматриваемой проблемы в историческом ракурсе вносят вклад научные труды В.Н. Ярцевой. Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что «изучение преобразования словосочетаний различного рода в течение истории английского языка» обладает особой значимостью, поскольку позволяет «выяснить многие сложные вопросы как в области грамматики, так и в области фразеологии английского языка» [Ярцева 1961, 10]. С учетом рассмотрения в настоящей статье фразеологии в особом – грамматическом – ракурсе целесообразным нам представляется выделить в работах В.Н. Ярцевой некоторые из наиболее существенных и интересных для нашего исследования моментов и кратко осветить их.

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Значительный интерес представляет, прежде всего, разработанная В.Н. Ярцевой теория словосочетания, базирующаяся на анализе древнего и среднего периодов в истории становления английского языка. Полученные в ходе этого анализа факты отражают специфику эволюции синтаксического строя английской языковой системы, в ходе которой появляется особый тип устойчивых словосочетаний – фразеологизмы. Важными представляются наблюдения, сделанные автором о соотношении лексического и грамматического планов и их взаимосвязи, которая выступает одним из значимых условий формирования английской фразеологии [Ярцева 1961; 1968]. В частности, изучая динамику исторического преобразования глагольно-объектных словосочетаний английского языка, В.Н. Ярцева отмечает, что благодаря различным формам их лексикализации данные словосочетания превращаются во фразеологические единицы (например, *to catch fire* ‘загореться’). При этом нередко лексикализация свободного словосочетания происходит вместе с грамматизацией глагольного члена (ср. *to have a look* ‘взглянуть’, *to make a good wife* ‘быть/являться хорошей женой’) [Ярцева 1961, 206-213]. Кроме того, особого внимания заслуживают и выявленные в ходе исследования данные о доминировании одних приемов выражения синтаксических отношений (согласования, примыкания и др.) между членами словосочетаний на определенных этапах развития английского языка. Эти сведения представляются важными для понимания эволюционных принципов развития внутривидовых связей между словами-компонентами, образующими фразеологические знаки, а также и закономерностей исторического развития фразеологизмов определенных грамматическо-синтаксических разновидностей и частеречной отнесенности, обуславливающих их функциональные возможности в дискурсе.

Следует подчеркнуть, что фундаментальные исследования В.Н. Ярцевой (а также и многих других отечественных ученых) в области диахронического изучения английского синтаксиса, грамматических особенностей словосочетаний разных типов, внутривидовых факторов развития единиц лексического и синтаксического уровней не только способствовали построению теоретических основ английской и общей фразеологии, но и создали необходимые предпосылки для возможности развития теории фразеологизации. Однако с целью учета всех возможных данных и получения объективной информации о специфике образования фразеологического знака как особой функциональной единицы языка возникла потребность в рассмотрении данной проблемы и в плоскости синхронии в контексте внеязыковых, то есть (социо)культурных, факторов развития фразеологического фонда, поскольку сочетание синхронического и диахронического подходов способствует полноте анализа процесса фразеообразования.

Надо сказать, что на сегодняшний день исследований, выполненных в указанном – синхроническом – русле, значительное количество. Не ставя перед собой задачи их критического обзора, лишь отметим, что грамматические аспекты фразеологии исследуются в них на разных теоретическо-методологических основаниях, что приводит к получению разнообразных и вместе с тем взаимодополняющих сведений.

Основной целью нашего исследования является вопрос о том, каким образом формируется фразеологизм как знак, обладающий определенными грамматическими особенностями, которые обеспечивают его возможностью полноценного и эффективного функционирования в процессах дискурсообразования. При изучении этого вопроса мы опирались на развиваемую в нашем исследовании теорию лингвокультурологического моделирования фразеологического значения и разработанное в нем понятие фразеологической креативности. Материалом исследования послужили английские фразеологизмы, описывающие разные аспекты вербальной коммуникации (около 2,5 тыс. единиц), например: *on someone's back* 'подвергать кого-либо критике'; *to throw bouquets at someone* 'восхвалять кого-либо'; *a battle of words* 'спор, словесная перепалка'.

Как было установлено в работе [Зыкова 2014], **фразеологическая креативность** представляет собой способность глубинных концептуальных структур коллективного сознания, образованных под воздействием концептосферы культуры англоязычного социума, к системному порождению фразеологических единиц. Полученные в исследовании факты показали, что с учетом их природы и сложной внутренней организации данные концептуальные структуры могут быть определены как **макрометафорические концептуальные модели**. Нами было реконструировано 11 макрометафорических концептуальных моделей, репрезентирующих различные аспекты вербальной коммуникации в терминах ремесла, игры, путешествия, промысла, коммерческой деятельности, деятельности, связанной с медицинской и с религией, повседневной деятельности, гастрономии, изобразительного искусства, например: VERBAL COMMUNICATION IS CRAFT (*to spin a yarn* 'рассказывать небылицы; врать'); VERBAL COMMUNICATION IS PLAY (*to play to the gallery* 'говорить то, что нравится другим, вызывая у них расположение'); VERBAL COMMUNICATION IS TRAVEL (*to get/catch someone's drift* 'понимать то, о чем кто-либо говорит').

Креативный потенциал макрометафорических концептуальных моделей проявляется прежде всего в том, что они продуцируют некое множество фразеологических образов, отличающихся разнообразием и специфической дифференциацией, которые свойственны именно английской языковой системе. К примеру, на базе макрометафорической концептуальной модели VERBAL COMMUNICATION IS GASTRONOMY в английском языке

происходит формирование фразеологических образов, в которых отражаются различные аспекты приготовления пищи, вкусовые особенности продуктов питания и их энергическая ценность, оказывающая определенное (благоприятное/пагубное) влияние на организм человека и прочее, ср., например: *to mince one's words* (букв. 'пропускать слова через мясорубку') 'не говорить то, что думаешь, избегать высказываться прямо, боясь обидеть кого-либо'; *a pep talk* (букв. 'поперченный разговор') 'разговор, придающий кому-либо бодрости, энтузиазма'; *to have an oily tongue* (букв. 'иметь масляный язык') 'быть льстивым'. Как показало исследование, созданные в разные исторические периоды фразеологические образы ложатся в основу фразеологизмов, которые включаются в состав **определенной лексико-семантической категории**. Другими словами, благодаря креативному потенциалу макрометафорических концептуальных моделей осуществляется развитие в английской языковой системе лексико-семантической категории, объединяющей различные номинации вербальной коммуникации, происходит обогащение этой категории более сложными по своей структуре и содержанию знаками языка – фразеологизмами.

Особое внимание в нашем исследовании уделялось изучению специфики реализации креативного потенциала установленных макрометафорических концептуальных моделей в отношении развития определенных грамматических свойств у фразеологизмов, порождаемых этими моделями.

Как показал анализ, в процессе фразеологизации помимо формирования фразеологического образа, **важным оказывается и включенность этого образа в грамматическую систему языка**, поскольку именно от образа зависит вхождение фразеологизма в грамматические категории разного порядка – более общие (такие, как категория частей речи) и более частные (такие, как категории числа, вида, лица, степени сравнения и проч.).

В ходе исследования было обнаружено, что реконструированные в работе макрометафорические концептуальные модели продуцируют фразеологические образы, на основе которых образуются английские фразеологизмы следующей частеречной принадлежности: субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные (наречные), модальные, междометные и служебные. При этом, что примечательно, образование фразеологических знаков определенной частеречной отнесенности варьирует от модели к модели. Некоторые макрометафорические концептуальные модели порождают фразеологические образы с «ограниченной грамматической потенциальностью», или иначе говоря, «отчасти реализующие» грамматический ресурс английской языковой системы, выступая основой для формирования фразеологизмов лишь некоторых частеречных классов. Например, согласно полученным данным, макрометафорическая концептуальная модель *VERBAL COMMUNICATION IS EVERYDAY ACTIVITY* служит источником фра-

зоологических образов, на базе которых образуются только субстантивные и глагольные фразеологические знаки. Однако были выявлены и макрометафорические концептуальные модели, которые порождают в английском языке фразеологизмы всех отмеченных выше частеречных классов. К числу последних относятся такие макрометафорические концептуальные модели, как, например, VERBAL COMMUNICATION IS PLAY, VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY и VERBAL COMMUNICATION IS CRAFT. Рассмотрим полученные результаты на конкретных примерах.

Так, к примеру, макрометафорическая концептуальная модель VERBAL COMMUNICATION IS CRAFT продуцирует фразеологические образы, которые ложатся в основу формирования английских фразеологизмов (более 170 единиц), относящихся к следующим частеречным классам:

– субстантивные фразеологизмы: *a left-handed compliment* (букв. ‘комплимент, сделанный/изготовленный левой рукой’) ‘сомнительный комплимент’; *a hatchet job* (букв. ‘работа, выполненная топором/тесаком’) ‘жесткая критика кого-либо или чего-либо в письменной или устной форме’;

– глагольные фразеологизмы: *to spin yarn* (букв. ‘прясть пряжу’) ‘рассказывать небылицы’; *to mend fences* (букв. ‘чинить изгородь’) ‘перестав спорить или ссориться, возобновить дружеские отношения’;

– адвербиальные (наречные) фразеологизмы: *in plain English* (букв. ‘в простом английском’ ~ ‘простым английским языком’) ‘прямолинейно, просто, ясно’; *(right) to a T* (букв. ‘точно/прямо по T создавать/производить что-либо’) ‘идеально, в совершенстве, точь-в-точь (описание и подобное)’;

– адъективные фразеологизмы: *all mouth* (букв. ‘сплошной рот’ ~ ‘состоящий/сделанный только из рта’) ‘(слишком) много говорящий о деле, но не занимающийся им’; *carved in stone* (букв. ‘высеченный в камне’) ‘постоянный, неизменный, не подверженный изменениям’;

– модальные фразеологизмы: *properly speaking* (букв. ‘правильно (как следует) говоря, выражаясь надлежащим способом’) ‘в самом деле, действительно, по правде говоря’; *in a manner of speaking* (букв. ‘в некой манере говорения; в одном из способов выражения’) ‘можно сказать; в некотором роде’;

– междометные фразеологизмы: *say not so!* (букв. ‘не говори (так)!’) ‘вот это да!’; *that's what you say* (букв. ‘это то, что вы говорите’ ~ ‘это вами произведенные слова’) ‘неужели!, так я вам и поверил!’;

– служебные фразеологизмы: *that is to say* (букв. ‘то есть сказать’ ~ указание на производство более подходящих средств передачи чего-либо, например, идеи, факта, информации) ‘то есть, точнее’.

Выявленный в работе факт неравномерного проявления фразеологической креативности рассматриваемых макрометафорических концептуальных моделей в отношении создания в английской языковой системе фразеоло-

логизмов определенной частеречной принадлежности также представляется важным. В частности, анализ количественного соотношения исследуемых английских фразеологизмов, образы которых продуцируются моделью VERBAL COMMUNICATION IS CRAFT, показал следующее их распределение по частеречной отнесенности: глагольные – 54,3%, субстантивные – 24,2%, адвербиальные (наречные) – 8,2%, модальные – 6,1%, адъективные – 3%, междометные – 3% и служебные – 1,2%. Данные результаты отражают и общую тенденцию в формировании фразеологизмов, входящих в состав лексико-семантической категории вербальной коммуникации в английском языке. Установлено, что большинство макрометафорических концептуальных моделей также продуцируют в основном глагольные фразеологизмы, к примеру: VERBAL COMMUNICATION IS HUNTING/FISHING/MINING (*to make a dead set, to raise to the bait*), VERBAL COMMUNICATION IS TRAVEL (*to go round the houses, to nail one's colors to the mast*) и др.

Следует отметить, что факт преобладания в современном английском языке глагольных фразеологизмов, описывающих вербальную коммуникацию, примечателен во многих отношениях. Прежде всего, он является своего рода констатацией потребности английского языка в формировании языковых средств, передающих обобщенные грамматические значения процессуальности или акциональности, «дефицит» в которых восполняется за счет способности макрометафорических концептуальных моделей продуцировать необходимые номинации. Кроме того, как показало исследование, рассматриваемые глагольные фразеологизмы английского языка представляют собой в большинстве случаев подчинительные синтаксические конструкции, между компонентами которых существуют три основных формы синтаксических связей с прогрессивным расположением зависимых членов: объектная связь (например, *to nail a lie, to put into words*), обстоятельственная связь (например, *to stop dead, to argue in circles*) и объектно-обстоятельственная связь (например, *to get one's tongue around something, to put it about*). При этом объектная связь является наиболее распространенной для данной группы языковых знаков (ср. [Ярцева 1961; 1981]).

В новом ракурсе рассмотрения предстает и свойство устойчивости фразеологизмов, которое, как показало исследование, проявляется по-разному в отношении составляющих их (то есть фразеологизмов) слов-компонентов.

Для «включения» фразеологического образа, продуцируемого той или иной макрометафорической концептуальной моделью, в грамматическую систему языка и для использования созданного на базе этого образа фразеологизма в дискурсе именно стержневой компонент, обеспечивая вхождение в определенный грамматический класс и выполняя основную грамматическую нагрузку, допускает разного рода грамматическое варь-

рование, «согласовывая» фразеологизм с передаваемыми в дискурсе параметрами времени и локализации, причинно-следственной связи событий и т.д. Так, в глагольных фразеологизмах глагольный компонент начинает варьировать в рамках соответствующей грамматической парадигмы, изменяясь по времени, аспекту, залогу, длительности и т.д. В качестве примера приведем несколько контекстов дискурсивного функционирования английского фразеологизма *to start a hare* 'поднять новый вопрос для обсуждения; переменить тему разговора', источником образа которого является макро-метафорическая концептуальная модель VERBAL COMMUNICATION IS HUNTING:

(1) *Some work needs to be done before the connection between aluminium and heart disease is proved to everyone's satisfaction. But Mr Birchall has started a hare that many researchers will be watching.* (BNC, ABJ: 3129)

(2) *Whenever he got in a difficulty he would start a hare or pull a red-herring across the track.* (ODEI)

(3) *The conscious decision was made to give an overall picture of the Festival. Almost every hare that was started could have been profitably pursued.* (ODEI)

(4) *Some industry analysts believe that DVI has started a false hare which Philips and others are now chasing.* (BNC, HRD: 946)

(5) *This is, of course, to start many hares; while it would be foolish to try to pursue them all in any one study <...>.* (BNC, ALN: 270)

(6) *Back at their inn, they sat quietly reflecting how little Aberdeen had offered them in terms of conversational or intellectual stimulation – or, as Boswell reported Johnson's remark, 'that the Aberdonians had not started a single mawkin [the Scottish word for hare] for us to pursue'.* (BNC, G1Y: 272)

Из приведенных примеров следует, что за счет изменений грамматической формы стержневого компонента фразеологизма *to start a hare* осуществляется реализация необходимых для построения различных дискурсов грамматических значений. В частности, форма *has started* (пример 1) несет указание на: третье лицо (категория лица), единственное число (категория числа), настоящее время (категория времени), законченность или совершенность действия (категории временной соотносительности и вида), активность субъекта (категория залога), недлительность действия (категория аспекта). С другой стороны, важно отметить, что, отвечая за «включение» в конкретную грамматическую парадигму в процессе дискурсообразования, сам глагольный компонент фактически не подвергается другого рода изменениям, в частности лексическим (лексическим заменам и проч.). Лексические изменения непосредственно касаются второго (именного) компонента данного фразеологизма, который, в отличие от стержневого, не имеет регулярных грамматических модификаций (см. примеры 3, 4, 6).

В целом, выявленная специфика в отношении, во-первых, грамматического варьирования стержневых компонентов фразеологизмов, направленного на грамматическую адаптацию фразеологизмов к дискурсу, которая требует реализации грамматического потенциала английского языка, а во-вторых, лексического варьирования, связанного с остальными компонентами в их составе и направленного на усиление образности фразеологизмов, повышение степени их выразительности, позволяет говорить о двух различных формах проявления креативного потенциала макрометафорических концептуальных моделей, лежащих в основе их формирования. Посредством данных форм происходит оптимизация грамматико-семантических ресурсов английской фразеологической подсистемы в дискурсивных практиках.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать общее заключение о том, что проведенное исследование позволяет дополнить новыми фактами имеющиеся данные в отношении значимых для фразеологии вопросов о грамматических свойствах фразеологизмов, которые были осмыслены в историческом плане в трудах В.Н. Ярцевой и отмечены в начале настоящей статьи. Согласно полученным в нашей работе данным, реализация грамматического потенциала фразеологии обусловлена глубинными концептуальными структурами – макрометафорическими концептуальными моделями, служащими источниками образования фразеологизмов. Исследование в целом проясняет в известной мере вопрос о глубинных концептуальных связях лексических и грамматических категорий, особую роль в формировании и существовании которых играет феномен фразеологической креативности.

Литература

- Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.
Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М.-Л., 1961.
Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 5-57.
Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Источники

- BNC* – British National Corpus. XML edition, 2007.
ODEI – Oxford Dictionary of English Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. UK, 2002.

Роль концептуальных метафор в формировании языковых категорий

The article looks at the peculiarities of evolution of the deep level of lexical and semantic categorization in its connection with sociocultural processes. It shows that the metaphorical concepts constituting the conceptual basis of the lexico-phraseological category of time in the English language are time-specific and dominate alternately at different stages of the language history. Etymological and conceptual analysis of a number of lexemes denoting time allows to specify the succession as proceeding from the ideas of light / darkness, through the concepts of space and movement, to the image of the four elements. The diachronic approach also brings out the peculiarities of the hierarchical structure of the conceptual basis of the lexico-semantic category of time.

Социокультурные процессы являются одним из признанных факторов исторических изменений языка. Наиболее живо язык реагирует на эти процессы на лексико-семантическом уровне, что проявляется в заимствованиях и семантических изменениях отдельных лексем, в том числе в расширении или сужении, ухудшении или улучшении значения и т.д. Но способность языка отражать представления об окружающем мире в их динамике проявляется не только на уровне лексической семантики, но и на более глубоком уровне, а именно в концептуальных основаниях семантики лексических единиц и, следовательно, в концептуальных основаниях их категоризации.

Согласно концепции двухуровневой семантики, предложенной Е.Г. Беляевской, лексическое значение включает в себя два уровня [Беляевская 1992]. Внешний уровень представлен собственно лексической семантикой и строится на основе концептуальной внутренней формы, составляющей глубинный уровень значения. Эта концептуальная внутренняя форма или концептуальное основание семантики прямо или косвенно представлена во всех лексико-семантических вариантах данной лексемы и непосредственно связана с ее исторически первым значением. Поэтому для того, чтобы определить концептуальные основания семантики лексемы или группы лексем (лексико-семантической категории), необходимо обратиться к этимологическому анализу.

Так, например, этимологический анализ единиц, принадлежащих к лексико-семантической категории времени в английском языке, а именно

словных и сверхсловных обозначений времени, показал, что в основе номинации времени в английском языке лежат представления о пространстве, движении, наличии / отсутствии освещенности, а также о четырех стихиях. Например, лексемы *day, morning, early* восходят к основам, значениями которых были соответственно 'горение', 'мерцание' и 'заря'; лексемы *speed, time, term* произошли от основ со значениями 'объем', 'деление', 'граница'; этимологические значения лексем *stable, instant, moment* связаны с понятиями покоя и движения, а слова *winter, rhythm, lapse* восходят к основам с семантикой воды [OED 2009].

Дальнейшие исследования выявили связь обнаруженных концептуальных оснований семантики словных обозначений времени с концептуальными метафорами времени, отвечающими за формирование и функционирование сверхсловных единиц с временной семантикой. В частности, представления о пространстве и движении как концептуальные основания семантики времени соотносятся с концептуальными метафорами «Время – путешествие» и «Время – путник», реализуемыми в устойчивых сочетаниях *there is still a long way to go* 'нам все еще нужно много времени' и *time will come when...* 'придет время, когда'; представления о свете и стихии отражены в концептуальной метафоре «Время – огонь», выраженной, например, во фразеологизме *a flash in the pan* 'мимолетный успех, безрезультатная попытка'.

Несомненно, выделенные метафорические концепты являются основаниями не только для семантики времени, но, в антропоцентрической перспективе, принадлежат к числу универсальных концептов, обеспечивающих категоризацию окружающего мира. Так, согласно исследованиям Дж. Лакоффа, представления о пространстве, движении и свете служат для осмысления процессов речи, взаимодействий между людьми, природных и социальных явлений (ср. IDEAS ARE OBJECTS; LIFE IS A JOURNEY; HAPPY IS UP, SAD IS DOWN; THE MIND IS A CONTAINER; UNDERSTANDING IS SEEING; IDEAS ARE LIGHT-SOURCES) [Lakoff 2003].

Однако универсальность данных представлений не исключает специфичности их реализации в каждом конкретном случае, а также не означает, что они носят панхронический характер. Во-первых, каждое из концептуальных оснований, являясь базовым для семантики определенной группы лексических единиц, не является при этом неразложимым. Напротив, концептуальные основания семантики представляют собой сложные, иерархически организованные структуры, составленные из концептуальных элементов. Эти элементы и признаки – структурно более простые понятия, выводимые из базовых представлений по инференции, например, «линия», «точка», «объем», «делимость», «размер» и т.д. Специфика семантики каждой конкретной лексемы определяется набором и конфигурацией концептуальных признаков.

Во-вторых, этимологический анализ лексики позволяет предположить, что на разных этапах развития языка доминирующее положение занимает только одно из концептуальных оснований семантики, в то время как остальные находятся в латентной форме и выполняют вспомогательную функцию. Чтобы проверить это предположение, обратимся к результатам этимологического анализа единиц, принадлежащих к лексико-семантической категории времени в английском языке и составляющих ее ядро. Анализу было подвергнуто около 150 корней и префиксов с семантикой времени. При этом исследуемые единицы можно условно разделить на три группы:

– исконно английские единицы, имевшие временное значение на общегерманском этапе развития языка и ранее;

– единицы, заимствованные в английский язык во временном значении;

– единицы, приобретшие временное значение в английском языке.

Деление при этом действительно условно, поскольку единицы, принадлежащие к разным группам, могут являться этимологически родственными и иметь параллельные пути развития в разных языках.

Концептуальное основание «свет / тьма» и связанное с ним по ассоциации представление о температурных характеристиках («тепло / холод») является основой семантики 23 единиц (13 корней): *night, day, dawn, Lenten, morn, morning, morrow, even, eve, evening, month, epoch, week, summer, ere, early, erst, aurora, vernal, dusk, twilight, vespers, yesterday*¹. Из них 10 корней (*night, day, Lenten*², *morn, even, month, summer, ere, dusk, twilight*) относятся к древнейшим – общеиндоевропейскому и общегерманскому – слоям исконно английской лексики, при этом данные корни уже на доанглийском этапе обладали временными значениями.

Лексема *week* также является исконно английской, но первоначально обозначала смену, чередование событий или действий (ср. нем. *Wechsel* ‘смена, обмен’), а временное значение приобрела под влиянием древнеримской системы измерения времени, основанной на смене светил, «господствовавших» в каждый день недели [OED 2009]. Таким образом, исходными для семантики *week* можно считать оба основания: и световое, и пространственное. Кроме того, следует признать, что временное значение у слова *week* также появилось на доанглийском этапе развития языка, так как

---

¹ Полужирным шрифтом выделены неродственные корни.

² Лексема *Lenten* ‘весна, весенний (Великий) пост’ представляет собой два корня: *long-* / *leng-* ‘длинный, длиннее’ + **dei-* ‘день’, то есть буквально обозначает удлинение дня весной. При этом корень **dei-* (значение и.-е. основы – ‘сиять, излучать свет’) не является родственным общегерманскому обозначению дня **dagaz*, производному от и.-е. основы **dhagh-* со значением ‘гореть’.

в немецком языке сохранилось родственное ему существительное *Woche*, также обозначающее неделю.

Лексемы *vernal* ‘весенний’ и *aurora* ‘утренняя заря’ были заимствованы в английский язык во временных значениях сравнительно поздно (около XV-XVI века), однако та же и.-е. основа, от которой в латыни произошли слова-источники заимствований, дала начало исконно английским лексемам *ere*, *erst* и *early*.

Наконец, лексемы *vespers* и *epoch* также появились в английском языке в XIV-XVI веках уже во временных значениях. При этом семантика лексемы *epoch* имеет лишь косвенное указание на идею света, так как первоначальное значение древнегреческого слова *ἐποχή* – ‘остановка’. В частности, это относилось к остановке, положению светила (планеты или звезды) на небосводе во время или в начале какого-либо важного исторического события. Поэтому, строго говоря, ключевым основанием семантики *epoch* являются представления о пространстве и движении, точнее, об исходной точке движения.

Лексема *vespers* ‘вечер, вечерняя служба’ имеет параллели в других германских и негерманских языках, также описывающие световые характеристики вечера (ср. англ. *west* ‘запад’ (то есть ‘место, где заходит солнце’), русс. *вечер*, лит. *vãkaras* ‘вечер’, *ũkanas* ‘мутный, тусклый, мрачный’). Однако в английский язык слово *vespers* было заимствовано исключительно как обозначение церковной службы, которая должна была проходить в строго определенное время, поэтому, хотя семантика света, безусловно, должна быть признана исходной, основанием заимствования и базой временной семантики, на наш взгляд, следует считать идею математической точности измерения, то есть представление о пространстве.

Общее количество лексем, содержащих указания на пространственное положение или ориентацию в пространстве в качестве исходного основания, составило свыше 50 единиц, при этом к таким лексемам относятся не только единицы с семантикой времени в корне (*space*, *speed*, *span*, *pace*, *tempo*, *tense*, *time*, *tide*, *term*, *through*, *first*, *before*, *former*, *old*, *adult*, *adolescent*, *ulterior*, *ultimate*, *superior*, *inferior*, *prospect*, *retrospect*, *prior*, *previous*, *prodigy*, *posterior*, *ancient*, *ancestor* и т.д.), но и ряд единиц, временное значение которых локализовано в приставке, в частности в приставках *fore-* (*forefathers*, *forewarn*, *forecast*), *pre-* (*pre-colonial*, *predict*), *ante-* / *anti-* (*anticipate*), *post-* (*postnatal*), *inter-* (*interval*, *interlude*). При этом только три корня – *time* (*tide*), *old* и *fore-* – сохраняют временные значения с общегерманского периода. Лексема *time* (*tide*) восходит к и.-е. основе со значением ‘делить’, а лексема *old*, наряду с заимствованными около XV века *adult* и *adolescent*, относится к основе, означавшей ‘вскармливать, расти’, то есть описывавшей движение вверх (ср. гот. *alan* ‘расти’, нем. *Alter* ‘возраст’, лат. *altus* ‘высокий’).

Время появления временного значения корня и приставки *fore-* ‘перед’ определить трудно, так как эта германская основа (как и романская *pro-*, этимологически родственная ей) является базовым обозначением соположенности. Вероятно, эта основа имела и пространственное, и временное значения на очень ранних этапах.

Остальные лексемы или были заимствованы из латыни (напрямую или через французский язык) в среднеанглийский период [Ярцева 1985], как, например, *superior, term, pace, space*, или в древнеанглийском языке имели невременные, пространственные значения, а семантику времени приобрели позднее, например, как *span*, обозначающее меру длины, или как *speed*, имевшее в древнеанглийском значение ‘достаток, процветание, успех’.

Полученные результаты показывают, что представление о свете доминировало как концептуальное основание формирования лексической категории времени на более ранних этапах развития языка, чем представление о пространстве.

Дальнейший этимологический анализ подтверждает данное предположение: из 26 лексем, семантика которых основана на представлении о движении / покое (*stage, constant, stable, stound, instant, moment, epoch, while, alway(s), previous, period, year, hour, ago, bygone, transient, pace, pass, past, proceed, procedure, process, course, current, rhythm, lapse*), к исконно английским относятся только шесть (*stound, while, ago, bygone, always, year*), а к общегерманским – лишь две из них (*while* и *stound*), при этом *stound* (‘небольшой отрезок времени’) является устаревшим. Остальные 20 лексем были заимствованы большей частью в XIV-XVII веках, то есть одновременно или немного позже, чем лексика с концептуальным основанием «пространство». Более того, некоторые лексемы, заимствованные первоначально в динамических значениях, например, *current* ‘бег’, *lapse* ‘скольжение вниз’ и *pass* ‘переход’, получили временную семантику позднее, или только в английском языке, или по аналогии с развитием значения французского источника.

Таким образом, хронологическая последовательность вершинных концептуальных оснований семантики времени и, следовательно, соответствующей лексико-семантической категории может быть представлена как «свет / тьма» => «пространство» => «движение / покой». Отдельные лексемы, не соотносящиеся на соответствующих этапах с доминирующим основанием, например, *while*, имевшее временную семантику уже на общеиндоевропейском этапе (ср. укр. *хвилина* ‘минута’), подтверждают предположение о существовании остальных оснований в свернутой форме.

На первый взгляд, набор концептуальных элементов и признаков идентичен для всех концептуальных оснований благодаря тесной взаимосвязи между основаниями. В самом деле, пространственные характеристики

невозможно осмыслить при отсутствии освещенности, смену света и тьмы можно представить как чередование, то есть движение отрезков и т.д. Однако хронологическое расположение концептуальных оснований уточняет распределение и значимость концептуальных элементов на каждом этапе развития английской языковой системы.

На основе проведенного этимологического и концептуального анализа мы предполагаем, что каждое «новое» основание, становясь вершинным, вбирает в себя концептуальные признаки предыдущего и добавляет новые, специфичные для него характеристики, не являвшиеся существенными для предыдущего основания. Так, на древнейших этапах развития языка основной характеристикой времени являлось наличие или отсутствие освещенности, то есть смена природных циклов, обусловленная движением светил. Представление о чередовании периодов света и темноты, имевшееся уже в семантике лексемы *morning* в древнеанглийский период, впоследствии вполне логично трансформировалось в представление о пространстве с указанием на «отрезок», «границу», «точку», «объем», «круг», «верх / низ» и т.д.

Ускорение социальных процессов, технические и экономические изменения актуализировали содержащуюся в представлении о пространстве идею движения и расширили набор концептуальных признаков понятиями скорости, направления, траектории, повторяемости и т.д.

Представление о стихиях содержалось в семантике времени имплицитно практически на всех этапах развития английского языка: основы, к которым восходят лексемы *while*, *winter* и *rhythm*, содержат указания на воду и бурю, лексемы *time (tide)*, *lapse* и *current* развили вторичные значения с семантикой потока. Однако как самостоятельное четвертое концептуальное основание семантики времени представление о стихии сформировалось уже в Новое время (XVI-XVII вв.). На наш взгляд, большое значение в этом процессе имела десакрализация времени.

Согласно исследованиям концептуальных метафор времени в диахронном плане [Коннова 2007], в период расцвета христианской культуры центральное место в языковой картине времени занимала концептуальная метафора «Время – Божий дар». Постепенно, с развитием экономических отношений, в частности, ростовщичества, в сущности, позволявшего продавать время за деньги (проценты), образ Дарителя отошел на второй план и был замещен образами обладателя и ценности дара. Время начало восприниматься как ценный, количественно ограниченный ресурс, подобный драгоценным металлам, деньгам, а также стихиям, обуздав которые, можно получить выгоду в виде достатка или удобств. Вероятно, не последнюю роль в этом преобразовании сыграла близость ассоциации денежного потока с потоком воды (ср. *liquidity* ‘ликвидность’, *to be dried up* ‘не иметь средств’) и уже давно имевшегося в языке представления о связи воды и времени.

Образ стихии привнес в семантику времени такие характерные, в первую очередь, для него концептуальные признаки, как враждебность, разрушительность / созидательность, (не)контролируемость, а утрата образа Дарителя привела к одушевлению времени как самостоятельной силы, способной вступать во взаимодействие с человеком.

Таким образом, анализ хронологического соотношения концептуальных оснований семантики времени в английском языке показывает, что лексическая семантика реагирует на социокультурные изменения в обществе как на поверхностном, собственно семантическом уровне, так и на глубинном уровне концептуальной внутренней формы. Эти результаты позволяют уточнить знания об англоязычной картине мира в ее динамическом аспекте и, возможно, спрогнозировать ее дальнейшее развитие. В частности, в настоящее время можно говорить о формировании нового концептуального основания семантики времени, а именно представления о времени как о социальном или виртуальном явлении.

Следовательно, можно заключить, что метафорические концепты как концептуальные основания лексико-семантической категории времени характеризуются разной степенью активности на разных этапах развития английской языковой системы. Более древние представления о свете / тьме получают осмысление в терминах пространства и движения, и, далее, в виде схематизированного представления о природных стихиях, что, в свою очередь, создает предпосылки для дальнейшего осмысления времени как социального феномена.

Литература

Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1991. – 401 с.

Коннова М.Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2007. – 260 с.

Ярцева В.Н. История английского литературного языка. IX-XV вв. – М.: Наука. – 1985. – 248 с.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* – London: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

Словари

OED – Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM (v. 4.0.0.2) © Oxford University Press, 2009.

Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. – Bern: A. Francke AG Verlag, 1959. – 3 B.

Английские словосочетания типа *thrilling moment* и *thrilled moment* как средство выражения субъективного темпорального опыта

The paper considers semantic properties of English collocations with the noun *moment* in which the attributive element is represented by participial (*-ing* and *-ed*) adjectives. The issue is analyzed within the contemporary anthropocentric paradigm. The author attempts to establish links between the evolving temporal mentality and an increasing interest in the subjective experience of time, the changing semantics of the noun *moment* and the growing productivity of the syntactic models under study.

Известный американский биолог, специалист по эволюционной экологии Э.Р. Пианка назвал антропоцентризм величайшим врагом, с которым может столкнуться человек, и определил его как распространенное убеждение в том, что все сущее на земле было создано для человеческих нужд и может использоваться так, как мы того пожелаем [Pianca 2006, 2]. Неправомерное и деструктивное по отношению к окружающей нас природной среде, это убеждение, однако, оказывается не только оправданным, но и весьма продуктивным при рассмотрении тех объектов и феноменов, которые были созданы самим человеком либо возникли у него в ходе его естественного развития. К их числу принадлежит язык. Парадокс заключается в том, что, будучи одним из наиболее «антропологических феноменов» [Кубрякова 1995, 136], язык долгое время не рассматривался антропоцентрически, и антропоцентризм как принцип с трудом прокладывал себе дорогу в лингвистике.

В настоящее время правомочность антропоцентрического подхода к анализу языковых явлений не требует обоснования, хотя сам подход реализуется множеством разнообразных и порой слабо согласующихся между собой вариантов. Обращает на себя внимание неполнота и неравномерность его охвата при рассмотрении языка: активно применяемый при анализе лексики данный подход оказывается значительно менее популярным при работе с грамматическими явлениями и практически невостребованным при комплексном анализе единиц, принадлежащих разным уровням языковой системы.

Настоящая статья представляет собой опыт системного описания явлений лексико-грамматического порядка с позиций антропоцентрического подхода. Объектом анализа являются английские препозитивные словосочетания с существительным *moment*, в которых в качестве атрибутивного

элемента используются генетически восходящие к причастиям (партиципальные) прилагательные на *-ing* и *-ed* (*thrilling / thrilled, exciting / excited, embarrassing / embarrassed, exhilarating / exhilarated* и т.п.). Свою задачу автор видит в том, чтобы показать взаимную обусловленность семантики существительного *moment* и возрастающую продуктивность двух исследуемых синтаксических моделей, изучив проблему в контексте эволюционирующей темпоральной ментальности носителей современного английского языка. Учет социокультурного и когнитивного контекста необходим для того, чтобы реализовать сформулированную А.А. Залевской задачу анализа не только продуктов речевой деятельности человека, но и процессов, которые привели к их созданию [Залевская 2015, 65].

Под темпоральной ментальностью в работе понимается совокупность представлений о времени, которые складываются в рамках той или иной культуры в тот или иной исторический период (см. [Sorokin 2010]). Время «культурно относительно», «встроено в культурный опыт» [Greenhouse 1996, 25], «создается культурой», которая определяет его характерное течение, конкретность, способы членения, смысловую наполненность и ценность [Большаков 2011, 274]. Для современной западной культуры характерно монокхронное [Hall 1983], линейное видение времени, при котором оно представляется как линия, соединяющая прошлое и будущее. Такое видение во многом антропоцентрично, поскольку оно непосредственно связано с идеей конечности человеческого существования [Никуличева 2015, 41].

Линейное видение времени имеет по меньшей мере три важных в когнитивном плане следствия: 1) время принципиально членимо на отрезки разной протяженности; 2) каждый его отрезок уникален в плане событийной наполненности и неповторим; 3) будучи неповторимым, он обладает своей собственной, уникальной ценностью.

Каждое из этих следствий оказывается лингвистически релевантным. Членимость времени диктует необходимость создания особых языковых единиц, с помощью которых можно было бы обозначить отдельные его отрезки или указать на них. Так в языке появляется «темпоральный» словарь (*year, month, day, hour, minute, second, etc.*), особые временные формы, позволяющие отнести событие к тому или иному отрезку «временной линии», и аспектные формы, с помощью которых устанавливается связь между различными событиями. Уникальность временных отрезков и их связь с человеческим опытом¹ подсказывают целесообразность дополнительной концептуализации времени за счет введения в речевой оборот лексических

---

¹ Ср.: «Время – это экспериенциальный побочный продукт того, как мы интерпретируем и обрабатываем события» (Time is an experiential by-product of how we interpret and process events) [Evans 2015, p. 65].

единиц, фиксирующих индивидуальный, субъективный темпоральный опыт. Так наряду с «хронологически конкретными» единицами типа *hour* и *minute*, отражающими то, что в данной культуре принято считать объективным ходом времени, появляются «человекомерные» единицы его измерения типа *moment*, *instant*, *jiffy* и т.п. Ценность каждого отдельного временного отрезка заставляет фокусировать на нем внимание и находить способы его вербальной фиксации, в том числе и посредством подбора наиболее адекватно отражающих опыт определений. Последнее важно для категоризации и классификации субъективного темпорального опыта, с одной стороны, и для обмена этим физически неощутимым опытом, с другой стороны.

По мнению многих исследователей, одной из ключевых особенностей современного темпорального сознания представителей западной, и в первую очередь англоязычной, культуры, является «демассификация времени» [Алексина, интернет-ресурс]. Это означает, что время становится все более индивидуальным как в плане перцепции, так и в плане использования. Внимание к индивидуальному, субъективному темпоральному опыту отчетливо прослеживается в современной науке, где определяются факторы, способствующие замедлению или ускорению течения времени в субъективном его восприятии (см., например, [Flaherty 1999]). Свидетельства демассификации в изобилии обнаруживаются и в массовой культуре, где все более эксплицитно формулируются призывы к максимально эффективному использованию каждого дарованного человеку мгновения. Важно отметить при этом, что эффективность измеряется не только и не столько количеством приобретенных за единицу времени материальных благ (ср. классическую метафору *Time is money*), сколько количеством и качеством полученных впечатлений и важностью приобретенного жизненного опыта.

Такой аксиологический сдвиг не мог не привести к изменениям в семантике лексических единиц, отражающих субъективный опыт переживания времени. При сравнении лексикографических источников обнаруживается существенная разница в толковании слова *moment* между изданиями XX и XXI вв., с одной стороны, и академическими и популярными словарями, с другой стороны. В классических трактовках отражена лишь быстротечность момента и отсутствие у него объективной длительности. Ср.: 1. *moment – a very brief period of time* [OALD]. Событийная семантика отражена лишь косвенно или не отражена вовсе. Ср.: 3. *time for doing something, occasion* [OALD]. В более современных изданиях, ориентированных на «массового потребителя», событийность момента формирует основной семантический фокус. Момент перестает быть событийно пустым временем ожидания чего-то важного; он сам наполняется смыслом. Ср.: 1. *a particular point in time when something happens*; 1a. *a point in time when something important, special, or unusual happens* [MEDAL].

Усиление событийной семантики способствовало росту препозитивных словосочетаний с существительным *moment*, в которых атрибутивный элемент служит средством квалификации субъективного темпорального опыта. В общем корпусе словосочетаний, включающем такие экзотические образования, как *macaca moment*, *made-for-youtube moment*, *red-carpet moment*, *goldilocks moment*, *jump-the-shark moment*, *coming-out-of-the-closet moment*, *deer-in-the-headlights moment* и множество других, отчетливо выделяется группа, представленная словосочетаниями с партиципальными прилагательными: *humiliating / humiliated moment*, *terrifying / terrified moment*, *exciting / excited moment*, *galvanizing / galvanized moment*, *sobering / sobered moment*, *jarring / jarred moment*, etc.

Оба типа словосочетаний в той или иной степени противоречат существующим лексико-семантическим и синтаксическим конвенциям. Обратимся к справочникам и пособиям по английской грамматике. Несмотря на небольшие расхождения, различия между двумя типами партиципальных прилагательных трактуются достаточно единообразно. Прилагательные на *-ing* обозначают «производимый предметом эффект», в то время как прилагательные на *-ed* обозначают «реакцию человека» на предмет или событие [Thompson, Martinet 1997, 33]. Предлагается обратить внимание и на то, что *-ing*-прилагательные обозначают устойчивые характеристики предмета, его неизменные или, по крайней мере, длительно существующие свойства. В отличие от них, *-ed*-прилагательные предназначены для фиксации временных свойств предмета, возникающих при определенных обстоятельствах [Blakesley, Hoogeveen 2012, 573]. Кроме того, неизменно подчеркивается, что прилагательные на *-ed* используются исключительно для характеристики живых существ (людей или животных). Эти общие правила и рекомендации по употреблению подкрепляются примерами, лишь незначительная часть которых относится к атрибутивному использованию прилагательных: *an infuriating woman* (she made us furious) vs. *an infuriated woman* (something had made her furious) [Thompson, Martinet 1997, 33].

Попытаемся определить, в какой степени эти правила оказываются применимы к рассматриваемым нами словосочетаниям.

Начнем с «*-ing moment*», которому прескриптивная грамматика вменяет в обязанность «производить эффект». Каким образом момент может «производить эффект», и о какого рода «эффекте» может идти речь?

Работая с корпусом СОСА, мы обнаружили 164 различных препозитивных словосочетания с существительным *moment*, содержащих атрибут на *-ing*. Оговоримся, что некоторые из них являются причастиями и причастными композитами, которые обнаруживают тенденцию к адъективации. Общее количество словосочетаний нужного типа, найденных в корпусе, составило 1660 единиц, что само по себе говорит о продуктивности этой лексико-синтаксической модели.

Из всего этого внушительного корпуса примеров лишь один соответствует классическим представлениям о словосочетаниях с прилагательным на *-ing*, определяя свойства самого темпорального промежутка: *passing moment*. Определение *passing* отражает феноменологический опыт проживания времени как череды сменяющих друг друга мгновений [Evans 2015, 79]. Кроме того, оно поддерживает и укрепляет семантику быстротечности, мимолетности момента. Ср.: *But there was something lost about him; for a passing moment Ernest was actually sorry things hadn't worked out for them* (M. Bookman. *Crescent Heart*). Заметим, однако, что это прилагательное сохраняет ярко выраженный причастный «привкус», тяготея к передаче действия, а не свойства. Этот привкус в наибольшей степени ощущается в сочетании с детерминативами *every* и *each*², служащими дополнительным средством дискретизации субъективного времени: *With every passing moment, his mind grew clearer* (L.W. Wiehl. *Fatal tide*); *And, yes, the reasons for not doing it seem sillier with each passing moment* (B.B. Longyear. *The Hangingstone Rat*). Применяя метод диагностической трансформации при анализе подобных контекстов, мы обнаружим, что наиболее адекватным средством альтернативного выражения искомого смысла являются предикативные структуры, а не атрибутивные комплексы: *each / every moment that passed* (**each / every moment that was passing / that could be called passing*).

В любом случае момент здесь, действительно, «производит эффект» сам по себе, представляя как нечто временное, преходящее, скоротечное – то есть репрезентируя свои собственно *темпоральные* свойства.

Остальные же словосочетания с прилагательным на *-ing* приобретают смысл лишь в контексте новой, событийной интерпретации момента, свойственной современной англоязычной культуре. «Эффект» производится не темпоральным интервалом как таковым, а тем событием, которым он наполнен. Обратимся к примерам реальной речевой практики с целью выявления семантических типов словосочетаний с *-ing*-прилагательными.

Наиболее представительна группа словосочетаний, в составе которых атрибутивный элемент обладает семантикой эмотивности: *agonizing, anguishing, chilling, deflating, dispiriting, embarrassing, exciting, frightening, harrowing, humiliating, jarring, panicking, shocking, stunning, stupefying, terrifying, thrilling, touching, etc. moment*. Совершенно очевидно, что эмоциональная реакция связана не с собственно темпоральным, а с событийным опытом и возникает в ответ на переживаемое человеком (непосредственно физически или умозрительно) событие. Ср.: *“Basically, anything and everything that could have gone wrong has gone wrong for us,” says Gullen. They can't*

² Заметим, что из 46 употреблений *passing*, найденных в корпусе COCA, 31 предваряется детерминативами *every* или *each*.

*agree on the most **dispiriting moment**, but the time their van's transmission blew on the way to Calgary is near the top of the list (A. Scaggs. Meet the sheepdogs).* В данном контексте опыт путешествия на автомобиле представлен как череда непредвиденных и неприятных событий, каждое из которых происходит в определенный момент времени и вызывает негативную эмоциональную реакцию. Эта реакция, разумеется, возникает не в связи с темпоральным опытом как таковым (не потому, например, что участники событий чувствуют, что неэффективно тратят время или что время проходит слишком быстро), а в связи с теми событиями, которые происходят во вполне реальном, осязаемом, объективном физическом мире. В когнитивном плане *moment* метонимически соотносится с этим физическим событием, поскольку участники ситуации локализуют последнее в пространстве и времени. Временная локализация является важным фактором ментальной фиксации приобретаемого опыта и условием, обеспечивающим возможность сравнения различных его частей-эпизодов. Извлечь эпизод из памяти удобнее всего именно посредством его временной идентификации (ср.: *помнишь тот момент, когда у нас полетела трансмиссия* и *помнишь трансмиссию, которая полетела у нас*). Кроме того, временная идентификация позволяет восстановить эпизод в памяти во всей совокупности его деталей, включая связанные с событием эмоциональные переживания. Таким образом, *moment* является средством комплексной когнитивной фиксации события, а используемый при нем атрибут эксплицирует его эмоциональную составляющую. Момент здесь, действительно, «производит эффект», но сам момент выступает не как сугубо темпоральная, а как более сложная экспериенциальная, «событийная» единица.

Приведем еще один пример, который иллюстрирует вышеизложенные положения. Женщина, страдающая множественным склерозом, описывает проблемы с памятью, ссылаясь, в том числе, на следующий эпизод: *My most **embarrassing moment** was a Thanksgiving Day when I forgot how to cook the turkey (COCA, автор не указан. MS and the mind).* Вновь мы наблюдаем создание метонимического комплекса, в котором *moment* выступает средством репрезентации сложной ситуации, вызывающей определенную эмоциональную реакцию со стороны ее непосредственного участника (смущение, замешательство).

Нам представляется, однако, что *-ing*-прилагательные эмотивной семантики способны выполнять по крайней мере еще одну функцию: «приглашать» к сопереживанию потенциального слушателя или читателя речевого произведения. Не случайно такие словосочетания широко используются при описании сцен из фильмов, книг, а также наблюдаемых со стороны событий. Ср.: *Who could forget that **touching moment** of Pernice, right after winning the tournament, holding a daughter in each arm while being interviewed on network*

television? (T. Kensler. *On the bright side*); Heather is not the only remarkable woman in the family. At the **thrilling moment** when she was chosen to wear the crown, watching in the audience was the woman who made it all possible (COCA, автор не указан. *The \$200,000 Plane Ride*). «Трогательный момент» и «волнующий момент» воспринимаются как таковые не для непосредственных участников описываемых событий, а для их реальных или потенциальных наблюдателей. Это взгляд со стороны, и в этом взгляде *moment* вновь выступает как метонимическое средство фиксации события в сознании.

Заметим, что к корпусу эмотивных *-ing*-прилагательных примыкает достаточно представительный массив причастных композитов: *awe-inspiring, breath-taking / breathtaking, cringe-inducing, goose-bump-inspiring, gut-gripping, heart-clenching, heart-hushing, heart-stopping / heartstopping, heartbreaking, hair-raising, mouth-gaping, nerve-racking, nerve-straining, nervous-making, skin-crawling, soul-dropping, spine-tingling, stomachwrenching, testicle-shriveling, etc. moment*. Лишь незначительная часть из них описывает эмоцию эксплицитно: *awe-inspiring*. Большинство же соотносится с той или иной эмоцией метафтонимически (см. [Нагорная 2013]), посредством указания на типичную для нее телесную реакцию: *goose-bump-inspiring* (страх, испуг), *heart-stopping* (волнение, испуг), *soul-dropping* (отчаяние) и т.д. Представляет интерес орфографическая вариативность причастных композитов: наличие возможности слитного написания свидетельствует о приобретении адъективных свойств и потенциальном переходе в разряд партиципальных прилагательных. Дополнительным и весьма надежным доказательством того, что такой переход действительно имеет место, служат примеры употребления суперлативных форм: *My most nerve-racking moment during my U.S. Open victory was when I couldn't find my ball for a few minutes on the 16th hole (J. Sens. The good bad & ugly the winners); And that is literally the most breathtaking moment, the most dramatic moment of the trial (C. Caruth. Listening to trauma); She was caught on the hop this time, in what easily ranked as the most hair-raising moment in her young life (J. Gubula. There are only so many tomorrows).*

Отметим попутно, что причастные композиты широко используются для непосредственного, эксплицитного указания на событие, которое происходит в фиксируемый сознанием момент. Ср.: *baby-making, bust-snatching, car-building, deal-breaking, finger-wagging, free-falling, game-viewing, income-producing, party-going, metal-flashing, mike-grabbing, pain-managing, etc. moment*. Такие словосочетания представляют собой свернутые полнопредикативные структуры – аналог определительных придаточных – и являются, как правило, окказиональными образованиями. Ср.: *And we're going to be playing for you President Obama in his own words what he thinks about Kanye West's mike-grabbing moment (COCA, автор не указан. Democrats Rebuke*

Republican Congressman) (*Kanye West's mike-grabbing moment* = the moment when Kanye West grabbed the mike).

Что касается собственно прилагательных, они могут обозначать не только эмоции, испытываемые человеком в связи с определенным событием, но и наступающие у него ментальные состояния: *disorienting, mesmerizing, stupefying, unthinking, etc. moment*. Ср.: *Suddenly, the table begins to MOVE. It ROTATES, and as it does so we realize that Data has been hanging upside down staring at the floor. It's a **disorienting moment** as our perspective changes and Data rotates upright* (COCA, автор не указан. *Star trek 08: First contact*).

Кроме того, *-ing*-прилагательные могут использоваться для статусной квалификации события, обозначая степень его важности в жизни человека. Пожалуй, наиболее ярким примером является прилагательное *shining*, которое в сочетании с существительным *moment* обозначает запоминающееся, значимое событие: *The first shared laugh with someone new is always a **shining moment**, an instant of connection that warms you inside even if you're not wildly attracted to your date* (J. Lawrence. *Kissing frogs*). К этой группе можно отнести прилагательные и примыкающие к ним причастные композиты *arresting, crowning, defining, groundbreaking, all-changing, career-changing / career-defining, life-changing / life-altering / life-defining* и др.

Не ставя перед собой задачу исчерпывающего описания всех семантических групп словосочетаний, отметим общую тенденцию: прилагательные на *-ing*, действительно, описывают «производимый эффект», однако «источником» этого эффекта является событие, происходящее в определенный момент, а сам момент является лишь частью сложного экспериенциального комплекса.

Более серьезные расхождения с положениями прескриптивной грамматики обнаруживаются при анализе словосочетаний с прилагательными на *-ed*. Наибольший интерес вновь представляют единицы эмотивной семантики: *amazed, chilled, embarrassed, excited, exhilarated, horrified, startled, etc. moment*. Внешне эти словосочетания выглядят парадоксально, поскольку в них видится попытка приписать абстрактной темпоральной единице способность испытывать эмоции. Однако их распространенность в современном английском языке свидетельствует о том, что они не вызывают ощущения когнитивного диссонанса и не воспринимаются как нарушение языковых норм. Одновременно с этим их возрастающая популярность говорит о востребованности подобного способа языкового выражения. Попытаемся определить, чем такая востребованность обусловлена.

В первую очередь необходимо отметить, что в контекстах, содержащих словосочетания такого типа, неизменно описывается некоторое событие, причем это описание производится сквозь призму человеческого

восприятия. Те чувства и эмоции, которые испытывает человек, становятся важной частью самого события, сущностным его компонентом, и формируют второй событийный план высказывания. Рассмотрим весьма типичный пример: *When I told Annie, she sucked in her breath in a **thrilled moment**, her eyes growing big as she cried, "O, I have to tell you!"* (Sh. Mickle. *The occupation of Eliza Goode*). Произведя диагностическую трансформацию клаузы "*she sucked in her breath in a thrilled moment*" с целью выявления семантических отношений между составляющими ее единицами, мы получаем высказывание "*she sucked in her breath because she was thrilled at the moment*". Таким образом, прилагательное *thrilled* соотносится с агенсом предложения, а не с непосредственно соседствующим с ним существительным *moment*.

Еще более убедительно выглядят контексты, где повествование ведется от первого лица, и эмотивный компонент события эксплицируется самим воспринимающим это событие человеком: *I felt wetness beneath my left eye and for one **humiliated moment** I thought I was crying* (M. Keyes. *This charming man*). Речь здесь не идет об «униженном моменте»; униженным чувствует себя протагонист, который локализует этот неприятный для него опыт в определенной точке своей субъективной временной шкалы.

Весьма интересными представляются контексты с композитами, содержащими причастие прошедшего времени, семантика которых метафотонимически соотносится со сферой эмоций: *breath-taken / breath-stopped, hair-raised, heart-stopped, heart-broken, nerve-racked, panic-seared, etc. moment*. В них мы вновь имеем дело со свернутыми полнопредикативными структурами, в которых отражается восчувствованный, пропущенный сквозь тело опыт восприятия событий: *For an appalled, **heart-stopped moment** I crouched over him* (D. Broderick. *The black grail*) (For a moment when I was appalled and <felt that> my heart stopped...); *For a single **nerve-racked moment**, he fought silently for self-control* (V.Z. Wheeler. *The creed of her father*) (For a single moment when he felt nerve-racked...).

Примеры такого типа подтверждают высказанную В. Эвансом мысль о том, что «наш опыт времени непосредственно связан с функционированием наших тел» [Evans 2015, 65]. Телесные процессы, регистрируемые сознанием человека, вплетаются в общую событийную канву и запечатлеваются в его памяти как часть некогда пережитого события. Возможно, одна из причин растущей популярности подобного рода образований заключается именно в том, что человек получает возможность сосредоточиться на себе и вписать себя в событийный контекст, не упуская при этом общую нить события. Кроме того, такие конструкции позволяют обозначить событие максимально компактно, не утяжеляя синтаксическую структуру высказывания, и, перераспределяя смысловой фокус высказывания, все же не перетягивают его полностью на протагониста.

Таким образом, *-ed*-прилагательные, как и причастные композиты, выполняют свойственную им функцию описания состояния, испытываемого человеком. Однако эта функция выявляется лишь на глубинном уровне синтаксической структуры и лишь при условии событийной интерпретации существительного *moment*.

Тем не менее, далеко не все словосочетания с *-ed*-прилагательными реализуют семантику состояния и имплицитно испытывающего их человека. Так, *predestined moment* характеризует само событие, которое предстает как неизбежное, предначертанное; *unorchestrated / uncoreographed moment* также относятся к событию, которое репрезентируется как возникшее внезапно, неподготовленное, незапланированное, в отличие от *pre-programmed moment* – события, которое тщательно репетируется. Существенно выбивается из общей схемы *miscalculated / ill-calculated moment*, поскольку атрибут соотносится, с одной стороны, с исходной семантикой темпоральности существительного *moment* и, с другой стороны, относится не к событию, а к совершенному его участниками действию («неправильно выбрать»). За исключением *predestined moment*, в приведенных здесь словосочетаниях присутствует «человеческий след», однако человек выступает не как чувствующее и оценивающее начало, а как активная движущая сила, задающая параметры события. Следует признать, однако, что эти случаи не являются «чистыми», поскольку представленный в словосочетаниях атрибут явно имеет причастную природу.

Двойственность таких единиц, частая неопределенность их морфологического статуса требует обязательного учета контекста при анализе. В этом смысле представляет интерес словосочетание *coloured moment*, которое, изъятое из контекста, с уверенностью интерпретируется как «яркий момент», «яркое событие», «эмоционально окрашенное событие». В реальной же речевой практике, наряду с многочисленными примерами «ярких моментов», нами было обнаружено одно весьма нетривиальное окказиональное использование словосочетания, которое следует признать языковой игрой: *coloured moment* обозначает определенный период в истории ЮАР, когда в стране преобладало чернокожее население. Ср.: *Yet clearly, the Coloured Moment has been just that: a slice of time of Coloured demographic preponderance that will have lasted some sixty years. It is ending now because the immigration of Black Africans into the Western Cape has been proceeding at such a rate over the last fifteen years that "Africa" is, indeed, finally going to end up at the Cape (J. Western. Africa is coming to the Cape).*

В словосочетаниях с существительным *moment* многие participial-прилагательные (как и причастные композиты) образуют коррелятивные пары: *exciting / excited*, *excruciating / excruciated*, *galvanizing / galvanized*, *hair-raising / hair-raised*, *heart-stopping / heartstopped*, *humiliating /*

humiliated, jarring / jarred, jaw-dropping / jaw-dropped, nerve-racking / nerve-racked, sobering / sobered, terrifying / terrified, unsettling / unsettled, wrenching / wrenched, etc. Как было показано выше, *-ing*-прилагательные используются для описания свойств события и того впечатления, «эффекта», которое оно производит на своих непосредственных участников или сторонних наблюдателей, в то время как *-ed*-прилагательные описывают состояние, испытываемое участниками события.

В реальной речевой практике, однако, встречаются случаи, когда форма прилагательного оказывается нерелевантной, и семантические различия между ними нейтрализуются. Показательным примером является пара *waking / woken*, которая используется для обозначения момента бодрствования: *True to his word, Jon spent almost every **waking moment** in the lab, seeking ways to bring down the cost of the procedure, to democratize it* (K. Liu. Arc); *If I had eternity, I would spend every **woken moment** looking at you with adoration* (P.B. Duponcy. Wonderful words of love: Tell them to me again). Справедливости ради стоит отметить, что случай *woken moment* является единичным, в то время как *waking moment* обладает высокой частотностью³ и зафиксирован в словарях, что свидетельствует о нормативности данного словосочетания. *Woken moment* предстает как пример языкового экспериментирования, причем использование нестандартной формы атрибута оправдано спецификой обозначаемого состояния и выглядит даже более логичным, чем традиционная «активная» причастная форма.

Представляет интерес и пара *multitasking / multitasked*: *This was a **multitasking moment**: acting, writing, thinking, planning* (L. Berger. It's been an intense journey); *What has been your **most multitasked moment** during the past five days?* (K. Otto. Everyday ambassador: Make a difference by connecting in a disconnected world). Морфологический статус атрибута *multitasking* в выделенном словосочетании требует дополнительного исследования, поскольку нормативно в английском языке существует только глагол и отглагольное существительное, и последнее вполне может использоваться в атрибутивной функции. Форма *multitasked*, однако, не допускает никаких двояких толкований, поскольку автор эксплицитно заявляет о ее «адъективном видеении», употребляя суперлатив – *most multitasked*.

Думается, что эти примеры языкового экспериментирования иллюстрируют собой возможности приспособления существующих лексико-синтаксических моделей под коммуникативные потребности носителя языка. Язык в полной мере проявляет свои антропоцентрические свойства и реализует себя как «средство адаптации человека к динамике условий жизни и общественных отношений» [Залевакая 2015, 66], демонстрируя готовность

³ 134 случая в COCA и более 74 000 в Google Books.

к нарушению сложившихся конвенций с целью отражения изменений в ментальности своих носителей, в том числе и ментальности темпоральной.

Литература

Алексина Т.Ф. Время как феномен культуры. [Электронный ресурс]. – URL: http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/aleksina_vremia.html. Дата обращения: 03.04.2016.

Большаков В.П. Ценность времени и возможность диалогов русской культуры с другими культурами современности // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения. Т. I. СПб., 2011. С. 274-276.

Залевская А.А. Роль фактора человека в развитии языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 64-76.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.

Нагорная А.В. Метафтонимия в сфере концептуализации эмоций в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). Часть II. С. 128-134.

Никуличева Д.Б. Перцепция времени и ее корреляция с темпоральными категориями языка // Человек: Образ и сущность. Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании. М., 2015. С. 39-50.

Blakesley D., Hoogeveen J.L. Writing: A manual for the digital age, brief. Boston, 2012.

Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge, 2015.

Flaherty M. A watched pot: How we experience time. NY, 1999.

Greenhouse C.J. A moment's notice: Time politics across cultures. Ithaca & London, 1996.

Hall E.T. The Dance of Life: The Other Dimension of Time. NY, 1983.

Pianca E.R. The vanishing book of life. [Электронный ресурс]. – URL: <http://uts.cc.utexas.edu/~varanus/Vanishing.Book.text.pdf>. Дата обращения: 04.04.2016.

Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics: The Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships. New Brunswick, 2010.

Thomson A.J., Martinet A.V. A practical English Grammar. Oxford, 1997.

Сокращения

COCA – Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс]. – URL: corpus.byu.edu/coca/

MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2008.

Е.В. Терехова
Национальный научный центр морской биологии
Дальневосточного отделения РАН, Владивосток

Т.Н. Великода
Северо-восточный комплексный научно-исследовательский
Институт Дальневосточного отделения РАН, Магадан

Антропоцентрическая метафора в научной прозе: текстовое функционирование и эвристический потенциал

This paper discusses and compares various types of scientific metaphors ranging from emotionally re-evaluated common lexical means to different idiomatic expressions. It contains many examples of scientific anthropomorphic metaphors. Progressive novelty of modern scientific knowledge serves as a prerequisite for cognitive novelty of metaphoric means used at the text level.

Статья посвящена выявлению и анализу антропоцентрической метафоры в современных научных текстах. Языковая метафора при этом рассматривается как один из наиболее эффективных механизмов функционально-стилистической организации научной прозы, которая обеспечивает необходимую информационную ёмкость научного текста.

Аналогично грамматическому структурированию системы языка – от фонологического до цельнотекстового уровня, – предположительно, можно выделить последовательные ярусы грамматического оформления метафорических средств при организации научной коммуникации на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. В статье рассматривается текстовое функционирование метафоры. Материалом для исследования послужила научная англоязычная статья по экономической геологии: *Economic Geology. Bulletin of the Society of Economic Geologists, Volume 108, N 4. June-July 2013. P. 565-584.*

Общепринятым является определение текста как объединённой смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой выступают связность и цельность [ЛЭС, интернет-ресурс]. В грамматическом понимании текст – это высший уровень языковой системы [Чернявская 2007, 12]. Задача статьи – описать стилистико-функциональные особенности и роль научной метафоры, представленной на уровне текста определёнными лексическими и синтаксическими средствами. Каждый текст как целостное высказывание есть модель объекта научного познания, которая выстраивается на основе механизма метафоризации.

Несмотря на глубокую изученность явления языковой метафоры и наличие множества разноаспектных, прежде всего лингвокогнитивных и культурологических описаний и определений этого понятия [Серль 1990,

315], феномен метафоры, являясь продуктом неисчерпаемых когнитивно-вербальных возможностей и способностей социализированных индивидов, по-прежнему сохраняет теоретическую и методологическую перспективу в различных научных сферах. Развёртывание антропоцентрической метафоры в пространстве научного текста помогает представить речемыслительный процесс автора, результатом чего является мысленное представление и организация текста научной статьи [Терехова 2010, 99].

Подтверждая приведённый выше тезис, небезынтересно было бы указать на исследование Н.А. Мишанкиной, которая описывает ряд метафорических архетипов в качестве гносеологических универсалий: ‘нечто – природный объект’, ‘нечто – человек’, ‘нечто – предмет’ [Мишанкина 2012, 32-45]. В тексте анализируемой англоязычной статьи модель ‘нечто – человек’ выступает весьма продуктивным механизмом метафорического описания в геологической науке. Очевидно, что у представителей научного сообщества *a priori* хорошо должен быть развит когнитивный интеллект [Хомутова 2014, 29]. Что же может ‘толкнуть’, побудить учёного-интеллектуала использовать в речевой деятельности и в научных текстах эмоциональные средства – метафору – для передачи или называния базовых научных понятий (терминов) в своей научной сфере? Можно с большой долей уверенности предположить, что, прежде всего, это новизна изучаемого им объекта. Впрочем, эмоциональная и эстетическая сферы, по выражению Т.Н. Хомутовой, вполне дружелюбно соседствуют рядом с интеллектуальной ‘антропосферой’ учёного [Хомутова 2014, 30].

Создание онтологически целостного текстового образа научного объекта осуществляется в большинстве случаев за счёт уже известных общелексических метафорических единиц. Однако можно говорить о метафорической новизне современной общенаучной лексики на уровне целостного текста. Подобная новизна, предположительно, связана либо с новым объектом исследования, либо с его углублённо-дифференцированным анализом. В анализируемой журнальной статье рассматриваются порфиновые системы и методики определения продолжительности их существования, что является одним из ключевых аспектов современной рудной геологии. Описание порфиновых систем носит антропоморфный характер, а используемые при этом известные лексические средства (*life span*, *to survive*, *evolution* и другие) сохраняют определённую эмоциональную образность, что связано с научной новизной объекта.

Сравнение продолжительности существования геологического объекта с жизненным циклом живого существа подтверждается примерами порфиновых систем и гидротермальных, и магматических событий: *the overall life of the porphyry systems*; *to bracket the life span of porphyry systems*; *wrong life spans of porphyry systems*; *long-lived magmatic-hydrothermal events are not consistent with thermal modeling*; *zircon is a highly refractory mineral that survives most of the geologic processes*; *molybdenite has been shown to survive*

metamorphic conditions; *the life span* of a magmatic-hydrothermal system; the *lifetime* of a magmatic cycle; the expected magmatic-hydrothermal *life span* of many porphyry systems; determination of the ^{40}K *half-life*; the genetic *evolution* of porphyry systems; the temporal *evolution* of porphyry systems.

Также наблюдается приписывание неживым объектам антропоморфных свойств, как-то:

(а) Способность иметь взаимоотношения:

Rocks that *have clear crosscutting relationships* in the field; magmatic fluid-meteoric/basinal fluid *interaction*; dates of most minerals *correspond* to cooling of those minerals; whether or not the age *relates* to the ore mineral or to microinclusions within it; these advantages are *counterbalanced* by; the *relationship* between the ages of individual steps; an indirect dating method that *relies on* the known ages of standards; these pulses can be identified by *crosscutting relationships* in the field; this process statistically *associates* older zircons with zircons that crystallized within the youngest batch of magma и другие.

(б) Значение результативной деятельности/активности:

Highest temperature phase of mineralization will *provide* a minimum age for the *onset* of the magmatic-hydrothermal system; mineral assemblages and fluid inclusion data *indicate* that; zircons *yield* consistent and reproducible ages; uncertainties in the age calculation *generated* by *poorly* constrained common Pb compositions; dating of molybdenite has *highlighted* Re and Os mobility; erroneous interpretations may *lead* to an “anomalously” long, single magmatic-hydrothermal system и многие другие.

(в) Значение ментальной активности:

Thermodynamic constraints on the cooling rates of intrusive bodies emplaced at shallow depths *imply* that <...>; dates, which *reflect* the time of crystallization; the *theoretical ability* of the three methods to yield the same age for the same geologic event; such events *suggest* that; some specific information is a useful *reminder* for the following discussion; crystallization ages that *record* the time of molybdenite precipitation from fluids; the same concept *applies* to; the nuclear transformation *implies* that.

(г) Значение активного физического действия:

The *emplacement* of a source of heat (magmatic body); *replacement* of new minerals at the expenses of others; dates are not *disturbed* by later thermal events; *active* geothermal systems; open-versus closed system *behavior*; the relative uncertainty associated with a date *translates* into increasingly larger absolute uncertainties; a certain threshold *tends* to degrade; improved analytical procedures <...> *have introduced* new challenges to the accurate interpretation of the temporal *evolution* of porphyry systems; incremental pluton *construction*; artificially *inflated* uncertainties; inaccuracies <...> *propagate* into the calculated age; such a high external uncertainty <...> *inhibits* useful comparisons of; complications *arise*; knowledge of the accurate age of a standard only partly

contributes to an accurate calibration of the $^{40}\text{Ar} / ^{39}\text{Ar}$ system; exceptions *occur*; crosscutting relationships that *crop out* in the field and in drill cores are the most robust form of evidence; a systematic *offset* of $^{40}\text{Ar} / ^{39}\text{Ar}$ dates; large uncertainties <...> have significant *impacts* on young zircons *damaged* domains within zircon that are *prone* to Pb loss.

(д) Значения речевого действия:

What do U-Pb zircon ages *tell* us about the emplacement age of an ore-causative intrusion?

(е) Перцептивности:

The last decade *has seen* dramatic analytical and methodological improvements; this example *shows* that.

(ж) Возрастных характеристик:

Older and *younger* deposits; *young* minerals; *older* molybdenite crystals; progressively *older* rocks; *younger* porphyry systems; increasingly *younger* dates; *younger* ages; *older* ages и многие другие.

(з) Семейных связей:

The *daughter* Pb isotopes; *inherited* cores; *parent/daughter* nuclide ratios; *parent* ^{238}U ; uncertainty *inherent* to the method; и другие.

Можно предположить, что функционально-стилистическая значимость научной онтологической антропоморфной метафоры, реализуемой на уровне целостного текста [Решетникова 2013, 80], состоит в создании последовательного образа объекта научного исследования за счёт систематического привлечения метафорических средств лексического и синтаксического уровней. Уровни научной метафоры – это открытые структуры, обеспечивающие само существование онтологической научной метафоры как целостного образа-системы, получающего собственную реализацию в виде законченного текста. В данной статье примерами эмоционально-стилистической составляющей научной прозы [Разинкина 1978, 112-115] выступают номинативные и адъективные определения научно-геологического сообщества: *the ore community*; *the ore geology community*; *the U-Pb community* и другие.

Итак, текстовое функционирование антропоцентрической метафоры в научной прозе позволяет широко использовать образные лексические средства в общенаучном языке, которые обладают как явной, так и скрытой метафоричностью. При этом, как показывают примеры (*the U-Pb community* и другие), общенаучная лексика может характеризоваться собственным метафорическим и метонимическим потенциалом, в основе которого лежит уже не только общезыковое, но и новое научное знание, что позволяет сделать следующие выводы:

1. Новые научные цели и задачи, объекты и методы их исследования требуют и новых общенаучных и терминологических ресурсов, основы которых заложены в общенациональном литературном языке.

2. Научная метафора по своей структурной организации может получить уровневую классификацию относительно текстового уровня языка;

3. Научная метафора различных видов не только является мощным механизмом функционально-стилистической организации научной прозы, но и предположительно обеспечивает эвристичность научного мышления, механизм которой восходит к семантическому потенциалу общеупотребительной лексики.

Литература

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Интернет-ресурс: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/49493/>.

Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010.

Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. М., 1978.

Решетникова Е.В. Метафора в постнеклассическом познании. Новосибирск, 2013.

Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 307-341.

Терехова Е.В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе: статус и функционирование. М., 2010.

Хомутова Т.Н. Эстетический аспект научного текста: интегральная модель // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». Том 11. № 3. Челябинск, 2014. С. 28-32.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М., 2007.

Chiaradia M., Schaltegger U., Spikings R., Wotzlaw Jörn-Frederik, Ovtcharova M. How Accurately Can We Date the Duration of Magmatic-Hydrothermal Events in Porphyry Systems? // Economic Geology. Bulletin of the Society of Economic Geologists, Volume 108, N. 4. June-July 2013. P. 565-584.

III

Факторы грамматических изменений в современных германских языках

Н.А. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики

Im vorliegenden Beitrag plädiert der Autor für den sprachlichen Status von grammatischen Präzedenzeinheiten im Deutschen. Man geht der Frage über einige ontologische Beweggründe der Grammatikalisierung vor dem Hintergrund evolutionärer sprachlicher Prozesse nach. Als Forschungsgebiet sind also Einheiten, die nach Form, Bedeutung und Funktion der Grammatikalisierung unterworfen sind und in der deutschen Fachliteratur als Einheiten in ihrer Sekundärverwendung analysiert werden, d.h. in Präzedenzbeziehung zu anderen sprachlichen Einheiten stehen. Diese Einheiten spiegeln Präzedenzdynamik und Präzedenzrelation in der Grammatik wider. Im Lichte einer Präzedenztheorie reflektiert die Präzedenzbeziehung einen sprachdynamischen Tatbestand, bei dem es sich um einen Tatbestand der grammatischen Dynamik handelt. Nach dem kognitiv-semantischen Indiz, das Präzedenzialität heißt, lassen sich die behandelten grammatischen Einheiten in eine einheitliche Kategorie zusammenbringen.

Настоящая статья посвящена рассмотрению производных – прецедентных – грамматических единиц немецкого языка, которые подлежат систематизации в рамках единой категории. Прецедентными грамматические единицы становятся в результате грамматикализации. Этот процесс определяется нами как ведущий фактор *вторичной концептуализации* и *вторичной категоризации* (*перекатегоризации*) грамматических явлений, так как он обуславливает переосмысление значений последних.

Целью анализа является раскрытие прецедентного характера грамматикализованных единиц в немецком языке и выделение их категориального признака, на основе которого они объединяются в категорию. Исходя из этого, необходимо рассмотреть несколько методологически-релевантных аспектов: грамматикализацию как языковой процесс, концептуализацию производного грамматического знака, принципы систематизации прецедентных грамматических единиц.

В истории немецкого языка, как и в других языках [Bybee 1994], на многих уровнях грамматической системы прослеживались изменения. Так, тысячу лет тому назад немецкий язык не знал ни неопределенного, ни определенного артикля, а перфект только лишь утверждался. Говорящие располагали, однако, другими, в том числе и грамматическими средствами для передачи той же информации, что и сегодня. Но грамматическая система тех времен имела такие грамматические формы, которых нет в современной грамматике [Leuschner 2005]. Мы являемся свидетелями постоянного движения естественного языка.

Динамизм языка раскрывается в грамматикализации, представляющей собой системный процесс. Вместе с тем грамматикализация является фундаментальным организующим принципом современных грамматик (М. Гаспельмат, Б. Гейне, Р. Гарниш, Т. Гивон, К. Леманн, А. Мейе, Э. Трауготт). Прототипическими случаями унидирекциональной грамматикализации во многих языках стали вспомогательные глаголы как конstituенты грамматических временных форм, адвербиализация существительных, модальные глаголы и др. Однако и в других областях грамматики наблюдаются процессы грамматикализации.

Стойкий интерес лингвистов к грамматикализации как самостоятельному объекту исследования сформировался в последние десятилетия, хотя изучение феноменов этого процесса не является совершенно новым витком в развитии лингвистики. Изначально в центре внимания находился его диахронический аспект. Еще В. Гумбольдт в рассуждениях о возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие мысли поднимал вопросы [Humboldt 1822], которые разрабатываются в современной теории грамматикализации. Уместно также вспомнить широко известный постулат А. Мейе о двух путях возникновения грамматических форм. Первый путь – аналогия, когда форма образуется *sur le modèle d'une autre* ‘по модели другой’, второй – грамматикализация *le passage d'un mot autonome au rôle d'élément grammatical* ‘употребление полнозначного / самостоятельного слова в роли грамматического элемента’ [Meillet 1912, 130-131]. Вторым путем мы, без сомнения, соотносим, например, с грамматикализацией полнозначных лексем *haben* и *tun* в немецком языке. Первая стала вспомогательным глаголом сложных временных форм *Perfekt / Plusquamperfekt* (свободной грамматической морфемой), а вторая – дентальным (претеритальным) суффиксом *-te* (связанной грамматической морфемой). Таким образом, речь идет о пере рождении лексем в граммемы.

Эволюция грамматических морфем от их возникновения до исчезновения понимается в лингвистике как грамматикализация [Lehmann 1989; Hopper 1990; Heine 1991, 2003; Hopper, Traugott 1993; Diwald 1997]. Она индицирует изменение грамматики, так что последняя остается не засты-

шим неизменяемым сводом правил, а динамическим образованием. Это во многом обусловило содержание и принципы «эмержентной грамматики», в рамках которой П. Хоппер постулирует грамматику как перманентно «пулсирующую» [Hopper 1998]. В его динамической модели грамматики подчеркивается непрекращающаяся изменчивость грамматических структур.

Анализ развития грамматических значений отдельных грамматических форм убеждает в том, что грамматика в социальной интеракции возникает как побочный продукт говорения и она подвижна [Heine 1997, 3]. Поэтому грамматику, вслед за М. Хаспельматом, можно метафорически назвать *geronnerer Diskurs* ‘струящимся дискурсом’ [Haspelmath 2002, 270]. Как уже показано выше, новые грамматические единицы питаются лексическими единицами, поставляющими свои конкретные значения для выражения грамматических, то есть абстрактных значений. Так иницируется первая ступень грамматикализации языковой единицы.

Все языковые знаки, грамматические или лексические, как известно, билатеральны. При грамматикализации постепенно изменяются обе стороны знака, сначала изменяется функция (переход из денотативной функции в релятивную функцию), а затем и форма.

Этот процесс, по мнению лингвистов, обуславливается определенными факторами, среди которых десемантизация, экспансия, декатегоризация, эрозия (о механизмах, признаках и стадиях грамматикализации [Голубева 2010]). Грамматикализация – сложный языковой процесс, результатом которого является конвенционализированная языковая стратегия. Она заключается, как показано выше, в выражении определенного абстрактного концепта (например, *Präteritum*) определенной грамемой (например, *-te*).

Грамматикализацию языковых структур вызывает также решение коммуникативных задач. Как известно, главной целью речевых действий является успешная коммуникация (передача информации). При этом говорящий строит высказывание таким образом, чтобы слушающий понял его коммуникативное намерение (замысел). Коммуникативный успех в этом случае обеспечивают устойчивые, ритуализованные речевые образцы, в том числе в виде грамматикализованных выражений, значение которых легко угадывается по предыдущему коммуникативному опыту. Надежными в этом смысле могут быть как лексемы, например, *Wessi / Ossi, Kaffe pur*, так и грамматические морфемы, например, союз *weil* как маркер самостоятельного речевого акта, а также разного рода грамматические эллиптированные структуры.

Но для некоторых абстрактных концептов у грамматики нет готовых системных средств / форм. Эти «пробелы» заполняются говорящими при помощи лексем, которые передают конкретные смыслы (концепты) и одновременно продуктивно используются говорящими для выражения абстракт-

ных значений. Такой прием Б. Гейне называет *Zweckentfremden* ‘целевое отчуждение’, которое надолго запускает процесс грамматикализации [Heine 1991, 29]. Примером такого креативного решения можно считать становление разговорной рейнской формы, выражающей аспектуальность (длительность) типа: *Ich war gerad' am Lesen, als sie auftauchte* [Szczepaniak 2009, 29]. В отличие от русского языка с его возможностями глагольно-видовой экспликации или английского языка, немецкая нормативная грамматика не предлагает для абстрактного концепта «протекание глагольного действия» грамматической формы типа *she was reading, driving a car*.

Исходной структурой для рейнской грамматической конструкции была структура *am + Substantiv + Verb* [Pottelberge 2005]. Эта конструкция выражала изначально процесс, протекающий вдоль какого-либо протяженного предмета / субстанции *am Tisch sitzen, am Fluss spazieren, am Haus vorbeigehen*. Так как предлог *an* обозначал не только пространственную (*am Tisch, am Fluss*), но и временную протяженность (*am Tag, am Nachmittag, am Abend*), то он по аналогии стал комбинироваться с субстантивированным инфинитивом, который передает процесс. Ср.: *das Bügeln, das Lesen eines Buches* ‘процесс глажения’, ‘чтения книги’. Через *am* подчеркивается, что ‘процесс глажения’ длится дольше, то есть фокусируется его временная перспектива. Так возникла новая структура *am + substantivierter Infinitiv + sein*, которая актуализирует длящийся текущий процесс. Таким образом, *Sie ist am Lesen eines Buches* интерпретируется как *Sie liest gerade ein Buch*.

Рассмотренная структура в немецком языке, по мнению лингвистов, находится на начальном этапе грамматикализации, потому что еще сильна морфогенетическая связь элемента после *am* с существительным. Поэтому «процесс вдоль какой-либо субстанции» может напоминать о себе, например, через дополнение *Teppich* в предложении *Ich war am Teppichklopfen*. При этом их синтаксическая последовательность не может быть разорвана прилагательным: **Ich war am sorgfältigen Teppichklopfen*. Однако уже имеют место случаи разговорного употребления этой структуры, когда объект фокусируется путем разрыхления синтаксической связи с субстантивированным инфинитивом: *Ich war meinen Teppich sorgfältig am Klopfen* по аналогии с прогрессивной английской конструкцией *I was packing my suitcase* [Bhatt 1993]. На примере функционирования *am + substantivierter Infinitiv + sein* мы видим реализацию первого пути возникновения грамматической формы (аналогия), о которой говорил А. Мейе.

Но новые (нестандартные) грамматические единицы могут появляться в языке также в случаях, если в арсенале говорящих уже имеются соответствующие грамматические средства. К старым добавляются новые формы – так грамматическая категория формально обновляется. Подобные «находки» служат решению коммуникативных проблем [Hopper 1993, 73]. Через

них говорящие повышают информативность или выраженность (презентативность) описываемой сущности. Считается, что выражение «путем применения ножа» звучит более убедительно, чем просто «ножом» [Szczepaniak 2009, 30]. Через подобные экспрессивные выражения говорящие передают «свое» видение вещей [Mortelmans 2004]. Это можно проследить, например, на возникновении новых предлогов.

В частности, недавно появившийся предлог *am Rande*, в сравнении со старым *während*, поставляет дополнительную информацию о том, что всему параллельно протекающему событию придается меньшая значимость, чем тому, что произошло в его завершение (*am Rande*). Ср.: *Am Rande der Konferenz fand eine Party statt, auf der alles entschieden wurde* [Meibauer 1995]. Благодаря этому создается психологическое напряжение, потому что высказывание с *am Rande* явно указывает на то, что обстоятельства складывались не так, как этого ожидали, а это всегда вызывает интерес слушающего. Старый предлог *während* с такой прагматической задачей не справился бы. Сравним: *Während der Konferenz fand eine Party statt, auf der alles entschieden wurde*.

Мы видим, что грамматикализация является механизмом решения коммуникативных проблем с их прагматическими задачами. Способность и желание говорящих представить вещи оригинальным способом ведут к перепрофилированию языковых знаков, когда выражаемые ими конкретные концепты перерождаются в абстрактные. Базисом для этого являются когнитивные процессы восприятия и переработки знаний (когниции), то есть способ категоризации вещей окружающего нас мира.

Б. Гейне и его единомышленники имеют в виду в этом случае *universelle Kreativität* ‘универсальное творчество’, которое порождает концептуальные образцы [Heine 1991, 31]. Так, «пространство» концептуализируется как «человеческое тело», ср., *am Fuß des Berges*. Поэтому вполне обосновано рассмотрение многих грамматических феноменов, в том числе производных, в рамках *Körperlinguistik* ‘телесной лингвистики’ [Hübler 2001]. Сравним также концептуализацию – «время» как «пространство» – в возникшей рейнской грамматической форме *Sie ist am Lesen*.

Грамматикализованные единицы являются объектом прецедентной грамматики (лат. *praecedens* – *идуций впереди, предшествующий*), которая рассматривается как теория языка, возникшая путем осмысления вторично-грамматических (производных) феноменов, их анализа и категоризации [Голубева 2010]. По задачам исследований прецедентная грамматика включает объект исследования выше упомянутой грамматики конструкций, но экзистенциально шире ее, так как связана с исследованием не только вновь появляющихся, нестандартных, статичных языковых конструкций, но и закономерностей движения информации в тексте в рамках коммуникативной ситуации, то есть в дискурсе.

Лингвофилософская основа грамматической концепции прецедентности заключается в том, что в языке есть некоторое множество когнитивно-однородных, системно- и дискурсивно-адаптированных грамматических элементов, которые имеют свой прототип – прецедентную единицу и объединяются по классифицирующему когнитивному признаку «прецедентность». Этот признак является признаком отношения производности, презумптивности между двумя грамматическими знаками, то есть «прецедентного отношения», и выделяется на уровне синхронии и диахронии, парадигматики и синтагматики (о прецедентном отношении как когнитивной проекции см. [Голубева, 2015]). Это отношение строится на корреляции производящий грамматический знак – производный грамматический знак, в котором первый является прецедентом второго.

«Прецедент» понимается как коллективно или индивидуально детерминированное на языковом или коммуникативном уровне представление об определённой грамматической сущности, актуально-значимое в сознании его носителя. Из данного определения следует, что прецедентная единица – это языковой элемент, который объективирует определённый когнитивный контекст, раскрывающий его генетическую связь с языковым и / или коммуникативным прецедентом (прототипом), и имеет статус производности – выступает либо производным, либо производящим языковым знаком.

Таким образом, основная задача исследователя в русле прецедентной грамматики увидеть и обосновать аналогию между новой грамматической единицей (по функции, форме и / или значению) и ранее имевшей место в системе языка или дискурсе, выявить их прецедентное отношение. Например, в диахронии оно обнаруживается у определенного артикля *der/die/das*, относительных местоимений *der/die/das*, подчинительного союза *dass* и употребляемых в разговорной речи личных местоимений *der/die/das*, производных от указательных местоимений *dieser/diese/dieses*.

В начале нескольких путей грамматикализации в ранневерхненемецком (1350-1650 гг.) стоял глагол *werden*, далее как вспомогательный глагол футура (*Die Zeit wird uns recht geben*), пассива (*Die Idee wird bald verwirklicht*) и кондиционалиса (*Ich würde gerne vorbeikommen, wenn...*).

Прецедентность несет в себе также порядок слов. Так, вторая позиция спрягаемого глагола ($2V_{\text{fin}}$) в простом повествовательном предложении в синхронии есть производное конечной позиции спрягаемого глагола ($3V_{\text{fin}}$) в диахронии, которое пережило ряд промежуточных фаз своего развития и может быть выражено логической формулой $Ph_3(L) < Ph_2(L)$, где $Ph_3(L)$ является предшествующей грамматической фазой $Ph_2(L)$ [Fourquet 1974].

В синхронии также находятся достаточно примеров для выявления прецедентного отношения на морфологическом и синтаксическом уровне. На это указывает развитие грамматических значений многих форм и

средств – перфекта, подчинительных союзов *bevor, nachdem, obwohl, weil*, «вежливого» имперфекта (*Wie war Ihr Name, bitte?*), «этического» компаратива (*eine ältere Dame*), а также отрицательной частицы *nicht*, сочинительных союзов *und, aber, denn*, наречий *allerdings, nur* как дискурсивных маркеров. В рамках экспрессивного синтаксиса прецедентность реализуется инверсией, синтаксическим повтором, модусными структурами типа *es gilt / es heißt*, аппозицией, обособлением, парентезой, эллипсисом [Голубева 2010; Борисова 2014].

Подведем итог. Представленный фрагмент анализа свидетельствует о том, что прецедентные единицы в немецкой грамматике выражают прецедентный смысл, который является когнитивной основой их прецедентных грамматических значений. В грамматических значениях, формах и функциях прецедентных единиц содержится некий объём языкового (грамматического) знания, который форматируется как категория. По всем выделенным когнитивным и лингвистическим признакам эта категория выступает объектом вторичной категоризации грамматической (интерпретативной) семантики.

Идеализированной когнитивной моделью вторичного грамматического знания является концепт «прецедент» как индивидуальное ментальное образование, которое по внешней структуре является концептом-понятием, а по содержанию языковым. Слово «прецедент» в рамках прецедентной грамматики как области производных грамматических значений маркировано семиотически как знак осмысления грамматических категориальных единиц.

Общая теория грамматикализации, постулаты которой составляют основу теории грамматической прецедентности, постоянно обогащается новыми познаниями о грамматических феноменах, которые не попадали раньше в поле зрения лингвистов. Среди них часто оказываются разговорные, нестандартные формы с их значениями, которые не получают в классических грамматиках должного освещения и исключены из реестра языковых форм в рамках R&P-грамматики.

На это был нацелен предпринятый нами анализ, который позволяет вскрыть динамику процесса «поглощения» исходного грамматического значения когнитивным контекстом, преобразования грамматической формы, «выделения» ее нового грамматического значения. Эти лингвистические и когнитивные особенности формируют категориальную семантику грамматических прецедентных единиц.

Литература

- Борисова Д.А.* Экспрессия как языковой механизм репрезентации грамматического вида прецедентности (на материале немецкого языка). Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014.
- Голубева Н.А.* Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2010.
- Голубева Н.А.* Прецедентное отношение как когнитивная проекция // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 47-52.
- Bhatt C., Schmidt C.M.* Die am + Infinitiv-Konstruktion im Kölnischen und im umgangssprachlichen Standarddeutschen als Aspekt-Phrasen // W. Abraham, J. Bayer (Hrsg.): Dialektsyntax. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. S. 71-98.
- Bybee Jo.L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, London: University of Chicago Press, 1994.
- Diewald G.-M.* Grammatikalisierung. Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen. Tübingen: Niemeyer, 1997 (Germanistische Arbeitshefte 36).
- Fourquet Je.* Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau // W. Besch et al. (Hrsg.): Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag. Berlin: E. Schmidt, 1974. S. 314-323.
- Haspelmath M.* Grammatikalisierung: von der Performanz zur Kompetenz ohne angeborene Grammatik // Gibt es eine Sprache hinter dem Sprechen? / S. Krämer, E. König (Hrsg.). Frankfurt: Suhrkamp, 2002. S. 262-286.
- Heine B.* Cognitive Foundations of Grammar. New York: Oxford University Press, 1997.
- Heine B.* Grammaticalization // The Handbook of historical linguistics / B. Joseph, R. Janda (ed.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 575-601.
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: A conceptual framework. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Hopper P.J.* Principles of grammaticalization: Towards a diachronic typology // P. Winfred, Ch. Lehmann (Hrsg.): Language typology 1987: Systematic balance in language. Papers from the linguistic symposium, Berkeley, 1-3 December 1987. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins (Current issues in linguistic theory 67), 1990. P. 157-170.
- Hopper P.J.* Emergent Grammar // The New Psychology of Language / M. Tomasello (ed.). Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates. 1998. P. 155-175.
- Hopper P.J., Traugott E.C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Hübler A.* Das Konzept „Körper“ in den Sprach- und Kommunikationswissenschaften. Basel: Franke, 2001.

Humboldt W. von. Über das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung // A. Flitner, K. Giel (Hrsg.): 5 Bde, Bd. III: Schriften zur Sprachphilosophie. 6. unveränderte Aufl. Stuttgart: Cotta, 1822 (=1988). S. 31-63.

Lehmann Ch. Grammatikalisierung und Lexikalisierung // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 42. 1989. S. 11-19.

Leuschner T. Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin: de Gruyter, 2005.

Meibauer J. Komplexe Präpositionen – Grammatikalisierung, Metapher, Implikatur und division of pragmatic labour // F. Liedtke (Hrsg.): Implikaturen. Grammatische und pragmatische Analysen. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 47-74.

Meillet A. L'évolution des formes grammaticales // A. Meillet (Hrsg.): Linguistique historique générale. Paris: Champion, 1912 (=1926). S. 130-148.

Mortelmans T. Grammatikalisierung und Subjektivierung: Traugott und Langacker revisited // Zeitschrift für germanische Linguistik 32. 2004. S. 188-209.

Pottelberge J. van. Ist jedes grammatische Verfahren Ergebnis eines Grammatikalisierungsprozesses? Fragen zur Entwicklung des am-Progressivs // T. Leuschner et al. (Hrsg.): Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin, New York: de Gruyter, 2005. S. 169-191.

Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Tübingen: Narr, 2009.

Когнитивные и коммуникативные аспекты функциональной переориентации единиц современного английского языка

The article deals with the problems of the functional changes in the system of Modern English nominative units. Such changes are caused by the phenomenon of functional re-orientation. This phenomenon is typical of present-day English, thus leading to homonymity and polyfunctionality of the English linguistic units. Regularities of functional re-orientation of Modern English word-stock units that are connected with the implementation of their considerable functional potential are revealed in the article. The approach to understanding the term “functional re-orientation” is worked out on the basis of communicative and cognitive factors.

Для современных лингвистических исследований характерен многоаспектный анализ номинативных единиц, при котором когнитивные параметры изучаются в тесной связи с параметрами коммуникативными (см., например, [Александрова 2015; ван Дейк 2013; Кубрякова 2004; Givón 1989; Норрег, Traugott 1994] и др.). При этом, интерес к коммуникативности номинативных единиц может быть определен как совокупность целенаправленного воздействия «среды» на систему языка. Подобное воздействие приводит к появлению у рассматриваемой системы новых особых свойств. Ориентация системы средств номинации на выполнение коммуникативных задач не может быть объяснена вне взаимосвязи с функциями конкретных языковых средств в процессах порождения высказывания и его производства. «Основной пафос функционализма – **объяснение языковой формы ее функциями**» [Кибрик, Плунгян 1997, 276]. Если же под функцией понимать предназначение языкового средства для хранения и выражения им определенного понятия, то в перечень основных задач функционального подхода к анализу номинативных единиц языка может быть включено изучение изменений их семантических, синтаксических и прагматических функций в высказывании и переструктуризация классификационных рангов в самой системе языка.

Предлагаемый нами подход к описанию изменений в области функционирования единиц номинации базируется на их способности непосредственно отражать динамику развития языка, то есть раскрывать свои потенциальные возможности в процессе реализации. В расчет принимаются не только функциональные характеристики самих языковых единиц, но и свя-

занные с ними структурные особенности современного английского языка, поскольку «функционализм – это принципиально **типологически** ориентированная лингвистика» [Кибрик, Плунгян 1997, 277]. Следовательно, функционализм не направлен на формулировку априорных аксиом о структуре конкретного языка, а ставит своей целью рассмотрение его типологических возможностей.

В современном языкознании принято считать, что языковые изменения происходят постоянно, а язык находится в состоянии динамики, поскольку процессы изменений в нем не затухают (см., например, [Ярцева 1961, Croft 1993]). Именно функциональная переориентация и представляет собой один из наиболее ярких примеров проявления динамики в синхронном состоянии языка.

Под функциональной переориентацией мы понимаем особый деривационный процесс, позволяющий отдельным единицам языка при неизменности их формы реализовать новые, нехарактерные для них ранее характеристики. Так, функциональные изменения, наблюдаемые в современном английском языке, могут быть охарактеризованы как появление у исследуемой единицы несвойственной ей ранее, но потенциально возможной функции (*a must, dos and donts, semi (n); -aware, Cheezit! (interj)*) и др.), что позволяет раскрыть когнитивные параметры в тесной связи с параметрами коммуникативными.

Зависимость новых производных единиц языка от субъекта высказывания, от того смысла, который он стремится придать своим словам, делает их значение «открытым», подвижным и развивающимся, что, в свою очередь, дает возможность более широкой интерпретации передаваемого сообщения слушающим. Дополнительная информация может включать различного рода нюансы лингвистического поведения: выражение эмоций, распределение акцентов, придание высказыванию особой экспрессивности.

Результат же динамического словообразования – окказиональное слово (*“But there was always a but, wasn't there?”*), как правило, вводится в высказывание лишь при наличии необходимых условий как лингвистического, так и экстралингвистического характера в его восприятии. Его же необычность вполне осознаются как продуцентом высказывания, так и его реципиентом.

К предпосылкам функциональной переориентации, связанным с особенностями системы языка, следует отнести общелингвистические процессы экономии и аналогии, имеющие ярко выраженный антропоцентрический характер. Данные процессы выступают действенными явлениями, стимулирующими изменения в системе языка. Они выражаются в стремлении коммуникантов к сокращению сложных и составных

наименований, форма которых вступает в противоречие с целостностью и единством их номинативной функции.

Действие аналогии и экономии не всегда проходит в ограниченных рамках языковой системы. Так, отдельные нарушения в языковой системе дают возможность проследить основные тенденции ее развития. В частности, действие функциональной переориентации наблюдается как нарушение (сдвиг), который проходит по нескольким направлениям: категориальный сдвиг по когнитивной линии; отклонение в употреблении – по прагматической линии; нарушение референтной соотнесенности (нарушение между означаемым и означающим) – по семантической линии; приобретение языковой единицей новых грамматических категорий взамен старых – по морфологической линии; изменение валентностных показателей – по синтаксической линии.

Среди когнитивных предпосылок функциональной переориентации нами выделяются особенности, связанные с получением, обработкой, хранением и передачей информации, а также отражающие индивидуализированный характер коммуникативной деятельности человека. Подобный подход позволяет вскрыть когнитивные факторы, способствующие действию функциональной переориентации в языке. При этом мы исходим из признания роли человека как творца процесса коммуникации и, в конечном счете, главного субъективного фактора, определяющего основные тенденции изменений в системе языка. Особое значение в качестве когнитивных предпосылок функциональной переориентации играют отражательная деятельность мышления человека, его способность к категоризации/перекатегоризации получаемой информации, работа человеческой памяти, ассоциативная основа образного отображения мира и игровое начало данного процесса. Кроме того, перед индивидом в процессе коммуникации стоит важная задача адекватной передачи собственных понятий, суждений и умозаключений, что позволяет учесть взаимодействие когнитивных и коммуникативных факторов в процессе функциональной переориентации.

Коммуникативные предпосылки функциональной переориентации единиц современного английского языка тесно связаны с реализацией номинативных единиц в высказывании, а именно коммуникативной значимостью единиц номинации, особенностями коммуникативной номинации и действием коммуникативных стереотипов. Поскольку процесс коммуникации творится человеком, нельзя игнорировать и индивидуализированный характер коммуникативной деятельности индивида как одну из важнейших коммуникативных предпосылок функциональной переориентации номинативных единиц.

В поиске единицы номинации индивид обращается, в первую очередь, к лексику как хранителю готовых единиц номинации: для опреде-

ленного набора смыслов подыскивается коррелятивная языковая единица. Объективизация личностного смысла в высказывании предполагает предшествующую ему перестройку этого смысла в языковое значение, целью которого является их приспособление к стереотипным формам выражения определенных значений.

Роль семантического компонента значения в переходе от личностных смыслов к языковым значениям с устоявшимися и отработанными языковыми формами их выражения состоит в том, что с введением говорящим в действие семантического компонента происходит «высвечивание» основных семантически значимых элементов ситуации. Таким путём происходит именование предметов, явлений, состояний или процессов реальной действительности, которое представляет собой не только процесс обозначения, но одновременно процесс познания и коммуникации. Совершенно очевидно, что от структуры именованного зависит адекватность передачи информации, выраженной в языковой форме. В результате действия подобного процесса материальный мир адекватно отражается в человеческом сознании.

В процессе порождения высказывания именованию подлежат не реальные объекты, явления или события, а фрагменты внеязыковой действительности, выделенные индивидуальным сознанием и в ходе его классифицирующей деятельности соотнесенные с имеющейся когнитивной базой индивида.

Номинации, входящие в лексикон языка и функционирующие в высказывании как составляющие лексико-грамматической системы языка, кодифицированы. Кроме того, вербальная форма реализации ментальных репрезентаций индивида обусловлена не только системными характеристиками языковых явлений и лингвокультурными особенностями их проявления в высказывании, но и присущими памяти специфическими способами представления информации в процессе коммуникации, в частности, структурами хранения вербализованной информации в сознании носителя языка.

Языковое поведение личности выступает частью его наивной картины мира, которая формируется когнитивными и коммуникативными компонентами. Человек прежде всего отображает предметы, явления, события, состояния и действия на фоне самого себя. Сначала восприятие происходит в направлении «я – окружающий мир», а уже затем отображается сам объект. Именуется не столько сама вещь, сколько концепт, созданный человеком по поводу неё. Сознание человека, антропоцентричное по своей природе, организует непредметную деятельность по аналогии с пространством и временем мира, данного человеку в непосредственных ощущениях.

Физическая ориентация в окружающем мире служит основой для описания мира, которое закрепляется в языке. Внешние признаки предметов оцениваются носителями языка, в том числе, и по сравнению с собой как вертикально ориентированным существом. В восприятии внешних объектов индивидуум опирается на особенности своего собственного перцептивного аппарата. Наличие данного явления приводит к тому, что индивидуально-личностное восприятие и последующее употребление языковой единицы не всегда соответствует узуальному.

В современном английском языке в силу особенностей его структуры прослеживается значительная зависимость семантики слова от его «узкого» контекста. Следовательно, английское слово достаточно гибко в функциональном аспекте. Оно способно менять функциональные характеристики при неизменности формы. Синтаксическое использование английского слова, его синтагматический потенциал тесно связаны с семантическими особенностями и определяют его лексико-грамматические характеристики. Именно контекст даёт разгадку для определения реципиентом значения знакомой языковой единицы в незнакомой функции, как, например, во фразе *Thoughts father ideas*. С позиции же говорящего происходит вкладывание нового смысла в старое слово, что позволяет его использовать в новом значении, с целью заполнить брешь в словаре. Ассоциативная и формальная связь между исходной и новой языковой единицами приводит не только к развитию вариативной зоны семантики исходной единицы, но и к изменению её синтаксических и морфологических показателей. По сравнению с номинативным значением первоначальной единицы новое значение реализуется только при одном определенном типе синтаксического сочетания.

В процессе коммуникации языковая единица функционирует, с одной стороны, как единица словарного состава и основа кодирования информации, а с другой, – как компонент общей структуры памяти, связанной ассоциативными связями с другими ее компонентами. Стоящая за словом часть концептуальной сети памяти пользователя языка – лексикон – актуализируется в процессе речепорождения как особый механизм, обеспечивающий адекватное включение слова в структуру высказывания. Иерархия организации средств номинации в систему в рамках лексикона задается индивидом через его ассоциации и, следовательно, варьируется от одного человека к другому. Индивидуальный лексикон носителя языка формируется на основе ассоциирования лексикона с концептуальной сетью памяти индивида в границах лексико-семантической системы языка и представляет собой иерархическую организацию концептов в индивидуальной памяти пользователя языка. Таким образом, индивидуальный лексикон составляет концептуальную основу любой номинации в речи. Человек выбирает ту или иную единицу номинации в

зависимости от того, в какой мере ее семантика удовлетворяет вербализуемой информации.

Функциональная переориентация приводит к изменению традиционной парадигмы номинативной единицы и ее закреплению в новой функции. Параллельное прототипическое и не прототипическое употребление единицы создает основу равноименности и полифункциональности как одноуровневых, так и разноуровневых единиц языка. Как следствие изменение функционального статуса языковой единицы при сохранении ее формальной отнесенности к единицам других уровней возникает их равноименность. Языковые единицы, входя в новые контексты, расширяют свои связи, приобретают новые экстенсионалы и тем самым принимают участие в создании новых, ранее нехарактерных для языка, структур.

Основные модели функциональной переориентации разноуровневых языковых единиц, приводящие к их равноименности, таковы:

- морфема → лексема: *hyper (adj), mega (adj), semi (n)*;
- фонема → лексема: */i:/ (n), /ou/ (n), /ju:/ (n)*;
- лексема → морфема: *-aid, -person, -driven, -led, -speak, -style*;
- предложение → лексема: *Cheezit! (interj), How d'you do (n), Charlie's dead! (interj), What? (n), do-it-yourself (adj)*;
- лексема → предложение: *Cut!, Brother!, Grand!, Gee!*;
- словосочетание → предложение: *My hat!, Banana oil!, A pretty kettle of fish!, For God's sake!, Comic opera!*;
- словосочетание → лексема: *kind of, hell of a lot, my gum!*

Следует подробнее остановиться на функционировании полнозначных лексем в качестве морфем. Естественно, базовой единицей сферы языковых знаков, которые непосредственно обслуживают деятельность человека, является лексема. Она соотносится с синтаксической конструкцией, которая включает синтагматическую цепь лексем. Тем самым, корреляция «морфема – лексема – словосочетание/предложение» становится основой для определения функциональных особенностей языковых единиц в высказывании. Взаимосвязь грамматических (морфем, словосочетаний, предложений) и лексических (лексем) единиц в процессе функционирования проявляется, в частности, в том, что возможны их взаимные переходы. Активность этих процессов в современном английском языке объясняется действием функциональной переориентации.

В диахроническом аспекте это явление отразилось в образовании ряда суффиксов *-hood, -ful, -ly* и др. К примеру, *-hood* [др.-англ. *had*, др.-сакс. *hed*, двн. *heit*, др.-исл. *heiðr (honour, worth)*, гот. *haidus (kind, manner)*, санскр. *ketus (brightness), ketas (form, shape, sign)*] [ODEE] функционировал как существительное. Затем стала наблюдаться потеря его независимого статуса и фиксировалось его параллельное употребление в качестве

существительного и суффикса (др.-англ. *fæmnan had* и *fæmnhad* в значении ‘virginity’).

Среди случаев переориентации единиц разных уровней отметим лексикализацию словосочетаний в сложные глаголы (*to land on the belly* → *to belly-land*, *to watch one's clock* → *to clock-watch*, *to drop names* → *to name-drop*, *a stone wall* → *to stonewall*, *high tail* → *to hightail*, *second guess* → *to second-guess*), интеграцию сложных глаголов и глаголов с послелогом (*to draw back* → *a drawback*, *to black out* → *a black-out*, *to cut up* → *a cut-up*), интеграцию элементов словосочетаний в результате телескопии (*breakfast lunch* = *brunch*, *television broadcast* = *telecast*), преобразование словосочетаний в лексемы путем отсечения одного из компонентов (*local train* → *a local*, *a private soldier* → *a private*), интеграцию компонентов свободного словосочетания в сложное слово (*stay at home* → *stay-at-home*, *once over lightly* → *once-over-lightly*), трансформацию и идиоматизацию полнозначных лексем, словосочетаний/предложений в междометия (*champion* → *champion!*, *my* → *my!*, *my foot* → *my foot!*, *That's my pigeon* → *That's my pigeon!*).

Функциональная переориентация как явление объемное включает и переориентацию единиц лексического уровня, который объединяет значительное число полнозначных единиц номинации. Единицы этой группы, в свою очередь, подразделяются на подгруппы в словарном составе языка с учетом их функциональных характеристик. Именно поэтому значительно развито явление их переориентации. Среди основных моделей функциональной переориентации мы выделяем:

- предлог → знаменательная часть речи: *on* (*n, v*), *in* (*n, adj*), *out* (*adj, v*), *up* (*n, adv*), *off* (*v, n*), *under* (*n*), *till* (*n*);
- частица → знаменательная часть речи: *not* (*adj.*), *no-no* (*n*);
- междометие → знаменательная часть речи: *to yo-yo* (*v*), *to zap* (*v*), *to zonk* (*v*), *ye-ye* (*adj*), *ha-ha* (*n*), *hoo-ha* (*n*);
- словоформа → знаменательная часть речи: *done* (*n*), *caught* (*adj*);
- словоформа → служебное слово: *provided* (*conj*), *owing* (*prep*);
- знаменательная часть речи → междометие: *boy!*, *rabbit!*, *nuts!*, *honest!*, *indeed!*, *say!*, *come!*, *cut!*, *soft!*;
- числительное → иная часть речи: *twenty-five* (*n*), *to sixty-eight* (*v*), *two and eight* (*n*);
- переходы внутри системы знаменательных частей речи: *that* (*n, adv*), *blue* (*n*), *to baby* (*v*), *die* (*adj*), *crack* (*adj*), *to handbag* (*v*), *to wet* (*v*).

Словарные данные позволяют сделать вывод о значительном диапазоне функциональной переориентации внутри системы знаменательных частей речи, приводящем к полифункциональности и синкретизму (*boutique* (*n, adj*), *buddy* (*n, v*), *blackboard* (*n, v*), *consensus* (*n, adj*)).

Действие функциональной переориентации затрагивает также переход собственных имён в нарицательные (*Iago*, *Jeeves*, *Falstaff*), а также пре-

вращение слова, раскрывающего суть предмета, характера человека, частей его тела или действий, в квазисобственное имя (*Mr. Right, Mister Nice-guy, Norman Normal, Bob Hope, Rosie Lee, to mickey-mouse* и др.).

Появление нового слова в целом является результатом борьбы двух тенденций – развития языка и его сохранения [Заботкина 1991]. Вопрос о принятии лингвосоциумом инновации решается в зависимости от характеристик самого неологизма. Идеальным для быстрого принятия в обществе является тот неологизм, в котором совмещаются максимум информации с простотой структуры (например, *do-it-yourself, input, rent-a-car, head-on*, которые сейчас занимают место среди ядерных компонентов английского лексикона).

Ряд функционально переориентированных единиц потенциально способен со временем закрепить свои характеристики в системе языка, если приобретенные семантические показатели окажутся для нее существенными. Как, например, произошло в случае с *to water, to cast, to import, to book*.

Итак, функциональная переориентация доказывает, что языковая единица в высказывании может изменять свои основные функции лингвистического знака, синтаксические функции, категориальные характеристики, а вместе с ними и прагматические особенности. Основу данного процесса составляют когнитивные и коммуникативные составляющие.

Литература

- Александрова О.В.* Когнитивно-прагматические основы построения художественного текста // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. 2015. С. 313 – 315.
- Дейк Т. ван.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
- Заботкина В.И.* Семантика и прагматика нового слова (на материале английского слова): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1991.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А.* Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 276–339.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004.
- Ярцева В.Н.* Исторический синтаксис английского языка. М., 1961.
- Croft W.* Typology and Universals. Cambridge, 1993.
- Givón T. M Hopper P.J., Traugott E.C.* Grammaticalization. Cambridge, 1994.

Словари

- ODEE – The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C. T. Onions. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 1025 p.*
- ind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, 1989.*

Сентенциональное поле и структурирование синтаксических единиц

Stating the fact that sentence is the main nominative language unit, contemporary linguistics is facing a problem of classifying the innumerable number of sentences not according to the form but according to the meaning. Strict formal criteria do not help to distinguish simple and compound sentences. It is argued that the semantic classification of sentences should be based on the notion of 'sentential field' which can integrate sentences with the common proposition.

Признав предложение главной номинативной единицей языка, лингвистика оказалась перед проблемой упорядочения и классификации бесконечного количества предложений не столько по форме, сколько по значению. Формальная классификация предложений до сих пор вызывает споры именно в тех пунктах, где исследователь обращает внимание на соответствие/несоответствие формы предложения и его семантики. Строгие формальные критерии оказываются неплодотворными при разграничении сложного и простого предложения, когда одинаково простыми оказываются предложения *Война принесла много горя* и *Он принес ручку, а Дай, чем подписать* и *Дай ручку* попадают в разные формальные разряды. Трансформационный и деривационный подход к анализу предложений наглядно показал, что общепринятая модель простого предложения с переходным глаголом (N_1VN_2) возглавляет разные трансформационные или деривационные ряды, ср.:

<i>Я слышу колокол</i>	<i>Я толкнул колокол</i>	<i>Я вспомнил колокол</i>
<i>звук колокола</i>		<i>звон/вид колокола</i>
<i>как звонит колокол</i>		<i>как/что звонил колокол</i>

Очевидно, что анализ всех простых предложений в модели N_1VN_2 неплодотворен. Если же допустить в состав парадигмы простого предложения сложноподчиненные (как это здесь сделали мы), то простые предложения распадаются как минимум на две единицы: собственно простые предложения с глагольными предикатами действия (*Я толкнул колокол*) и так называемые полипредикативные предложения, в форме которых регулярно отражается предикатный актанта (*Я слышу / вспоминаю звон колокола / что (как) звонит колокол*). Таким образом, граница между

простым и сложным предложением расплывается, как только мы обращаем внимание на семантическую сторону предложения.

Классификация предложения по семантическим признакам упирается в многозначность предиката: известная шутка *Шел дождь и два студента* исходит из двух значений глагола *идти*, разводящих предложения *Шел дождь* и *Шли два студента* в разные группы на основании разных семантических признаков.

В современном синтаксисе семантическая классификация предложений, похоже, опирается на вербоцентрическую концепцию организации пропозитивного конституента предложения, которая исходит из того, что предложение строится глагольным предикатом, частеречная семантика которого безапелляционно определяет виды и количество актантов в предложении. Это свойство называют валентностью, связывают его в большинстве случаев с именем Л. Теньера, хотя за десять лет до посмертной публикации его книги «Основы структурного синтаксиса» (*«Eléments de syntaxe structurale»*) [1959] идея валентности была четко сформулирована С.Д. Канцельсоном [1948], а на само явление, без употребления термина, указывают все исследователи, начиная с двадцатых годов прошлого века и кончая Ч. Филлмором [Fillmore 1968].

Исследования семантической организации предложения в связи с семантикой предикатов породили убеждение, что предложения следует классифицировать по лексико-семантической общности их предикатов. Так, появляются статьи на эту тему, а также первые словари предложений. Однако, несмотря на убедительность и кажущуюся простоту такого подхода к семантической классификации предложений, определенные типы предложений остаются за ее пределами (особенно в языках с развитой морфологической категорией падежа). Возникает целый ряд вопросов.

Во-первых, если разница в семантике и синтаксисе предложения определяется многозначностью глагольной лексики, то где же глаголы приобретают/приобрели эти значения? Ответ может быть только один: в предложении, будучи его предикатами. Разница между глаголом как единицей словаря и сказуемым (предикатом) как членом предложения состоит в том, что глагол принадлежит лексической системе языка, а предикат – речевой деятельности, поэтому всегда удачно или неудачно отражает когницию говорящего, наблюдателя, который категоризирует ситуацию в мире. Последний использует любые глаголы, помогающие ему точнее номинировать ситуацию. Так, в конструкциях, репрезентирующих прямую речь, он употребляет глаголы, которые обозначают звуки, издаваемые животными (*лаять, шипеть*) и артефактами (*скрежетать, скрипение*), звуки разной интенсивности (*греметь, грохотать*), звуки, отражающие настроение и намерение говорящего (*настаивать, угрожать, умолять*) и т.д. Поле

речи оказывается безразмерным, и это закономерно. Следует вспомнить мнение Б. Гаспарова: «Семантическое поле, в котором развертывается употребление той или иной языковой формы, принципиально не сводимо к единому понятийному феномену: это именно поле, непрерывный смысловой континуум, открытый для растяжений и растекания по всем мыслимым направлениям» [Гаспаров 1996, 240]. Но если многозначность глагола как лексической единицы вытекает из многозначности предиката как единицы высказывания, то вопрос о семантико-синтаксической организации предложения перемещается из сферы вербоцентризма в зону влияния так называемой грамматики конструкций.

Во-вторых, если семантико-синтаксическая организация предложения опирается на семантическую валентность глагола, то в какие семантические группы следует включить предложения, в которых отсутствует глагольный предикат? Такие конструкции довольно часто встречаются в языках с развитой системой падежных окончаний, например, в русском. Ср.:

- (1) Он ее в губы, она его в щечку;
- (2) Он ее по спинке, она его по головке;
- (3) Он ее за руки, она от него;
- (4) Он вниз, она за ним;
- (5) Он ей «Замолчи!», а она ему: «Сам молчи»; и т.д.

Носители русского языка безошибочно поймут предложения и расставят имплицитные предикаты/глаголы: (1) *целовать*; (2) *гладить*; (3) а) *хватать*, б) *бежать*; (4) *идти*; (5) *кричать*, *говорить*.

Опорой для слушателя, как, вероятно, и для говорящего служит «формальная рамка» (актанты в определенных морфологических и так называемых «предложных падежах»). В этом смысле Ч. Филлмор был прав, назвав актанты падежами. В (3) слушатель выделит два разных глагола, опираясь только на предложно-падежное сочетание *за руки* и *от него*, а именно: (3а) *хватать* и (3б) *бежать*. В языковом сознании при этом происходят непонятные нам процессы, о которых Б. Гаспаров писал так: «Идея грамматической формы, мерцающая в языковом сознании говорящих (выделено нами – Л.К.) сквозь калейдоскопический узор всех тех смысловых, стилевых, образных эффектов, которые сопровождают разные случаи ее употребления, представляют собой скорее некий концептуальный вектор, способ мыслить различные концепты, – чем какой-либо концепт, пусть самый обобщенный, в собственном смысле» [Гаспаров 1996, 240].

В-третьих, еще более странными представляются предложения, в которых на имплицитный предикат не указывают даже падежные формы, например:

Он повернулся к ней: «Пойдем отсюда!» / «Скальпель!» / «Уходи!».

Речевой предикат в самом обобщенном виде возникает из контекста прямой речи, то есть из определенной синтаксической структуры. Однако это не значит, что в этом контексте могут быть любые предикаты. Ср.:

*Он **разговаривал** с ней: «Пойдем отсюда!» / «Скальпель!» / «Уходи!»

*Он **задумался**: «Пойдем отсюда!» / «Скальпель!» / «Уходи!»

*Он **искал**: «Пойдем отсюда!» / «Скальпель!» / «Уходи!»

Здесь еще более притягательна идея «мерцания» в языковом сознании говорящего какого-то смысла, не эксплицированного говорящим, но подсказываемого общей обстановкой общения.

Все вышесказанное убедительно доказывает, что семантическая классификация предложений не может опираться на лексико-семантическую классификацию глаголов: слишком много конструкций остается вне ее. Представляется, что в основу семантической классификации предложений следует положить понятие «сентенциональное поле», которое объединяет предложения по общности их смысла, определяемой общностью их номинативно-пропозитивного конституента. В центре такого поля находятся предложения, объединенные предикатами одной семантической группы (см. [Ковалева 2009, 105-125]). Особо следует подчеркнуть, что предложения объединяются в одну группу на основе семантической близости предикатов, а не глаголов, иначе в один ряд не попадут предложения типа *He knew about it* и *He was aware of it*; *He was afraid to sleep* и *He feared to sleep*.

Термин «сентенциональное поле» коррелирует с термином *Wortfeld*, то есть «лексическое (чаще: семантическое) поле», но не входит в один ряд с термином «синтаксическое поле», который занял уже довольно прочное положение в отечественном языкознании в смысле «парадигма предложения» [Золотова 1982]. Между сентенциональным и синтаксическим полем в последнем значении существуют такие же отношения, как между семантикой слова и его морфологическими и словообразовательными парадигмами [Ковалева 2009, 112]. Каждое сентенциональное поле покрывает определенную концептуальную область, которую можно назвать «движение», «каузальность», «восприятие», «поисковая деятельность» и т.п.

Одна и та же ситуация не обозначается одинаково хотя бы потому, что в мире ситуации не повторяются, они всегда «не одни и те же»; каждый говорящий осмысливает и, следовательно, номинирует ситуацию по-разному; и, наконец, сам язык препятствует единственно правильной номинации ситуации; ибо «предложение не способно предсказать бесконечную сложность единичной ситуации – оно может только указать (при помощи слов) ее опорные точки» [Scalička 1948, 35].

Таким образом, и семантические, и прагматические факторы, с одной стороны, как будто мешают языковому знаку идеально точно номинировать ситуацию, но с другой стороны, они же обеспечивают и невероятную

гибкость языка, и его способность категоризовать бесконечное количество непрототипических ситуаций, то есть то, что Й. Триер называл непрерывным семантическим полем [Trier 1934]. В целом полнота номинации ситуации всегда остается на том уровне, который обеспечивает взаимопонимание коммуникантов.

Литература

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1982.

Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. №2. С. 114-134.

Ковалева Л.М. Сентенциональное поле как объект когнитивного исследования // Когнитивные категории в синтаксисе: коллективная монография / Отв. ред. Л.М. Ковалева. Иркутск, 2009. С.105-125.

Хисматуллина А.М. Глаголы, репрезентирующие прямую речь в современном английском языке (к вопросу о лексико-синтаксических связях). Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1975.

Fillmore Ch.J. The case for case // Bach E. & Harms R.T. (eds.) Universals in Linguistic Theory. New York, 1968. Pp. 1-88.

Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959. Русский перевод. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.

Scalička V. The Need for a Linguistics of la Parole // Recueil Linguistique de Bratislavo. 1948. 1. Pp. 21-38.

**Особенности взаимодействия грамматики и семантики общего
и среднего рода в скандинавских языках.**

The article deals with semantic functions of the grammatical gender system in Danish and Swedish, formed by the common/neuter dichotomy. The interplay between grammatical markers and semantics is based on a new category of personality/non-personality which has emerged on the basis of the category of animacy/inanimacy as a result of reduction of the old gender system (masculine/feminine/neuter). Therefore the grammatical structure of gender has an inducing influence and determines the trends and configuration of its semantic aspects, so that the common/neuter gender markers can be used to express generalized personality/non-personality.

Присущее языкам с родовой дифференциацией именных классов взаимодействие грамматики и семантики обусловлено как внутренними принципами системного устройства, так и внешними социолингвистическими причинами, связанными с проявлениями человеческого фактора. Вместе с тем парадигматика именного склонения оказывает индуцирующее воздействие и определяет направленность и конфигурацию семантических процессов, «дублирующих» формально-грамматическую модель родовой дифференциации существительных и её манифестации в словоизменительных показателях согласуемых с ними именных частей речи.

Сложившаяся в шведском и датском языках модель с общим/средним родом¹ и обусловленное этим включение местоимения *den* для замещения предметных существительных общего рода, наряду с унаследованными от исходной трехродовой системы *han* 'он', *hon* 'она' и *det* 'оно', изменили соотношение между парадигматикой рода и семантикой родовой дифференциации [Andersson 1979; Teleman 1995]. Местоимения *han/hon* стали облигаторными только при соотнесенности с существительными, обозначающими лиц, для которых гендерная принадлежность традиционно является необходимым атрибутом социальной характеристики. Это привело к превращению скрытой в значении существительных семантической категории одушевленности / неодушевленности, служащей их «лексической приметой» [Кацнельсон 2002, 23] и не зависящей от парадигматического

---

¹ О семантических особенностях трехродовой системы в норвежском букмоле и нюношке см. [Norsk referansegrammatikk 1997, 149-157].

рода, в лексико-грамматическую категорию, выражающую лицо / не-лицо референта и предполагающую дифференциацию личных имен по семантическим признакам мужского или женского рода. Речь идет, таким образом, о различии, базирующемся на реальных семантических основаниях по признаку «разумности» / «неразумности» и имеющем «бесспорную семантико-грамматическую значимость» [Кацнельсон 2002, 22].

Во основу каждого из двух рядов анафорических местоимений, объединенных в новой системе координат не только семантикой (лицо / не-лицо), но и общим фонеморфологическим компонентом, легли различные признаки: для личных местоимений *han/ hon* (*H-pronomen*) – семантический мужской / женский род, а для предметных местоимений *den / det* (*D-pronomen*) – грамматический общий/средний род. Во множественном числе и личные, и предметные местоимения представлены одной лексемой *de* ‘они’.

Наблюдаемые в динамике синхронии тенденции показывают, что функционально-семантический потенциал родовой дифференциации реализуется в парадигматике именного склонения датского и шведского языков. В датских диалектах Ютландии наблюдается тенденция к семантической дифференциации существительных различной родовой принадлежности, когда все вещественные существительные переходят в средний, а конкретно-предметные – в общий род: *iset, jordet*, но *skiben, husen* (в литературном датском *isen* ‘лед’, *jorden* ‘земля’, *skibet* ‘корабль’, *huset* ‘дом’) [Есперсен 1958, 280-281]. Аналогичные процессы отмечены при освоении категории рода шведскими детьми, которые также могут быть не случайными ошибками, а проявлениями тенденции к семантизации родовой принадлежности существительных, обозначающих вещества (средний род) или конкретные предметы (общий род): *sandet* вместо *sanden* ‘песок’, но *tågen* вместо *tåget* ‘поезд’ [Кузьменко 1998, 16].

В датском языке наблюдаются также обусловленные семантическими факторами «нарушения» грамматического согласования по общему / среднему роду у некоторых местоимений в атрибутивной функции как следствие их лексикализации. Так, форма общего рода неопределенного местоимения *nogen* нередко употребляется в устной и письменной речи при существительных среднего рода с конкретной семантикой, а форма среднего рода *noget* – при вещественных и абстрактных существительных общего рода [Немцева 2015, 6]. Эти особенности связаны с выражением семантической категории дискретности / недискретности единичных и множественных денотатов, которая реализуется в согласовательных показателях общего / среднего рода и у некоторых других местоименных лексем. Так, при выражении недискретной массы вещества возможно употребление форм среднего рода *det* ‘это’ и *andet* ‘другое’ с существительными обоих родов. Ср. *alt det mælk* ‘всё то молоко’ / *mælken* ‘(это) молоко’, *noget andet ost* ‘какой-то другой сыр’

(при обозначении продукта питания) / *en anden ost* ‘другой сорт сыра, другая головка сыра’; *Jeg kan ikke nøjes med det te / den te* ‘Мне недостаточно этого (количества) чая’ / ‘Мне не нравится этот чай’ (если имеется в виду сорт или качество чая) [Есперсен 1958, 281]; *Han har drukket øllen / øllet* ‘Он выпил пиво / пива’; *Har du drukket den mælk / det siste mælk?* ‘Ты выпил то молоко / последнее молоко?’² [Diderichsen 1957, 91-93]³. Возможно, семантическая дифференциация по линии дискретности / недискретности денотата, выраженная в согласовательных показателях парадигматического рода, сопровождается просодико-синтаксическими различиями в акцентном выделении различных членов предложения, отмеченных подчеркиванием.

В шведском взаимодействие грамматики и семантики рода имеет свою специфику, обусловленную формально-грамматическими принципами устройства, которые отличают его от датского языка, проявляющего в типологическом плане, вслед за английским, тенденцию к максимальному анализируемому и эволюции в сторону корнеизоляции [Плоткин 1984, 30-31].

Семантические аспекты родовой дифференциации могут выражаться в словоизменительных показателях прилагательных «вопреки» парадигматическому роду существительного:

1) В предикативной функции при семантическом согласовании по общему роду с существительными среднего рода, обозначающими лиц (*ett barn* ‘ребенок’, *ombud* ‘представитель, уполномоченный’, *statsråd* ‘министр’, *vittne* ‘свидетель’ и другие): *Regeringsrådet är sjuk* ‘Член Верховного административного суда болен’ [SAG 1999, 226]. Показательно, что в структуре атрибутивных именных словосочетаний морфологические показатели общего и среднего рода при этом всегда сохраняются.

2) В вариативности показателей слабой формы единственного числа *-a* и *-e*, который в результате перестройки парадигматики именного склонения из облигативного превратился в факультативный показатель слабой формы мужского рода [Wessén 1951, 104]. Их семантический потенциал сохраняется в устойчивых словосочетаниях с личными именами: *Karl den store* ‘Карл Великий’ / *Katarina den stora* ‘Екатерина Великая’.

Окончание слабой формы *-e* является лексически закрепленным и в составе устойчивых словосочетаний с порядковыми числительными *förste / andre*, которые используются при обозначении бывших прежде исключительно мужскими должностей и профессий, в том числе применительно к женщинам⁴: *förste byråsekreterare* ‘первый секретарь бюро’, *amanuens /*

² Здесь и далее перевод мой – Е.Ч.

³ О семантизации родовой принадлежности свидетельствует то, что в датском языке существительные *mælk* и *te* общего, а *øl* – среднего рода.

⁴ Показательно, что существительные в устойчивых словосочетаниях такого типа употребляются без артикля.

bibliotekarie / kammarskrivare ‘старший ассистент / библиотекарь / бухгалтер’, *intendent / konsertmästare* ‘главный хранитель / концертмейстер’; *andre ambassadsekreterare / styrman* ‘второй секретарь посольства / штурман’ и другие [Språkriktighetsboken 2005, 93]: *1970 blev hon förste intendent för avdelningen* [SAG 1999, 204] ‘В 1970 году она стала главным хранителем отдела’. При обычном употреблении тех же порядковых числительных со свободностоящим артиклем и существительным в определенной форме, обозначающим конкретное лицо женского пола, они имеют окончание *-a*: *Hon var den första bibliotekarie som anställdes vid det nya biblioteket* [Språkriktighetsboken 1995, 93] ‘Она была первым библиотекарем, принятым на работу в новую библиотеку’⁵. Таким образом, при указании на социальный статус лица морфема *-e* приобрела новую функцию показателя **семантического общего рода**, а её функционально-семантический потенциал в результате «понижения в ранге» от грамматически облигаторного указания на семантический мужской род к факультативному тем самым расширился.

Выражение семантического общего рода показателем слабой формы прилагательного *-e* наблюдается также при разграничении лексико-семантических вариантов – имя деятеля / техническое устройство – у отдельных существительных с суффиксом *-are*: *den nye mottagaren* ‘новый приемщик’ / *den nya mottagaren* ‘новый приемник’; *den nye skrivaren* ‘новый писарь (переписчик)’ / *den nya skrivaren* ‘новый принтер’; *den uppmärksamme läsaren* ‘внимательный читатель’ / *den optiska läsaren* ‘оптический сканер’ [Hellberg 1984, 45; Språkriktighetsboken 2005, 95].

При субстантивации морфема *-e* также может выполнять две функции:

а) семантического мужского рода при конкретной референции: *Den vackre satt och stirrade ner i glaset* [SAG 1999, 224] ‘Красавец сидел, уставившись в рюмку’;

б) семантического общего рода при выражении обобщенного лица: *Den händige behöver ingen hjälp* [там же] ‘Умелому помощь не нужна’.

Морфема *-a* при субстантивации выступает только показателем семантического женского рода; ср.: *Den sjukelsjuka måste få snabb läkarhjälp* [Hultman 2003, 88] ‘Большой должен / Большая должна получить быструю помощь врача’.

Семантические аспекты родовой принадлежности наблюдаются также в словообразовательных процессах при дифференциации одушевленноличных (общий род) и предметно-понятийных (средний род) существительных, образованных по одной модели. Это проявляется в различной родовой принадлежности образованных в результате субстантивации причастия I существительных общего рода со значением лица и среднего рода с предмет-

⁵ См. подробнее [Чекалина 2011, 53-54].

ным и / или абстрактным значением: *en studerande* ‘учащийся’, *ordförande* ‘председатель’, но *ett förhållande* ‘отношение’, *leende* ‘улыбка’, *meddelande* ‘сообщение’ и многие другие. Родовая принадлежность может выступать средством разграничения лексико-семантических вариантов и одного существительного, образованного по этой модели; ср.: *den idealiske resanden* ‘идеальный пассажир’ – *det myckna resandet* ‘бесконечная езда’. Другим показательным примером является слово *individ*, также представленное в двух ЛСВ с различной родовой принадлежностью, которая служит средством их семантической дифференциации по линии лексико-грамматической категории лицо / не-лицо: *en individ* ‘личность, индивид(уум)’ (*individen och samhället* ‘личность и общество’, *individens rättigheter och skyldigheter* ‘права и обязанности личности’) – *ett individ* ‘биологическая особь’ (*ett individ av släktet Primula* ‘представитель семейства примул’) [SO 1999, 509].

В условиях современной европейской идеологии в различных ситуациях все чаще возникает необходимость «нейтрального» личного местоимения семантического общего рода (*genus commune*), особенно актуальная при письменной коммуникации.

Одной из интересных тенденций современного шведского языка является использование предметного местоимения общего рода *den* для выражения семантического общего рода при обобщенной референции без указания на пол лица, зафиксированное на рубеже XX–XXI вв. в академической грамматике: *Var och en får gå och lägga sig om den själv vill* [Hultman 2003, 96] ‘Каждый может лечь спать, когда сам захочет’. Показательны также примеры использования *den* при анафорическом замещении неопределенного местоимения общего рода, которое в субстантивной функции всегда обозначает лицо (что само по себе свидетельствует о семантизации грамматического рода): *Om någon vill börja här så måste den genomgå en intervju och en rad test* ‘Если кто-нибудь захочет поступить сюда, он должен пройти собеседование и ряд тестов’ [SAG 1999, 281].

В идеологической ситуации борьбы за абсолютное гендерное равенство *den* вытесняет в этой функции местоимение *han*, которое традиционно использовалось при выражении обобщенного лица, поскольку в силу экстралингвистических причин существительные, связанные с обозначением социального статуса, чаще всего были мужского рода; ср., например: *Kunden måste bestämma sig för vilken betalningssätt han föredrar* [Språkriktighetsboken 2005, 75] / *Kunden måste bestämma sig för vilken betalningssätt den föredrar* [SAG 1999, 281] ‘Клиент должен сам определиться с тем, какой способ оплаты он предпочитает’; *När läraren har semester, måste han hålla sig ajour med utvecklingen inom sitt fack* [Andersson 1979, 39] ‘Когда учитель в отпуске, он должен быть в курсе того, что происходит в его профсоюзе’ / *Forskaren kan söka forskningsanslag för de idéer den har utvecklat* ‘Исследователь может ис-

как источники финансирования предложенных им идей' [SAG 1999, 281]. Однако в обоих случаях выбор анафорического местоимения реализуется как тенденция, определяемая человеческим фактором, а не как общепринятая языковая норма. Поэтому в контексте борьбы за равноправие мужчин и женщин при замещении аналогичных существительных, обозначающих профессии, в равной или большей мере свойственные женщинам, возможно замещение личным местоимением *hon*: *Om en förskollärare⁶ vill ha semester i juli, måste hon anmäla det ett halvår i förväg* [Språkriktighetsboken 2005, 75] 'Если преподаватель дошкольного учреждения хочет взять отпуск в июле, она должна подать заявление об этом за полгода'. В то же время употребление *den* для выражения семантического общего рода возможно при анафорическом замещении существительных, ранее принадлежавших к женскому роду и вплоть до недавнего времени обозначавших преимущественно женские профессии: *Om en sjuksköterska vill ha semester i juli, måste den anmäla det ett halvår i förväg* [SAG 1999, 281] 'Если медицинская сестра хочет получить отпуск в июле, она должна подать заявление за полгода'. Таким образом, в тех случаях, когда указание на семантический мужской или женский род невозможно или неуместно, в шведском языке наблюдается тенденция к выражению семантического общего рода имен лица, по аналогии с формально-грамматическим предметным общим родом.

В датском языке предпочтение до сих пор нередко отдается местоимению *han*, что вызывает протесты феминисток, которые демонстративно употребляют в устной речи *hun* [Jensen 2002]. В письменной речи встречается также указательное местоимение *denne* 'этот', в грамматическом оформлении которого не содержится указания на мужской род (в отличие от шведского аналога с семантически значимым показателем *-e*): *Det er det, afsender signalerer til denne (modtager)* 'Это то, о чем говорящий сигнализирует ему / букв. тому (адресату)'.⁷

Влияние парадигматики именного склонения на выражение семантического общего рода, лишённого гендерной окраски, возможно, проявляется и в том, что ни в шведском, ни в датском языках не прижилась калька с английского *he or she*, которая воспринимается в скандинавских языковых сообществах как претенциозно вежливая и потому несколько ироничная⁷. Шведская исследовательница Г. Видмарк объясняет это неудобством использования слишком длинной синтагмы, особенно в разговорной речи

⁶ Существительное *lära^rinna* 'учительница' с суффиксом, сохраняющим гендерную окраску, не употребляется в современном шведском языке для обозначения профессии учителя; оно имеет пейоративный оттенок и воспринимается носителями шведского языка примерно так же, как русское слово с суффиксом *училка*.

⁷ Носители датского языка иногда употребляют вместо этого существительное во множественном числе и замещающее его местоимение *de* 'они' [Jensen 2002].

[Widmark 1992, 24]. Думается, однако, что основная причина коренится глубже и имеет системные основания, поскольку датский и шведский языки кардинально отличаются от английского, в котором «<...> различие родов устраняется из именной области и остается единственно только в местоимении 3-го лица» [Бодуэн де Куртенэ 1995, 10].

В последние годы развернулась дискуссия об актуальности идеологически нейтрального в гендерном отношении личного местоимения, во многом обусловленная борьбой за равноправие теперь уже не представителей противоположного пола, а сексуальных меньшинств. Встал вопрос о том, чтобы ввести в речевой обиход, особенно при письменной коммуникации, новое нейтральное слово *hen*, являющееся своеобразной компиляцией местоимений *han* и *hon*, которое было впервые предложено в газете *Uppsala Nya Tidning* в 1966 г.⁸. В 2009 г. *hen* было включено в Шведскую Национальную энциклопедию, а в 2015 г. оно вошло в последнее 14 издание Словника Шведской Академии вместе с формами генитива *hens* и объектного падежа *hen*, которую считают более предпочтительной, чем *henom*, слишком похожей на форму местоимения мужского рода *honom* [SAOL 2015, 469]. В датском языковом сообществе вариант *hæn* также обсуждался, но был отвергнут. По всей вероятности, лингвистической «подоплекой», способствующей более благоприятному развитию ситуации в Швеции, стала аналогия с лишенным указания на семантический род местоимением 3 лица *hän* в активно контактирующем с шведским, по крайней мере на территории Финляндии, финском языке, где отсутствует родовая дифференциация существительных [Språkriktighetsboken 2005, 80]. Таким образом, наблюдаемые в динамике синхронии процессы говорят о том, что «категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слов» [Виноградов, 1938, 18-19].

Литература

- Бодуэн де Куртенэ И.А. О связи грамматического рода с мирозерцанием и настроением людей, говорящих языками, различающими род. [Лингвистические заметки]. Конспект рефератов, прочитанных в заседании лингвистической секции Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете 15-го марта 1900 г. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 331. 1900. Октябрь // Бодуэн де Куртенэ. Теоретическое наследие и современность. Тезисы докладов международной научной конференции. Казань, 1995. С. 9-13.
- Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М., 1938.

---

⁸ См. подробно [Савицкая 2015].

- Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002.
- Кузьменко Ю.К.* Языковые контакты и морфологические изменения. Судьба категории рода в скандинавских языках и диалектах // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб, 1998. С. 5-44.
- Немцева А.А.* Функционально-семантические особенности неопределенного местоимения *poget* в датском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Плоткин В.Я.* Типологическая эволюция германских языков // Лингвистические единицы, конструкции и текст. Новосибирск, 1989. С. 3-13.
- Савицкая А.В.* Новое местоимение в шведском языке: история и перспективы // Скандинавская филология. Scandinavica. Выпуск XIII. СПб, 2015. С. 188-199.
- Чекалина Е.М.* Семантический потенциал категории рода в современном шведском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 6. С. 47-68.
- Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan // Folkmålsstudier 26. Åbo, 1979. S. 27-48.
- Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København, 1957.
- Hellberg St.* Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984.
- Hultman T.G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2003.
- Jensen J.N.* Nyt fra Sprognævnet, 2002/3. [Электронный ресурс]. – <http://sproget.dk/raad-og-regler/artikler/mv/svarbase/SV00001134>
- Norsk referancegrammatikk.* Jan Terje Faarlund, Svein Lie, Kjell Ivar Vannebo. Universitetsforlaget. Oslo, 1997.
- Språkriktighetsboken.* Stockholm, 2005.
- SAG – Svenska Akademiens grammatik.* U. Teleman, St. Hellberg, E. Andersson. Band 2. Ord. Stockholm, 1999.
- Teleman U.* Svenskans genusmorfem // Arkiv för nordisk filologi. Band 80. Uppsala, 1995. S. 217-230.
- Wessén E.* Svensk språkhistoria. I. Ljudlära och formlära. 3-e upplagan. Stockholm, 1951.
- Widmark G.* Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv // Fyra uppsatser om kongruens. Ord och stil 23. Uppsala, 1992. S. 7-30.

Словари

- SAOL – Svenska Akademiens ordlista över svenska språket.* Fjortonde upplagan. Stockholm, 2015.
- SO – Svensk ordbok.* Tredje reviderade upplagan. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Norstedts Ordbok. Stockholm, 1999.

Глобализация английского языка и изменения в грамматических системах контактирующих языков

This article addresses the issues of contact-induced change in grammar with a special focus on the interplay of inner/linguistic and outer/socio-cultural factors. The controversies of language and culture contact are discussed in the context of the English language globalization. The article stresses the importance of an in-depth comprehensive investigation of the innovations in English grammar, including the grammatical systems of its new contact varieties (New Englishes), and of the changes in the grammars of local languages, in particular, the changes in Russian grammar triggered by exposure to global English.

Усиление глобализационных процессов, включающих глобализацию английского языка, породило в начале XXI в. очередной виток споров о «сохранении чистоты языка и культуры» как среди «наивных» лингвистов, так и в профессиональных кругах. Особенную обеспокоенность, как правило, вызывают наблюдаемые изменения в грамматике; например, в русскоязычном лингвистическом сообществе калькирование англоязычных грамматических структур аналитического типа иногда оценивается как «подрывающее основы русского синтаксиса» [Захватаева 2012, 402].

Для того, чтобы уйти от расхожих клише и описать воздействие глобализации английского языка как главного социолингвистического явления современности на грамматические системы отдельных языков, включая грамматику самого английского языка, необходимо уточнить позиции по целому ряду взаимосвязанных основополагающих вопросов социолингвистики, лингвокультурологии, диахронической и сравнительно-сопоставительной грамматической типологии и контактной лингвистики. Необходимо конкретизировать следующее:

– можно ли говорить о социальной и национально-культурной обусловленности грамматики или же грамматика, в отличие от лексики, должна рассматриваться как часть «языковой техники», не связанная с «языковой идеологией»;

– могут ли диахронические процессы в грамматике детерминироваться внешними факторами или же грамматика изменяется только под собственным «давлением системы»;

– насколько значим контакт языков и культур как внешний фактор, влияющий на изменение грамматических систем контактирующих языков;

другими словами, возможно ли изменение грамматической системы в результате воздействия другого языка;

– каковы особенности контакта английского языка с местными языками в процессе глобализации английского языка и как эти особенности проявляются в грамматике контактирующих языков.

В данной статье мы кратко остановимся на выделенных вопросах, каждый из которых представляет собой самостоятельную и в высшей степени сложную сферу исследований, и на этом основании дадим характеристику некоторым изменениям, которые в современных контактно-лингвистических исследованиях приводятся в качестве примеров взаимодействия английского языка с местными языками на уровне грамматических систем.

Антропоцентрический принцип в современной лингвистике предполагает несколько ракурсов изучения влияния культуры и общества на грамматику языка. Среди них наибольшие разногласия вызывает подход, сформировавшийся в рамках этнолингвистики и лингвокультурологии. При таком подходе наблюдается большое количество умозрительных лингво-детерминистских упрощений, основанных на стремлении выявить прямые корреляции между структурно-грамматическими особенностями языка и особенностями культур, «национальных характеров» и менталитетов (см. подробную критику в [Геберт 2013]). В качестве примера можно привести попытки связать наличие в русском языке формальной согласовательно-морфологической категории рода, якобы «наделяющей все предметы окружающего мира свойствами мужскими, женскими или нейтральными», с «более эмоциональным отношением к природе, к миру», с «олицетворением этого мира» в русской культуре [Тер-Минасова 2000, 159]. Н.Б. Мечковская, критикуя схожие рассуждения А. Вежбицкой, автора теории этносинтаксиса, характеризует их как «лирику» [Мечковская 2001, 325]. По поводу зависимости между типологическим, а значит прежде всего грамматическим своеобразием языка и особенностями культуры, созданной носителями данного языка, она пишет, что «в это верят, на это надеются, здесь лежат самые заветные стимулы сопоставлять грамматики и лексиконы разных языков», при этом «в гипотезах недостатка нет, но доказать их трудно» [Мечковская 2001, 324]. Отметим, что сами основоположники теории лингвистической относительности осторожно высказывались по поводу строгой версии этой теории, лингвистического детерминизма. Б. Уорф подчеркивал, что «идея взаимосвязи между языком и культурой в общепринятом смысле этого слова, несомненно, ошибочна» [Уорф 1999, 64].

Из вышесказанного не вытекает, однако, что грамматика вообще не может рассматриваться в качестве «культуроносного» слоя языка. Этнолингвистическое своеобразие грамматики проявляется в ее «периферийных» зонах, не затрагивающих глубинные, типологически обусловленные

слои. Это относится, в первую очередь, к грамматическим показателям, связанным с прагматикой, с такими прагматическими понятиями, как коммуникативное поведение и речевой этикет в стереотипных, социально-заданных и культурно-специфичных ситуациях общения, регулируемых представлениями о том, как говорящие должны вести себя в данном лингвокультурном сообществе в соответствии с некоторыми социальными ролями. Речь идет не о жестких грамматических правилах, а скорее о правилах речевого поведения, тенденциях, выявляемых с помощью «приема симптоматической статистики» (в терминах «больше/меньше», «чаще/реже») и обусловленных грамматической вариативностью и нормативностью. Важно подчеркнуть, что при этом должен рассматриваться не грамматический строй языка как таковой, а его узус, то, как носители языка используют имеющиеся в структуре языка грамматические конструкции. Кроме того, этнокультурная маркированность проявляется по большей части в тех лингвистических единицах, которые лежат на стыке лексической и грамматической систем языка, таких как система гонорифической суффиксации в японском языке или уменьшительно-ласкательной суффиксации в русском (см. схожие примеры из разных языков в [Gladkova 2012]).

Именно в такого рода «периферийных» разделах грамматики возможны социально- и культурно-обусловленные изменения, вплоть до целенаправленных, «волевых» воздействий, обусловленных идеологическим климатом в обществе, языковой политикой государства или даже метаязыковыми представлениями «наивных» носителей языка. В качестве одного из наиболее ярких примеров воздействия внешних социально-культурных факторов на грамматику в последние десятилетия можно привести изменения в функционировании местоимения *they* (а также парадигматически связанных с ним *their*, *them*, *themselves*) в английском языке. Примеры использования *they* в качестве гендерно-немаркированного местоимения третьего лица единственного числа кодифицированы в современных грамматических пособиях и словарях, например, в словаре [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2005]: *If anyone arrives late they'll have to wait outside; If anyone calls, ask for their number so I can call them back.*¹ Хотя, как было отмечено выше, грамматическая категория рода не детерминирована напрямую социально и культурно обусловленными гендерными категориями,² для «наи-

---

¹ Некоторые словари, например, [Collins Cobuild Advanced Dictionary of American English 2007], сегодня фиксируют еще более радикальную грамматическую инновацию подобного рода – использование местоимения *she* в качестве немаркированного заместителя существительных общего рода: *The student may show signs of feeling the strain of responsibility and she may give up.*

² Э. Сепир в свое время писал, что многочисленные повторяющиеся на протяжении развития лингвистики попытки выявить прямые корреляции между языковой категорией рода и положением женщины в обществе демонстрируют, «к какому полету фантазии может привести подобный способ аргументации» [Сепир 1993, 281].

вного» языкового сознания характерно устойчивое, мифологизированное представление об их взаимосвязи. В результате, борьба с социальным неравноправием в англоязычном сообществе породила ряд «политически корректных» инноваций в лексике и грамматике английского языка: в частности, в сфере английской грамматики использование гендерно-нейтральных местоимений стало частью так называемого «инклюзивного языка», призванного преодолевать «сексизм» в языке и обществе. Подчеркнем еще раз, что подобного рода изменения, во-первых, не затрагивают глубинных слоев грамматики, они периферийны, факультативны, вариативны и относятся к тем неавтоматизированным языковым смыслам, которые в школе Бодуэна де Куртенэ называли «светлым полем сознания» [Мечковская 2001, 276-277], а во-вторых, они всегда имеют вероятностный характер, то есть «потенциально “заложены” в языковой системе, как бы разрешены системой и законами ее развития» [Мечковская 2009, 248]. Так, использование *they* в качестве местоимения третьего лица единственного числа было распространено в английском языке до конца XIX в. и, по данным [Merriam-Webster's Concise Dictionary of English Usage 2002], встречается в произведениях Шекспира, Джейн Остин и других английских писателей. В конце XIX в. нормативно-прескриптивные тенденции в отношении к языку повлекли ограничения гендерно-нейтрального использования *they*, которое вновь вернулось в речевую практику носителей английского языка в конце XX в. на волне настроений «политкорректности».

В данном случае влияние социально-культурных факторов на грамматику несомненно, однако это не прямая корреляция, а влияние особого рода. Его можно интерпретировать как «языковое конструирование / манипулирование» (linguistic engineering), когда «языковая техника» наполняется новыми, изначально ей не присущими социокультурными смыслами и переходит в сферу «языковой идеологии», то есть выступает в функции символов некоторых форм культуры. Взаимосвязь языка и культуры в отношении категории рода строится не столько на отражательной функции языка, сколько на его «суггестивно-магической / заклинательной» функции, например, внушение и закрепление «политкорректности» как идеологемы средствами языка, или его «феномен-формирующей» и поэтической / речетворческой функции, например, использование формальных показателей рода как средства олицетворения в поэтической речи. Именно в таких случаях наибольшую значимость приобретает динамический аспект в грамматике: с точки зрения диахронической социолингвистики «более жесткая и более закрытая грамматическая система может быть более показательна, чем лексика, именно в силу того, что в целом она сильнее сопротивляется изменениям» [Будагов 2000, 29].

Среди многочисленных внешних факторов языковых изменений, таких как развитие производства и производственных отношений, духовной культуры языкового сообщества, средств коммуникации и т.п., одним из наиболее важных (а некоторые лингвисты считают, что самым важным фактором [Мечковская 2009, 151-152]) является контакт языков и культур. Контактно-обусловленные изменения наиболее заметны в лексике, однако прослеживаются и в грамматике контактирующих языков. Специальные исследования убедительно демонстрируют, что не существует абсолютных ограничений в плане грамматических заимствований [Thomason 2008]: и единичные грамматические показатели, например, флексии, и отдельные служебные слова, например, местоимения, и отдельные категории, например, категория артиклевой детерминации, и даже в целом новый грамматический тип языка, например, в результате вытеснения флективных форм агглютинативными, потенциально могут появиться в языке под воздействием грамматики другого языка при определенных социокультурных условиях (см. примеры из разных языков в [Aikhenvald 2007; Thomason 2010]). Однако чаще речь идет не о прямом заимствовании грамматических структур, а об «опосредованном», «косвенном» влиянии культурно-языкового контакта на грамматику [Ярцева 1969, 58]: например, ускорение распада английской флективной системы в IX-XI вв. произошло под влиянием близкородственных скандинавских языков, поскольку сходство корней и различие окончаний способствовали отбрасыванию окончаний для облегчения взаимопонимания, их замене аналитическими средствами выражения грамматических значений и унификации оставшихся флективных показателей [Мечковская 2009, 142-143; Ярцева 1969, 57]. Особенность грамматических контактно-обусловленных изменений состоит в том, что, в отличие от лексических заимствований и инноваций, они требуют более длительного и интенсивного взаимодействия языков, опирающегося на билингвизм большого количества носителей языка. При этом во всех контактно-грамматических исследованиях акцентируется то, что отмечалось выше: вероятностный, «потенциально разрешенный» системой языка характер изменений и единство «давления системы» и «давления извне». В.Н. Ярцева критикует тенденцию преувеличивать роль иноязычных воздействий на грамматический строй в истории английского языка [Ярцева 1969, 67, 79]. Она настаивает, что «если происходит заимствование каких-либо структурных черт, то именно тех, которые не противоречат структурной направленности заимствующего языка и легко укладываются в его систему» [Там же, 60], поэтому «определить где кончается заимствование, а где вступают в силу законы развития структуры данного языка, очень трудно» [Там же, 57]. С. Томасон в этой связи даже считает, что попытки строго разграничить роль внутренних и внешних факторов по большей части тщетны, что сама эта дихотомия «ошибочна» и что

в каждом конкретном случае речь неизбежно идет о «множественной каузации» [Thomason 2010, 32-34]. Учет взаимосвязи внешних и внутренних факторов и системности языка постулируется как основной принцип в исследовании языковой эволюции в российской диахронической лингвистике [Валгина 2003, 7-11; Журавлев 2011; Мечковская 2009; Ярцева 1969, 1985].

Этот принцип с очевидностью подтверждается при рассмотрении уникальной современной социолингвистической ситуации глобального контакта английского языка с местными языками, в частности, на уровне грамматических систем. Изменения грамматики английского языка прослеживаются, прежде всего, в его новых контактных вариантах, так называемых New Englishes (Indian English, Singaporean English, West African English и др.). Исследования в рамках теории контактной вариантологии английского языка (World Englishes) подчеркивают наличие в системах грамматик новых вариантов, с одной стороны, особых черт, обусловленных заимствованием из местных языков, например, частицы *lah* в малазийском и сингапурском вариантах английского языка, а с другой стороны, большого количества общих черт, которые объясняются и влиянием систем местных языков, и внутрисистемными тенденциями развития самого английского языка, и определенными общеязыковыми законами, которые «получают ускорение» под воздействием языковых и культурных контактов. Среди общих грамматических инноваций отмечают выпадение флективных грамматических показателей (глагольных окончаний лица и числа или времени), появление форм множественного числа неисчисляемых существительных (*knowledges, furnitures*), использование стативных глаголов в форме прогрессивного вида и многое другое (подробный перечень общих грамматических особенностей World Englishes и их обоснование см. в [Kirkpatrick 2007, 173-177; Schneider 2012, 203-205]). Часть из этих изменений соответствует общим тенденциям развития английского языка (например, отмирание флективных показателей или расширение частотности и сферы действия форм прогрессивного вида), а часть также встречается в вариантах «внутреннего круга» английского языка, британском и американском, например, в их диалектных или субстандартных разновидностях. Э. Шнейдер трактует такие общие нестандартные грамматические черты разных вариантов английского языка, получившие глобальное распространение, как «народные универсалии» (“vernacular universals”) [Schneider 204]. В появлении грамматических девиаций и инноваций в контактных вариантах английского языка внутриязыковые факторы тесно переплетены с внешними, социальными и культурными факторами. Например, в русском речевом варианте английского языка как культурно-обусловленную прагматическую особенность отмечают преимущественное использование «маскулинно-ориентированных» грамматических показателей, типа *The lexical units involved in our study concern man as*

social being, his activities, которое объясняется отсутствием в русскоязычном сообществе тенденции к использованию «политкорректного» инклюзивного языка [Proshina 2010, 308]. Добавим, что здесь отчасти «работает» и собственно языковой фактор: в англоязычной речи носителей русского языка обязательное использование формальных показателей рода в русском языке вызывает интерференцию, которая обусловлена формальной принадлежностью русскоязычного эквивалента английского существительного к определенному согласовательному роду (*book – *she, house – *he*), в данном примере, к мужскому роду.

Если обратиться к материалу современного русского языка, среди изменений русской грамматики, связываемых с влиянием глобального английского языка, упоминают калькирование аналитических лексико-грамматических конструкций (в частности, биномов «существительное + существительное», типа *Александр Маслюков шоу*), использование немаркированных падежных форм (*Вместе с Кока-Кола встретим Новый год*), усиление частотности личных местоимений, особенно *я* и *ты*, и агентивных личных синтаксических конструкций вместо безличных или неопределенно-личных, использование неисчисляемых существительных в форме множественного числа (*бизнесы, элиты*) и многое другое [Гриценко 2013; Кирилина 2011; Костомаров 2014, 185-200; Русский язык 2000]. В свете всего вышесказанного стремление объяснить эти грамматические изменения только влиянием английского языка и тем более трактовать их исключительно в свете «культурной экспансии» Запада и «подрыва» русского языка и русскоязычной культуры нельзя трактовать иначе, как «вульгарный социологизм» [Валгина 2003, 13]. В основе такого видения лежит лингвистический детерминизм, преувеличение значимости внешних факторов и рассмотрение их в отрыве от внутриязыковых факторов, повышенное внимание к отдельным частностям в описании языковых изменений, возникающих под влиянием новой социально-культурной реальности, и отказ от их системного изучения в связи с анализом истории развития исследуемого языка, а также неконвенциональное, мифологизированное восприятие языковых фактов (в частности, мифологема неизменности языка как «чистоты» языка).

Не имея возможности рассмотреть каждую из перечисленных грамматических инноваций в рамках данной статьи, подчеркнем, что, как уже отмечалось, в большинстве перечисленных случаев сложно однозначно разграничить влияние внешних и внутренних факторов и говорить о прямом воздействии английского языка на русский. В частности, нарастание аналитизма в русском языке отмечается как основная тенденция развития на протяжении нескольких столетий во всех его подсистемах и проявляется в целом ряде взаимосвязанных изменений лексики и грамматики: в увеличении черт агглютинации и аналитизма в производных формах лексем, в

ослаблении склонения и экспансии форм именительного падежа, в увеличении класса неизменяемых слов, в усилении значимости контекстуального окружения лексем при передаче грамматических значений, в нарастании глагольного идиоматизма, в повышении роли предложных сочетаний, которые приходят на смену беспредложному управлению и др. [Валгина 2003, 155-164, 182-238; Русский язык 2000, 237-304, 326-344]. Более того, эта тенденция находится в русле общих, универсальных для индоевропейских языков тенденций, например, тенденции к утрате падежных флексий [Русский язык 2000, 300]. Если говорить конкретно о биномных составных наименованиях, с одной стороны, они действительно массово заимствуются как готовые лексические единицы из английского языка (*интернет-кафе*) или создаются по данной модели, часто с использованием заимствованных слов, в русском языке (*Александр Маслюков шоу, Москва-сити*), и это способствует ослаблению флективности и дальнейшему развитию аналитизма на данном участке русской лексико-грамматической системы. Но с другой стороны, само заимствование в этом конкретном случае становится возможным благодаря наличию схожих конструкций в русском языке (*царь-пушка, бой-баба*) и благодаря нарастанию черт аналитизма на других участках русского языка (ср., тенденция к использованию неизменяемых прилагательных типа *цвет беж* в дополнение к *бежевый цвет*). Здесь вступают в действие внутриязыковые законы системности и аналогии [Валгина 2003, 13-19], в результате чего язык «пропускает в свою систему и адаптирует в ней только то, что восполняет эту систему и укладывается в ее основные схемы» [Ярцева 1985, 25].

Кроме того, среди внешних факторов, способствующих развитию аналитизма в русском языке, помимо влияния глобального английского языка, также называют социально-культурные изменения внутри самого русскоязычного сообщества. Как известно, в периоды социальной ломки активизируются процессы языковых преобразований, которые до этого оставались мало заметными: как пишет Н.С. Валгина, «социальный взрыв не делает революции в языке как таковом, но активно влияет на речевую практику современника, вскрывая языковые возможности, выводя их на поверхность» [Валгина 2003, 12]. Актуализация многих инноваций в современном русском языке в последние десятилетия связывается с общей социально-обусловленной демократизацией дискурса, с усилением в нем диалогичности и личностного начала, с расширением состава участников массовой коммуникации и формированием нового психологического типа носителя языка, с повышением роли «аффективного» в языке и всеобщей «языковой карнавализации», со стилистическим динамизмом и сменой отношения к норме и вариативности (переход от отношения «норма как запрет» к отношению «норма как выбор») [Валгина 2003, 7-13; Русский язык 2000, 9-31].

В частности, усилению аналитизма в русской грамматике способствует активизация разговорных конструкций со слабо выраженными синтаксическими связями, сближение книжной речи с не книжной, с характерными для последней опущениями [Валгина 2003, 182-238; Костомаров 2014, 191].

Однако нельзя не учитывать и существующие в русскоязычном сообществе метаязыковые представления об угрозе, которую представляют собой описанные инновации в языке, например, о том, что «бездумно укрепляя в своем русском языке аналитизм <...>, мы прощаемся с национальным логизмом выражения мысли, который исторически требует избыточности, дифференциации, конкретизации» [Костомаров 2014, 196]. Как было продемонстрировано выше, при определенных обстоятельствах языковые настроения и ощущения носителей языка, вне зависимости от их научной обоснованности, сами по себе оказываются мощным социокультурным фактором, воздействующим на развитие языка. С. Томасон определяет это как особый «отношенческий фактор» (attitudinal factor) [Thomason 2010, 38]. Сопротивление росту аналитизма в русском языке, особенно в формах, связанных с заимствованиями из английского языка, обусловлено социокультурными убеждениями определенных кругов в обществе, и в то же время, оно согласуется с внутриязыковым законом языковой традиции, в основе которого лежит «объективное стремление языка к стабильности, “охранности” уже достигнутого, приобретенного» [Валгина 2003, 15]. Тесная взаимосвязь и столкновение разнонаправленных внутриязыковых и внешних социально-культурных факторов расширяет круг вариантных форм, позволяет более дифференцированно передавать смыслы и в конечном итоге стимулирует дальнейшее развитие языка.

Такой подход особенно актуален при описании воздействия глобального английского языка на местные языки, в частности, на русский. Как мы уже писали [Ривлина 2015], глобализация английского языка способствует нарастанию контактно-обусловленной вариативности в русском языке, при которой заимствованные из английского языка варианты, помимо общих для всех заимствований прагматических коннотаций новизны и выделенности на фоне исходных вариантов, еще обладают символическими коннотациями, связанными с процессами экономической, технической и культурной глобализации, а именно, коннотациями моды, престижности, прогресса и интернационализации, принадлежности к определенной социальной группе и т.п. Это относится и к грамматической контактно-обусловленной вариативности. Например, биномные аналитические модели, которые обладают определенным «привкусом чужезычности», используются вариативно с традиционными падежно-оформленными конструкциями в схожих контекстах, передавая при этом разные оттенки смысла: ср. *Александр Маслюков шоу*, но *фонд Потанина* (во втором случае речь идет об организации,

направленной на развитие творческого потенциала российской молодежи внутри страны). Грамматические показатели английского языка также активно вовлекаются в «праздник вербальной свободы» и «карнавализацию» современного русскоязычного дискурса [Русский язык 2000, 14] в поэтической, чаще всего игровой функции: английские артикли или показатели родительного падежа иногда образуют билингвальные игровые гибриды с русскими существительными, например, в сфере городских наименований, типа *The Cad* или *Пончик's*, передавая дополнительные шуточные оттенки или, наоборот, вовлекаясь в критику процессов вестернизации и американизации, как в случае с названием романа *The Telki* [Rivlina 2015]. Можно утверждать, что контактно-обусловленная вариативность как в сфере лексики, так и в сфере грамматики под влиянием английского языка будет нарастать и в будущем, поскольку сегодня происходит постепенное формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление особого типа взаимодействия языков, получившего в современной контактной лингвистике название «транслингвизм» (translingualism). В процессе «транслингвальной деятельности» (translanguaging) английский язык, даже при его ограниченном, «усеченном» знании, используется как часть интегрированных языковых ресурсов в речи большого количества «наивных» билингвов, которые, в отличие от «профессиональных» билингвов, стремятся не столько к поддержанию языковых границ, сколько к максимально эффективной и наименее «затратной» коммуникации (подробнее в [Ривлина 2016]). И в этом случае также прослеживается взаимодействие внешних и внутренних факторов: с одной стороны, законов языковой экономии («наименьшего усилия»), аналогии и системности, а с другой стороны, социально-культурных факторов, например, фактора «неполного овладения» языком большей частью говорящих (imperfect learning) [Thomason 2010, 36].

В заключение сошлемся еще раз на слова В.Н. Ярцевой, которая продемонстрировала на примере истории английского языка, что «относить все изменения за счет иноязычного влияния – легкий, но малоубедительный прием» [Ярцева 1985, 26], особенно в сфере грамматики. Поэтому при интерпретации взаимодействия глобального английского языка с местными языками настоятельно необходимо критически подходить к анализу «лежащих на поверхности» социально-языковых корреляций, учитывать неразрывное единство внешних и внутренних факторов и языковую системность как базовые принципы диахронической лингвистики и социолингвистики, а также принимать во внимание новые социолингвистические реалии, связанные с глобализацией английского языка.

Литература

- Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М., 2000.
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
- Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 2011.
- Геберт Л. Лингвистика картины мира и национальный характер в языке // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». СПб., 2013. С. 316-337.
- Гриценко Е.С. Глобализация и маркетизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 184-191.
- Захватаева К.С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 3 (1). С. 400-403.
- Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 30-39.
- Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб., 2014.
- Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2001.
- Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М., 2009.
- Ривлина А.А. Проблемы вариативности и вариантности во взаимодействии современного русского языка с английским // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. М., 2015. С. 109-119.
- Ривлина А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 22-29.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. Т. I. М., 1999. С. 58-91.
- Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
- Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. М., 1985.
- Aikhenvald A.Y. Grammars in contact: A cross-linguistic perspective // Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology. Oxford & NY, 2007. P. 1-66.

- Gladkova A.* Grammar and the influence of society and culture // Chapelle C.A. (ed.). The Encyclopedia of Applied Linguistics. Blackwell: 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781405198431.wbeal0471/full>
- Kirkpatrick A.* World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching. Cambridge, 2007.
- Proshina Z.G.* Slavic Englishes: Education or culture? // Kirkpatrick A. (ed.). The Routledge Handbook of World Englishes. London & NY, 2010. P. 299-315.
- Rivlina A.* Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // World Englishes. 2015. № 34 (3). P. 436-455.
- Schneider E.W.* English around the World. Cambridge & NY, 2012.
- Thomason S.* Social and linguistic factors as predictors of contact-induced change // Journal of Language Contact. 2008. № 2. P. 42-56.
- Thomason S.* Contact explanations in linguistics // Hickey R. (ed.). The Handbook of Language Contact. Malden, MA, Oxford and Chichester, 2010. P. 29-47.

Словари

- Collins Cobuild Advanced Dictionary of American English. Boston, 2007.
- Merriam-Webster's Concise Dictionary of English Usage. NY, 2002.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th ed. Oxford, 2005.

Р.К. Потапова
Московский государственный лингвистический университет,
Москва

В.В. Потапов
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва

«Денглиш» в интернет-коммуникации

The study of German texts on the Internet has shown a strong influence of English on the lexical composition of the German language. It was revealed that German verbs are most susceptible to “Denglischization”. The most common way is adding of the English verb suffix -en to a verb base. When it comes to nouns, typically no changes are observed in the morphological structure of the word itself. As a general rule, in order to understand the gender of a noun, one of the German articles is attributed to it. This choice depends on the meaning of a particular word.

The article contains numerous examples of modern Denglisch showing various ways of word formation.

В статье представлены результаты исследования современной немецкой интернет-лексики на основе ряда немецкоязычных сайтов (о предыдущем исследовании см. [Потапова 2012б]).

В ходе исследования немецких текстов в интернете установлено значительное влияние английского языка на лексический состав и синтактико-семантическое варьирование современного немецкого языка. Наибольшее влияние английского языка наблюдается в области компьютерной терминологии, которая используется в интернете, включая область рекламы и различного рода объявлений. Функционирование большого числа англицизмов (а точнее англо-американизмов) в немецкоязычной интернет-коммуникации является результатом «экспансии» со стороны англо-саксонской (и американской) культуры и экономики, что приводит к общему процессу своего рода глобализации в лингвистике.

Исследования в области речевой коммуникации с помощью электронных средств передачи языковой информации, по нашему мнению, логично разделить на два аспекта.

- Исследование *языка интернета* как *особой технологии* передачи информации с помощью компьютерной «осетизации» (термин предложен авторами статьи). Напомним, что собственно само появление интернета в 1969 г. в США на базе преобразования проекта ARPA – «The Advanced

Research Projects Agency» в проект DARPA – «Department of Defense organizations Advanced Research Projects Agency» вызвано постановкой задач прежде всего военного характера [Bruns 2001, 19-20]. Так, Т. Брунс, исследуя русскую интернет-терминологию в сравнении с французской и немецкой интернет-терминологией, один из разделов своей монографии так и называет «интернет – дитя Америки» [там же, 19]. Значительная доля исследования [Runkehl, Schlobinski, Siever 1998] также посвящена проекту ARPA, положившему начало развития интернета.

- Исследование вербальных средств, используемых при передаче информации с помощью интернета. И в этом случае следует говорить о языковых средствах описания специфики самого технологического канала передачи информации (например, терминосистеме), с одной стороны, и о языковых (вербальных) и неязыковых (пара- и экстравербальных) средствах передачи смысловой информации с помощью интернета, с другой стороны, что послужило причиной возникновения совершенно новых типов текстов монологического, диалогического и полилогического характера. И в этом случае можно констатировать возникновение и развитие *новой коммуникационно-языковой сферы*, включающей вербалику, паравербалику и экстравербалику.

Возвращаясь к первому направлению исследований немецкого языка интернета применительно к возникшей в связи с этим новой немецкой терминосистеме на базе англо-американизмов, следует выделить те лексические средства, которые прочно вошли в словарь немецкого языка и пополнили семантическое поле «денглиш»: например, *Computer, Domain, Name Server, Copy Program, Frame, Browser, You Tube, Netbook, Spam, Software, Hardware, Klicks, Blog, Link, Chat, chating, chaten, eBay, Livesearch, Google, Online, Offline, Online Services, Provider, Media Profile, Web Guide, Page View, Pixel, Server, Mail, E-Mail (Program), posting, Slogan, Account, Banner, e-business, e-mail, File, Hyperlink, Hypertext, Homepage, I-pool* и др.

Что же касается второго направления, в русле которого изучаются особенности языка непосредственного общения в интернете, то здесь вступают в силу законы словообразования немецкого языка, взаимодействующие с англо-американизмами, например, *onlinen, Onliner, googeln, klicken, bloggen, Blogger, surfen, Internet-Surfer, chatten, drag (engl.) – von Männern getragene Frauenkleidung (drag queen – Transvestit) – Drager, Happyauer, Handies, Job, Ladys-Night, Hans-Halt's-Service, Fitness-Studio, Service-Paradies, Online-Magazin, Service-Angebote, Banking, Firmenparty, Laser, Hacker, hacken, Google-Konto* и др. [Sick 2007].

Огромную роль при этом играют акронимы из английского языка, используемые, например, в чатах (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Интернет-акронимы, активно используемые в денглише [Höcker, Skibicki, Mühlenbeck 2010, 41-42]

Akronyme	englisch-deutsche Äquivalente
4U	(engl.) <i>for you</i> = <i>Für dich</i> .
CU	(engl.) <i>see you</i> = <i>Man sieht sich</i> . (Nutzt man bei Beendigung eines Chats.)
FYI	(engl.) <i>for your interest</i> = <i>Zur Kenntnis</i> .
GG	(engl.) <i>good game</i> = <i>gutes Spiel</i> , gemeint Aber eher im Sinne von <i>gut gemacht</i> .
LOL	(engl.) <i>laughing out loud</i> = <i>Lautes Lachen</i> .
N8	(engl.) <i>night</i> (von “good night”) = <i>Gute Nacht</i> .
PLONK	(engl.) <i>please leave our newsroom, kid</i> = <i>Bitte Verlasse unseren Chat-Raum, Junge</i> .
THX	(engl.) <i>thanks</i> = <i>Danke</i> .
Y?	(engl.) <i>why?</i> = <i>Warum?</i>

Яркой иллюстрацией влияния англо-американизмов на немецкий язык в интернет-коммуникации являются данные, отражающие результаты подсчета наиболее употребимых слов за десятилетие 2000-2010 гг. в формате Google (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

Наиболее частотные лексические единицы денглиша
[Duden 2012, 8]

Wörter	Internet-Quellen	
	Weltweit	Seiten auf Deutsch
Flatrate	83 700 000	24 300 000
Klimawandel	11 100 000	16 900 000
Jobcenter	9 500 000	5 460 000
Klingelton	9 210 000	10 400 000
Ratingagentur	6 560 000	12 500 000
Spamfilter	2 870 000	1 680 000
Passivhaus	2 650 000	3 140 000
Fanmeile	1 410 000	1 230 000
Abwrackprämie	1 210 000	1 400 000

Luftgitarre	423 000	415 000
Dosenpfand	216 000	207 000
Publikumsjoker	204 000	155 000

В качестве иллюстрации к самому факту активного «вхождения» англо-американизмов в научную литературу через интернет следует привести следующие примеры [Höcker, Skibicki, Mühlenbeck 2010, 5-6]:

- *Jobverlust durch Bloggen;*
- *Anonymität verboten! Impressumspflicht für Blogger;*
- *“Mein PC hat die Schweinegrippe!” Virusalarm über den Browser;*
- *„Schatz, warst du auf www.geileschlampen.de“?;*
- *Kindesmissbrauch übers Internet;*
- *Original-Markenware bei eBay verkauft? Macht 1000 Euro;*
- *Betrug und Erpressung bei eBay;*
- *Bitte lächeln! – Bildrechte bei eBay;*
- *Vom Ego-Shooter zum Amokläufer?;*
- *Erwischt, beschimpft, verlassen: Wenn Facebook die Beziehung killt;*
- *Wandern Filesharer in den Knast?;*
- *Warum Google Ihre E-Mails liest;*
- *Nachbar surft mit: Wenn das eigene W-LAN zur Falle wird;*
- *Wer googelt, tauscht Informationen gegen private Daten;*
- *Horror-Urlaub trotz Holidaycheck?*
- *Ich bin du – Identitätsklau im Internet;*
- *Internetsucht kann tödlich sein!*
- *Beim Online-Banking Konto abgeräumt;*
- *Spam kostet Sie hundert Tage Ihres Lebens;*
- *Stalking – Wenn der Verehrer zum Verfolger wird;*
- *Gratis-Software kann teuer sein!*
- *Über Twitter Einbrecher einladen.*

Далее следует остановиться на основных способах словообразования имени существительного, прилагательного и глагола в немецком языке, повлиявших на язык денглиш.

Известно, что имя существительное выражает прежде всего понятие предметности, представляя наименование предмета, его качества, свойства, действия, состояния. Существительному присущи грамматические категории рода, числа и падежа. Наиболее характерными словообразовательными признаками имени существительного в немецком языке являются суффиксы. По словообразовательной форме они делятся на корневые, производные и сложные [Степанова 1953, 94; Степанова, Фляйшер 1984]. Рассмотрим первую форму (корневые существительные), к которой относятся, например:

– слова, исторически не соотносящиеся с какими-либо другими основами: например, *das Dach, das Lamm, der Reif, die Schar*;

– слова с «окаменевшим» или «мертвым» аффиксом: например, *die Nacht, das Feld, der Abend*;

– производные или сложные слова с учетом диахронии, утратившие свои этимологические связи и изменившие свою прежнюю словообразовательную форму: например, *der Mensch, das Alter*;

– заимствования без элементов словосложения или словопроизводства: например, *der Tisch* (лат. *discus*), *die Tinte* (лат. *tinctoria*).

– Ко второй форме относятся производные имена существительные, образованные:

– с помощью аффиксации: например, *der Urwald, die Landschaft*;

– без аффиксов из глагольных корней: например, *der Stand* от *stehen*, *der Ruf* от *rufen*;

– с помощью полуаффиксии: например, *der Seemann, das Werkzeug*;

– с помощью субстантивации: например, *der Gelehrte, das Leben*.

К этой же форме словообразования относятся сложные имена существительные, состоящие из двух или нескольких корневых морфем, основ или грамматически оформленных слов: например, *das Tischtuch, das Tageslicht*. Словообразовательная форма срращения образует особую группу имен существительных: например, *das Dasein, der Uhrmacher*.

Таким образом, класс имени существительного пополняется за счет восьми способов их образования: бессуффиксального образования от глагольных основ; субстантивации; словосложения; префиксации; суффиксации; словообразования при помощи полуаффиксов; срращения; образования сложносокращенных слов [Степанова 1953, 95-96].

Что же касается английского языка, то в основном имена существительные, прилагательные и глаголы образованы аффиксальным путем [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. В то же время широко представлена суффиксация, образующая имена существительные от основ разных частей речи. Происхождение суффиксов разнообразно. Состав английского языка пополняется с помощью продуктивных суффиксов. Непродуктивные и малопродуктивные суффиксы встречаются в нескольких словах или служат морфологическим признаком имени существительного. Производные существительные образованы с помощью агентивных или абстрактных суффиксов. Префиксальный способ в словообразовании имени существительного в английском языке широкого применения не находит [Карашук 1977, 37].

Говоря о денглише, следует подчеркнуть, что это явление можно интерпретировать как признак активного употребления англицизмов и англо-

американизмов в немецком языке интернета и, в первую очередь, на лексическом уровне. При этом можно констатировать следующее:

- всецело используется английская лексика;
- немецкая лексика заменяется английскими эквивалентами, однако грамматические правила немецкого языка сохраняются;
- используются словосочетания, сформированные не по правилам грамматики немецкого языка.

При проведении данного исследования анализировались различные немецкоязычные сайты с расширением .de. Далее осуществлялся поиск заимствованных слов и слов, образованных с помощью правил словообразования немецкого языка с использованием основ слов английского языка, анализировалось, каким именно способом осуществлялось словообразование, приводились примеры словоупотребления в предложении или словосочетании. Обратимся к фактологии:

der Actionfilm – action film ‘боевик’. В данном случае имеет место сращение двух основ и образование нового слова. В контексте данное слово употребляется следующим образом: *Die 25 besten Actionfilme aller Zeiten* ‘25 лучших боевиков всех времен’ [Björn Becher 2012].

Der Bestseller – ‘бестселлер, ходовой товар’. Слово заимствовано из английского языка и часто употребляется в немецкой разговорной речи: *Bestseller in Bücher* ‘книги, пользующиеся спросом’ [Amazon].

Der Airbag ‘подушка безопасности’ – слово полностью заимствовано из английского языка. Часто употребляется в технической (например, автомобильной, авиационной) области. Существует немецкий вариант слова – *das Prallkissen* [Wdr].

Das Ticket – ‘билет’, распространенное слово, взятое из английского языка. Под этим словом может подразумеваться билет на любой вид транспорта, в кино, театр. Применение: *Ein Ticket – viele Vorteile* ‘Один билет – много преимуществ’ [Bahn].

Die Audio CD также полностью заимствовано из английского языка и часто употребляется в компьютерной терминологии. Конкретного перевода нет, так как для русского языка данное словосочетание является заимствованным, обозначает ‘диск с аудиозаписью’ [Amazon].

Der Job ‘работа’ и *der Babysitter* ‘няня’ являются заимствованиями из английского языка, часто находят применение в разговорной речи. Существует немецкое слово *der Kinderhüter*, обозначающее ‘няню’. *Zur Vorbereitung auf den ersten Job als Babysitter finden Sie hier wichtige Tipps für einen erfolgreichen Start* ‘Вы найдете важные советы для хорошего старта работы няней’ [Hallobabysitter].

Der Sound – полностью заимствовано из английского языка, означает ‘звук’, существует также и немецкое слово *der Ton*. ‘Звук для твоего про-

екта' = *der Sound für deine Projekte* [Dersound].

Der Look 'мода', употребляется в разговорной речи: *die aktuellsten Look* = 'Актуальная мода' [Asos].

Das Camp 'лагерь', слово полностью заимствовано из английского языка: *Über das Camp 2013* 'О лагере 2013'. Существует и немецкий вариант слова – *das Lager* [Faw-sommercamp].

Die Airline 'авиалинии', слово полностью заимствовано из английского языка. *Wie die Airline versucht...* 'как авиалинии пытаются...'. Существует немецкое слово – *die Fluggesellschaft, Fluglinie* [Rp-online].

Der Airport 'аэропорт', слово полностью заимствовано из английского языка: *Mein Hamburg Airport* 'мой аэропорт в Гамбурге', существует немецкое слово – *der Flughafen* [Airport].

Der Partner 'партнер, собеседник', слово полностью заимствовано из английского языка: *BMW Partner* 'партнеры БМВ' [Bmw].

Die Innovation 'новшество', слово полностью заимствовано из английского языка. Немецкий эквивалент – *Neuerung* [Bmw].

Der Eventmanager 'организатор мероприятия'. Это заимствованное слово из английского языка, получившееся в результате сращение двух основ [Maria Fiedler 2014].

Die Fitness 'фитнес', слово полностью заимствовано из английского языка: *Für Körper und Geist* 'для тела и души' [Jeanette Müller 2013].

Das Goal 'цель', слово полностью заимствовано из английского языка. Немецкий вариант – *das Ziel* [Fifa].

Das Future 'будущее время', слово полностью заимствовано из английского языка. Немецкий эквивалент – *die Zukunft* [Focus].

News 'новости', слово полностью заимствовано из английского языка. Немецкий эквивалент – *die Nachricht* [Mcarthurglen].

Feeling 'чувство', слово полностью заимствовано из английского языка. Немецкий эквивалент – *das Gefühl* [Motor-talk].

Die Checkliste 'перечень операций по проверке состояния оборудования'. В данном случае имеет место сращение: *check* – англ. 'проверять' и *liste* – нем. 'лист, список' [Motorbasar].

Das Cockpit 'кабина пилота', слово полностью заимствовано из английского языка [Motor-talk].

При исследовании немецких глаголов установлено, что в основном они образованы с помощью присоединения немецкого суффикса -en к основе английского глагола, например:

– глагол *browsen* образован от английского глагола *to browse* 'пролистывать, просматривать', используется в компьютерной терминологии [Library];

– *chatten* образован от глагола *to chat* ‘беседовать в интернете’. Используется в компьютерной терминологии. *Kostenlos chatten* ‘бесплатное общение в интернете [чате]’. Немецкий вариант – *plaudern* [Chatten-gehen];

– *dealen* ‘торговать наркотиками’, в основе лежит английский глагол *to deal*: *Beim marihuanna dealen* ‘при торговле марихуаной’ [Gutefrage];

– *einloggen* – немецкий глагол, имеющий значение – ‘ввести логин и пароль’ [Ebay];

– глагол *faxen* употребляется, когда необходимо объяснить, что документы пересылаются с помощью факса: *Ratgeber faxen über das Internet* ‘Консультант передает документы факсом’ [Klaus Manhart 2011];

– *flirten* ‘флиртовать’, образован как и предыдущие глаголы, с помощью добавления грамматического суффикса -en к основе глагола *flirt*: *Wie gut können Sie flirten?* ‘На сколько хорошо Вы умеете флиртовать?’ [Fitforfun];

– *googeln* ‘искать информацию с помощью поисковой системы Google’. Существует английский вариант *to google*;

– *joggen* ‘бегать’, глагол с такой же основой есть и в английском языке *to jog*: *Morgens zu joggen ist eine Wohltat für Körper und Geist* ‘Бегать по утрам полезно для тела и духа’ [Daniel Eilers 2012];

– *mailen* ‘писать электронные письма’. Основа взята от английского глагола *to mail*: *Mailen Sie uns Ihren Lieblingsongs oder Lieblingsklassiker!* ‘Присылайте нам ваши любимые песни и классическую музыку!’ [Br];

– немецкий глагол *recyclen* ‘перерабатывать’ был образован от глагола *to recycle* [Haz];

– *scannen* происходит от глагола *to scan* ‘сканировать’. *Kopieren, Scannen und Drucken* ‘копировать, сканировать и распечатывать’. Глагол находит применение в компьютерной области, а также в разговорной речи [Slub-dresden];

– *shoppen* имеет в основе английский глагол *to shop* ‘покупать, закупать’. Употребляется в разговорной речи. В немецком языке существует эквивалент к данному глаголу – *einkaufen gehen* [Asos];

– глагол *updaten* имеет в основе английский глагол *to update*, который значит ‘обновить’. Сфера употребления – компьютерные технологии. *Wie kann ich TeamViewer updaten?* ‘Как я могу обновить программу TeamViewer?’ [Teamviewer];

– *upgraden* ‘внести изменения, улучшаться, модернизировать’. Глагол используется в компьютерной области [Apple];

– английский вариант глагола ‘архивировать’ – *to zip*, немецкий – *zippen* [Johannes Keller 2013];

– *downloaden* ‘скачивать из интернета’, существует и немецкий эквивалент – *herunterladen*;

– *zappen* ‘переключать каналы’, глагол используется в разговорной речи [Moritz Stückler];

– *sleepen* ‘спать’, глагол используется в разговорной речи для обозначения компьютера в спящем режиме. Немецкий вариант – *schlafen* и *übernachten* [Motor-talk].

Следовательно, можно сделать вывод, что немецкий язык в интернете действительно подвержен влиянию со стороны английского языка, так как в нем содержится ряд заимствований – слов, образованных с помощью средств немецкого словообразования, но основой которых являются слова из английского языка. Применительно к именам существительным чаще всего добавляется артикль, который определяет род существительного, само же слово остается неизменным. Если рассматривать словообразование глагола, то он практически во всех случаях образуется путем добавления к основе английского глагола грамматического суффикса -en. В некоторых случаях происходит удвоение согласной, которая стоит на стыке корневой морфемы с суффиксом -en.

Наибольшее влияние английского языка было замечено в компьютерной терминологии и лексике, которая используется в обыденной жизни. Использование англо-американизмов носителями немецкого языка в интернет-коммуникации является результатом своеобразной англо-американской языковой «экспансии». Особенности организации диалога в интернете оказывают непосредственное влияние на используемый язык, что приводит к диффундированию письменных и устных форм вербального общения, появлению заимствований и акронимов [Потапова 2012а].

Образование немецких неологизмов с основой слова из английского языка облегчает собеседникам, которые владеют английским языком (как своего рода общим языком), процесс коммуникации. Но в то же время в случае усиления влияния английского языка на немецкий язык, как следствие, может образоваться большое количество неологизмов, а это означает, что при переходе критической массы через границы дозволенного язык может утратить свое исконное лексическое богатство.

Таким образом, исходя из данных, полученных в ходе нашего исследования, можно предположить, что денглиш постепенно утратил отрицательно-ироническую смысловую коннотацию, как это было ранее, и утвердился в статусе полноправного средства вербальной коммуникации в немецкоязычном сегменте интернета. Причиной тому можно считать, с одной стороны, факт превращения глобального проекта ARPAnet в интернет-всемирную сеть со всеми вытекающими из этого последствиями применительно к англо-американской терминосистеме для технологий в области информационно-коммуникационной глобальной сети, и, с другой стороны, факт использования англо-американизмов в качестве лингва-франка интернет-пользователями среднего поколения и молодежью. Особую роль

при этом играют акронимы. Так, например, при переписке делового и бытового характера и особенно в ситуации дефицита времени, несомненно, удобнее использовать акроним *asap* («*as soon as possible*»), чем фразу «*so schnell wie möglich*» и т.д. Что же касается влияния англо-американизмов технологической терминосистемы на соответствующую немецкую терминосистему, то в данном случае немецкий язык «подстраховал» себя созданием мощной терминосистемы лексических эквивалентов (например, *interface* – *die Schnittstelle*, *das Interface*; *interface computer* – *der Schnittstellenrechner*; *file* – *die Datei*; *base* – *die Basis*; *input* – *eingeben*; *output* – *ausgeben*; *intelligent database* – *die intelligente Datenbasis* и др.), нашедших отражение в ряде специализированных словарей. Более того, функционирующие в денглише англо-американизмы приобрели в подавляющем числе случаев грамматическую форму немецкого языка, и это своего рода «онемечивание» англо-американизмов свидетельствует о синтагматико-парадигматической структурной силе немецкого языка, не нуждающегося в защите со стороны представителей различного рода пуристских течений.

Литература

- Карацук П.М. Словообразование английского языка. М., 1977.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Потапова Р.К. Приложение 2. Internet chat vocabulary и Приложение 3. Internet chat jargon // Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. 5-е изд. М., 2012а. С. 310-313 и С. 314-317.
- Потапова Р.К. Специфика немецкой разговорной речи во Всемирной сети // Динамические процессы в германских языках. Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.-Калуга, 2012б. С. 140-152.
- Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.
- Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
- Bruns T. Russische Internet-Terminologie unter vergleichender Berücksichtigung des Französischen und des Deutschen. Frankfurt am Main, etc., 2001.
- Duden. Unnützes Sprachwissen. Erstaunliches über unsere Sprache. Mannheim; Zürich, 2012.
- Höcker R., Skibicki K., Mühlenbeck F. Lexikon der Internetfallen. Ullstein, 2010.
- Runkehl J., Schlobinski P., Siever T. Sprache und Kommunikation im Internet. Opladen; Wiesbaden, 1998.
- Sick B. Happy Aua. Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. Köln, 2007.

Источники

- Airport. – Режим доступа <http://www.airport.de/en/index.phtml?>
- Amazon. – Режим доступа <http://www.amazon.de/Die-Memoiren-Herrn-Schnabelowopski-Audio-CD/dp/393351410X>
- Amazon. – Режим доступа <http://www.amazon.de/gp/bestsellers/books>
- Apple. – Режим доступа <http://www.apple.com/de/osx/server/how-to-upgrade/>
- Asos. – Режим доступа www.asos.de/?r=2
- Asos. – Режим доступа www.asos.de/?r=2
- Bahn. – Режим доступа <http://www.bahn.de/regional/view/regionen/freizeit/quer-durchs-land.shtml>
- Björn Becher*. Die 50 besten Actionfilme. – 2012. Режим доступа <http://www.filmstarts.de/specials/951.html>
- Bmw. – Режим доступа <http://www.bmw.de/de/fastlane/bmw-partner.html>
- Bmw. – Режим доступа <http://www.bmw.de/de/fastlane/grosskunden-behoerden/uebersicht.html>
- Br. – Режим доступа <http://www.br.de/radio/bayern3/sendungen/greatest-hits/musikwunsch-wunsch-hit-mix100.html>
- Chatten-gehen. – Режим доступа <http://www.chatten-gehen.de/>
- Daniel Eilers*. Joggen in den Morgenstunden. – 2012. Режим доступа <http://www.runnersworld.de/gesundheit/joggen-in-den-morgenstunden.278497.htm>
- Dersound. – Режим доступа <http://dersound.de/>
- Ebay. – Режим доступа <http://pages.ebay.de/help/account/signin.html>
- Faw-sommerscamp. – Режим доступа <http://www.faw-sommerscamp.de/ueber-das-camp/artikel102>
- Fifa. – Режим доступа <http://de.fifa.com/aboutfifa/footballdevelopment/projects/goalprogramme/>
- Fitforfun. - Режим доступа http://www.fitforfun.de/sex-soul/psychotests/flirt-test-wie-gut-koennen-sie-flirten_aid_6877.html
- Focus. – Режим доступа http://www.focus.de/finanzen/news/wirtschaftsticker/future-faellt-unter-technische-unterstuetzung-bei-9600-punkten_id_3849673.html
- Gutefrage. – Режим доступа <http://www.gutefrage.net/tag/dealen/1>
- Hallobabysitter. – Режим доступа <http://www.hallobabysitter.de/fuer-babysitter/tipps-zum-babysitting.html>
- Haz. – Режим доступа <http://www.haz.de/Nachrichten/Kultur/Musik/Von-Electro-zu-Disco-Daft-Punk-recyclen-sich-neu>
- Jeanette Müller. Fitness für Körper und Geist. – 2013. Режим доступа <http://www.dw.de/fitness-f%C3%BCr-k%C3%B6rper-und-geist/a-16527776>
- Johannes Keller*. Zippen. – 2013. Режим доступа <http://www.netzmarginalien.de/zippen>

Klaus Manhart. Ratgeber Faxen über das Internet. – 2011. Режим доступа <http://www.computerwoche.de/a/ratgeber-faxen-ueber-das-internet,593006>

Library. – Режим доступа [http://www.library.ethz.ch/exhibit/blaettern/Maria Fiedler. Viel Stress, wenig Geld](http://www.library.ethz.ch/exhibit/blaettern/Maria_Fiedler_Viel_Stress_wenig_Geld). – 2014. Режим доступа <http://www.spiegel.de/karriere/berufsleben/eventmanager-parties-organisieren-bei-geringem-gehalt-a-964320.html>

Mcarthurglen. – Режим доступа <http://www.mcarthurglen.com/de/designer-outlet-neumuenster/de/das-center/news/>

Moritz Stückler. Mehr Spaß beim Zappen: Die beste Hardware für TV-On-Demand. Режим доступа <http://t3n.de/magazin/hardware-tv-on-demand-mehr-spas-beim-zappen-232818/>

Motorbasar. – Режим доступа http://www.motorbasar.de/artikel/kauf%2Fpruefliste_besichtigungstermin.html

Motor-talk. – Режим доступа <http://www.motor-talk.de/dialog/peugeot/der-staerkste-loewe-aller-zeiten-t4897137.html>

Motor-talk. – Режим доступа <http://www.motor-talk.de/forum/paris-aber-wo-sleepen-t4525450.html>

Motor-talk. – Режим доступа <http://www.motor-talk.de/news/das-grasgeschoss-von-honda-t4905102.html>

Rp-online. – Режим доступа <http://www.rp-online.de/leben/reisen/news/wie-die-airline-versucht-die-streik-drohung-in-den-griff-zu-bekommen-aid-1.4142948>

Slub-dresden. – Режим доступа <http://www.slub-dresden.de/service/kopieren-scannen-drucken/>

Teamviewer. – Режим доступа <http://www.teamviewer.com/de/help/358-Wie-kann-ich-TeamViewer-updaten.aspx>

Wdr. – Режим доступа http://www.wdr.de/tv/quarks/sendungsbeitraege/2008/0729/001_unfall.jsp

IV

Грамматика межличностной коммуникации

С.Ю. Богданова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Языковые средства выражения социального дейксиса в современном английском языке

The category of politeness is traditionally referred to as an example of social deixis. It is argued in the article that indication of the relationships between people in social hierarchy also belongs to the social deictic sphere. Spatial relations in vertical and horizontal planes structure a lot of conceptual domains, including the relationships in the society. Spatial adverbs, particles, prepositions in their indirect meanings can characterize such relationships. Parameters determining social deictic usage in the English language depend on the point of view of the society. The concept of *social ladder* is introduced as one of the basic concepts in social deixis.

Дейксис входит в сферу указательных явлений, наряду с эгоцентричностью и индексальностью. Он ориентирован на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания, то есть реализуется в «вещественном поле указания» [Bühler 1934]. Согласно определению, дейксис – класс таких явлений, интерпретация которых предполагает знание условий экстралингвистической ситуации (см., например, [Кравченко 1992, 86 и сл.; Бабушкин 2007]), поэтому он наглядно демонстрирует связь лингвистических и экстралингвистических факторов в языке, его антропоцентричность [Шматова 1975]. Обычно выделяют три вида дейксиса: пространственный, личный и временной. По определению И.А. Стернина, дейктическими называются слова, дающие относительную характеристику чувственно воспринимаемых в речевой или воссозданной ситуации объектов или событий и осуществляющие одновременно семантическое указание на центр координации, относительно которого характеризуется данный объект или событие [Стернин 1973]. Э. Бенвенист назвал такие знаки «пустыми», свободными от референтной соотносённости с «реальностью», всегда готовыми к новому употреблению и становящимися «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи [Бенвенист 1974, 288]. Эго говорящего принимается за центральный ориентир в первичном (прямом) дейксисе. Однако в современной теории указательности не говорящий, а наблюдатель, чувственно воспринимающий ситуацию, является центральной фигурой и

точкой отсчета всех измерений [Langacker 1987; Падучева 1993; Кравченко 1993; Верхотурова 2004].

В отличие от личного и временного, пространственный дейксис представлен в языке более разнообразными и многочисленными средствами выражения, которые, помимо эгоцентричных слов, включают так называемые индексальные слова (наречия, предлоги, послелого), осуществляющие указание на пространственные отношения относительно точки отсчета. К разряду языковых средств, имеющих дейктический компонент в значении, могут быть отнесены и глаголы типа *go, come; bring, take; rise, fall* и др., хотя некоторые исследователи не включают подобные полнзначные слова «открытого класса» в число дейктических, ограничивая исследования «закрытым классом» дейктических слов типа *here, there; this, that* и др. [Imai 2003, 11]. Согласно У. Вайнрайху, пространственный дейксис обычно учитывает различия по степени удаленности от говорящего и слушающего, по видимости-невидимости, по степени доступности или же по направлению (спереди/сзади), причем направление обычно определяется относительно говорящего [Weinreich 1966]. Дейктические слова, пространственные наречия и предлоги, по мнению Э. Бенвениста, относятся к группе языковых знаков – «указателей» в отличие от языковых знаков – «ярлыков», которые осуществляют номинацию. Употребление языковых знаков-указателей обусловлено только ситуацией речи и ничем другим, поэтому очевидно, что изучение подобных знаков и определение необходимых условий для их расшифровки является одним из вопросов прагматики, которая занимается речевыми актами и контекстами их употребления [Бенвенист 1974, 286].

К дейктическим обозначениям лица, места и времени отмечено подключение признаков, характеризующих самого человека (его социальное положение, пол, возраст). Кодированием в языковой структуре социальных различий, особенно тех, которые касаются аспектов социальных отношений между говорящим и адресатом или говорящим и референтом, в виде определенных языковых выражений, занимается социальный дейксис [Levinson 1983].

К дейктическим традиционно относят так называемую категорию вежливости, представляющую собой указание на социальный статус участников речевого акта. Социальный статус человека определяется как «семантическая категория, планом содержания которой является отношение неравенства между участниками общения, а планом выражения – система лингвистических и паралингвистических индексов, включающих способы подчеркивания своего положения и положения партнера, способы подчеркивания различия между своим положением и положением партнера и способы выражения своего отношения к различию между своим положением и положением партнера» [Карасик 1992, 461]. В английском языке нормы

вежливости проявляются в *возвышении* партнера (вокативы *sir* от понятия «старший» и *Mister* от понятия «господин, хозяин»). В.И. Карасик обращает внимание на то, что в норме вокативы неинформативны, однако они «могут быть информативными в той мере, в какой мы извлекаем информацию из единиц прагматического плана языка» [Там же, 318]. Так, употребление вокатива *sir* со значением социального статуса по отношению к человеку, старшему по рангу или возрасту, или спикеру законодательной ассамблеи является нормой. В то же время употребление данного вокатива по отношению к нижестоящему, которому делается вежливое порицание, несет новую информацию индексального либо эмоционального характера.

Представляется неправомерным слишком узкое понимание некоторыми лингвистами социального дейксиса как явления, непосредственно не связанного с дейксисом как таковым, а лишь использующего в качестве маркеров категории вежливости дейктические элементы, в особенности личные местоимения. В то же время С. Левинсон возражает и против слишком широкого понимания социального дейксиса Ч. Филлмором, включающего в это явление большую часть теории речевых актов [Levinson 1983, 89].

Наряду с категорией вежливости, проявляющейся непосредственно в речевых актах, можно отметить высказывания, актуализирующие отношения между людьми как в обществе в целом, так и в отдельной социальной группе, воспринятые наблюдателем как отношения в вертикальной или горизонтальной плоскостях.

Существует набор некоторых взаимообусловленных переменных, входящих в социально-дейктическую компоненту системы речевого общения. К ним относятся социальные нормы и конвенции, ситуативный контекст, социальные отношения и роли общающихся, степень их знакомства, состав участников коммуникации, уровень формальности и др. [Сухих 1998]. Социальные отношения можно условно разделить на асимметричные (при наличии иерархии в отношениях) и симметричные (например, при высокой степени знакомства, непринужденном общении) [Аристов 1999]. По мнению ученых, асимметричные социальные отношения (по антропологическим, социокультурным или профессиональным признакам) позволяют собеседнику с более высоким социальным статусом «регламентировать», то есть осуществлять «мониторинг» мены коммуникативных ролей как в официальном дискурсе, так и неофициальном (разговор отца с сыном). Они также отмечают, что в подобных речевых ходах по способу инициации мены коммуникативных ролей часто манифестируются элементы социального дейксиса [Там же].

В отличие от называния, дейксис в узком понимании предполагает лишь относительную характеристику предмета в определенной речевой или воссозданной ситуации. Что касается информации социально-

дейктического характера, то, по мнению С. Левинсона, она может быть как относительной, так и абсолютной [Levinson 1983, 90]. Относительная информация символически обозначает степени социальной дистанции (например, употребление местоимений и глагольных форм единственного и множественного числа в русском языке: «ты» или «вы»-формы; «Входи» или «Входите»). Такие формы не отмечены в современном английском языке. Абсолютная информация символически обозначает социальные роли участников коммуникации, как говорящего, так и адресата, имеющих особый статус или особые полномочия. В английском языке индексируется преимущественно статус адресата, например, в обращении *Your Highness*. Если человек обладает особым статусом или особыми полномочиями, он занимает на социальной лестнице высокое положение (пример 1), откуда его могут свергнуть (пример 2), либо он может, образно говоря, спуститься, сложив полномочия (пример 3):

(1) *The headline read, Young Warrior King Ascends Throne* (Conran);

(2) *How do you think you can use them to bring down the monarchy?* (Forsyth);

(3) *If the President stepped down in favor of Vice President Odell* (Forsyth).

В литературном произведении встретился также пример, номинирующий подобным образом абсолютный статус бога:

(4) *How ambitious he'd been then. To think that he'd set out to bring down God!* (Klein).

В современном обществе прослеживается четкая иерархия. Социальные различия проявляются во всех сферах жизнедеятельности: в политике, рабочем коллективе, школе, семье и др. Ю.Д. Апресян говорит о «ситуации сверху вниз» в социальной иерархии. Он отмечает в языке наличие многочисленных лексических и грамматических средств, в которые «встроено» указание на относительные статусы говорящего и адресата (референта) в социальной, возрастной или иной иерархии, на существующую между ними степень близости, на разделяющую их дистанцию [Апресян 1995]. По мнению Д.А. Крячкова, социальный статус (под этим термином он понимает соотносительную позицию, занимаемую индивидами в социальной системе) может быть «приписанным» вследствие общественных предписаний (такая позиция определена этническим происхождением, полом, возрастом) или «приобретенным» благодаря собственным достижениям (образованию, карьере и т.д.) [Крячков 2003, 126]. Так, проявления социального дейксиса встречаются, когда речь идет:

1) о власти; e.g. *All she (жена президента США) wanted now was for him to lay down the burden of that office and retire with her* (Forsyth);

2) о служебной карьере; e.g. *Since he had fought his way up through ranks, step by step* (Forsyth);

3) о социальном статусе в обществе; e.g. *Audra knew that the snobbish doctor would have **looked down** on Vincent* (Bradford); *You're just a cop. The truth is, you're pretty far **down the ladder*** (Crichton);

4) о возрастных различиях; e.g. *Children can always tell when they're being **talked down to**, and they hate it* (OALDCE);

5) о социальных ролях учитель / ученик; e.g. *It's unwise for a lecturer to **talk down to** his audience* (OALDCE).

Иерархия в обществе концептуализируется в сознании людей в виде социальной лестницы, на которой люди располагаются, занимая определенное положение и иногда перемещаясь вниз или вверх:

(5) *I had been born into **the upper end** of the social system* (Le Carré).

(6) *She thought Richard was **dragging you down*** (Murphy).

По мнению В.И. Карасика, «внутренняя организация признаков социального статуса имеет оппозитивную природу» [Карасик 1992, 462]. Концепт «социальная лестница» прочно закрепился в языке и относится, по всей видимости, к числу универсальных в современном обществе. Сейчас он находит отражение как в нейтральных, так и в идиоматических выражениях. В настоящее время выражения *corporate ladder*, *career ladder* практически не воспринимаются как метафорические.

(7) *She moved up the **corporate ladder** fast* (Crichton).

(8) *Stripping under-25s of benefits will knock young families off the **career ladder**, claims Labour* (*The Telegraph*, 23/02/2016).

Описание постепенного, но неуклонного продвижения вверх по служебной лестнице можно наблюдать в примере (9):

(9) *During the years Ralph was making his slow but steady climb **up the ladder of the Maine State bureaucracy*** (King).

При определенном старании и усердии добиться повышения по служебной лестнице более вероятно, чем по социальной, поскольку часто при повышении одного из служащих освобождается место «внизу», «у подножия лестницы»:

(10) *If there's a **shift up**, there would be room **at the bottom** then* (Potter).

Однако метафора «лестница» не ограничивается в современном английском языке указанием на служебные успехи или неудачи, поскольку в современном обществе существуют и другие ранжированные привилегии, не связанные непосредственно с трудом, например, словосочетание *benefit ladder*, первоначально обозначавшее различные уровни привилегий, предоставляемых брендами своим клиентам, уже становится многозначным: в примере (11) речь идет о пособии:

(11) *Tony had lived off the jobseeker's allowance for the previous year. He was obliged to take accidental jobs to maintain a position on the **benefit ladder**, to which he returned when it was safe* (Faulks).

Путь от бедности к комфортной жизни представляется в виде длинной лестницы в примере (12):

(12) *She had initially seen Tad as the next male rung in a **longish ladder** that would take her **step by step** from poverty in the Ukraine to some sort of comfortable life in a European capital* (Faulks).

Как следует из вышесказанного, пространственная концептуализация объединяет процессы жизнедеятельности, фундаментальные представления и явления ментальной и социальной сфер. Проявления социального дейксиса сближаются с проявлениями пространственного дейксиса, так как в языке могут использоваться одни и те же средства для описания отношений между людьми в обществе и между объектами реального мира. Очевидно, что при этом происходит метафорический перенос из области отношений в пространстве на область отношений в обществе, и характеризующие их оппозиционные пространственные послелогов метафорически вновь противопоставляются друг другу, индексируя другие, непространственные отношения, как послелогов *up* и *down* в сфере социального дейксиса.

В примерах (13, 14) представлены речевые ситуации со словами, маркирующими личный дейксис (*I, you, me*):

(13) *I'm not rich, Godfather. I'm **going down*** (Puzo);

(14) *You want to fight with me to **build yourself up*** (Michener).

С точки зрения говорящего, в ситуации, категоризованной в примере (14), собеседница *унижает* его, чтобы *подняться* в собственных глазах. Социальный дейксис маркируется здесь с помощью послелога *up* во фразовом глаголе *build up*. То же отношение «унижения» собеседника отражено в примере (15):

(15) *He repeatedly tried to **grind her down** with criticism* (Conran).

Несмотря на отсутствие ярко выраженного дейктического контекста, в примере (16) послелог *up* во фразовом глаголе *wind up* маркирует повышающийся социальный статус человека, осуществляя указание на его продвижение по службе:

(16) *Now he was **winding up** his career* (Le Carré).

Напротив, послелог *down* указывает на понижающийся социальный статус, связанный с разорением:

(17) *Not even the best efforts of a good staff of servants had been able to keep the mansion from looking as though it belonged to poor folk who had once been **prosperous** but had **come down** in the world* (Stone).

Как и другие слова с индексальным компонентом в значении, послелогов *up* и *down* нуждаются в указании на точку отсчета и одновременно четко задают направление перемещения вверх или вниз. Чтобы проиллюстрировать важность точки отсчета для правильной интерпретации высказываний, содержащих социально-дейктическую информацию, приведем

следующий пример: говоря об изменении служебного положения конкретного человека, необходимо знать, чем оно для него является: повышением или понижением. Ф.Н. Низамутдинова приводит пример использования пространственной лексики для передачи отношений в социальной сфере: выражение *kick smb upstairs* обозначает ‘уволить кого-либо с повышением’, ‘отправить в почетную отставку’ (когда в кабинете министров или в палате общин хотят избавиться от неугодного им коллеги, ему присваивают звание пэра и отправляют в палату лордов). Оно образовано по аналогии с выражением *kick smb downstairs* ‘спустить кого-либо с лестницы’. В данном случае кажущееся повышение социального статуса политика (выраженное приставкой *up* с направительным значением) на деле оказывается наказанием и понижением, о чем свидетельствует использование глагола *kick* ‘пинать’ [Низамутдинова 2001, 145-146]. Очевидно, что речь идет о концептуализации отношений между разноуровневыми ветвями власти с точки зрения переосмысленных пространственных отношений в вертикальной плоскости.

Решающее значение для социально ориентированных метафор, составляющих часть культуры, имеет точка зрения общества. С точки зрения современного общества, хорошо находиться наверху социальной лестницы, занимать высокое положение в обществе, а плохо – быть на дне, в низших слоях, следовательно, для человека плохо ничего не делать, не стремиться повышать уровень жизни, то есть «катиться вниз по наклонной плоскости», как в ситуации, представленной в примере (18):

(18) *Gay woman, fond of men, enough money to live upon, no particular worries, drank too much and **went down** the hill* (Christie).

Достижение цели всегда сложнее, так как требует усилий и связано с определенными трудностями, которые нужно преодолевать. Не случайно в конструкциях с послелогом *up* используются такие глагольные компоненты, как *fight* ‘бороться’, *build* ‘строить’, *scratch* ‘царапать’, *claw* ‘скрести’ и выражения, обозначающие постепенность продвижения вверх (*step by step, claw by claw, slow but steady*).

(19) *It was a portrait of a scheming, domineering woman who had **clawed** her way **to the top*** (Sheldon).

Высказывания, относящиеся к сфере социального дейксиса, чаще всего имеют относительно прозрачную пространственную семантику. В примерах (20) и (21) послелог *up* и *down* во фразовых глаголах *work up* и *go down* обозначают оппозиционные отношения в сфере социального дейксиса:

(20) *These words were praise indeed, coming from this most senior member of the nursing staff who had **worked herself up** from ward maid* (Bradford);

(21) *I took notes on each rotten terrible step he took **going down*** (Michener).

Обращает на себя внимание изменение предлога в указательных конструкциях с глаголом *look*. В контекстах, где данный глагол используется в прямом значении как глагол зрения, объект вводится предлогом *at* (*look down at; look up at*). В метафорически переосмысленных значениях данный глагол используется с предлогами *on* и *to* (*look down on; look up to*):

(22) *I'll have my own car when I travel, and no one will ever be able to **look down on** me* (Stone).

(23) *The unavoidable fact is that Noah was jealous. We all **looked up to** the unicorn, and he couldn't stand it* (Barnes).

Данные фразово-предложные глаголы зафиксированы в словарях в значениях: *look up to* 'to admire and respect someone'; *look down on* 'to consider someone or something as not important or of value'.

Еще одна пара оппозиционных послелогов *ahead* и *back* используется для тех же целей параллельно с первой, хотя и значительно реже. В примере (24) пространственные послелогов в переосмысленном значении индексируют отношение понижения социального статуса, так как в нем представлено мнение друзей семьи о муже, который ниже жены по социальному статусу и из-за любви и уважения к которому женщина не проявляет себя в соответствии со своими способностями и возможностями:

(24) *And unfortunately Vincent will always **hold her back, hold her down**, you'll see* (Bradford).

В этом примере использованы два фразовых глагола с одним и тем же глагольным компонентом *hold*, но разными послелогом *down* и *back*, которые в данном социально-дейктическом контексте выступают как синонимы.

В примере (25) для обозначения направления продвижения *выше* по служебной лестнице использован послелог *ahead*, из чего можно сделать вывод, что в социально-дейктическом контексте он может быть синонимичен послелогу *up*:

(25) *Any man who gets into a job and doesn't plan a way to **get ahead** is either lazy or crazy* (King).

Это означает, что улучшение социального положения ассоциируется у англоговорящих людей с движением вперед и вверх, а его ухудшение – с движением назад и вниз.

Представляется невозможным отделить лингвистику от человека и окружающего мира. Языковой антропоцентризм и антропоморфизм особенно четко проявляются в различных пространственных выражениях, так как пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета. Проявления социального дейксиса сближаются с проявлениями пространственного дейксиса, так как в языке могут исполь-

зоваться одни и те же средства для описания отношений между объектами реального мира и между людьми в обществе.

Литература

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2.

Аристов С.А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика // Лингвистический вестник. Вып.1. Ижевск, 1999.

Бабушкин А.П. Индексальные инонаименования // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 51-53.

Бенвенист Э. Общая лингвистика М.: Прогресс, 1974.

Верхотурова Т.Л. Наблюдаемость в языке (на примере английских и русских перцептивных глаголов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2-3. С. 14-27.

Карасик В.И. Лингвистические аспекты изучения социального статуса человека (на материале современного английского языка). Дис. ... докт. филол. наук. М., 1992.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность, дейкτικότητα, индексальность. Иркутск, 1992.

Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1993. Т. 5. № 3. С. 45-56.

Крячков Д.А. Языковой афоризм в речи американского политика (опыт социолингвистического анализа) // Вестник МГЛУ. Вып. 478. М., 2003. С. 126-134.

Низамутдинова Ф.Н. Национально-культурная специфика фразеологических единиц в британском и американском вариантах английского языка // Английский лексикон в когнитивно-дискурсивной парадигме. Сборник научных трудов. МГЛУ, 2001. С. 142-149.

Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1993. Т. 52, № 3. С. 33-44.

Стернин И.А. К проблеме дейктических функций слова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Сухих С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.

Шматова В.И. Дейксис в системе глагола современного английского языка. Дис. ...канд. филол. наук. М., 1975.

Bühler K. Sprachtheorie. Jena, 1934.

Imai Sh. Spatial Deixis: Ph.D. Dissertation. State University of New York, 2003. [Электронный ресурс]. – <http://cf.linguistlist.org/cfdocs/new> (2016, February 22).

- Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. Stanford, C.A.: Stanford UP, 1987. Vol. I.
- Levinson S.C.* Pragmatics. Cambridge, 1983.
- Weinreich U.* Explorations in Semantic Theory // Current trends in Linguistics. 1966. № 3. P. 395-477.

Эволюция вежливого обращения в нидерландском языке

Established by the end of the 14th century as a result of the displacement of the 2nd person form singular through the corresponding plural form five-membered pronominal-verbal paradigm in the Brabants written-literary regional sublanguage was completely analogous to modern English. During the formation of the literary norms in Holland, since the 17th century, the Dutch verb not only restores the distinction of the numbers in the 2nd person form at the expense of appearance of the secondary plural form *jullie*, but also develops a special pronoun with the semantics of politeness *u* that in the new translations of the Holy Scripture at the turn of the 20th-21th centuries is addressed to God.

Исчезновение в нидерландском языке исконного корня личного местоимения 2 лица ед. числа *d-* и соответствующей глагольной формы традиционно объясняют влиянием французского, утверждая, что оно основано на использовании формы мн. числа при вежливом обращении к одному лицу [Winkel 1891, 669; Stoett 1923, 20]. Однако при этом, как кажется, недоучитывают того, что во французском различение форм числа во 2 лице, а также использование формы мн. числа при вежливом обращении сохраняются по настоящее время, как и в заимствовавшем такое употребление русском. Тем самым коренная перестройка нидерландской местоименно-глагольной парадигмы, включая исчезновение старых форм 2 лица ед. числа и появление особой формы вежливого обращения, по всей видимости, представляла собой достаточно сложный процесс развития, в котором действовал целый ряд факторов, при этом не столько сугубо прагматической, сколько, в первую очередь, системно-структурной природы.

В частности, в свое время в рамках глагольного словоизменения средненидерландского были выделены три таких фактора [Зеленецкий 2000, 213-215]. Во-первых, это сама техника оформления 2 лица ед. числа глагола в отличие от других личных форм и прежде всего от соответствующей формы мн. числа, во-вторых, это общая структура глагольной словоизменительной парадигмы и, в-третьих, это фактор, строго говоря, социолингвистической природы, состоящий в ареальной приуроченности исчезновения исконной глагольной формы 2 лица ед. числа и местоименного корня *d-*.

Что касается первых двух факторов, то как известно, оформление 2 лица ед. числа презенса в древнегерманских языках было весьма многообразным и зависело от контекста и от принадлежности глагола той или иной

морфологической группе, так что в средненидерландском ее наиболее частотное окончание *-s* не обеспечивало однозначного маркирования формы и «конкурировало» с другими показателями. Так, из его слияния с постпозитивным *du* развился вариант окончания *-st*, нередко осложнявшийся рефлексом редуцированного гласного местоимения (*-ste ~ -stu*), а претерито-презентные глаголы часто сохраняли свое старое окончание *-t*, представленное также у выравнявшегося по ним глагола *willen*. Даже в пределах одного средненидерландского памятника число вариантов окончания 2 лица ед. числа нередко оказывается весьма значительным. Так, например, в «Зерцале мирян» Бундале их насчитывается не менее восьми. Это, прежде всего, показатели: *-es*, *-ste*, *-st*, *-stu*, а у претерито-презентных глаголов также *-t*, *-te*, *-tu*, *-tste*. Если добавить к перечисленным еще и окончания *-s* и *-ts*, то общее число вариантов показателя формы 2 лица ед. числа презенса оказывается равным не менее, чем десяти. Едва ли нужно специально объяснять, что подобная вариативность делала эту форму слабым звеном в общей парадигме личных форм глагола.

Напротив, маркирование соответствующей формы мн. числа было относительно единообразным: при препозиции личного местоимения *ghi* здесь – в зависимости от ареала – выступал показатель *-t* или *-e(n)*, а при постпозиции (и – соответственно – энклизе) местоимения в части ареала показателя *-t* была представлена второобразная форма на *-di*; ср.: *ghi hoeret* vs. *hoerdi*. При этом форма с препозитивным местоимением типа *hoeret* была омонимична форме 3 лица ед. числа презенса, тогда как в ареале единого окончания мн. числа *-e(n)* были омонимичны формы всех трех лиц. Общей чертой глагольной парадигмы в обоих ареалах было тем самым достаточное развитие анализизма при выражении значений лица и числа.

Вариант формы 2 лица мн. числа на *-di*, выглядящий как своеобразное (вторичное) аффиксальное образование, нуждается в специальном обсуждении. Развившись, согласно Я. те Винкелу, чисто фонетическим путем (**nemeþji* → **nemeþi* → **nemedi* → *neemdi*) [Winkel 1891, 670], он представлен сперва во фламандском, брабантском и лимбургском ареалах и нетипичен для голландского [Vooys 1967, 132], куда проникает отчасти лишь на рубеже XVI-XVII вв. В середине XX в. его ареал охватывает восточнофламандские, брабантские и лимбургские диалекты [Weijnen 1966, Overzichtskaart], смыкаясь с областью аналогичных форм в рейнских диалектах Германии, где варианты типа *mugide* засвидетельствованы еще языком поэмы «Король Ротер». Обычно средненидерландские формы на *-di* эквивалентны сочетанию глагола с препозитивным местоимением *ghi*; ср. в фарсе «Drie daghe here» ‘Господин на три дня’: *Ghi selt horen* (241) ‘Вы услышите’ vs. *Ende dan, Bette, seldi drincken* (356) ‘И тогда, Бетте, должны вы выпить’. Однако у них были предпосылки превращения в истинные фор-

мы, о чем свидетельствует, в частности, сочетание их в ряде диалектов (прежде всего фламандских и брабантских) с постпозитивным местоимением типа *neemde-ge* [Schönfeld 1970, 139]. В литературном языке формы на *-di* не закрепились, оставшись приметой диалекта. Вместе с тем не исключено, что на начальном этапе исчезновения старой формы 2 лица ед. числа их префинальное *-d-* могло чисто фонетически способствовать неразличению форм чисел; ср.: *sel(t)du* vs. *seldi*.

Относительно ареальной обусловленности исчезновения старой формы 2 лица ед. числа следует также сказать, что контактное развитие в нидерландском ареале двух типов микропарадигмы мн. числа глагола (соответственно – с особой формой 2 лица на *-t*, как в современном немецком, и общим окончанием *-e(n)* для всех лиц) должно было способствовать отрыву этой особой формы от форм 1 и 3 лица мн. числа с показателем *-e(n)* и развитию («выпячиванию») у нее значения 2 лица вне связи со значением числа. Не лишне в этой связи также заметить, что, согласно К.Б. ван Харингену, старая форма 2 лица ед. числа на *-s*, *-st* сохраняется в тех же областях, что и местоименный корень *d-* [Haeringen 1956, 52], то есть во Фрисландии, Гронингене, на востоке Нидерландов в области саксонских диалектов, а также в восточной части Лимбурга, где изоглосса *du* близка линии Урдингена. Иными словами, старая форма 2 лица ед. числа в основном сохраняется в ареалах, где контакты диалектов франкского и ингвеонского происхождения были менее интенсивны (или вообще отсутствовали) и где, следовательно, не было конкуренции двух типов микропарадигмы мн. числа, приводившей к подавлению значения числа и «выпячиванию» значения лица у формы с показателем *-t*.

По свидетельству М. Шёнфелда, употребление местоимения *du* или *ghi* перед этой формой часто нарушалось уже в средненидерландский период, когда *ghi* недифференцированно использовалось как при обращении к одному лицу, так и к нескольким лицам [Schönfeld 1970, 169]. Особенно показательны в этом отношении данные простых подсчетов. Так, в тексте драмы «Эсморейт» на семь случаев использования корня *d-* приходится порядка 220 случаев употребления различных вариантов соответствующей формы мн. числа, которая лишь девять раз (четыре раза в прологе и пять – в эпилоге) отнесена к более чем одному лицу. В тексте драмы «Глориант» корень *d-* зафиксирован шесть раз, а в текстах обеих других «высоких драм» XIV в. и фарсов он вообще не представлен.

Обычно считается, что в литературном языке форма *du* исчезает к концу XVI в.; это подтверждается, в частности, данными Б. ван Халтерена [Halteren 1906, 2-5]. Тем не менее утверждение Я. те Винкела о ее **полном** вытеснении уже в XVI в. [Winkel 1891, 669] все же излишне категорично. В действительности процесс исчезновения корня *d-* протекал намного слож-

нее. Так, материал А.Э. Любаха показывает, что если в памятниках начала XVI в. старая форма 2 лица ед. числа встречается еще довольно часто, то в более поздних текстах случаи ее употребления, как правило, уже единичны. Высокая частотность корня *d-* в том или ином позднем тексте объясняется поэтому иноязычным влиянием или же отражением особенностей восточнонидерландских диалектов. В частности, именно с влиянием верхненемецких образцов связывал его высокую частотность в «Псалмах» Утенхове А.Э. Любах [Lubach 1891, 38]. Своеобразная ситуация представлена в текстах пьес Корнхерта. Здесь адресат регулярно обозначается местоимением *ghy* или вторичноаффиксальной формой на *-di*, тогда как старое *du* встречено всего два раза в сочетании с глагольной формой на *-t* (*du hebt, moecht*), а будучи употреблено в уничижительном обращении, соседствует с формами на *-di* (*wildy, blijfdy*).

В связи с исчезновением старой формы 2 лица ед. числа местоимения и глагола особого упоминания заслуживает обычно приводимое в работах по батавистике высказывание Филиппа ван Марникса, писавшего в предисловии к своему переводу «Псалмов»: «Мы только в том отступили немного от наиболее употребительного в настоящее время в Нидерландах способа выражения (*wijse van spreken*), что мы хотели сохранить различие между выражением, употребляемым при обращении к одному лицу, и выражением, употребляемым при обращении ко многим, поставив в последнем случае местоимение (*namen*) *ghy*, а при обращении к одному лицу – местоимения *du, dy*». При этом замену формы ед. числа соответствующей формой множественного Марникс квалифицирует далее как безобразное употребление и смешение чисел, проникшее даже в язык Священного Писания (цит. по: [Helten 1883, 117]). Это высказывание Марникса, серьезно занимавшегося вопросами родного языка и в целом ориентировавшегося на использование народного языка [Velde 1956, 37], интересно в двух отношениях. Во-первых, оно позволяет достаточно точно датировать исчезновение формы 2 лица ед. числа из литературного языка, произошедшее, по свидетельству Марникса, примерно за 40 лет до перевода им «Псалмов», то есть в 40-50-е гг. XVI столетия, и, следовательно, предположить ее еще более раннее исчезновение из устной формы языка. Во-вторых, оно показывает невозможность выхода исчезнувшей формы за рамки письменной речи, так что темпы ее исчезновения из устной и письменной форм языка были различными. Об этом же свидетельствует и совершенно очевидная бесперспективность подобной попытки полностью разделявшего позицию Марникса автора первой написанной на родном языке нидерландской грамматики Х.Л. Спихела, который назвал использование формы типа *ghy mint* вместо *du minnest* дурной привычкой (*quaghewoonte*), но в то же время был вынужден заметить, что последней говорящие пренебрегают как в Нидерландах, так и в соседних

областях Германии [Spiegel 1962, 50-51]. В литературном языке XVII в. старая форма встречается лишь как исключение у раннего Вондела (два раза: *lighstu, hebstu*), в молитве у Хёйгенса и в избылиующих просторечиями комедиях Бредеро, где отмечены формы типа *klamstu, wilstu, bist*, при этом последняя также в сочетании с местоимением *ghy* [Weijnen 1956, 45].

Все это позволяет заключить, что в юго-западной части нидерландского ареала, прежде всего в брабантской (по А. Вейнену – южно-центральной) диалектной зоне, старая форма 2 лица ед. числа местоимения и глагола практически перестала употребляться в устном языке уже к концу средненидерландского периода, уступив место недифференцированной форме, являющейся по происхождению формой мн. числа.

Что же касается различения оппозитивов ед. vs. мн. числа местоимений 2 лица, то оно осуществилось в литературном языке совсем не так, как это представляли себе грамматисты XVI в., оказавшись не восстановлением старой формы, но появлением новой за счет использования и переосмысления уже имеющихся ресурсов языка. В условиях перемещения центра формирования основы литературной нормы из Брабанта в Голландию, где, как уже упоминалось, оппозиция по числу у местоимений 2 лица (наличие форм типа *klamstu*) сохранялась отчасти еще в XVII в., недифференцированная форма 2 лица типа *jij mint* (*jij* – северное соответствие брабантскому *gy ~ gij*), использовавшаяся к тому же при вежливом обращении, была переосмыслена в форму ед. числа, а во мн. числе ей начало соответствовать своеобразное сложение с усилительным элементом *-liede(n) ~ -lude(n)* (ср. нем. *Leute*), засвидетельствованное уже с XIII в. [Loey 1980, 33-34]. Начиная с XVI в., продуктивность этой формы (совр. *jullie*), являвшейся, по сути дела, новой лексической единицей и вступившей в отношение контрастной дистрибуции со старым *jij*, возрастает [Halteren 1906, 15], что можно рассматривать как явный сигнал движения в сторону новой микросистемы местоимений 2 лица [Halteren 1906, 76]. Несмотря на сопротивление ряда авторов (в частности, Марникса, критиковавшего формы с *-liede(n)* как подобные испанским *nosotros, vosotros*, видимо, прежде всего по политическим мотивам [Halteren 1906, 15]), они достаточно широко распространены в XVII в., будучи представлены, в частности, языком фарсов. Правда, более или менее устойчивый статус в местоименно-глагольной парадигме нидерландского литературного языка форма *jullie* получает только к середине XIX в., когда усиливается тенденция сочетать ее с глагольной формой мн. числа на *-e(n)* [Schönfeld 1970, 170]. Вполне естественным кажется поэтому предположение, что в основе такого развития лежало своего рода «переключение» согласования глагола с первого элемента составного местоимения, не связанного однозначно со значением числа, на его вторую часть, явно ассоциируемую со значением множественности. Тем самым развитие нидерландской микро-

парадигмы местоимения 2 лица и связанных с нею личных глагольных форм четко демонстрирует механизмы «самонастройки» языковой системы при разрешении тех или иных «конфликтных» ситуаций путем использования собственных ресурсов.

Сходным образом протекало в нидерландском, по всей видимости, и формирование особой формы вежливого обращения.

Как уже отмечено, в Брабанте к середине XIV в. в качестве единственного, первоначально вежливого, а затем, скорее всего, уже нейтрального, а также недифференцированного в отношении значения числа обращения выступало исконное местоимение мн. числа, субъектный падеж которого имел при препозиции вид *ghi* и сливался с глаголом при энклизе (уже упомянутые формы на *-di*). Формой объектного падежа было *u*. Только эти три формы представлены в текстах, содержащихся в знаменитой Хюлтемской рукописи фарсов, что позволяет рассматривать их как варианты устно-разговорной речи Брабанта того времени. Абсолютно преобладают они и в текстах так называемых «высоких драм» (нидерл. *abele spelen*), тогда как формы 2 лица ед. числа с корнем *d-* зафиксированы здесь, как уже указано, в общей сложности тринадцать раз. Тем самым создается впечатление, что в XIV в. недифференцированная форма 2 лица была принята на территории Брабанта не только устно-разговорной, но и письменно-литературной речью, а закрепление ее (совр. *Gij*) в XVII в. особым решением Синода при обращении к Богу в тексте Священного Писания [Heinsius 1897, 70, 133] лишь кодифицировало оформившийся намного раньше и во многом повлиявший на язык официального перевода Библии узус.

Вместе с тем обобщение письменно-литературным языком такой недифференцированной по значению числа и нейтральной в отношении семантики вежливого обращения формы противоречило как структуре местоименно-глагольной парадигмы, так и задаче выражения почтительного отношения к адресату речи. Объяснялось это, скорее всего, тем, что объективно (в силу внутренней диалектики) грамматикализация¹ вежливого обращения в анализирующемся языке крайне затруднена в силу отсутствия каких-либо реальных морфологических средств своей реализации. Так, как известно, «классический» способ выражения вежливости во французском и даже во флективном русском языке весьма двусмыслен и, строго говоря, сводится к так называемой «графической вежливости». Это во многом справедливо и для немецкого языка, где **чисто грамматическая** – при этом отнюдь не связанная с морфологией – техника выражения вежливости представлена только в двусоставных директивах типа *Nehmen Sie bitte Platz!*

¹ Специально о взаимодействии в языковом развитии лексикализации и грамматикализации см. [Солнцев 2000].

Поэтому вполне естественно, что более перспективным способом выражения вежливости в подобной ситуации оказывается лексикализация и прежде всего самый простой ее способ, состоящий во включении в адресованное некоему лицу высказывание обращения как не входящего в его грамматическую структуру элемента.

В данном отношении весьма показательны сопоставление языка брабантских фарсов и «высоких драм» XIV в. В первом в роли обращения выступают имена собственные, а также обозначения родственных, соседских или иных отношений; например: *Lijsbet! Lijsbet! ghi moet gaen mede* (260) 'Лисбет! Лисбет! вы пойдете со мной'; *Ic swere u, Jan, bi sente Cleis* (121) 'Я клянусь вам, Ян, святым Николаем (Клаасом)'; *Lieve Bette, nu laet u segghen* (165) 'Милая Бетте, дайте вам сказать'; *Ghebuer, ghi scijnt harde sere gestoert* (52) 'Сосед, вы кажетесь сильно расстроенным'; *Ghevader, hoe sidi dus bestelt? / Hoe hebdi u selven dus vercocht?* (365-366) 'Кума, как же вы собой помыкать даете? Как вы вас самую так продали?'². При этом подобное «лексикализованное» обращение способно передавать самый широкий спектр коннотаций вплоть до резко негативного отношения к адресату; ср.: *Nu gaet, keytijf, god gheve u scande!* (149) 'Ну, идите, подлец, Бог вас покарай!'.

В куртуазном языке «высоких драм» обращение, как правило, представляет собой изысканное обозначение адресата. Примером тому могут быть следующие пассажи из пьесы «Ланселот Датский»: *God, die alle dinc vermach, / Die moet u gheven goeden dach, / Edel ridder van herten vri* (56-58) 'Господь, который все может, пусть даст вам добрый день, благородный рыцарь, сердцем вольный'; *Al woudi mi gheven te lone / Dusent merct van goude roet, / Hoghe baroen, edel ghenoot* (97-99) 'За это благодарю я Бога на престоле: хоть бы вы захотели мне дать как плату тысячную цену червонного золота, высокородный господин, благородный дворянин'; *Vrouwe moeder, doetse mi comen dan: / Ic sal doen, dat ghi begheert* (267-268) 'Госпожа мать, велите ей ко мне прийти тогда: я сделаю, что вы желаете'. Вежливое обозначение адресата используется при этом обычно и в случае негативного к нему отношения; ср. слова матери героя пьесы к презираемой ею героине: *Nu biddic u, scone maget Sanderijn* (307) 'И вот прошу я вас, прекрасная дева Сандерейн'. вполне естественно, такое не принадлежащее структуре предложения обращение может, как и в фарсе, нести также негативную коннотацию; ср. оценку той же матерью своего влюбленного в худородную героиню сына: *Scaemt u der scanden, vul keytijf, / Dat ghi soe neder mint* (207-208) 'Стыдитесь стыдом, полный придурок, что вы так низкопробно любите'. Показательно в этой связи также то, что, разочаровавшись в обманув-

² В целях сохранения специфики языка оригинала (прежде всего порядка слов) здесь и в дальнейшем дан буквальный перевод, что неизбежно отражается на качестве русского текста.

шем ее чувства героя, героиня мысленно обращается к нему уже просто по имени, не сопровождая его никакими эпитетами³: *Lanseloet, ghi en siet mi nemmermee* (347) ‘Ланселот, вы не увидите меня более’.

Такое противоречивое соотношение лексикализованного обращения с семантикой вежливости отчетливо показывает, что однозначному выражению последней может служить только некое лексико-грамматическое, входящее в структуру предложения средство, иными словами, традиционный член предложения типа рус. *Что Ваша милость желает ~ желают?* Как правило, в европейских языках такое вежливое обращение сочетается с формой 3 лица глагола (ед. или мн. числа), что как бы «усиливает» отрицательную вежливость путем мнимой адресации высказывания «неучастнику» коммуникативного акта. При этом его явное преимущество по сравнению с наделением семантикой вежливого обращения какого-либо звена местоименно-глагольной парадигмы (даже формы 3 лица в немецком или итальянском) состоит в его лексико-грамматической природе, что исключает всякую двусмысленность. Именно такой тип развития представлен в нидерландском языке, где уже в XVII в., наряду с недифференцированной по числам южной формой *gij* (северное *ji*), для выражения вежливого обращения начинает применяться сочетание *Uwe Edelheid*. Первоначально оно использовалось лишь в письменной речи, где часто заменялось сокращениями вида *Uwe Ed.* ~ *Uw(e) Ed.* ~ *UEd* и, наконец, *UE*, наиболее употребительным еще на рубеже XVIII-XIX вв. [Schönfeld 1970, 139; Weijnen 1956, 44]. Считается, что именно на базе сокращения *UE* при его звуковом прочтении как [y'(w)e] вследствие переноса – в соответствии с законами нидерландской ритмики – ударения на первый слог и последовавшей за этим апокопе второго слога, а также при аналогическом влиянии формы объектного падежа местоимения 2 лица мн. числа и происходит закрепление новой формы вежливого обращения *U* [Schönfeld 1970, 139-140; Vries 1971, 757]. К.Г.Н. де Войс допускал и возможность другого объяснения генезиса формы *U*, истолковывая ее как объектный падеж местоимения 2 лица, вытеснивший исконный субъектный подобно тому, как это произошло в 1 лице мн. числа с формой *ons* (вм. *wij*) в зеландских диалектах и в языке африкаанс [Vooy 1967, 79]. В пользу традиционного варианта объяснения, возводящего форму вежливого обращения к 3 лицу ед. числа, говорит, однако, первоначальное сочетание ее с возвратным местоимением *zich* [Schönfeld 1970, 140]; форма глагола в данном случае менее показательна из-за омонимии 3 лица ед. числа и 2 лица мн. числа. Во всяком случае, по свидетельству Г.Г. Клуке, субъектный падеж вежливого обращения *u* (*uwe*) засвидетельствован в частных письмах уже

³ Специально об оформлении обращения в средненидерландском см. [Зеленецкий 2015].

не позднее 1624 г. как в сочетании с глагольной формой 2, так и 3 лица; ср.: *want u zult hoope ick een wijf hebben voor mijne wederkompste* vs. *Ick hoope u zijn geldt wel zonder verlies krigen sal* [Kloeke 1948, 286].

В этом процессе становления **специализированного** местоимения вежливого обращения как обязательного структурного элемента нидерландского предложения – и в этом отношении полностью аналогичного вторичной форме 2 лица мн. числа *jullie* – обращают на себя внимание два момента. Прежде всего это уже отмеченная связь его с 3 лицом **ед. числа**, изымающая нидерландское вежливое обращение, в отличие от английского, где на периферии системы все же существует старое *thou*, из микропарадигмы мн. числа. Во-вторых, это раннее проникновение формы письменного языка в устную речь вследствие звуко-слогового прочтения аббревиатуры и антрофонической близости звукотипов [y] и [w], недостаточно полно учтенных в версии нидерландских исследователей.

Современная нормативная грамматика дает довольно противоречивую картину употребления глагольных форм при местоимении *u*. Так, если у правильных (сильных и слабых) глаголов оно регулярно сочетается с общей формой 2 – 3 лица ед. числа, то у неправильных глаголов отмечается варьирование глагольных форм. Для вспомогательного глагола *hebben* предлагается недифференцированная форма 2 лица *hebt*, а для вспомогательного и связочного *zijn* – форма ед. числа *bent*, при этом как варианты указываются также формы 3 лица (соответственно *heeft* и *is*, последняя – при образовании пассива). Для презенса и претерита вспомогательного *zullen* как основная дана форма 3 лица ед. числа (соответственно *zal* и *zou*), а недифференцированная форма 2 лица (соответственно *zult* и *zoudt*) указана как возможная и встречающаяся в очень аккуратной речи [Тасх 1963, 47-49]. Не вполне согласуется с этим, правда, аналогичное утверждение об употреблении после *u* формы 3 лица глагола, сопровождающееся к тому же историческим экскурсом относительно происхождения этого местоимения [Тасх 1963, 146]. Что касается модальных глаголов *kunnen*, *willen* и *mogen*, то их формы аналогичны вариантам, указанным для *zullen* [Тасх 1963, 57]. Подобная вариативность, допускающая соотнесение местоимения *u* с двумя личными формами глагола, указывает, как кажется, на незавершенность процесса включения нового вежливого обращения в местоименную и глагольную микропарадигму нидерландского, хотя возможность его сочетания с глагольной формой 2 лица, несомненно, все же сигнализирует о превращении его в истинную форму обращения при одновременном «становлении» в нидерландском оппозиции граммем вежливого и нейтрального обращения.

В этой связи несколько удивляет утверждение некоторых нидерландских авторов о том, что тенденция к смешению употребления форм *u* и *je* (*jij*) может привести к снятию различий между вежливым и фамильярным

обращениями, как это имеет место в отдельных диалектах [Daan 1980, 140-144]. Так, найденные в Интернете данные показывают, что со второй половины минувшего столетия при обращении к Богу вместо местоимения *Gij* начинает использоваться форма *u*, которая, несмотря на интенсивные протесты, проникла не только в тексты проповедей, но даже и в выполненные на рубеже столетий (1995 и 2004 гг.) переводы Библии [Waarom-is-God-een-u-en-geen-jij.dhtml]. Весьма отчетливо это прослеживается при сопоставлении приводимого далее текста четвертого и пятого стихов 23 Псалма царя Давида (в русской версии «Псалтыри» – 22 Псалом) в «Библии Генеральных штатов» 1637 г. и в новом переводе 2004 г.:

Библия 1637 г.

4. *Al ginck ick oock in een dal der schaduwe des doots / ick en soude geen quaet vreesen / want ghy sijt met my; uwen stock / ende uwen staf / die vertroosten my.*

5. *Ghy richt de tafel toe voor mijn aengesichte / tegen over mijne tegenpartijders; Ghy maeckt mijn hoofd vet met olye / mijn beker is overvloeyende.*

[bijbelsdigitaal.nl]

Перевод 2004 г.

4. *Al gaat mijn weg door een donker dal», ik vrees geen gevaar, want u bent bij mij, uw stok en uw staf, zij geven mij moed».*

5. *U nodigt mij aan tafel voor het oog van de vijand, u zalft mijn hoofd met olie, mijn beker vloeit over.*

[De Nieuwe Bijbelvertaling]

Тем самым не исключено, что через некоторое время перед нидерландским языковым и христианским сообществом встанет тот же самый вопрос, что и четыре столетия тому назад, когда было решено обращаться к Богу на «*Gij*». Во всяком случае, нельзя не признать, что в отношении темпов динамики и «ревизии» этого обращения нидерландский намного опережает другие европейские языки.

Литература

Зеленецкий А.Л. Местоимение; Глагол // Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 1: Фонология, морфология. М., 2000. Гл. 3, 5. С. 121-139; 155-255.

Зеленецкий А.Л. Обращение как показатель социального статуса персонажа в брабантской светской драме XIV в. (на материале пьесы «Эсморейт») // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. М., 2015. С. 40-54.

Солнцев В.М. Лексичность или грамматичность (на материале китайского языка) // Язык: теория, история, типология. М., 2000. С. 36-41.

Daan J. De ondergang van het pronomen U? // Liber amicorum Weijnen. Assen, 1980. P. 140-145.

- Haering C.B. van.* Nederlands tussen Duits en Engels. Den Haag, 1956. 81 p.
- Halteren B. van.* Het Pronomen in het Nederlandsch der zestiende eeuw. Diss. Groningen, 1906. 81 p.
- Heinsius J.* Klank- en buigingsleer van de Taal des Statenbijbels. Diss. Groningen, 1897. 165 p.
- Helten W.L. van.* Vondel's Taal. Grammatica van het Nederlandsch der Zeventiende eeuw. Groningen, 1883. 183, 184 p.
- Kloeke G.G.* De zeventiende-eeuwse aanspreekvorm U in de nominatief // Tijdschrift voor Nederlandse Taal- en Letterkunde. Jaargang 65. Leiden, 1948. P. 286.
- Loey A. van.* Middelnederlandse Spraakkunst. Bd. 1. Vormleer / 9de dr. Groningen, 1980. 113 p.
- Lubach A.E.* Over de verbuiging van het werkwoord in het Nederlandsch der 16de eeuw. Diss. Groningen, 1891. 75 p.
- Schönfeld M.* Historische grammatica van het Nederlands. (editie A. van Loey). Zutphen, 1970 (achtste druk). 372 p.
- Spiegel H.L.* Twe-spraak. Ruygh-bewerp. Kort begrip. Rederijk-kunst (ed. W.J.H. Caron). Groningen, 1962. 209, 3 p.
- Stoett F.A.* Middelnederlandsche Spraakkunst. Syntaxis. 3e dr.'s Gravenhage, 1923. 266 p.
- Tacx J.P.M.* Nederlandse Spraakkunst voor iedereen. Utrecht; Antwerpen, 1963. 251 p.
- Velde J. van der.* De tragedie der werkwoordsvormen. Diss. Groningen; Djakarta, 1956. 447 p.
- Vooy's C.G.N. de.* Nederlandse spraakkunst. Groningen, 1967 (zevende druk). 429 p.
- Vries de.* Nederlands Etymologisch Woordenboek. Met aanvullingen, verbeteringen en woordregisters door F. de Tollenaere. Leiden, 1971. 977 p.
- Waarom-is-God-een-u-en-geen-jij.dhtml [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trouw.nl/tr/nl/4324/Nieuws/article/detail/1142257/2009/05/12/Waarom-is-God-een-u-en-geen-jij.dhtml>
- Weijnen A.A.* Zeventiende-Eeuwse Taal. 2 dr. Zutphen, 1956. 288 p.
- Weijnen A.A.* Nederlandse dialectkunde. Assen, 1966. 503 p., Kaart.
- Winkel J. te.* Geschichte der Niederländischen Sprache // Grundriss der germanischen Philologie / Hrsg. von H. Paul. Straßburg, 1891. Bd. 1. S. 634-722.

Источники примеров

- bijbelsdigitaal.nl. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bijbelsdigitaal.nl/view/?bible=sv1637&page=558&mode=1>
- Coornhert D.V.* Het roerspel en de comedies van Coornhert (ed. Paul van der Meulen). Leiden, 1955. V, 587 p.

De Nieuwe Bijbelvertaling. [Электронный ресурс]. –

URL: http://www.nbv.nl/vertaalaantekeningen/?cid=text.Ps.sec_23

Drie daghe here. Ene sotte boerde ende ene goede sotternie / Sotternieën // Instituut voor Nederlandse Lexicologie (samenstelling en redactie), Cd-rom Middelnederlands. Sdu Uitgevers/Standaard Uitgeverij, Den Haag/Antwerpen 1998. [Электронный ресурс]. –

URL: http://www.dbnl.org/tekst/_dri001drie01_01/_dri001drie01_01_0001.php

Een abel spel van Lanseloet van Denemerken, hoe hi wert minnende ene joncfrou, die met sijnder moeder diende / Abele spelen // Instituut voor Nederlandse Lexicologie (samenstelling en redactie), Cd-rom Middelnederlands. Sdu Uitgevers/Standaard Uitgeverij: Den Haag; Antwerpen, 1998. [Электронный ресурс]. –

URL: http://www.dbnl.org/tekst/_lan001lans01_01/_lan001_lans01_01_0001.php

Антропоцентричность модальных частиц в немецком языке

Im vorliegenden Beitrag wird gezeigt, dass Modalpartikeln im Deutschen häufig einen modal-bewertenden Rahmen bilden und in seinem Mittelpunkt sind. Zu den anderen Elementen des Rahmens gehören Marker der epistemischen Modalität, das Phänomen Verumfokus und Kontrastfokus sowie andere Mittel, die einen Bezug auf einen Sprechakt kodieren. Modalpartikeln korrelieren mit diesen Einheiten und werden in solchen Aussagen verwendet, die eine subjektive Darstellung von Ereignissen beinhalten. In der objektivierten Darstellung von Ereignissen sind die Modalpartikeln in einigen Typen von Nebensätzen nicht möglich. Das ist einer der Gründe, warum Modalpartikeln der deutschen Sprache als anthropozentrische Einheiten betrachtet werden können.

В. фон Гумбольдт когда-то написал о языке, что он «заложен в самой природе человека и необходим для развития его мышления, духовных сил и формирования мировоззрения» [Гумбольдт 2000, 51], «язык есть обязательная предпосылка мышления» [Там же, 77]. В языке, согласно его наблюдениям, находит свое отражение «дух народа», образ мысли и представления каждого отдельного индивида. Вопрос о взаимосвязи языковых форм, грамматических категорий и человеческого мышления прослеживается во многих других исследованиях, например, в работах Э. Бенвениста (1974), Д. Лайонза (1977), Р. Якобсона (1957) и др. В них показано также и то, что логические процессы, происходящие в сознании людей, осознание человеком своего «Я» в окружающем мире отражаются в грамматическом строе языков. Примечательна в этой связи уже сравнительно недавно возникшая концепция Э. Лайссе, согласно которой категории модальности, темпоральности и аспектуальности представляют собой различные стороны единой категории, в которой находит свое отражение антропоцентричность языка¹ [Leiss 1992].

Модальные частицы можно рассматривать как одно из наиболее распространенных средств выражения модальных отношений в немецком языке. Сами по себе эти слова антропоцентричны хотя бы потому, что раскрыть их семантику и показать их свойства можно только при анализе высказыва-

---

¹ Vielmehr lassen sich alle Kategorien aus einer Kategorie bzw. einer Grunddifferenzierung ableiten. Die Basiskategorie lässt sich vom „natürlichen“ egozentrischen Standpunkt des Sprechers ableiten [Leiss 1992, 3].

ния. Задачи данной публикации состоят в том, чтобы, во-первых, показать, что при употреблении в сложном предложении модальные частицы в немецком языке обнаруживают целый ряд особенных, именно им присущих, скрытых свойств, отражающих «человека в языке» [Бенвенист 2002], а, во-вторых, проследить особенности построения модально-оценочной рамки в высказываниях с этими словами. Мы полагаем, что в целом ряде случаев модальные частицы выступают в роли организующего центра модальной рамки, своего рода магнита, «притягивающего» другие модальные элементы в предложение.

Для того, чтобы показать антропоцентричность модальных частиц, мы приводим примеры из газетного корпуса DWDS, корпуса DeWaC Гумбольдтовского университета, а также корпуса DECOW 16-A NANO Свободного университета г. Берлин. Для более наглядного представления некоторых явлений, требующих более широкого контекста, в работе рассматриваются примеры из немецкой художественной литературы. В связи с ограниченным объемом статьи анализ проводится на примере частицы *ja*.

Как известно, модальные частицы трактуются в немецком языкознании неоднозначно. Так, У. Энгель рассматривает их вместе с модальными словами как одну группу слов, объединенную под общим названием «частицы». К этой группе относятся также предлоги, союзы, наречия, модальные частицы, усилительные частицы и т.д. [Engel 1988, 689]. Иной трактовки придерживаются Й. Майбауэр (1994), В. Абрахам (2011), М. Котин (2011) и другие исследователи. Они выделяют модальные частицы как отдельную часть речи и указывают на их следующие свойства: а) модальные частицы могут стоять только в среднем поле немецкого предложения; б) вместе с вопросительным словом они могут стоять в предполье; в) эти слова не могут занимать последнюю позицию в предложении и г) кодируют пропозициональную установку говорящего [Meibauer 1994, 29]. В качестве одной из специфических черт модальных частиц, отличающих их от модальных слов, А.Т. Кривонос называет их неспособность выступать в качестве самостоятельного ответа на вопрос [Кривонос 2001], ср.:

(1) а. „*Muss er sterben?*“

„*Ich weiß nicht. Vielleicht*“ (Н. Hesse. *Narziss und Goldmund*).

Но:

(1) б. „*Muss er sterben?*“

„*Ich weiß nicht. *Wohl*“.

Особенность частиц состоит в том, что они способны передавать не только эпистемическую, но и эвиденциальную семантику, на что указывает, например, в работах М.Л. Котина (2011), А.В. Авериной (2015) и др. Так, модальная частица *ja* участвует в передаче логического умозаключения, например:

(2) *das brauchst du doch nicht zu fürchten, Mama. Ihr gebt mir ja doch keins* (H. Böll. Die Ansichten eines Clowns).

В первом предложении фрагмента (2) имеет место указание на следствие, причина содержится во втором предложении, содержащем частицу *ja*. В этом случае можно говорить о прямой засвидетельствованности, поскольку в приведенном фрагменте отражено умозаключение, базирующееся на опыте или знании говорящего.

Очень важное наблюдение относительно грамматических свойств частиц сделано В. Абрахамом. Он считает, что их существенным свойством является многоплановая дейктичность: 1) говорящий оценивает информированность собеседника, 2) дает ему об этом знать и 3) провоцирует его к реакции на сказанное [Abraham 2011, 140]. Эти свойства мы можем проследить на следующем примере:

(3) *Haider ist ja betrunken gewesen* (пример В. Абрахама, см. [Там же]), где частица *ja* показывает, что говорящий и собеседник уже владеют этой информацией. Говорящий сигнализирует, что собеседник должен разделить его точку зрения, поскольку именно она является истинной. Именно это свойство — многоплановая дейктичность — делает модальные частицы синтаксически неподчинимыми элементами, отличающими их от модальных слов [Аверина 2016]. Модальные частицы, а не модальные слова позволяют определить, является ли придаточное предложение иллокутивно самостоятельным или нет [Thurmair 1989], [Coniglio 2011], [Averina 2015]. Так, в предложении (4) модальные частицы не могут стоять в иллокутивно несамостоятельном придаточном, в то время как в иллокутивно самостоятельном (5) это возможно:

(4) *Sie bedauern, dass (*ja) heute so viele Erinnerungen gelöscht worden sind* (DWDS).

(5) *Zum Abschied sagt er, dass ja auch die DAK eine gute Kasse sei* (DWDS).

В некоторых типах придаточных предложений возможность использования в них частиц зависит от семантики и грамматических особенностей главного предложения, то есть речь идет об определенных механизмах, влияющих на возможности их использования в придаточном предложении. По нашим наблюдениям, механизмы, позволяющие включить модальные частицы в придаточное предложение, участвуют в построении модально-оценочной рамки высказывания. Прежде чем описать ее особенности, остановимся сначала на понятии эмоционально-оценочная рамка в трактовке В.Г. Гака.

Эмоционально-оценочная рамка – это некий психологический кадр высказывания, который может находить свое выражение разными средствами и в разных местах высказывания или текста [Гак 2010, 290]. Как правило,

эмоционально-оценочные элементы группируются чаще в начале высказывания (или сверхфразового единства), или в конце его, они могут охватывать речь с обеих сторон. Тем самым происходит усиление иллокутивной силы высказывания. Как отмечает В.Г. Гак, эмотивная сила высказывания увеличивается за счет интенсивности и аргументации [Там же, 291]. Мы хотели бы оперировать термином модально-оценочная рамка, поскольку эмоции как выражение некоего отношения можно расценивать в какой-то мере и как определенный способ выражения модальности.

Модально-оценочная рамка высказывания, формирующим центром которой мы предлагаем рассматривать частицы, содержит, как правило, два или три компонента, предшествующих частице или следующих за ней. При этом о возникновении этой рамки мы можем говорить тогда, когда частицы выступают в нетипичных для них позициях. К таким позициям мы относим позицию после модальных слов в среднем поле немецкого предложения и позицию в некоторых типах придаточных предложений. Так, частица *ja* не может использоваться в темпоральных придаточных:

(6a) *Dort geht jetzt die Zahl der Leberkrebsfälle langsam zurück, nachdem man (*ja) vor etwa zwanzig Jahren Massenerimpfungen gegen Hepatitis B durchgeführt hat* (DECOW 14).

Если, однако, изменить ряд параметров в главном предложении и включить в него модальные элементы, то ее использование становится возможным:

(6b) *Dort könnte jetzt die Zahl der Leberkrebsfälle langsam zurückgehen, nachdem man (+ja) vor etwa zwanzig Jahren Massenerimpfungen gegen Hepatitis B durchgeführt hat.*

В придаточном времени в (6b) модальная частица допустима, потому что в главное предложение включен дополнительно другой модальный элемент – глагол *können* в форме *Konjunktiv*.

Рассмотрим принципы построения модальной рамки на примере функционирования модальных частиц в инструментальных придаточных предложениях. Как правило, если главное предложение не содержит каких-либо оценочных элементов, использование модальных частиц в инструментальных придаточных невозможно:

(7) *Er habe dies der Polizei signalisiert, indem er sich (*ja) mit erhobenen Händen an ein Zugfenster gestellt habe* (DWDS).

Если же в предикате главного предложения и в субъонкторе кодируется фокус истинности (фокус истинности – предложенный нами аналог термина *Verumfokus*, см. [Аверина 2015]), то, например, модальная частица *ja* возможна:

(7') *Er HAbе dies der Polizei signalisiert, inDEM er sich ja mit erhobenen Händen an ein Zugfenster gestellt habe.*

В предложении (7') заглавными буквами мы обозначили те слоги, которые получают наибольшее ударение: предикат главного предложения и подчинительный союз находятся под ударением. Как правило, фокус истинности находит свое выражение в предикате или в субъюнкторе исключительно в том случае, если говорящий выражает свое несогласие с позицией собеседника (см. этой связи работы [Höhle 1988; 1992]). Так, мы могли бы представить предложение (7') в расширенном контексте следующим образом:

(7') *Spr. 1: Er hat kein einziges Signal der Polizei gegeben.*

Spr. 2: Er HAbе dies der Polizei signalisiert, inDEM er sich ja mit erhobenen Händen an ein Zugfenster gestellt habe.

В приведенном фрагменте в роли первого и второго компонента модальной рамки выступают ударная форма личной формы глагола и подчинительный союз, кодирующие фокус истинности, функцию третьего компонента выполняет модальная частица. Она возможна в придаточном, поскольку в высказывании отражена позиция говорящего. Это субъективированное изложение событий, предполагающее присутствие говорящего и слушающего. Модальная частица в (7'') делает высказывание адресованным собеседнику, придавая ему тем самым свойство диалогичности. Такого рода сдвиг, когда частица становится возможной в придаточном, обусловлен именно обращенностью высказывания. Эти наблюдения более подробно представлены в монографии, посвященной исследованию механизмов, влияющих на возможность использования частиц в зависимом предложении [Averina 2015].

Анализ корпусных данных показывает, что использование модальных частиц в инструментальных придаточных становится возможным и тогда, когда в главном предложении имеют место модальные слова, например:

(8) *Die LPG hat natürlich ihren Bestand um 100 Prozent erhöht, indem sie ja jetzt zwei Hühner hat, während der Privatbauer nur ein Prozent Wachstumsrate aufzuweisen hat (DECOW 16A).*

В главном предложении в (8) используется модальное слово *natürlich*, выражающее высокую степень вероятности и создающее тем самым иллюкативную силу высказывания. Это первый компонент модальной рамки. В придаточном предложении допускается частица *ja* – это второй компонент рамки. В роли третьего компонента рамки можно рассматривать аргументацию, создаваемую частицей. Так, высказывание (8) имеет в расширенном варианте следующий вид:

(8') *Und damit ist ganz eindeutig bewiesen, dass die LPG überlegen ist. Warum? Das ist ganz einfach: Die LPG hat natürlich ihren Bestand um 100 Prozent erhöht, indem sie ja jetzt zwei Hühner hat, während der Privatbauer nur ein Prozent Wachstumsrate aufzuweisen hat (DECOW 16A).*

Как видно из фрагмента, между первым и третьим предложениями возникают каузальные отношения, которые служат общей базой выражения модальных отношений. Эти отношения можно рассматривать как третий, обобщающий модальный элемент.

Построение модальной рамки можно проследить и на примере придаточных следствия. В этих типах предложений модальные частицы становятся возможны в случае, если говорящий обращается к собеседнику, выражая свою позицию, сравним:

(9) *Binnen Minuten wurde es bitterkalt und der Wind blies so stark, dass sich (*ja) die Bäume bogen und ächzten* (DeWaC).

(9') *b. In Dub/NA wurde es binnen Minuten bitterkalt und der Wind blies /SO stark, dass sich ja selbst die \BÄUme bogen und ächzten.*

Высказывание (9) не содержит каких-либо субъективных элементов, включение частиц представляется проблематичным. При трансформации данного предложения и интонационном выделении значимых частей (речь идет о фокусе контраста – см. [Büring 2005], [Averina 2015]), включении усилительной частицы *selbst*, когда предложение представляет события уже с позиции говорящего, модальная частица становится возможной (9'). Так, предложение, в котором частица допустима, можно представить в более широком контексте следующим образом:

(9'') *Spr. 1: Wie war das Wetter gestern im Moskauer Gebiet?*

Spr. 2: In Ko/LOMna war es \WARM. In Dub/NA wurde es binnen Minuten bitterkalt und der Wind blies /SO stark, dass sich ja selbst die \BÄUme bogen und ächzten.

Интонационная маркировка в приведенном предложении свидетельствует о субъективированном изложении, присутствии Я-говорящего. Между сложноподчиненным предложением и предшествующем ему предложением возникают контрастивные отношения.

В роли одного из элементов модально-оценочной рамки можно рассматривать те структуры, которые маркируют конкретный речевой акт [Averina 2014; 2015], сравним:

(10) *Was passiert nun mit der Welt, nachdem ja eigentlich alle „gestorben“ sind?* (DECOW 16A).

(11) *Es sei zu hoffen, dass diese Vorschläge als Diskussionsgrundlage angenommen werden, nachdem ja bereits vor einem Jahr der Erlass solcher Richtlinien einstimmig beschlossen worden sei* (DECOW 16A).

В предложении (10) в роли первого модального элемента выступает вопрос, отражающий недоумение говорящего, в (11) – глагол *hoffen*, благодаря которому говорящий передает свою оценку степени вероятности фактов в момент речи. Функцию второго модального компонента высказывания

выполняет модальная частица *ja*, а третий модальный компонент – это логические отношения, возникающие между предложениями. Так, предложение (10) в более широком контексте выступает в роли обоснования высказанного ранее утверждения:

(10') *Nun kommt diese letzte Sequenz, alle lösen sich von ihrer körperlichen Hülle, dann sagt Shinji aber aus irgendeinem Grunde „nein“, und dann ist plötzlich Schluss. Richtig. Was passiert nun mit der Welt, nachdem ja eigentlich alle „gestorben“ sind?* (DECOW 16A).

Построение модальной рамки можно проследить и на примере использования модальных частиц после модальных слов. Как правило, модальные частицы выступают в верхней части среднего поля немецкого предложения и не могут стоять после модальных слов и наречий. На эту особенность указал М. Конильо (2011). И действительно, модальные частицы предшествуют, как правило, модальным словам:

(12) *Das Land bliebe ja wahrscheinlich in der EU, und ganz sicher bliebe es in der Mitte Europas* (DWDS).

Если модальные частицы выступают в нетипичной для них позиции – после модальных слов, то их употребление становится возможным только тогда, когда в позиции после частицы имеет место еще один какой-либо модальный элемент, ср.:

(13) *Lokale Ereignisse sind natürlich ja auch Konzerte hochkarätiger Künstler in München!* (DeWaC).

(13`*) *Lokale Ereignisse sind natürlich ja Konzerte hochkarätiger Künstler in München!*

В высказывании (13) модальная частица *ja*, употребленная в позиции после модального слова, используется в сочетании с частицей *auch*. Здесь имеет место сочетание трех модальных элементов: модального слова *natürlich*, частиц *ja* и *auch*. Предложение (13`) аграмматично, поскольку сама по себе частица *ja* в позиции после модального слова, как правило, не используется без сочетания с другими модальными элементами.

Таким образом, мы можем говорить о том, что модальным частицам присуще свойство антропоцентричности. Эти слова отражают позицию говорящего, коррелируя с конкретным речевым актом, с оценочными наречиями, с модальными словами, с фокусом истинности. Специфику модальных частиц определяет многоплановая дейктичность – с одной стороны, они передают авторскую позицию, а с другой стороны, апеллируют к собеседнику. Как показывает анализ фактического материала, модальные частицы едва ли возможны в объективированном изложении. Эти эгоцентрические слова подразумевают Я-говорящего и конкретную ситуацию общения, притягивая в высказывание и другие модальные элементы.

Литература

- Аверина А.В.* Феномен *Verum* в немецком языке как глубинный модальный компонент высказывания и его русские соответствия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». №2 (26). 2015. С. 36-46.
- Аверина А.В.* Природа синтаксической неподчинимости // Вестник Московского государственного областного университета. №3. 2016. С. 140-150.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Пер. с фр. / Общая редакция, вступ. и коммент. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е, стереот. М.: УРСС, 2002.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Гумбольдт Вильгельм фон.* Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. / Общая ред. Г.В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001.
- Кривоносов А.Т.* Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). – Москва-Нью-Йорк: ЧеРо, 2001.
- Abraham W.* Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. S. 125-147.
- Averina A.* Modalpartikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. F. am/M., 2015.
- Averina A.* Modalpartikeln als Shifterphänomene // Zielsprache Deutsch, 41 (2). Tübingen, 2014. S. 35-49.
- Büring D.* Intonation und Informationsstruktur // Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. Berlin, New York, 2005. S. 144-163.
- Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin, 2011.
- Engel U.* Deutsche Grammatik. Heidelberg 1988.
- Höhle T.N.* Verum-Fokus // Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988.
- Höhle T.N.* Über Verum-Fokus im Deutschen // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4, 1992. S. 112-141.
- Jacobson R.* Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard, 1957.
- Kotin M.* Ik gihorta dat seggen...Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Modalität und Evidentialität. Trier, 2011. S. 35-48.
- Leiss E.* Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin, 1992.
- Lyons J.* Semantics. Bd. 2. Cambridge, 1977.

Meibauer J. Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen, 1994.

Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen, 1989.

Источники

Böll H. Ansichten eines Clowns. München: deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co.Kg, 1998.

Hesse H. Narziss und Goldmund. Zürich, Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2000.

DECOW 16-A NANO. Режим доступа: <https://www.webcorpora.org/>

DeWaC. Режим доступа: <https://www.linguistik.hu-berlin.de/institut/professuren/korpuslinguistik/korpora>

DWDS. Режим доступа: <https://www.dwds.de/r>

Эмфаза и средства ее выражения в современном шведском языке

The article describes emphasis in Swedish sentences. Emphasis can be expressed by prosodical means, as well as syntactical and lexical means. The syntactical means in Swedish are more common than the lexical ones. The most important of them are inversion, the emphatic construction *det är ... som* and “interlacing of clauses” (*satsflåta*). The lexical means are represented by intensive adverbs and particles (*just, till och med, ens, då*). Emphasis is often connected with opposition and contrast. All the types of emphasis are used mostly in oral speech to make it more expressive.

Субъективная модальность, отражающая отношение говорящего к содержанию своего высказывания, играет существенную роль в процессе коммуникации. Спектр субъективно-модальных значений весьма широк: от оценки говорящим достоверности своего сообщения до указания на источник полученной информации [Русская грамматика 1982, 91]. Одним из важных видов субъективной модальности является эмфаза – выделение части высказывания, которую говорящий считает особенно важной и на которую он, возможно, хочет обратить внимание слушающего [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, 592; Ekerot 1995, 103]. Эмфаза делает речь эмоционально окрашенной, придавая высказыванию экспрессивность.

Эмфаза достигается просодическими, грамматическими и лексическими средствами [Русская грамматика 1982, 91], но соотношение этих средств может быть различно в каждом конкретном языке в зависимости от его специфики.

В настоящей статье речь пойдёт о грамматических и лексических средствах выражения эмфазы в шведском языке¹. Исследование проводилось на материале произведений современной шведской художественной литературы, главным образом, диалогов, поскольку именно они близки шведской разговорной речи, для которой эмфаза характерна в наибольшей степени.

---

¹ В устной речи ведущую роль в выражении эмфазы играют просодические факторы [Ekerot 1995, 103; Svenska Akademiens grammatik 2000, 517-518]. Поскольку материалом для данной статьи послужили письменные тексты, то просодика как средство эмфатического выделения в ней не рассматривается.

Одно из важнейших грамматических средств выражения эмфазы – изменение порядка слов, при котором выделяемое слово или словосочетание выдвигается на первое место в предложении [Смирницкий 2007, 70; Ekerot 1995, 103]. В шведском языке при помещении в начальную позицию любого члена предложения, кроме подлежащего, происходит инверсия, при которой финитная форма глагола, всегда занимающая в повествовательном предложении фиксированное второе место, предшествует подлежащему [Смирницкий 2007, 71; Thorell 1973, 200].

Однако, если, инверсия, например, в английском языке, где при начальной позиции большинства обстоятельств в повествовательном предложении сохраняется прямой порядок слов, практически всегда свидетельствует об эмоциональности высказывания и о стремлении говорящего выделить член предложения, стоящий в инициальной позиции [Смирницкий 2007, 72; Ярцева 1961, 137], то в шведском языке ситуация принципиально иная. В шведском предложении инверсия, вызванная начальной позицией одного из второстепенных членов предложения, далеко не всегда свидетельствует о его эмфазе. Это касается прежде всего многих обстоятельств, обозначающих условия протекания процесса или исходный пункт ситуации, описанной в высказывании: *Dagen efter skrev Wallander en sammanfattning av det långa samtalet med Håkan von Enke* (Mankell, 443) ‘На следующий день Валландер написал изложение своей долгой беседы с Хоканом фон Энке’.

По мнению У. Тореля, эмфаза в шведском предложении имеет место при помещении в инициальную позицию дополнения, предикатива или обстоятельства, являющегося обязательным распространителем сказуемого² [Thorell 1973, 227]. С этим утверждением в целом можно согласиться, хотя встречаются и исключения. Так, начальное дополнение не всегда бывает эмфатически выделено: – *Som min mamma? Din farmor? – Henne träffade jag inte som du vet* (Mankell, 144) ‘Как моя мама? Твоя бабушка? – Её я никогда не видела, как ты знаешь’. В данном примере местоимение *henne* помещено в начальную позицию, так как является темой высказывания.

В большинстве же случаев начальное дополнение действительно выделяется эмфатически. При этом оно может быть выражено субстантивным словосочетанием: “*Mitt liv och min frihet har du gett mej tillbaka*”, *sa han* (Lindgren, 167) ‘Мою жизнь и мою свободу вернул ты мне, – сказал он’ или местоимением: *Han gav mej en blick full av hat. “Och dej tyckte jag om en gång”, sa han* (Lindgren, 180) ‘Он бросил на меня взгляд, полный ненависти. – И тебя я когда-то любил, – сказал он’. Встречаются случаи, когда выделяется не всё дополнение, а лишь его часть, обычно присоединяемая с помощью

---

² Имеются в виду обстоятельства типа *en timme* ‘час’ в предложении *Lektionen varade en timme* ‘Занятие продолжалось один час’.

предлога, который не входит в состав выделенной части, образуя рамочную конструкцию: “*Den här luften skulle dom behöva ett par kilo av hemma i stan*” (Lindgren, 22) ‘Этого воздуха им понадобилось бы несколько килограммов в городе’. Употребляемое в функции начального дополнения местоимение *det* ‘это’ обычно указывает на предшествующее высказывание, на котором акцентирует внимание говорящий: – *Ni publicerar sekretessbelagda uppgifter ur förundersökningen i tidningen idag. – Det kan jag inte hålla med om, sa Schyman* (Marklund, 173) ‘Вы публикуете секретные сведения из материалов предварительного следствия в сегодняшней газете. – С этим я не могу согласиться, – сказал Шуман’.

Начальное обстоятельство времени также может быть эмфатически выделено в том случае, когда говорящий стремится «привлечь внимание к временным обстоятельствам совершаемого или совершённого действия» [Ярцева 1961, 137]: *Hur länge som helst kunde han sitta hos mej vid soffkanten och berätta* (Lindgren, 8) ‘Как угодно долго мог он сидеть со мной на краешке дивана и рассказывать’; *Inte förrän då kom jag att tänka på hur det skulle vara att komma till Nangijala utan Jonatan* (Lindgren, 10) ‘Только тогда я подумал, каково будет приехать в Нангиялу без Юнатана’. В приведённых примерах эмфаза усилена также сочетанием *hur ... som helst* ‘как угодно’ и отрицанием *inte*, которое в инициальной позиции всегда выделяется очень сильно. Нередко посредством эмфазы отрицания выражается противопоставление отрицаемого действия тому действию, о котором говорится в предыдущем высказывании: “*Jag vill krypa på mina knän ända hem till Törnrosdalen, om så ska vara. Inte vill jag ligga stilla här och vänta*” (Lindgren, 166) ‘Я поползу на коленях домой в Долину терновника, если понадобится. Не хочу я лежать здесь и ждать’.

Значение противопоставления сопровождается обычно также эмфазу предикатива: *Först blev jag bara förvånad. Sen arg. Rädd blev jag inte förrän det brakade till i Ellens rum* (Marklund, 291) ‘Сначала я удивилась. Потом рассердилась. Не испугалась я до тех пор, пока в комнате Эллен не раздался грохот’. В таких случаях в одном из противопоставляемых высказываний обязательно присутствует отрицание.

Очень редким, однако всё же встречающимся в эмоционально окрашенной речи, случаем сильной эмфазы является помещение в инициальную позицию в повествовательном предложении финитной формы глагола. В таких высказываниях акцентируется глагольное действие: *Men springer gör de. Som enfaldiga kossor* (Gardell, 111) ‘Ну и бегают же они. Как глупые коровы’. На втором месте в предложениях такого типа обязательно стоит глагол-заместитель *göra* ‘делать’, так как данная позиция в шведском повествовательном предложении обязательно должна быть замещена глаголом в финитной форме. Глагольное действие может быть подчеркнуто глаголом-

заместителем *göra* и в том случае, когда он в целях эмфазы используется в инвертированной второй части предложения вместо смыслового глагола-сказуемого: *Jag grät mycket, det gjorde jag* (Lindgren, 15) ‘Я много плакал, это я и делал’.

Помимо инверсии, существуют другие изменения порядка слов, служащие для выражения эмфазы. В шведском языке отрицания и другие фразовые обстоятельства стоят после финитной формы глагола при прямом порядке слов и после подлежащего – при обратном, а также в придаточных предложениях. Однако, бывают случаи, когда эти слова меняют свою обычную позицию и помещаются перед подлежащим: *Om inte Nina vill se sambandet, då vill ingen* (Marklund, 313) ‘Если Нина не хочет видеть связь, то никто не захочет’; – *Granskningen av David Lindholm då? undrade Annika oskyldigt. – Den kan väl du ta över; sa Patrik* (Marklund, 210) ‘А проверка по поводу Давида Линдхольма? – с невинным видом спросила Анника. – Её, наверное, ты можешь взять на себя, – сказал Патрик’.

В приведённых примерах стоящие перед подлежащим фразовые обстоятельства служат его эмфатическому выделению. Особенно интересно последнее предложение, где помещённое в инициальную позицию и вызывающее инверсию местоимение *den* не акцентируется, тогда как подлежащее *du* выделяется говорящим за счёт позиции модальной частицы *väl*. Высказывания с акцентированным таким образом подлежащим также нередко обозначают противопоставление, контрастируя с подлежащим предыдущего предложения: – *Jag vet, att de säger det, sa Annika, men det tror inte jag* (Marklund, 328) ‘Я знаю, что они это говорят, – сказала Анника. – Но я этому не верю’.

Вместе с тем в шведском языке возможности порядка слов, в том числе инверсии, для выражения эмфазы весьма ограничены. Это связано с фиксированностью порядка слов и его грамматическими функциями. Так, например, нельзя поставить выделяемый член в начальную позицию в вопросительном предложении [Ekerot 1995, 74]. Поэтому в шведском языке существует специальная выделительная конструкция *det är ... som*, структурно представляющая собой сложноподчиненное предложение с придаточным относительным, в главную часть которого помещается выделяемое слово или словосочетание.

С помощью эмфатической конструкции может выделяться любой член предложения. Среди второстепенных членов это чаще всего бывают различного рода обстоятельства: “*Det är första och sista gången du får se mej i såna kläder*”, *sa han* (Lindgren, 169-170) ‘Это первый и последний раз ты видишь меня в такой одежде, – сказал он’; *Femmorna får kvala till Vi i femman. Det är bara därför man går i femman* (Gardell, 59) ‘Пятиклассники могут проходить отбор на конкурс «Мы в пятом». Только поэтому в пятый класс

и ходят'. В последнем примере местоименное наречие *därför*, при котором употреблено также усилительно-выделительное наречие *bara*, акцентирует внимание слушающего на предшествующем высказывании.

Чаще всего конструкция *det är... som* используется для выделения подлежащего. В этом нет ничего удивительного. Ведь эффаза подлежащего посредством изменения позиции фразовых обстоятельств встречается довольно редко, а при инверсии она вообще невозможна. Подлежащее, выделенное с помощью эмфатической конструкции, может быть выражено как существительным, так и личным местоимением: – *Min dotter ska gifta sig med sonen i familjen. Det är hennes blivande svärföräldrar som har försvunnit* (Mankell, 210) 'Моя дочь выходит замуж за сына из этой семьи. Это ее будущие свёкор и свекровь пропали'; – *Det är du som är problemet* (Larsson, 279) 'Это в тебе проблема'.

С помощью выделительной конструкции субъект предложения может быть не только акцентирован, но и противопоставлен другому субъекту: – *Ellen klämde sig i hissdörren, jag måste plåstra om henne. – Det var ju du som klämde henne i hissdörren, sa Kalle* (Marklund, 270) 'Элен прищемила себе палец дверью лифта, мне нужно наложить ей пластырь. – Это же ты прищемил ей палец дверью, сказал Калле'.

В отдельных случаях, чтобы привлечь внимание слушающего или убедить его в чём-то, говорящий повторяет свой вопрос, используя эмфатическую конструкцию: – *Är du inte klok? Är jag misstänkt? Är det jag som är misstänkt?* (Marklund, 198) 'Вы с ума сошли? Меня подозревают? Это меня подозревают?'.

Ещё одна синтаксическая конструкция, посредством которой может осуществляться эффаза, – это так называемое «переплетение предложений» (*satsfläta*) [Ekerot 1995, 104]. Суть его заключается в том, что один из членов придаточной части сложноподчиненного предложения переносится в начальную позицию, вызывая инверсию к главной части и становясь смысловым центром высказывания. Выделяться таким образом может любой член придаточной части: *Och såna människor tycker jag att man ska göra processen kort med* (Frick, 183) 'А с такими людьми, я считаю, что расправа должна быть короткой'; *Jag visste inte riktigt vad jag skulle tro, fast lite konstigt tyckte jag nog att det var* (Bergman, 70) 'Я не знала, что думать, хотя немного странным мне показалось, что это было'.

Если в начале «переплетённого» предложения стоит местоимение *det*, то оно эмфатически выделяет предшествующее высказывание: *Och nu blir han också hängd, det tror jag att jag kan svära på* (Lagerkvist, 124) 'А теперь его тоже повесят, в этом, думаю, я могу поклясться'. Частое употребление *det* в инициальной позиции в предложениях с «переплетением» и вынесение при этом наиболее важной в смысловом отношении части высказывания за

пределы сложноподчиненного предложения свидетельствует о ее более ярко выраженном обособлении и тем самым более сильной эмфазе: “*Levande ger jag mej aldrig*”, *sa Orvar*: “*Det vill jag du ska veta, Lejonhjärta!*” (Lindgren, 172) ‘Живым я никогда не сдамся, – сказал Орвар. – Это, я хочу, чтоб ты знал, Львиное Сердце!’.

Эмфаза в предложениях с «переплетением» имеет несколько иной оттенок субъективно-модального значения, чем в предложениях с инверсией и выделительной конструкцией. В двух последних типах говорящий выделяет в своём сообщении ту часть, которая, по его мнению, особенно важна для слушающего: – *Ont i magen? Men inte har du så ont i magen att du inte kan vara kvar sista timmen* (Gardell, 83) ‘Живот болит? Но не настолько у тебя болит живот, чтобы ты не мог остаться на последний урок’; “*Äsch*”, *sa Jonatan*, “*det är liksom bara skalet av dej som ligger där. Du själv flyger iväg nån helt annan stans*” (Lindgren, 6) ‘Эх, – сказал Юнатан. – Это только твоя оболочка будет там лежать. Ты сам улетишь совсем в другое место’. С помощью такой эмфазы говорящий стремится более эффективно донести до слушающего актуальную для последнего информацию. Поэтому для шведского языка вряд ли справедлив тезис о том, что при эмфатическом порядке слов говорящий не думает о слушающем, а ориентируется лишь на себя [Балли 2001, 218-219].

Иначе обстоит дело в предложениях с «переплетением». В них говорящий выделяет ту часть своего высказывания, которая особенно важна для него самого. Подлежащее в главной части таких предложений в большинстве случаев выражено местоимением I лица, а сказуемое – глаголами *tycka* и *tro*, относящиеся к которым придаточное изъяснительное обозначает мнение или предположение субъекта. Именно важнейшую часть своего мнения или предположения и акцентирует говорящий: *Full tror jag däremot inte att nån egentligen var* (Frick, 91) ‘Пьяным я, напротив, не думаю, чтобы кто-то действительно был’.

Помимо синтаксических средств выражения эмфазы, в шведском языке используются также лексические средства. Это усилительные наречия *just* ‘именно’ и *till och med, ens* ‘даже’. С их помощью чаще всего выделяется подлежащее, но могут акцентироваться и другие члены предложения, в частности, обстоятельства: *En sak ska ni komma ihåg. Inte ens jag sitter säkert längre* (Marklund, 338) ‘Одну вещь вы должны помнить. Даже я не сижу больше вполне надёжно’; *Han har varit åtalad för misshandel, två gånger till och med* (Marklund, 180) ‘Его осудили за нанесение телесных повреждений, два раза даже’. В последнем примере усилительный оборот *till och med* стоит в необычной для него постпозиции к обстоятельству, что способствует более сильной эмфазе последнего.

В отдельных случаях усилительные наречия используются для эмфатического выделения в вопросах с эллипсисом: – *Men, sa hon, varför just Örebro?* (Marklund, 276) ‘Но, сказала она, – почему именно Еребру?’. Для выделения подлежащего в неполных вопросах используется также частица *då*: – *Du får behålla jobbet, ropade någon. Men vi då?* (Marklund, 198) ‘Ты сможешь сохранить работу, – крикнул кто-то. – Ну, а мы?’. Как видно из приведенных примеров, в таких вопросах, помимо эмфазы, выражается ещё противопоставление выделяемого субъекта другому, обычно обозначенному подлежащим предыдущего высказывания.

Лексические средства эмфатического выделения нередко сочетаются с синтаксическими, такими, как инверсия или выделительная конструкция, что также усиливает эмфазу: *Till och med på ställen dit solen aldrig når finns de – soluren* (Gardell, 26) ‘Даже в местах, куда солнце никогда не доходит, есть они – солнечные часы’. В целом же, как показывает анализ, лексические средства выражения эмфазы в шведском языке намного менее разнообразны и распространены, чем синтаксические, и нередко играют вспомогательную роль.

Обобщая всё сказанное выше, можно сделать вывод, что в шведском языке способ эмфатического выделения того или иного слова или словосочетания во многом зависит от его синтаксической функции в предложении. Эмфаза дополнений, предикативов и некоторых видов обстоятельств осуществляется обычно с помощью инверсии. Подлежащее выделяется путём изменения позиции фразовых обстоятельств или с помощью лексических средств, но чаще всего посредством выделительной конструкции *det är ... som*. С помощью этой конструкции получают эмфазу и большинство обстоятельств. Возможности эмфазы глагольного сказуемого в шведском языке крайне ограничены и исчерпываются довольно редко встречающимися случаями инверсии и употребления глагола-заместителя *gåra*.

Литература

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001.
 Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 Русская грамматика. Том II. Синтаксис. М., 1982.
Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 2007.
Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М.-Л., 1961.
Ekerot L.-J. Ordföljd, tempus, bestämdhet. Stockholm, 1995.
 Svenska Akademiens grammatik. Del 4. Uddevalla, 2000.
Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm, 1973.

Источники

- Bergman I.* Ansikte mot ansikte. Stockholm, 1981.
Frick L. Det vet man ju. Stockholm, 1984.
Gardell J. En komikers uppväxt. Stockholm, 2008.
Lagerkvist P. Barabbas. Stockholm, 1975.
Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm, 2009.
Lindgren A. Bröderna Lejonhjärta. Falun, 2013.
Mankell H. Den orolige mannen. Stockholm, 2009.
Marklund L. Livstid. Stockholm, 2010.

Прагматические особенности высказываний с датским неопределенным местоимением *noget*

Sentences containing indefinite pronoun *noget* can have different pragmatic meanings which are also connected with the attitude of the speaker and his wish to mitigate the statement. Such connection between pragmatics and indefiniteness is not accidental as both categories are part and parcel of the speech act.

Влияние прагматических факторов на семантику высказываний, в которых содержатся неопределенные местоимения, не случайно. Связь с прагматикой категории неопределенности, которую, в частности, оформляют неопределенные местоимения, признается многими исследователями [Николаева 1979; Ревзина 1979], поскольку неопределенность – это одна из грамматических категорий, обслуживающих прагматическое функционирование языка.

В датском языке наличие прагматических смыслов в высказывании может быть связано с употреблением неопределенного местоимения *noget*. При этом в высказывания, которые содержат *noget*, могут включаться прагматические смыслы различных типов.

Так, употребляя неопределенное местоимение *noget* с существительными обоих родов, говорящий может демонстрировать свое отношение к ситуации, когда он не считает информацию важной для адресанта: *Hun er bare ude at købe noget maling*. ‘Она просто вышла купить кое-какую краску’.

По мнению адресанта, информация о том, за какой краской пошла героиня, не является важной для адресата, в то время как сам адресант либо располагает такой информацией, либо нет. При переводе на русский язык это может быть выражено разными способами: местоимением *кое-какой*, если говорящий знает, о какой краске идет речь, или *какой-то* – если не знает. В данном примере незначительность ситуации выражается также с помощью частицы *bare*.

Отношение говорящего проявляется и в следующем примере: *Jeg anede intet om sygdommen på det tidspunkt, havde aldrig hørt om den. Jeg håbede på, at jeg kunne få noget medicin, så jeg kunne blive rask og komme hjem til mine børn og min mand*. ‘На тот момент я даже не догадывалась о своей болезни, никогда о ней не слышала. Я надеялась, что мне дадут какое-нибудь лекарство, чтобы я поправилась и вернулась домой к детям и к мужу’.

Здесь говорящий, употребляя местоимение *noget*, показывает, что ему было безразлично, какое лекарство ему дадут.

Таким образом, неопределенное местоимение *noget* встречается в не-референтных контекстах, когда говорящему не только неизвестно, но и безразлично содержание объекта. В этом случае *noget* имеет значение «какой-либо вообще»: *Jeg blev voldsomt chokeret over der går så lang tid før jeg får noget behandling*. ‘Я была сильно удивлена, узнав, что пройдет так много времени, прежде чем мне назначат какое-нибудь лечение’.

Особенно ярко отношение говорящего проявляется в сочетаниях с существительными событийной семантики:

1) *Jeg skal hjem. Kim holder noget fastelavn*. ‘Мне надо домой. Kim устраивает какую-то масленичную вечеринку (масленицу)’.

По мнению говорящего, в данном случае собеседнику важно знать, почему ему нужно уйти с работы пораньше, а не его точные планы.

2) *Jeg skal afsted kl 17:00. Jeg skal til noget fest i aften*. ‘Мне надо выходить в 17 часов. Я собираюсь на одну вечеринку’.

3) *Vi skal til noget barkedåb*. ‘Мы собираемся на (одни) крестины’.

4) *Vi holder noget reception på fredag*. ‘Мы организуем один прием в пятницу’.

В этих примерах при существительных общего рода употребляется местоименная лексема среднего рода *noget*, которая, как подтверждают носители датского языка, свидетельствует о том, что дополнительная информация о предстоящем мероприятии, по мнению адресанта, не является важной и актуальной для собеседника. Так, в случае с существительным *fest* ‘праздник’ сообщается о времени ухода, а информация о самой вечеринке является излишней. В последнем примере, перечисляя свои планы на отпуск, говорящий упоминает о том, что приглашен на крестины. Здесь дополнительная информация о крестинах также не является, по мнению говорящего, важной для собеседника.

Однако такое употребление встречается не только с существительными событийной семантики: *Det er en sag i forbindelse med noget huslejefestning*. ‘Это дело о (некотором/ некоем) повышении квартплаты’. В данном примере маркируется незначительность информации и неуверенность говорящего. То же значение содержится и в следующем примере: *Det var noget med nogle aviser eller noget papmachedag*. букв. ‘Это было что-то с газетами или с каким-то днем папье-маше’.

Герой не очень уверен в своем знании, поэтому и употребляет в данном контексте неопределенное местоимение *noget* при исчисляемом существительном общего рода *dag*.

Прагматические смыслы проявляются в высказываниях с *noget* не только с вещественными и абстрактными существительными, но и с конкретными:

1) *Min far arbejder hjemmefra med noget computer.* ‘Мой отец работает дома, (что-то там) с компьютером’. Употребление *noget* в данном контексте лишает существительное *computer* соотнесенности с конкретным референтом, в связи с чем конкретное существительное приобретает абстрактный оттенок: компьютер – как область деятельности.

2) *De må have noget rumdragt.* ‘Им нужен какой-нибудь скафандр для полета в космос’. В данном контексте говорящий имеет в виду «какую-нибудь одежду для полета в космос».

Высказывания с *noget* являются также *менее формальными и категоричными*: *Det er godt med noget rigtig mad.* ‘Хорошо поесть настоящей еды’. Опускание неопределенного местоимения в данном контексте сделало бы высказывание более категоричным и свидетельствовало бы о том, что герой никогда не ест горячую пищу.

Высказывания, в которых снимается категоричность, содержат, кроме неопределенного местоимения, конструкции *at have brug for*:

1) – *Da jeg kom hertil, satte jeg mig straks for at ændre på maden, fortæller forstander Aksel Christensen. Den har stor betydning for børnenes velvære, men også for vores mulighed for at gennemføre den behandling, vi gerne vil. Det er tidligt skadede børn, og de har brug for at få noget struktur og noget ro, der gør, at de kan lære, og at de kan få styr på sig selv, forklarer han.* ‘Когда я пришел сюда, я сразу принялся за изменение рациона питания, рассказывает директор Аксель Кристенсен. Оно имеет большое значение для нормальной жизнедеятельности детей, а также для нашей возможности проводить то лечение, которое мы хотим. Речь идет о детях с родовыми травмами, а им необходима некоторая упорядоченность и покой, что помогает им учиться и контролировать себя, – объясняет он’.

2) *Han levede på gaden, i parker og på varmestuer, men havde i den grad bare brug for noget omsorg.* ‘Он жил на улице, в парках и в приютах, но ему была необходима (какая-то) забота’.

3) *Jeg har brug for noget ro* ‘Мне нужен покой’; это высказывание не такое категоричное, как *jeg har brug for ro*.

4) *Det er mest Lars Løkke, der har brug for noget sommerferie.* ‘Больше всех (некоторый) отпуск необходим Ларсу Лекке’.

Как видно из примеров, употребление *noget* связано здесь с желанием смягчить выражение волеизъявления, передаваемое конструкцией *at have brug for*.

Для смягчения категоричности местоименная форма *noget* может употребляться не только после конструкции *at have brug for*, но и в других контекстах, где содержится требование или волеизъявление:

1) *Jeg har en fast psykolog. Så det ville være rigtig svært at starte forfra med en ny psykolog. Det er jo et forhold man har med sin psykolog. Det er ikke*

bare, at der står psykolog på skiltet, så går man hen og så åbner man helt op. Det kræver noget tillid. ‘Я хожу постоянно к одному психологу. Поэтому было бы очень трудно начать заниматься с новым психологом. У человека с психологом свои отношения. Не перед каждым можно открыться, просто потому что на вывеске написано психолог. Это требует некоего доверия’.

2) – *Hvad trænger du allermest til?* ‘Что тебе больше всего нужно? (от брака)’

– *Der er noget tryghed, og der er selvfølgelig noget kærlighed og noget hengivenhed, som kunne være helt vildt rart at have i sin hverdag, synes jeg.* ‘Я считаю, что было бы приятно каждый день чувствовать защищенность, конечно, любовь и привязанность’.

– *Jeg har brug for noget nærhed, noget tæthed.* ‘Мне необходима близость’.

Во всех этих высказываниях говорящий выражает свои желания и потребности и употребляет *noget* с целью смягчить высказывание и сделать его менее категоричным.

Высказывания с *noget* являются в ряде контекстов не только менее категоричными, но и менее формальными: *Nu er det din tur til at dyrke noget karriere.* ‘Теперь твоя очередь заниматься карьерой’.

Сочетания с *noget* могут употребляться и в тех случаях, когда *говорящий не в состоянии идентифицировать объект*:

1) *Hvad er det? Det er noget ost, ser det ud til.* ‘Что это? Это какой-то сыр, кажется’. В данном примере говорящий не совсем уверен, что перед ним сыр, поэтому и употребляет форму *noget*.

2) *Og det var noget depression, sagde du.* ‘Вы говорите, у вас была какая-то депрессия (что-то похожее на депрессию)’.

3) *Der er sådan noget tvetydighed, dobbelthed i det, synes jeg.* ‘Я считаю, в этом есть какая-то двусмысленность’.

4) *Der er noget rytme i det og det lyder bedre.* ‘В этом есть какой-то ритм, и это звучит лучше’.

5) *Der er noget charme over den her, det giver bare en anden stemning.* ‘В этом есть какое-то очарование, он создает другую атмосферу’.

6) *Måske ville jeg ikke stå i den situation, som jeg står nu, hvor jeg har boet på børnehjem, hvis de havde grebet ind tidligere måske. Og måske noget familierapi eller... inden det gik så vidt.* ‘Может быть, я бы не находилась сейчас в той ситуации, в которой нахожусь, когда я жила в детском доме, если бы специалисты вмешались раньше. Возможно, какая-нибудь семейная терапия или... прежде чем это все стало так серьезно’.

7) – *Hvordan gengiver man sådan en stemning som skuespiller i sådan en film?* ‘Как передать настроение актеру в таком фильме?’

– *Jeg synes både i min research og også under optagelserne gjorde jeg*

enorm meget ud af at – hvad skal man sige – at skabe noget menneskelighed. ‘Я считаю, что и во время сбора информации, и во время съемок я много сил прикладывал – как бы это сказать – для того, чтобы придать некоторую человечность’.

Во всех этих контекстах говорящий не может точно определить понятия, явления, поэтому и употребляет местоимение *noget*. В русском языке такие контексты семантически соответствуют местоимениям с частицей *-то*, которая «указывает на выделение некоторого не поддающегося идентификации признака из класса признаков» [Арутюнова 1995, 184].

Это же значение есть и в следующих примерах:

1) *Har du en kat?* ‘У тебя есть кошка?’

– *Jeg passer en for tiden.* ‘У меня сейчас временно живет одна кошка’.

После этого врач высказывает предположение:

– *Du har fået noget allergi.* ‘Похоже, что это аллергия’.

Если бы существительное *allergi* было употреблено без *noget*, это означало бы, что врач знает, какой тип аллергии у больного.

2) В телепередаче «Самый красивый дом Дании» эксперты обсуждают интерьер одного из домов: *Jeg kan også godt lide, at her bruger man nogle mørke farver, det skaber igen noget dybde og kontrast.* ‘Мне также нравится, что здесь использованы темные цвета, это снова создает некоторую глубину и контраст’.

3) *Det er sådan noget røget eg, det ser flot ud her, det giver noget karakter.* ‘Это такой вот закопченный дуб, очень здорово здесь смотрится, придает определенный характер’.

4) В телепередаче «Вечернее шоу» актриса рассказывает о своем первом восприятии музыки из балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро»: *Jeg syntes bare, det var noget larm.* ‘Мне показалось, что это просто какой-то шум’.

Употребление неопределенного местоимения *какой-то* в таких контекстах в русском языке А.Б. Пеньковский объясняет через понятие отстраненность: «*Какой-то* отрицательно оценивает и отчуждает, представляя определенное неопределенным и тем самым дискредитируя его от- и различительные признаки» [цит. по: Князев 2007, 93]. С.М. Кузьмина связывает это значение с ситуациями, «когда говорящий затрудняется подобрать точное слово или не уверен, что нашел нужное имя или определение к нему или верную оценку [Кузьмина 1989, 172].

В следующем примере употребление *noget* связано не столько с тем, что говорящий не в состоянии дать определение понятию, сколько с тем, что такого понятия не существует:

Kan vi ikke få noget vennepris? ‘Мы не можем получить какую-нибудь скидку как друзья? (букв. дружескую цену)’.

Noget употребляются и в тех высказываниях, когда *situacija* совсем не известна ни для говорящего, ни для собеседника:

Vi skulle dyrke noget sport 'Мы собирались позаниматься каким-нибудь спортом'.

Употребление сочетания с *noget* свидетельствует о неопределенности ситуации для говорящего: он не знает, каким видом спорта они хотели бы заниматься и в каком объеме.

Последний прагматический смысл в контекстах с *noget* связан с тем, что в таких высказываниях маркируется *отстраненность говорящего, его неуверенность*:

Han var også noget journalist eller noget. 'Он был кем-то вроде журналиста или что-то в этом роде'.

Чаще всего отстраненность говорящего связана с употреблением *noget* с существительными в форме множественного числа:

1) *Jeg skulle lige vende det med noget venner og familie.* 'Мне нужно было обсудить это с друзьями и родственниками'.

2) *Når vi møder et andet menneske, så har vi jo hele vores historie med os, som bliver bragt i spil i mødet ved at det den anden bringer ind, vækker det nogle minder, som på en eller anden måde føles rart, er der noget lugte, der minder os noget rart?* 'Когда мы встречаем другого человека, у нас уже есть некий опыт, который мы привносим в отношения и который соприкасается с тем опытом, который есть у другого: пробуждает ли это какие-то воспоминания, которые кажутся приятными, есть ли какие-то запахи, которые напоминают о чем-то приятном?'.

По мнению некоторых исследователей, употребление форм множественного числа в целом связано с низкой оценкой: «... точки соприкосновения между значениями неопределенности и сниженной оценки (связующим звеном между которыми является, по всей видимости, «невыделенность из множества равных»), наблюдается во многих языках» [Князев 2007, 95].

Таким образом, в высказываниях с неопределенным местоимением *noget* могут содержаться различные прагматические оттенки и смыслы: говорящий может выражать свое отношение к ситуации, отстраненность, снимать категоричность высказывания, а также показывать свое незнание и невозможность идентифицировать объект.

Литература

Арутюнова Н.Д. Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 182-188.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений. // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989. С. 158-231.

Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности – неопределенности // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 119-175.

Ревзина О.Г. Функциональный подход и категория определенности – неопределенности. // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 64-90.

Субъект повествователя и субъект исследователя: языковые проявления в тексте

Т.В. Топорова

Институт языкознания РАН, Москва

О субъективности жанра прорицания и языковых способах выражения субъекта в «Прорицании вёльвы»¹

In this article the special attention is paid to language methods of representation of the subject of a song presented by image of the prophetess (*völva*), belonging to the sphere of sacral. The following grammatical phenomena can be carried to their number: an identification of the *subject* (*völva*) and *object* (universe elements), neutralization of opposition *active – passive, animated – inanimate*, identification of the personal pronouns *I – she* marking a *völva*. In the eddic “*Völuspá*” as the *contents* – the myth of creation in the form of the objects of creation of a *cosmogonic song* and *pula* intended for the nomination – and the *form*, the external framework formed by a combination of various genres (a *magic song* (plot), *vision, reminiscence*) are determined by an ecstatic condition of the **subject** of a song – enlightenment with a distancing at the time of a precedent (*she*) and the stay at the time of the narration (*I*) which has found the expression in a *monologue*. In this context the “*Völuspá*” can be interpreted as a magnificent example of epistemological poetry in which the *knowledge* is identified with *providence*.

Объектом исследования в настоящей статье является «Прорицание вёльвы», первая, открывающая мифологический цикл песни «Старшей Эдды», древнеисландского стихотворного эпоса, дошедшего до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. Эта песня сохранилась в составе нескольких рукописей – Codex Regius 2365 (вторая половина XIII в.), Nauksbók AM 544 (середина XIV в.) и частично в «Младшей Эдде»². Субъективность жанра предполагает воздействие личности **субъекта** песни – прорицательницы (вёльвы), персонажа, наделённого признаками сакральности, на конституирование жанровой специфики песни. Главная цель исследования под таким углом зрения заключается, во-первых, в

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-04-00373.

² Рукописи Codex Regius 2367, начала XIV в., Codex Wormianus, середины XIV в., Codex Trajectinus, конца XVI в., Codex Upsaliensis, ок. 1300 г. [Стеблин-Каменский 1963, 214].

определении различных жанровых структур в составе «Прорицания вёльвы» и, во-вторых, в анализе языковых методов, служащих для реализации этого явления.

Эта эддическая песня всегда пользовалась повышенным вниманием специалистов. Для иллюстрации её значимости достаточно привести показательное высказывание М.И. Стеблина-Каменского: «Прорицание вёльвы» – самая знаменитая из песен «Старшей Эдды». По общему мнению, эта песнь – одно из величайших произведений Средневековья. Она содержит грандиозную и проникнутую напряженным драматизмом картину истории мира от сотворения и золотого века (то есть того, что вёльва «помнит» и «видела») до его трагического конца – так называемой «гибели богов» – и второго рождения, которое должно быть торжеством мира и справедливости (то есть того, что вёльва «видит»)» [Стеблин-Каменский 1963, 214]. Для дальнейших целей необходимо эксплицировать наиболее релевантные аргументы в пользу исключительности этой песни.

1) **Инициальная** позиция в выдающемся памятнике древнеисландского эпоса – «Старшей Эдде» – не может остаться незамеченной и требует более пристального анализа.

2) «Прорицание вёльвы» представляет собой **единственное** в своём роде изложение **мифологических** сведений древних исландцев, причём не в виде разрозненных фактов, а как целостной системы.

3) Отражение архаичной **языческой** модели мира не подлежит сомнению и позволяет во всей полноте воплотить её в данном тексте.

4) Несомненные **художественные** достоинства (стройность композиции с ключевыми скрепами в виде рефренов, очевидные ритмическая и стилистическая выразительность, внутренняя энергия, реализующаяся при помощи чередования разных грамматических категорий³) оказывали на читателей эстетическое воздействие.

Вместе с тем нельзя отрицать и того обстоятельства, что «Прорицание вёльвы» можно с полным правом считать самой трудной и спорной из песен «Старшей Эдды». Этот тезис нуждается в расшифровке.

Во-первых, существуют разные точки зрения на датировку данной песни. Они варьируют от IX в. (К. Мюлленхофф) начала X в., а именно 935 г. (Ф. Йонссон), второй половины или конца X в. (так полагает большинство специалистов), до середины XI в. (А. Хойслер).

³ Ср., в частности, употребление то прошедшего, то настоящего времени при описании эсхатологической катастрофы, придающее повествованию эффект «сиюминутности» и актуальности, или мену местоимений, характеризующих вёльву, – я / она. По мнению Гутенбруннера, в данной песне оно имеет тот смысл, что «я выражает обращённость к слушателям, а она – погружённость в себя» [Gutenbrunner 1957, 12].

Во-вторых, по поводу локализации песни также представлены различные мнения: в качестве потенциального места возникновения песни называют то Исландию, то Норвегию или Швецию, и даже скандинавские колонии на Британских островах⁴.

В-третьих, разногласия касались и степени оригинальности «Прорицания вёльвы»; в частности, выдвигалась гипотеза о непосредственном влиянии на неё античных «Сивиллиных книг».

В-четвёртых, на основании значительных расхождений в текстах рукописей исследователи приходят к выводу о функционировании различных версий песни ещё в устной традиции; именно с этим обстоятельством связывают наличие тёмных мест, неясностей повествования, перестановку строф. Эти особенности стимулируют попытки восстановления первоначальной «правильной» формы песни⁵.

Главная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы, с одной стороны, выделить различные жанры в составе «Прорицания вёльвы» с типичными для них лингвостилистическими признаками и, с другой, объяснить их сосуществование в пределах этой эддической песни, обнаружить их общий источник. Согласно нашей гипотезе он кроется в фигуре субъекта песни – прорицательнице (вёльве), точнее в разных её состояниях, отражающихся в повествовании.

Прежде чем перейти к выполнению стоящих перед нами задач следует дать некоторые пояснения о том, кем же была вёльва в древней Исландии. Её положение с максимальной конкретностью описывает Стеблин-Каменский: «Вёльва – прорицательница, колдунья. Вёльвы занимали почётные положения в языческом обществе. Слово *völva* происходит от *völr* – жезл, с помощью которого вёльвы колдовали и на котором они, как считалось, могли ездить верхом» [Стеблин-Каменский 1963, 215].

В «Прорицании вёльвы» репрезентированы следующие жанры:

1) **Тула** (др.-исл. *pula*) – особый поэтический жанр древнеисландской литературы, объединяющий стихотворные произведения, целиком состоящие из имён собственных и произносимые жрецом (др.-исл. *pulr*), хранителем мудрости. В тулах имена приводились без всякого контекста, они были упорядочены согласно принципам поэтической организации (аллитерации, рифмы, наличию общего словообразовательного элемента, по признаку парности). В тулах очевиден интерес к форме самой по себе, вне зависимости от содержания, то есть в них реализуется *эстетическая* функция. Весьма существенно, что именно тулами являлись древнейшие памятники германцев – аллитерационный ряд племенных названий,

⁴ Ср. датировку этой песни с археологической точки зрения VII веком [Nerman 1958].

⁵ Ср. один из самых известных опытов [Schneider 1948].

приводимый Плинием и Тацитом, генеалогические ряды лангобардов и некоторые другие примеры. В «Происхождении вельвы» зафиксированы тулы:

а) карликов: *Nýi oc Niði, Norðri oc Suðri, // Austri oc Vestri, Alþjófr; Dvalinn, // Bivorr, Bávorr, Bömburr, Nóri, // Án oc Ánarr, Ái, Miððvitnir* (Vsp. 11) ‘Нии и Ниði, Нордри и Судри, // Аустри и Вестри, Альтиов, Двалин, // Бивёр и Бавёр, Бёмбур, Нори, // Ан и Анар, Аи, Мьёдвйтнир’; *Veigr oc Gandálfr; Vindálfr; Þráinn, // Þeccr oc Þorinn, Þrór, Vitr oc Litr, // Nár oc Nýráðr – nú hefi ec dverga // – Reginn oc Ráðsviðr – rétt um talða* (Vsp. 12) ‘Гандальв и Вейг, Виндальв, Траин, // Текк и Торин, Троп, Вит и Лит, // Нар и Нюрад – вот я карликов – Регин и Радсвинн – всех сосчитала’⁶; *Fíli, Kíli, Fundinn, Náli, // Hefti, Víli, Hánarr, Sviurr, // Frár, Hornbori, Frægr oc Lóni, // Aurvangr, Iari, Eykinscialdi* (Vsp. 13) ‘Фили и Кили, Фундин, Нали, // Хефти, Вили, Ханар, Свиор, // Фрар и Хорнбори, Фрег и Лони, // Аурванг, Яри, Эйкинскьялди’; *Þar var Draupnir oc Dólgþrasir, // Hár, Haugspori, Hlévangr, Glói, // Scirvir; Virvir, Scáfiðr, Ái* (Vsp. 15) ‘Это был Драупнир и Дольгтрасир с ним, // Хар и Хаугспори, Хлеванг и Глои, // Скирвир, Вирвир, Скафинн, Аи’; *Álfr oc Yngvi, Eikinscialdi, // Fialarr oc Frosti, Finnur oc Ginnarr* (Vsp. 16) ‘Альв и Ингви, Эйкинскьялди, // Фьялар и Фрости, Финн и Гиннар’;

б) валькирий: *Sculd ..., Scögul ..., // Gunnr, Hildir, Göndul oc Geirscögul* (Vsp. 30) ‘Скульд ... Скёгуль ..., // Гунн, Хильд и Гёндуль и Геирскёгуль’.

2) **Космогоническая песня** предназначена для описания *мифа творения*, причём «актуальное состояние вселенной в мифопоэтическом мышлении связывается воедино с её происхождением, как следствие с причиной: «<...> то, что порождено в ходе создания и устройства космоса, и является его составом; всё, что входит в состав космоса, возникло в ходе его развития» [Мифы народов мира 1982, 6]. Космогоническая песня ориентирована на *прецедент*, «служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаического сознания мифопоэтической эпохи всё, что есть, – результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям «оплотняющегося» космологического бытия» [Топоров 1998, 60]. Ядро песни составляет демиургический акт – «созидание элементов мироздания, космических и культурных объектов, людей» [Мифы народов мира 1980, 366]. Роль *имени* и ритуала *называния* в мифопоэтической традиции можно охарактеризовать следующим образом: «Творение было завершено, когда всё, что было сотворено, получило своё имя-слово, и именно этот ономастический акт стал первым шагом в становлении культуры» [Топоров 1998, 35]. Таким образом, суть космогонической песни

⁶ Знак * обозначает дословный перевод.

наиболее адекватно отражают следующие лексемы, характеризующие деятельность богов:

а) **называть(ся)**: *Dá gengo regin öll á röcstóla, // ... nótt oc niðiom nöfn um gáfo, // morgin héto oc miðian dag, // undorn oc aptan, árom at telia* (Vsp. 6) ‘Тогда сели боги на троны могущества // ... ночь назвали и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине – // прозвище дали, чтоб время исчислить’; *Ask veit ek standa, heitir Yggdrasill* (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю стоит, называется Иггдрасиль’*; *Urð héto eina, aðra Verðandi // ... Sculd ina þriðio* (Vsp. 20) ‘Урд звали одну, вторую – Верданди, // ... третью Скульд’*; *Á fellr austan um eitrdala, // söxom oc sverðom, Slíðr heitir sú* (Vsp. 36) ‘Река падает с востока в яда долины // мечами и ножами, Слид (Губительной) она называется’*; *biðrsalr iötuns, enn sá Brimir heitir* (Vsp. 37) ‘чертог великанов, зовётся он Бримир’; *fagrraudr hani, sá er Fialarr heitir* (Vsp. 42) ‘красиво красный петух, которого зовут Фьялар’*;

б) **считать**: *Dá gengo regin öll á röcstóla, // ... nótt oc niðiom nöfn um gáfo, // morgin héto oc miðian dag, // undorn oc aptan, árom at telia* (Vsp. 6) ‘Тогда сели боги на троны могущества // ... ночь назвали и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине – // прозвище дали, чтоб время исчислить’; *Nár oc Nýráðr – nú hefi ec dverga // – Reginn oc Ráðsviðr – rétt um talða* (Vsp. 12) ‘Нар и Нюрад – вот я карликов – Регин и Радсвинн – всех сосчитал’*; *Mál er, dverga í Dvalins liði // lióna kindom til Lofars telia* (Vsp. 14) ‘Ещё надо карликов Двалина войска // роду людскому сосчитать до Ловара’*; *þat mun uppi, meðan öld lifir, // langniðia tal til Lofars hafat* (Vsp. 16) ‘это должно обнаружиться, пока люди живут, // длинный счёт предков Ловара’*; *nú ero talðar þönnor Herians, // gorvar at ríða grund, valkyrior* (Vsp. 30) ‘вот сосчитаны девы Одина, // любо скакать им повсюду, валькириям’;

в) **прежде (раньше всего, давно, в начале)**: *Viltu at ek, Valföðr, vel fyrtelja // forn spjöll fira, þau er fremst um man* (Vsp. 1) ‘Павших отец, ты хочешь, чтоб я рассказала // о древних сведениях людей, о самом первом, что помню’*; *Ek man jötna ár um borna, þá er forðum mik fædda höfðo, // nió man ek heima* (Vsp. 2) ‘Я помню великанов, рождённых рано, // которые раньше меня родились; // девять помню я миров’*; *Ár var alda, þat er Ymir bygði* (Vsp. 3) ‘Древнее было время, когда жил Имир’*; *Þat man hon fólcvíg fyrst í heimi* (Vsp. 21) ‘Помнит войну она первую в мире’; *þat var enn fólcvíg fyrst í heimi* (Vsp. 24) ‘это была война, первая в мире’*; *oc minnaz þar á megingóma // oc á Fimbultýs fornar rúnar* (Vsp. 60) ‘и вспоминают [асы] о славных событиях // и рунах древних великого бога [Одина]’; *Þar muno eptir undrsamligar // gullnar töflor í grasi finnaz, // þærs í árdaga áttar höfðo* (Vsp. 61) ‘Снова найтись должны на лугу в высокой траве // тавлеи золотые, // что им [богам] для игры служили в давние времена’;

г) **быть / не быть**: *Ár var alda, þat er Ymir bygði, // vara sandr né sær*

né svalar unnir; // ... gap var ginnunga enn gras hvergi (Vsp. 3) ‘Древнее было время, когда жил Имир; // не было ни песка, ни моря, ни прохладных волн; // ... бездна была зияний и травы нигде’*; *Ascr Yggdrasils, hann er æztr víða* (Grm. 44) ‘Ясень Иггдрасиля, он есть лучший из деревьев’*; *Hvat er með ásom, hvat er með álfom* (Vsp. 48) ‘Что есть с асами, что есть с альвами?’*;

д) **становиться**: *Par var Mótsognir mæztr um orðinn* // *dverga allra* (Vsp. 10) ‘Мотсогнир стал тогда лучшим // изо всех карликов’*; *Varð af þeim meiði, er mæzr sýndiz, // harmflaug hættlig* (Vsp. 31-32) ‘Стало из того дерева, которое знаменитым казалось, // оружие опасное’*; *verðr af þeim öllum eina þoccorr* // *tungls tíugari í trollz hami* (Vsp. 40) ‘станет один мерзостный тролль // похитителем солнца’; *svort verða sólscin of sumor eptir* (Vsp. 41) ‘солнечное сиянье станет чёрным в следующее лето’;

е) **стоять**: *Ask veit ek standa, heitir Yggdrasill* (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю *stoum*, называется Иггдрасиль’*; *stendr æ yfir, grænn, Urðar brunni* (Vsp. 19) ‘всегда *stoum* зелёный над источником Урд (= судьбы)’*; *Scelfr Yggdrasils ascr standandi* (Vsp. 47) ‘Дрожит Иггдрасиля ясень *стоящий*’; *Þaðan koma meyar, margs vitandi, // þriár, ór þeim sæ, er und þolli stendr* (Vsp. 20) ‘Оттуда выходят девы, много знающие, // три из источника, который *stoum* под деревом’*; *stóð um vaxinn, völlum hæri, // miór oc mioc fagr, mistilteinn* (Vsp. 31-32) ‘стояла выросшая на равнине выше [других растений] // стройная и очень красивая омелы ветка’; *Stóð fyr norðan á Niðavöllum // salr ór gulli Sindra ættar; // enn annarr stóð á Ókólni, // biörsalr iötuns, enn sá Brimir heitir* (Vsp. 37) ‘Стоял на севере в Нидавеллир чертог золотой, – // то карликов дом; // другой же стоял на Окольнир дом, // чертог великанов, зовётся он Бримир’; *Sal sá hon standa sólofiarri / Náströndo á* (Vsp. 38) ‘Видела она дом, далекий от солнца *stoum* // на Береге мертвых’; *lætr hann megi Hvedrungs mund um standa, // hiör til hiarta* (Vsp. 55) ‘велит он сыну Хведрунга⁷ пасть *стоять* // меч в сердце’*; *Sal sér hon standa, solo fegra, // gulli þacþan, á Gimlé* (Vsp. 64) ‘Чертог она видит солнца чудесней, // на Гимле *stoum* он, сияя золотом’;

ж) **создавать (делать)**: *Áðr Burs synir bjöðom um uppö, // þeir er miðgarð, mæran, scópo* (Vsp. 4) ‘Пока сыны Бора земли не подняли, // которые Мидгард создали знаменитый’*; *tangir scópo oc tól gorðo* (Vsp. 7) ‘создали клещи, орудья сделали’; *hverr scyldi dverga dróttin scepia, // ór Brimis blóði oc ór Bláins leggiom* (Vsp. 9) ‘кто должен племя карликов создать // из Бримира крови и кости Бляина’; *þeir mannlicon mörg of gorðo, // dvergar, ór iorðo, sem Durinn sagði* (Vsp. 10) ‘они много подобий людских сделали, // карлики, из земли, как Дурин велел’*.

⁷ «Сын Хведрунга (Локи) – волк Фенрир» [Стеблин-Каменский 1963, 219].

3) **Видение** эксплицирует основной метод переработки информации в виде *зрительного* восприятия:

а) **видеть**: *á sér hon ausaz aurgom forsi // af vedi Valföðrs* (Vsp. 27) ‘видим, что мутный течёт водопад // с залога Владыки’⁸; *sá hon vítt oc um vítt of veröld hveria* (Vsp. 29) ‘видела она сквозь все миры’; *Sá hon valkyrior, vítt um komnar* (Vsp. 30) ‘Видела она валькирий из дальних земель’*; *Ek sá Baldri, blóðgom tívor* (Vsp. 31) ‘Я видела Бальдра, кровавую жертву’; *Hapt sá hon liggja ... / ... Loka áþeccian* (Vsp. 35) ‘Пленника видела она ... / ... об-ликом схожего с Локи зловещим’; *Sal sá hon standa sólo fiarri / Náströndo á* (Vsp. 38) ‘Видела она дом, далекий от солнца / на Береге мертвых’; *Sá hon þar vaða þunga strauma / menn meinsvara oc morðvarga* (Vsp. 39) ‘Видела она там – шли через потоки / поправшие клятвы’*; *fram sé ek lengra // um ragna rök, römm, sigtíva* (Vsp. 44; 49; 58) ‘всё я провижу // судьбы могучих славных богов’; *Sér hon upp koma öðro sinni // iorð ór ægi, iðjagræna* (Vsp. 59) ‘Видим она: поднимается снова // из моря земля, как прежде зелёная’; *Sal sér hon standa, solo fegra, // gulli þacþan, á Gimlé* (Vsp. 64) ‘Чертог она видим солнца чудесней, // на Гимле стоит он, сияя золотом’.

4) **Эпистемологическая песня** описывает ситуацию познания, освоения информации об устройстве и происхождении вселенной, поэтому её маркером и является соответствующий глагол – *знать*; овладение высшей мудростью сопряжено в архаичной мифопоэтической традиции с *жертвой* (самопожертвованием) и испытанием:

а) **знать / не знать**: *sól þat né vissi, hvar hon sali átti, // stiörnor þat né visso, hvar þær staði áttu, // máni þat né vissi, hvar hann megins átti* (Vsp. 5) ‘солнце не знало, где его дом, // звёзды не знали, где им сиять, // месяц не знал мощи своей’; *Ask veit ek standa, heitir Yggdrasil* (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю стоит, называется Иггдрасиль’*; *Veit hon Heimdalar hlióð um fólgt // undir heiðvönom helgom baðmi* (Vsp. 27) ‘Знает она, что Хеймдалля слух // спрятан под древом, до неба встающим’; *Allt veit ek, Óðinn, hvar þú auga falt: // i inom tæra Mímis brunni* (Vsp. 28) ‘Всё знаю я, Один, где глаз ты спрятал: // скрыт он в источнике славном Мимира’*; *vitoð ér enn, eða hva?* (Vsp. 27-28; 33; 35; 39; 41; 48; 62-63) ‘знаете ли вы это или как?’*; *ffjöld veit hon fræða* (Vsp. 44; 49) ‘много знает она сведений’*; *ffjöld veit ek fræða* (Vsp. 58) ‘много знаю я сведений’*;

б) **испытывать**: *Hvers fregnit mic, hví freistið mín* (Vsp. 28) ‘Что меня спрашивать, зачем испытывать?’.

5) **Воспоминание** предполагает возвращение к прецеденту путём определённого вида ментальной деятельности, реализующегося в глаголе:

⁸ «Залог Владыки – глаз Одина, который он оставил как залог в источнике мудреца Мимира, получив от него мудрость. Мимир был брат Бестли, матери Одина» [Стеблин-Каменский 1963, 217].

а) **помнить**: *Viltu at ek, Valföðr, vel fyrtelja // forn spjöll fira, þau er fremst um man* (Vsp. 1) ‘Павших отец, ты хочешь, чтоб я рассказала // о древних сведениях людей, о самом первом, что помню’*; *Ek man jötna ár um borna, þá er forðum mik fædda höfðo; // nío man ek heima* (Vsp. 2) ‘Я помню великанов, рождённых рано, // которые раньше меня родились; // девять помню я миров’*; *Pat man hon fólcvíg fyrst í heimi* (Vsp. 21) ‘Помнит войну она первую в мире’; *oc minnaz þar á megingdóma // oc á Fimbultýs fornar rúnar* (Vsp. 60) ‘и вспоминают [асы] о славных событиях // и рунах древних великого бога [Одина]’.

б) **Заговор (магическая песня)** как особый жанр, обладающий ключевым признаком – прагматизмом – и нацеленный на достижение мгновенного результата, характеризуется повторами, параллельными конструкциями, антиномиями и лексикой, обозначающей магическую деятельность. Эти стилистические приёмы демонстрируют при помощи нагнетения словесного ряда усиление каждого компонента, приобретающего инерцию магического воздействия во всех возможных ситуациях. Ср.: *þrýsvar brendo, þrýsvar borna, // opt, ósaldan, þó hon enn lifir* (Vsp. 21) ‘трижды сожгли её, трижды рождённую, // часто, нередко, а она всё живёт’*; *Heið hana héto, hvars til húsa kom, // völo velspá, vittu hon ganda; // seið hon, hvars hon kunní, seið hon hug leikinn* (Vsp. 22) ‘Хейд её называли, в домах встречая – // вещей колдуньей, – творила волшебу // жезлом колдовским; умы покорялись её чародейству’.

7) **Диалог – монолог**:

а) **диалог (я – ты / вы)**⁹

с **Одином (говорить; знать; спрашивать)**: *Viltu at ek, Valföðr, vel fyrtelja // forn spjöll fira, þau er fremst um man* (Vsp. 1) ‘Павших отец, ты хочешь, чтоб я рассказала // о древних сведениях людей, о самом первом, что помню’*; *Allt veit ek, Óðinn, hvar þú auga falt: // í inom mæra Mímis brunni* (Vsp. 28) ‘Всё знаю я, Один, где глаз ты спрятал: // скрыт он в источнике славном Мимира’*; *Hvers fregnit mic, hví freistið mín* (Vsp. 28) ‘Что меня спрашивать, зачем испытывать?’;

с **аудиторией (слушать; знать)**: *Hljóðs bið ek allar helgar kindir, // meiri ok minni mögo Heimdallar* (Vsp. 1) ‘Слушания прошу я все священные роды’*, // великие с малыми Хеймдалля дети!’; *Mál er, dverga í Dvalins liði // líóna kindom til Lofars telia* (Vsp. 14) ‘Ещё надо карликов Двалина войска // роду людскому сосчитать до Ловара’; *vítóð ér enn, eða hvat?* (Vsp. 27-28; 33; 35; 39; 41; 48; 62-63) ‘знаете ли вы это или как?’*;

На наличие контактов между Одином и вельвой содержится указание в строфе 29: *Valði henni Herföðr hringa oc men, // fessc spíöll spraclic oc spáganda* ‘Один ей дал ожерелья и кольца, // взамен получил с волшебой прорицанья’.

б) **МОНОЛОГ**

я: *Ek man jötna ár um borna, þá er forðum mik fædda höfðo; // nío man ek heima* (Vsp. 2) ‘Я помню великанов, рождённых от века, // породили меня они в давние годы; // девять помню я миров’; *Nár oc Nýráðr – nú hefi ec dverga // – Reginn oc Ráðsviðr – rétt um talða* (Vsp. 12) ‘Нар и Нюрад – вот я карликов – Регин и Радсвинн – всех сосчитала’*; *Ask veit ek standa, heitir Yggdrasill* (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю стоит, называется Иггдрасиль’*; *Ek sá Baldri, blóðgom tívor* (Vsp. 31) ‘Я видела Бальдра, кровавую жертву’*; *fram sé ek lengra // um ragna rök, römm, sigtíva* (Vsp. 44; 49; 58) ‘всё я провижу // судьбы могучих славных богов’; *fjöld veit ek fræða* (Vsp. 58) ‘много знаю я сведений’*;

она: *Þat man hon fólcvíg fyrst í heimi* (Vsp. 21) ‘Помнит войну она первую в мире’; *á sér hon ausaz aurgom forsi // af veði Valföðrs* (Vsp. 27) ‘видит она, что мутный течёт водопад // с залога Владыки’; *Ein sat hon úti, þá er inn aldni kom // Yggiungur ása, oc í augo leit* (Vsp. 28) ‘Одна она сидела снаружи, когда старый пришёл // князь асов и в глаза посмотрел’*; *sá hon vítt oc um vítt of veröld hveria* (Vsp. 29) ‘видела она сквозь все миры’; *Sá hon valkyrior, vítt um komnar* (Vsp. 30) ‘Видела она валькирий из дальних земель’*; *Hapt sá hon liggia ... / ... Loka áþeccian* (Vsp. 35) ‘Пленника видела она ... / ... обликом схожего с Локи зловецим’; *Sal sá hon standa sólo fiarri / Náströndo á* (Vsp. 38) ‘Видела она дом, далекий от солнца / на Береге мертвых’; *Sá hon þar vaða þunga strauma / menn meinsvara oc morðvarga* (Vsp. 39) ‘Видела она там – шли через потоки / поправшие клятвы’*; *fjöld veit hon fræða* (Vsp. 44; 49) ‘много знает она сведений’*; *Sér hon upp koma öðro sinni // iorð ór ægi, iðjagræna* (Vsp. 59) ‘Видит она: поднимается снова // из моря земля, как прежде зелёная’; *Sal sér hon standa, solo fegra, // gulli þacþan, á Gimlé* (Vsp. 64) ‘Чертог она видит солнца чудесней, // на Гимле стоит он, сияя золотом’; *nú mun hon sœcqvaz* (Vsp. 66) ‘теперь должна она¹⁰ исчезнуть’*.

Детальное изучение эддического материала позволяет сделать некоторые выводы относительно жанровой структуры «Прорицания вёльвы». В ходе исследования было установлено, что в составе этой эддической песни объединены *тулы*, *космогоническая песня*, *видение*, *воспоминание*, *заговор* (*магическая песня*), *диалог* и *монолог*, причём эти жанры образуют две группы: содержание песни (*тулы*, *космогоническая песня*) и метаописание (остальные жанры). Этот тезис нуждается в пояснениях. Выбор в качестве объекта повествования *мифа творения* вполне закономерен, так как именно этот миф описывает ключевую для мифопоэтического мировоззрения модель ежегодного обновления вселенной, с которой ассоциируются

¹⁰ «Она – вёльва, которая говорит прорицание» [Стеблин-Каменский 1963, 219].

наивысшие ценности на аксиологической шкале архаичного коллектива, а также соответствующий главный ритуал. По этой причине использование *космогонической песни* с её установкой на номинализм¹¹ и изоморфной ей *тулы* в качестве сюжета вполне логичен.

Сложность структуры метаописания можно было ожидать хотя бы потому, что само название анализируемой эддической песни анаграммируется. Ср. рассеивание элементов названия песни – др.-исл. *Völu-spá* ‘вэльвы (букв. ‘жезл имеющей’) прорицание’ – в тексте и их обыгрывание в трёх фрагментах: *Heið hana héto, hvars til húsa kom, // völo velspá, vitt hon ganda* (Vsp. 22) ‘Хейд её называли, когда она в дома приходила, – // жезлом прорицая – колдовала’*; *knátto vanir vígspá völlu sporna* (Vsp. 24) ‘ванны в битве прорицая ступили на поле’*; *Valði henni Herföðr hringa oc men, // fecc spjóll spaclig oc spáganda* (Vsp. 29) ‘Выбрал ей Один ожерелья и кольца, // взамен получил с сведения мудрые и прорицанья жезл’*. Зашифровка названия песни недвусмысленно отсылает к сфере магического, реализуемой в виде рефлексов *заговора* со свойственной этому жанру интенцией добиться желаемого результата любыми средствами, в том числе и эзотерическими. Соотношение других жанров – *видения* и *воспоминания*, – отражающих способ восприятия вэльвой информации, безусловно решается в пользу первого, хотя бы потому, что глагол *видеть* засвидетельствован почти в два с половиной раза чаще, чем глагол *помнить* (12 vice versa 5). Отождествление *видения* и *знания* представлено в *fjöld veit hon fræða, fram sé ek lengra* (Vsp. 44; 49; 58) ‘много знает она сведений, всё я провижу’*. По поводу установления пропорций между *диалогом* и *монологом* не возникает никаких сложностей, так как преобладание последнего не вызывает никаких сомнений. Природу монолога можно конкретизировать, оперируя языковыми данными. Одинаковое количество местоимений первого (*я*) и третьего (*она*) лица, обозначающих один и тот же денотат, – **вэльву**, убедительно свидетельствует о равнозначности двух состояний пророчицы – обращённости вовне, к аудитории, и погружённости в себя. Благодаря изофункциональности личных местоимений 1 и 3 л., обозначающих субъекта «Прорицания вэльвы», осуществляется актуализация сакрального времени первотворения, в котором благодаря способности дистанцироваться от момента повествования оказывается провидица, впадающая в экстаз (*она*), не утратившая, однако, чувства реальности и возвращающаяся к слушателям (*я*). Истоки совпадения плана синхронии и диахронии кроются в сущности коммуникативных интенций, выражающейся в тенденции к актуализации сообщения, слиянии двух временных пластов – прошлого и настоящего, при котором достигается эффект транспозиции аудитории во времена

¹¹ Смысл этого явления заключается в утверждении бытия только названных объектов и принципиальной недопустимости существования предметов, не имеющих наименований.

первотворения и сакрализации момента речи; при этом прагматический фактор выдвигается на первый план. Действенность, энергетическая заряженность эдического текста мотивируется его ценностью в семантическом и коммуникативном аспектах: речь идет об откровении субъекта мифологической песни, приобщении слушателей к наивысшей мудрости, космогоническим знаниям, раскрытию тайн мироздания.

Между объектом описания (космогонией) и субъектом (вельвой) устанавливается внутренняя связь, проявляющаяся в использовании одних и тех же предикатов, свидетельствующая о нейтрализации оппозиций *активный – пассивный, одушевлённый – неодушевлённый*. Ср. аналогичные модели:

а) субъект *называет* (*Pá gengo regin öll á röcstóla, // ... morgin héto oc miðian dag* (Vsp. 6) ‘Тогда сели боги на троны могущества // ... утро назвали и середину дня’*) – объект *называется* (*Ask veit ek standa, heitir Yggdrasil* (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю стоит, называется Иггдрасиль’*);

б) субъект *считает* (*Nár oc Nýráðr – nú hefi ec dverga // – Reginn oc Ráðsviðr – rétt um talða* (Vsp. 12) ‘Нар и Нюрад – вот я карликов – Регин и Радсвинн – всех сосчитала’*) – объект *считается* (*nú ero talðar nönnor Herians, // gorvar at riða grund, valkyrior* (Vsp. 30) ‘вот сосчитаны девы Одина, // любо скакать им повсюду, валькириям’);

в) субъект *знает* (*Ask veit ek standa, heitir Yggdrasil* (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю стоит, называется Иггдрасиль’*) – объект *знает* (*sól þat né vissi, hvar hon sali átti, // stiörnor þat né visso, hvar þær staði áttó, // máni þat né vissi, hvar hann megins átti* (Vsp. 5) ‘солнце не знало, где его дом, // звёзды не знали, где им сиять, // месяц не знал мощи своей’)¹².

Нейтрализация оппозиции *одушевлённый – неодушевлённый*, совмещение *активного* и *пассивного* аспектов объясняется особым сакральным статусом, который может быть присущ как творцу, так и творению в космогоническом мифе. Это явление имеет грамматические аналогии в некоторых енисейских языках. Например, в кетском отмечается определённое соотношение между системой именных классов и родовой классификацией: наряду с мужским и женским родом представлены существительные *среднего* рода, распадающиеся на две группы – *неодушевлённые, пассивные*, обозначающие объекты или орудия, и *неодушевлённые активные*, обозначающие сакральные предметы (палку управления оленями – хорей, шаманские бубны, колотушки, деревянных идолов – алалов и др. [Дульзон 1968, 63-68].

¹² Ср. ещё один интересный пример самопровозглашения субъекта=объекта мифа творения – судьбы – и неслучайное использование возвратной формы глагола: *Leica Mims synir, en miðtuðr kundiz // at ino gamla Giallarhorni* (Vsp. 46) ‘Игру завели Мимира дети, судьба провозглашается // старым рогом Гьяллархорном’*.

Подводя итоги исследования, уделим особое внимание **языковым** способам репрезентации субъекта песни, представленного образом провидицы (вэльвы), сопричастной сфере сакрального. К их числу могут быть отнесены следующие грамматические явления: отождествление *субъекта* (вэльвы) и *объекта* (элементов мироздания), нейтрализация оппозиции *активный – пассивный, одушевлённый – неодушевлённый*, идентификация личных местоимений *первого* и *третьего* лица, маркирующих вэльву.

В целом можно констатировать, что в «Прорицании вэльвы» как содержание – миф творения в виде предназначенных для номинации объектов творения *космогонической песни* и *тулы* –, так и форма, внешний каркас, образуемый сочетанием различных жанров (*магической песни* (*заговора*), *видения*, *воспоминания*), детерминированы экстатическим состоянием **субъекта** песни – **прозрением** с дистанцированием во времена первотворения (*она*) и пребыванием в момент повествования (*я*), нашедшим своё выражение в *монологе*. В этом контексте «Прорицание вэльвы» можно интерпретировать как великолепный образец эпистемиологической поэзии, в котором познание отождествляется с провидением.

Литература

- Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Том первый А – К. М., 1980. Том второй К – Я. М., 1982.
- Стеблин-Каменский М.И. «Старшая Эдда» // *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях. / Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963. С. 181-213.
- Топоров В.Н. Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М., 1998.
- Gutenbrunner S. Eddastudien III. Über *ek ok hon* in der *Völuspa* // *Arkiv för nordisk filologi*, 1957, bd. 72, s. 7-12.
- Nerman B. Hur gammal er *Völuspá*? // *Arkiv för nordisk filologi*, 1958, bd. 73, 1-4.
- Schneider H. Eine Uredda. Halle, 1948.

Источники

- Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
- Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.

Сокращения

Vsp. – *Völuspá* «Прорицание вэльвы».

**Юридический субъект и грамматическое подлежащее
в правовых текстах немецко-русских контактов XII-XIV веков¹**

Diplomatic and commercial relations between Novgorod the Great and the German Hanseatic towns in the 12th-14th centuries lead to language contacts, recorded in a substantial corpus of legal documents, including bilateral treaties. A comparative analysis of Russian and Low German copies of these charters shows how the relationship between the (legal) agent and the grammatical subject is realized in both languages. Indications of (linguo-)pragmatic and cultural asymmetry are singled out and previous linguistic data specified.

С конца XII в. в Новгороде Великом обосновалась колония немецких купцов из городов Северной Германии, которая вела торговый обмен товарами между Ганзой и Русью на протяжении трех столетий, до потери Новгородом самостоятельности и закрытия немецкой торговой конторы. Община ганзейских купцов, находившихся в Новгороде, вела торговую и дипломатическую деятельность, после которой сохранился большой массив письменных источников на средненижнемецком языке, который, таким образом, находился в контакте с древнерусским языком Новгорода. Изучение языковых контактов в сфере торгово-политических связей Новгорода с Ганзой показало, что в условиях отсутствия у сторон общего языка коммуникация велась через толмачей и переводчиков, которых до середины XV в. обеспечивала немецкая сторона. В результате имеющиеся в распоряжении ученых списки торговых договоров, заключенных в это время, представляют собой древнерусские оригиналы и их переводы на немецкий язык [Squires 2009, 36-52].

Двусторонние новгородско-ганзейские договоры – это юридические тексты международного уровня, на протяжении трех столетий служившие надежной правовой основой торговых отношений Руси с Западом. Их высокое значение как для юридической, так и для материальной стороны этой деятельности требует от их языковой формы соответствия требованиям однозначности и надежности формулировок. Так, они должны точно определять участников правовой ситуации, в том числе носителей связанных с ней прав, обязанностей и общей ответственности. В первую очередь, это относится к грамматическому оформлению юридического субъекта, которым в

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 17-01-00158.

сфере реалий были два круга лиц и инстанций: 1) официальные власти Новгорода и городов Ганзы (Любек, Ревель, Рига, Дерпт, Висби), заключившие договор, и 2) представляемые ими купцы и должностные лица обеих сторон, которым предстояло действовать в рамках этих соглашений.

Выбор жанра договорной грамоты обусловлен тем, что, во-первых, в ней особенно важно указание субъектов прав и обязанностей, а во-вторых, именно в этом жанре оба языка – древнерусский и средненижне немецкий – находятся в непосредственном контакте (через стадию перевода)². Лингвистическая проблема состоит в том, что как раз в обозначении реальных субъектов эти языки обнаруживают существенные различия, структурно расходясь в системных требованиях к оформлению грамматического субъекта.

Исследования по синтаксису древнерусских источников выявили низкую степень субъектной референции; она возрастает в процессе исторического развития языка³, и все же даже в современном русском языке без местоимения в позиции субъекта обходится 44% предложений со сказуемым, стоящим не в прошедшем времени [Pavlova 2011, цит. по: Kibrik 2012] (непретеритальность преобладает и в договорных грамотах), и в трети случаев до сих пор в качестве единственного референциального показателя служит окончание глагола [Сидорова 2013]. Этот процент предложений без субъектных местоимений дополняет и без того высокую долю односоставных (бесподлежащих или безглагольных) предложений в древнерусском языке. В качестве примера, в котором опущены и упоминание «фигурантов», и глагол, приведем пункт договора 1262 г. (в нем подтверждена принятая ранее норма, связанная с защитой немцев на пути от исходного порта до острова Котлина): *А старьи миръ до Котлинѣ*. Без упоминания субъектов и ответственных лиц формулируется пункт того же договора о том, что споры должны решаться в сфере юрисдикции той стороны, на которой они возникли: *А гдѣ ся тяжя родить, ту ю кончати*.

В (нижне)немецком языке, напротив, с древнего периода основным является двусоставное предложение с эксплицитно оформленными подде-

² Для анализа взяты тексты нескольких договоров Новгорода с немецкими купцами: древнерусские оригиналы договора князя Ярослава Владимировича 1191 г. с Готландом и немцами, договора князя Александра 1262 г., нижне немецкий перевод договора князя Ярослава Ярославича 1269 г., а также параллельные тексты договора 1392 г. (исходный древнерусский текст и три его нижне немецких перевода) в изданиях: LECUB, VI, Nr. 3033, HR IV, Nr. 45; Валк 1949, Nr. 31, 46; Squires 2009; Владимирский-Буданов 1887).

³ В работах А.А. Кибрика [Kibrik 2012] и Е.В. Сидоровой [Сидорова 2013] исследуется тенденция возрастания субъектной референции от древнерусского к современному состоянию, выделяющая его на фоне остального славянского, причем эту динамику авторы связывают с возможным влиянием соседних языковых ареалов, в том числе нижне немецкого в ходе контактов с Ганзой.

жащим и сказуемым [Schmidt 2013, 273, 276]. Поэтому в переводе ганзейского писаря вторая часть приведенного выше положения не только получает формальное подлежащее, но и должна содержать согласованный с ним финитный глагол, ср. в немецком тексте договора 1269 г.: (*So war so dhe twist ge schut*) **dhar sal man se endegen**. Перевод, таким образом, добавил два слова (*sal, man*), которые замещают облигаторные позиции подлежащего и сказуемого, но не имели лексического эквивалента в оригинале.

Это типологическое расхождение между контактирующими языками должно было представлять сложность для переводчиков, причем юридическая значимость реального субъекта жестко ограничивает допустимые действия переводчика в языковом плане. Ниже рассмотрены типы бесподлежащих предложений, встречающиеся в древнерусских договорах, и способы их оформления в немецком переводе.

Как правило, зачин грамоты, в котором перечисляются участвовавшие в переговорах официальные лица, оформляется полными двусоставными предложениями, как и заключительная фраза договора с формулой заверения. В этих частях указан первый (из названных выше) круг: лица и инстанции, заключившие договор и являющиеся гарантами его законности. Между этими позициями перечисляются конкретные положения договора, в которых тоже логично ожидать упоминания исполнителей для каждой из описанных норм (круг 2); на самом же деле большая часть этих пунктов оформлена бессубъектно. После вводной фразы *миръ докончахъмъ на сеи правдѣ* ‘в соответствии с действующим правом заключили такой договор:’ следует первый пункт, разрешающий взаимное посещение для ведения торговли:

Tun I.

Р 1262⁴: *Новгороцъмъ гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а Нѣмцъмъ и Гтьмъ гостити в Новгъгородъ бес пакости <...> на старьи миръ.*

Эта, базовая для торговых отношений норма может формулироваться с добавлениями или вариантами, например:

Р 1262: *А Новгородцъмъ въ становици на Гоцкомъ березѣ бес пакости въ старьи миръ.*

Перевод аналогичных пунктов на немецкий язык (1269 г.) выглядит так: *vnde dhe wintergast sal comen . uppe dhes koninges hant . des borgreven.*

---

⁵ Источники цитат помечены годом договора и буквой Р (‘русский’) или Н (‘немецкий’). К сожалению, для договоров 1192 и 1262 г. мы располагаем только русской версией, а для 1269 г. – немецкой, однако формулировки настолько стереотипны, что можно считать сопоставление этих источников правомерным. Договор 1392 г. представлен русским текстом и тремя переводами, сделанными в Любеке (L) и Ревеле (R, R1).

vnde al dher nogardere. uppe dhen olden vredhe sunder hindernisse ‘зимний гость (немецкие купцы, приезжающие на зиму) может приезжать по старому праву без препятствий под защитой князя, посадника и всех новгородцев’. В отличие от оригинала, в нем есть субъект, переоформленный из дательного ‘немцам и готландцам’, а также необходимый спрягаемый глагол (*sal*). При этом, если немецкий субъект соответствует реальному актанту, хотя и иначе оформленному в оригинале, то необходимость финитного глагола приводит к появлению «лишней» лексемы, вносящей дополнительный смысловой компонент. Эта модель перевода обычна для всех случаев: подсчет показал, что в договоре 1269 г. доля переводов с *schol/sal* очень близка к половине общего числа всех сказуемых. Здесь приведем примеры для иллюстрации различных типов контекстов.

Tun 2. Так же формулируется положение, касающееся маршрута проезда: *So we bidher nv comet dhe sal bi dher nu weder uaren. comet he bi lande. bi lande sal he wedher comen sunder hindernisse* ‘Кто приезжает по Неве, тот пусть по Неве и уезжает, если же кто приезжает сухопутным путем, тем же путем пусть и возвращается, без препятствий’.

Tun 3. Другим обычным положением был уже упомянутый пункт о решении спорных вопросов там же, где они возникают:

Р 1262: *А гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати.*

Р 1191: *Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, либо Нѣмчину Новгородѣ <...> оже тяжа родить <...> в русскыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прошати* ‘то суда просить у тех же земель’.

Н 1269: *So war so dhe twist ge schut dhar sal man se endegen.*

Та же модель перевода реализована в аналогичных или распространенных вариантах, например: **Н 1269:** *Vet men enen dheft tusgen ketlingen vnde aldagen dhen sal men uoren tote aldagen, dhar salman ouer en richten al na sineme broke. Vvert en dhef ge uangen tusgen aldagen vnde nogarden, dhen sal men to Nogarden ou(er) richten na sineme broke* ‘Если поймают вора между Котлином и Ладогой, то его везти в Ладогу и там судить его проступок. Если же будет вор пойман между Ладогой и Новгородом, того судить в Новгороде по его проступку’.

Tun 4. Отдельную тему договоров составляют правила и нормы оплаты, но модель перевода та же:

Р 1262: *А Нѣмцьмъ и Гтьмъ и всему Латиньскому языку платити по двѣ куни отъ капи, и отъ всякого вѣснаго товара* (речь идет о плате с определенного веса товара, которую следует производить немецким купцам);

Н 1269: *vnde swenne so dhe gast upwart comet to gestvelde so sal he geuen also he uan older tit heuet ge geuen vnde nicht mer* ‘если же гость придет вверх (по течению) до Гостинополя, то пусть платит, как истари платил, но не больше’.

Здесь, как и выше, русский текст составлен по модели 'реальный субъект в дательном падеже' + инфинитив; подобно предыдущим контекстам, немецкий перевод оформляет реального актанта в качестве подлежащего, а позицию финитного глагола заполняет модальным глаголом. Этот способ передачи русских бессубъектных предложений с инфинитивом, принятый писарями Ганзы еще при переводе ранних договоров, стойко сохранялся в их узусе; его находим в договоре 1392 г., заключенном посольством Иоганна Нибура:

Tun 5. Положение о том, что иски должны быть предварительно согласованы участниками с немецкой стороны, содержит упоминание актанта в дательном падеже (*имъ*, то есть немцам) с инфинитивом, которое одинаково передают все три переводчика в Любеке и Ревеле:

Р 1392: *вѣдатися имъ [самы] с тымы истцѣ своими купци;*

Н 1392 L: *Dat se sik sulven beweten scholen mit eren kopluden;*

Н 1392 R: *Vorweten solen se syck sulvest zackewolt myt synem zackewolden;*

Н 1392 R1: *se scholden syk vorweten myt den sakewolden unde myt ereme kopmanne.*

Tun 6. То же наблюдается в передаче пунктов, содержащих отрицание; ниже говорится об утерянной грамоте: в том случае, если она не обнаружится, предлагается ее не учитывать, ср. (*если*) *и не изанаидуть, не номинати ни въ вѣкы той грамотѣ опасной*, переведенное в Любеке *nicht zal men denken des...gelovenbrefjes nicht*, в ревельском переводе *so schal me(n) nummer dencken*, 'то никогда не думать'.

Tun 7. Другой структурный тип бесподлежащего предложения реализован в пунктах, освобождающих ту или иную сторону от обязанности разбирать споры:

Р 1262: *... а то Новгороду тяжя не надобе.*

Р 1191: *оже тяжя родить <...> в рускыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прошати, искати Новгороду ни надобе* 'если спор возникнет в русских городах, то суда просить там, а не у Новгорода'. Фраза *Новгороду ни надобе* не имеет аналогов в немецких текстах, но по содержанию с ней схожи пункты:

Н 1269: *Vnde wat so twist ge schut an dhere winter uart dar heuet dhe somer uart nicht mede to donde* 'А если какой спор возникнет в зимнюю смену, с тем летней смене не разбираться (тот не касается летней смены)';

Н 1269: *geschut en wat tusgen nogarden. vnde kellinge. dhar ne heuet dhe koning. vnde dhe nogardere nicht mede to donde* 'случится что с ними между Новгородом и Котлином, с тем князю и новгородцам не разбираться'.

Как видим, древнерусской формулировке «датель + не надобе» у ганзейского переводчика соответствует подлежащее, переформированное из

дativa, и согласованное с ним сказуемое с глаголом ‘иметь’ (*nicht mede to donde hebben*).

Подводя итог, можно назвать типы древнерусских односоставных предложений в оригиналах договоров: 1) глагольно-односоставное предложение типа *Нѣмцьмъ гостити*, то есть инфинитивное предложение с реальным актантом в дательном падеже; 2) бессубъектное предложение типа *Новгороду не надобе* с актантом в дательном падеже.

Соответственно, в немецком переводе интерес представляют два структурно-контрастных момента: способ передачи реального (юридического) субъекта/актанта и оформление сказуемого, которое получает в немецком облигаторную финитную форму. В позиции последней с регулярностью выступает глагол сннем. *solen/scholen*, реже (тип 5) – сннем. *hebben* ‘иметь’.

Что касается первого момента, то при структурных различиях, влияющих на оформление реального актанта, он все же точно указан обоими языками: немецкие переводы называют в именительном падеже того же актанта, который передан в древнерусском предложении дополнением в дative (это немецкие и готландские купцы/ новгородские купцы, тип 1, 2, 4 и 5). В типе 3 и 6 исполнители описываемой нормы не названы в русском оригинале, и немецкие переводы прибегают к употреблению неопределенного местоимения *men*.

Сравнение этих двух групп позволяет увидеть интересную корреляцию: неназванными остаются официальные инстанции Новгорода, ответственные за решение споров. Напротив, положения, в которых актанты названы дословно (будь то русские или немцы, в форме дополнения или грамматического субъекта), трактуют о различных разрешениях, гарантиях, указаниях способа действия (торговой деятельности, проезда, оплаты). Получается, что позитивные моменты сопровождаются указанием исполнителей, а пункты, связанные с препятствиями в торговле и их устранением, не содержат конкретных «адресов». Разумеется, немцам было отлично известно, куда следует обращаться с жалобами и требованиями, однако нельзя не заметить, что это умолчание характеризует данный жанр древнерусской правовой словесности. В прагматическом аспекте, очевидно, сыграл роль тот факт, что договор (точнее – торговая привилегия) выдавался русской стороной, а немецкая фактически была получателем: замеченное умолчание имплицитно, что в «своем», новгородском контексте, в котором возник текст договора, конкретизация избыточна.

Второй момент касается сказуемого: преобладающему в русских оригиналах инфинитиву соответствует немецкая конструкция, в которой инфинитив того же значения (торговать, платить, приезжать, уезжать, судить, согласовать, учитывать) сопровождается связочным глаголом, обычно

модальным *scholen*. Сохраняет ли он свою модальную семантику, нарушая тем самым точность перевода, или же глагольное сочетание грамматикализовано, можно предположить, рассмотрев взаимодействие русской и немецкой форм. Обратившись к системным описаниям, выясняем, что и немецкой конструкции, и древнерусской форме единодушно приписывают семантику долженствования. Однако она очевидна лишь на первый взгляд; ниже будет показано, что материал свидетельствует в пользу другой интерпретации.

Лингвисты отмечают широкое распространение в древнерусском инфинитивных предложений, обладающих различной модальной окраской [Георгиева 1968; 1969]. В их числе указывается модальный оттенок неизбежности: *О стонати Русской земли, помянувши пръвую годину и пръвых князей* («Слово о полку Игореве»). Однако для деловых документов В.Л. Георгиева предполагает у них значение предписания, которое необходимо выполнить, и приводит пример из грамот: *Держати ти Новгород по пошлинѣ, како держал отец твои*. Если для многих контекстов из договоров Новгорода с немцами такая интерпретация с определенной натяжкой допустима⁵, то ряд базовых положений, переходящих из договора в договор, не укладывается в эту характеристику. Выше было показано, что в текстах разных лет встречается формулировка, содержащая разрешение (приезжать, торговать, останавливаться), дополненное обещанием беспрепятственной его реализации *бес пакости* ‘без вреда, препятствия’. Кроме того, этот пункт договора часто формулируется симметрично относительно обеих сторон, а значит, о предписании со стороны новгородских властей речь идти не может. К примерам типа 1 и 2 можно добавить похожий из Нибурова мира 1392 г.: *А купцамъ нѣмѣцкымъ путь цистъ сквозь Новгородскую волость, горою и водою, в Новгородъ приѣхати и отъехати бес пакости*. Аналогичное разрешение приезжать к немцам получали и новгородцы: *А новгородскимъ путь цистъ на Гоцькы берегъ, ... горою и водою путь цистъ въ Юрьево приѣхати и отъѣха[ти] бес пакости*. Более того, формула «Дат.п. + *гостити*» (типы 1, 2) употребляется в договорах синонимично формуле Дат.п. + *путь цистъ*, что сближает модальный смысл инфинитива с фразой *путь цистъ*, выявляя семантику разрешения или даже приглашения, но не предписания.

Совершенно очевидно, что смысловые функции инфинитива в русских фразах этого типа не исчерпываются выражением долженствования⁶.

⁵ Натяжка состояла бы в том, что пришлось бы допустить, что двусторонние международные договоры формулировались новгородской стороной в форме предписаний, предназначенных для выполнения немецкой стороной. Определенную асимметричность в изображении сторон действительно можно увидеть в текстовом дискурсе дипломатического общения Новгорода и Ганзы [Squires 2009, 122-127], однако приемлемость для ганзейской стороны прямых предписаний со стороны торгового партнера было бы трудно доказать.

⁶ В русской словесности до XVII в. наблюдается обилие инфинитивных конструкций с модельным оттенком возможности, а для современного состояния центральным у

То же самое значение долженствования традиционно приписывается средненижнемецкому глаголу *schol/sal*. Однако подробные словари выделяют у него семантику футуральности, а также различные другие модальные значения: возможность, разрешение, позволение [Schiller-Lübben 1878, 112]. Насколько неоднозначны в действительности смысловые потенции этого глагола, можно судить по тому, что грамматисты видят в сочетаниях *schol/sal* + инфинитив грамматикализованные футуральные конструкции, заменяющие в нижнемецком футуральный презенс [Sarauw 1924, 225].

Сложность и подвижность семантической структуры этого глагола зависит, как явствует из сопоставления отдельных исследований и оценок, от двух факторов: 1) от взаимодействия модальной семантики глагола с развивающейся у него футуральной функцией и 2) от сдвигов в модальных оттенках его значения в зависимости от других модальных глаголов.

Описывая динамику модальных глаголов в германских языках, авторы уделяют внимание развитию бивербальных сочетаний и преобразованию их смысловой структуры в результате изменения соотношения видовых и модальных оттенков при выдвигении футуральной функции [Смирницкая 1977, 105]. Нижне немецкий язык близок в этом процессе к английскому: в обоих языках модальным глаголом, развивающим функцию футуральности, был *сннем. schal, sal*, англ., ср.-англ. *shall* [Смирницкая 1977, 106, 109, 117]. Это значит, что у нижне немецкого глагола происходит понижение модального значения в связи с развитием футуральности и ограничением модальных возможностей [Ермолаева 1977, 271].

С другой стороны, у этих глаголов происходят преобразования (конкретизация, размежевание) внутри самой семантики модальности [Ермолаева 1977, 273]. Следует помнить, что и для верхне немецкого языка этой эпохи в отношении *soll* (в отличие от *muoz*) характерно колебание между различными модальными оттенками и футуральностью [Paul 2007, § S12, 13, § M101]; сегодня у немецкого глагола *sollen* отмечают широкий диапазон модальной семантики вплоть до вежливого (инклюзивного) побуждения-приглашения [Зеленецкий, Новожилова 2003, 80].

Таким образом, традиционная констатация модальности долженствования не оправдана ни в отношении русского, ни в отношении немецкого материала.

Для понимания анализируемых нами контекстов и для правильной оценки избранного немецкими переводчиками способа передачи древнерусских безличных предложений важно также иметь в виду общую динамичность грамматической глагольной системы (нижне)немецкого языка в

инфинитивных предложений считается значение объективной предопределенности, в которую включают не только долженствование и неизбежность, но и возможность [Русская грамматика II, 1980, 373].

эту эпоху. Размежевание между модальностью словосочетания и футуральностью грамматической конструкции имеет в нем место в то время, когда рядом на различных стадиях становления находятся аналитически оформляемые парадигмы (футурум, пассив) и получают аналитическое выражение другие грамматические смыслы, например, заметно повышают степень своей категоризации каузативы *heizzen/lazzen*+инфинитив [Недялков, Никитина 1965]. Этот период протекал для нижненемецких модальных глаголов даже более бурно, чем в верхненемецком, где они не участвовали в оформлении футурума и наклонений [Ермолаева 1977, 280].

Литература

- Георгиева В.Л.* История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.
- Георгиева В.Л.* Глагольно-инфинитивные безличные предложения в истории русского языка (по материалам памятников XI-XVII вв.) // НДВШ филологические науки. 1969. № 2.
- Ермолаева Л.С.* Типология развития системы наклонений. // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1977. С. 212-281.
- Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В.* Теория немецкого языкознания. М., 2003.
- Недялков В.П., Никитина Т.Н.* О признаках аналитичности и служебности (на материале каузативных конструкций). // В.М. Жирмунский, О.П. Суник (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965. С. 170-193.
- Русская грамматика.* Том II. Синтаксис. Под ред. Н.Ю. Шведовой и др. М., 1980.
- Сидорова Е.В.* Эволюция субъектной референции в русском языке (на основе памятников XI-XVII вв.). Рукопись. М., 2013
- Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках. // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1977. С. 5-127.
- Kibrik A.A.* Origins of the Russian referential System: Alternative Scenarios. Paper delivered at SLE 2012. Stockholm, 2012.
- Paul Hermann.* Mittelhochdeutsche Grammatik. Neu bearb. Th. Klein, H.-J. Solms, K.-P. Wegera. Tübingen, 2007.
- Sarauw Christian.* Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache, Kopenhagen, 1924.
- Schiller Karl, August Lübben.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. IV. 1878.
- Schmidt Wilhelm.* Geschichte der deutschen Sprache. Hrg. E. Berner, N.R. Wolf. Stuttgart, 2013.

Squires, Catherine. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, Weimar, Wien, 2009.

Источники

Валк С.Н. (ред.) Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев-СПб., 1887.

HR = Hanserecense. Die Recesse und andere Akten der Hansetage 1256-1537. I. Abteilung, Bd.1-8. Hrg. K. Koppmann. (Neuausgabe 1975).

LECUB = Liv-, Est-, Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Hrg. Bunge, H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1853-1914.

Грамматические маркеры узусов немецких первопечатников

Es werden die grammatischen Merkmale des Usus der südwestlichen Territorialvariante der deutschen Schriftsprache im späten Mittelalter untersucht. Diese betreffen vor allem einige labile sowie mehr oder weniger beständige Erscheinungen der frühneuhochdeutschen Morphologie und Wortbildung. Die Präsentation und textuelle Realisierung dieser Merkmale wird mit den dominierenden diskursiven Praktiken („Druckersprachen“) der Frühdrucker des deutschen Südwestens um 1470-1510 korreliert.

1. Антропоцентризм в становлении немецкого литературного языка

Роль антропоцентризма (человеческого фактора) в становлении и развитии германских литературных языков, в частности их грамматических норм, признается всеми исследователями. Научное наследие В.Н. Ярцевой содержит в этом отношении ценные констатации, касающиеся, в частности, морфологической нормы и роли книгопечатания (закрепление и распространение форм литературного языка) [Ярцева 1985, 6, 199].

Зарождение книгопечатания в середине XV в. на юго-западе Германии (Эльзас) имело стимулирующее и интегрирующее влияние на немецкий литературный язык раннего периода, изменив в первую очередь коммуникативные условия его существования. Его начальное развитие связано с юго-западом немецкой языковой области, издательское лидерство которого охватило 1460-1550 гг. Впрочем, местный территориальный вариант письменно-литературного языка (далее ТВЛЯ) не играл лидирующей роли в обозначившейся с начала XVI в. конкуренции с «альянсом» юго-восточного (*Gemeines Deutsch*) и восточнореднемецкого ТВЛЯ в сложении общенемецкого стандарта [Дубинин 2015, 10-12].

Роль раннего книгопечатания в расширении социокультурных и коммуникативных характеристик литературного языка, в селекции его нормы и узуса оценивается исследователями разнопланово, чаще в аспекте определения векторов становления общенационального идиома. Практика первопечатников была важным компонентом формирования и репрезентации локальных письменно-литературных узусов ТВЛЯ [Гухман 1970, 72]. Одним из них являлся юго-западный (швабско-алеманский) как эпицентр ранней печати Германии, Австрии и Швейцарии. Наибольший интерес представляет начальный этап («инкунабульный период») 1460-1510-х гг., отмеченный противоречивыми векторами альтернативного развития.

Начало инновационного (селективного, затем унифицирующего) воздействия книгопечатания на литературный немецкий язык традиционно оценивается через феномен *Druckersprachen* ‘языков печатников’, который современные исследования трактуют и как форму презентации отдельных ТВЛЯ, и как движущую силу языкового выравнивания, сменившую в этой роли канцеляристов [Филичева 1992, 120-128]. Возможен и более широкий термин – «дискурс печатников». Нельзя не согласиться с мнением о расплывчатости понятия «языки печатников» (см. варианты *gedruckte Sprache*, *Verlegersprache*, *druckersprachliche Varietäten*). Помещая «языки печатников» в процессе отражения и затем нивелирования отдельных ТВЛЯ между «языками канцелярий» и ранними нормализаторами, исследователи расходятся в оценке характера этого воздействия [Дубинин 2000, 127-128].

Нас интересует то, как дискурсивные практики первопечатников юго-запада (Эльзас, Вюртемберг, Баден, Передняя Австрия, Швейцария) влияли на манифестацию наиболее «жестких» – грамматических (также фонеморфологических) черт узуса местного ТВЛЯ. При этом такое разделение общего комплекса его узуальных черт (фонетических, графематических, лексических) условно.

2. Узус письменно-литературного языка юго-запада XV-XVI вв.

Узусы позднесредневековых ТВЛЯ – системы отличительных признаков, общепринятых в региональных письменно-литературных традициях, обладавшие устойчивой реализацией в памятниках, локализуемые и репрезентативные в ареалах распространения ТВЛЯ. В отсутствии единой письменно-языковой нормы ТВЛЯ верхненемецкого ареала предстают как контактирующие динамичные системы, внутри которых продолжались структурные изменения. Узус ТВЛЯ юго-запада XV-XVI вв. манифестирует регулярные воплощения совокупности реализаций его системы, актуально фиксируемые в текстах, отражавших его основные функциональные сферы. В условиях контактирования и конкуренции соседних ТВЛЯ он являлся лабильным (открытая норма) и возникали варианты узусы.

Основные особенности юго-западного ТВЛЯ подразделяются на ареальные (региональные, обобщенные) и субареальные. Ареальные признаки фокусируются в текстах в разном объеме как базисные черты юго-западного ареала – его территориальной основы. Субареальные признаки лабильны и могли включать локальные (диалектные) черты, придавая текстам дополнительно окраску (швабскую, ниже-/верхнеалеманскую), являясь рефлексамми разговорного уровня. Архаизация и изоляция – базовые явления, определившие системообразующие черты языка юго-запада.

При рассмотрении отличительных признаков юго-западного ТВЛЯ исследователи исходят из комбинаций структурных признаков (фонетиче-

ских, фonomорфологических, грамматических, лексических). Чаще предлагается перечень разнотипных грамматических единиц: единая глагольная флексия мн. числа *-nd*, словообразовательные суффиксы существительных *-in/-li/-i*, *-nus*, форма основы глагола *gan* 'идти', форма Part. II глагола *gsin* 'быть', основы вещественных прилагательных на *-in*, стяжения основ некоторых глаголов, отдельные лексемы-гетеронимы [Henzen 1954, 112-113]. Отмечается разная валидность признаков этого письменного варианта как грамматических показателей. Определение структурных и ареальных/субареальных параметров изоглоссы не всегда отчетливо, как и их распределение в субвариантах юго-западного ТВЛЯ (аугсбургском, швабском и алеманском). Так, диминутивный суффикс *-le* определяется как диалектный, варианты основ *gan/stan* рассматриваются как лексические. Как черта швабского и алеманского вариантов письменно-литературного языка отмечается диминутив *-lin* [Гухман 1959, 57-63, 83].

М.М. Гухман оценила особенности юго-западного ТВЛЯ (система строевых признаков, сумма явлений) как узуальные вариативные черты. Она сгруппировала грамматические изоглоссы юго-западного ТВЛЯ, подразделив их на абсолютно/относительно устойчивые. К первым отнесены единый показатель глаголов в Pluc. Präs. Indik. *-nt/-nd* и фонематические варианты глаголов *gan/stan* 'идти/стоять'. Юго-западные изоглоссы М.М. Гухман ассоциирует к середине XVI в. в основном со швейцарским ареалом, а к частным изоглоссам относит уменьшительные суффиксы существительных ср. рода *-le/-lin/-i*, разрозненные изолексы, фonomорфологические варианты частотных лексем [Гухман 1970, 153-169, 185-190]. Спорно отнесение к устойчивым локальным признакам юго-западного ТВЛЯ вытеснения форм претерита перфектом, распространенное в швейцарском узусе. Это явление менее релевантно для письменных рвнв. текстов, оно характеризует местные устно-разговорные языковые формы и имеет в памятниках косвенные рефлексии [Жирмунский 1956, 452-453].

Очевидна тенденция к постепенному сужению ареальной базы юго-западного ТВЛЯ в направлении крайнего юго-запада (верхнеалеманский регион). Его немногие дифференциальные признаки, группируясь в редких грамматических изоглоссах, комбинируя в текстах с диалектными рефлексиями, устойчиво проявились в непродолжительный период до 1530-1540-х гг.¹ Система юго-западных черт письменно-литературного узуса и их комбинации предстают в субареалах разнородно. Если для юго-западного ТВЛЯ можно говорить об «амальгаме» структурных признаков, то его швейцарский субвариант характеризуется системным набором признаков

¹ Вопрос об изолексах юго-западного ТВЛЯ, их связи с изограммами разработан мало. Лексические изоглоссы юго-западного ТВЛЯ заслуживают отдельного рассмотрения.

на всех языковых уровнях: кроме отмеченных грамматических явлений выделяется показатель опатива *-i* [Sonderegger 1988, 76-77].

Особое значение имеют параметры, определившие устойчивость ареальных черт конкурировавших в XV-XVI вв. ТВЛЯ верхненемецкого типа. Исследователи предлагают такие критерии: 1) специфика их ареального употребления (ареалогия, комбинаторика), 2) частотность употребления, 3) соответствие продуктивным тенденциям развития рвнв. языковой системы, 4) уровень социальной престижности (критерий 4 экстралингвистический, 1-3 внутрилингвистические) [Besch 1985, 1791]. В отношении единиц различных уровней языка, в частности грамматических, соотношение и приоритетность указанных факторов не одинаковы.

Для проявления юго-западных морфологических изоглосс значимы ареально-хронологический фактор и тип текста. Например, в Эльзасе вытеснение суффиксальной формы существительных *-nis* > *-nus* произошло в XV в., в Аугсбурге позже [Stopp 1979, 170]. Сложной субрегиональной динамикой в конце XV в. отличалось распределение флексии *-nd* в эльзасском, швабском, восточно-швабском и восточно-верхнеалеманском [Grammatik 1988, 77-78]. Значение имели лексико-грамматическая и семантическая принадлежность слов, отмеченных юго-западными чертами, стилистическая маркированность (канцеляризм, заимствование, поэтизм, термины и др.). Последнее нагляднее проявлялось в текстах, подверженных влиянию (нивелированию) инорегионального престижного узуса – в рассматриваемый период это *Gemeines Deutsch*.

Признаки местного ТВЛЯ обладали различной лабильностью как в субареалах юго-запада, так и в различных типах текстов. Важен анализ их проявления, степени устойчивости в ведущих сферах письменности и в соответствующих им типах текстов (рукописных/печатных), их эстетической, прагматической, стилистической и социально-групповой маркированности. Мы исходим из типологии приоритетов при выборе вариантных форм взаимодействовавших рвнв. письменно-литературных традиций и их презентации в текстах. Это региональная детерминированность территориальной (диалектной) базой; социальная детерминированность (степень образованности, происхождение писца/печатника, их влияние на выбор узуса); детерминированность типом текста (степень публичности, устная/письменная презентация, конвенциональность); структурно-историческая детерминированность языковых изменений узуальных форм (также под воздействием внелингвистических факторов); индивидуальная (субъективная) детерминированность. Важны «вертикализация приоритетов» с появлением ведущих ТВЛЯ позднего Средневековья, сменившая стадию межрегиональных «горизонтальных контактов», и шкала метаязыковых оценок при ведущей роли коммуникативных групп высшего уровня.

Релевантные грамматические особенности узуса юго-западного ТВЛЯ рассматриваются нами в спектре фономорфологических и морфологических признаков²: а) абсолютно устойчивые: глагольные основы *gan/stan*, единый глагольный показатель в Plural Präsens Indikativ *-nd*, частотные синкопы/апокопы; б) относительно устойчивые: форма причастия II глагола *gsin* 'быть', словообразовательные суффиксы существительных: абстрактных *-nus* и диминутивов *-li/-lin/-i* [Дубинин 2000, 65-74]. Группировки ареальных признаков (изоглосс) можно определить как примарные (первичные) и секундарные (вторичные). Большинство первичных признаков в XV-XVI вв. (исключая синкопы/апокопы как явления общеврхненемецкие) составили специфику юго-запада, вторичные могли иметь общенемецкий, или субареальный характер. При контакте верхненемецких ТВЛЯ и образовании смешанных (вариантных) письменных узусов вытеснялись, в первую очередь, первичные признаки «побеждаемой» традиции.

Отдельную группу явлений составили субареальные признаки как рефлексы диалектного уровня. Их комбинация с указанными ареальными признаками определяет региональную окраску юго-западных текстов. Но в основном они не грамматические. Важным в спектре отличий ареальных изоглосс ТВЛЯ юго-запада является определение их системного характера, генетико-хронологических параметров, степени структурного изоморфизма.

О разрозненных морфологических и фономорфологических изоглоссах: единая глагольная флексия в Präs. мн. числа *-nd* (грамматическая морфема), атематические (корневые) реликтовые глаголы *gan/stan* и супплетивная форма Part. II глагола *sin* можно говорить как о рефlekсах древних ареальных черт – двн. языка, свевско-герминонских или в целом западногерманских [Зеленецкий 1992, 56-61]. Односложные глаголы *gan/stan* с краткой основой восходят к общегерманскому (западногерманскому) состоянию, не испытав в большинстве субареалов юго-запада перехода в *gen/sten* (восточно-швабское явление) и основных также древних новаций – появления в двн. двусложных основ путем расширения (*stantan*) и редупликации (*gangan*), употребляемых в свн. период в Präteritum [Mettke 1983, 208]. Вероятно, *gan* существовал как неправильный глагол в западногерманском, *stan* развился в двн. по аналогии, а в позднем двн. *gan/stan* закрепляются в парадигме. Вероятно влияние их на закрепление в позднем двн. стяженных форм (*han<haben, lan<lassen*). Эти основы приобрели в рассматриваемом регионе ареальную и функциональную маркированность, сохраняясь с свн. периода преимущественно в Infinitiv и

---

² Юго-западные черты систематизированы нами на фоне рвнв. состояния [см. Grammatik 1988]. Курсивом выделены признаки, маркированные метаязыковой оценкой современников (см. ниже).

Präsens Indik. до XVII в. На юго-западе нередки их диалектные огласовки *gon/gän/gön* [см. Gießmann 1981].

Форма Partizip II *gsin* супплетивного атематического глагола существования 'быть' (*Verbum substantivum*) тоже древняя и восходит к двн. основам инфинитива *sîn* и оптатива *sî*, отразив архаичные процессы аналогической региональной унификации на базе и.-е. *-s. Это было возможно, поскольку в германском и в раннем двн. этот корневой глагол имел неполную парадигму, а соответствующая основа более отвлеченное значение, чем двн. *wesan*. В алеманском причастие II *gsin*, регулярное в позднем двн., сохраняется до XVI в., имея модификации *g'sin/ksin/gesin/gesein*, но основным ее ареалом остался верхнеалеманский [Жирмунский 1956, 528-529]. Ее вытеснение в швабском и эльзасском формой *gewesen* начинается в рнвн. литературных текстах.

Неразработанность вопросов именного словообразования в грамматике рнвн. языка затрудняет оценку особенностей суффиксов как компонентов юго-западного узуса. Ареальные суффиксы существительных *-li(n)*, *-nus(s)* как архаичные словообразовательные морфемы парадигматически не связаны, относясь к разным участкам рнвн. словообразовательной системы. Уменьшительный суффикс выражал широкое лексико-семантическое содержание – категорию диминутивности. Древний диминутив *-l- имел и.-е. соответствия, при этом уменьшительные существительные и имена собственные в древнегерманском сохраняли род производящей основы. В двн. он полисемантичен, имея ласкательное значение, уступая в распространенности суффиксу *-î(n)*, образующему производные существительные среднего рода. Оба двн. суффикса не обладали семантической и морфологической выразительностью, что привело к появлению вытеснявшего их плеонастического *-lîn* (диминутивы среднего рода), закрепившегося в свн. период.

В рнвн. период продуктивен архаичный диминутив *-li/-lin*, устойчивый в алеманских диалектах и иррадирующий в средненемецкий ареал [Henzen 1957, 145-146]. Суффикс возник в двн. период из комбинации *-(e)l* и *-in*. Форма *-eli* имела более выраженную диминутивную окраску, чем *-li*, значение которой стерлось. Ряд алеманских диминутивов, образованных от существительных с конкретным значением, в рнвн. языке широк: *-(e)l*, *-le*, *-ele*, *-li*, *-ly*, *-(e)lin*. Древнегерманскую основу этого суффикса отмечал В.М. Жирмунский, считая эмоционально-ласкательное словообразовательное значение первоначальным, потеря которого дала возможность грамматикализации *-l-* в абстрактном значении уменьшительности, что подтверждается образованием двн. *-(i)lîn*, расширенной исконной формы с двн. (древнегерманским) диминутивом *-in*. В рнвн. период производные с этим суффиксом приобрели эмоционально-

экспрессивную окраску и продуктивность в южнонемецком ареале [Жирмунский 1956, 529-230].

Производные с нерасширенным вариантом суффикса территориально дифференцированы на юго-западе в разновидностях *-el/-əl* (нижнеалеманский) и *-l* и последующим неударным гласным (верхнеалеманский, часть швабского). Горно-алеманский отмечен реликтами *-î* (также муж. род) и *li>ji* [Жирмунский 1956, 439-445]. Доминанта диминутивного архетипа **-l(-)* в верхнемецком гиперареале абсолютна, а форма *-li* закреплена за юго-западом. В швабском и нижнеалеманском суффикс подвергся дифтонгизации (*-lein*) в XV-XVI вв. Он сохранил продуктивность и частотность в общенемецком литературном языке, отличаясь семантической избирательностью: сочетание с именами, обозначающими предметы, которые могут быть потенциально уменьшены [Wegeга 1982, 212-214].

Суффикс абстрактных существительных *-nus* женского и среднего родов тоже восходит к древнегерманской основе (гот. отглагольный суффикс *-assu/ -inassu*) и фиксируется в двн. период, конкурируя, например, с *-ung* в обозначении названий действий [Henzen 1957, 178]. Его историческая семантика расплывчата: обозначение также конкретных объектов, свойств, состояний (отыменные существительные, чаще от основ прилагательных), результатов действий (отглагольные существительные). Форма *-nussi* в двн. языке маркировала существительные среднего рода. Констатируется инорегиональная экспансия *-nus(s)* в XV-XVI вв. на север восточно-среднемецкого ареала и следующее соотношение в распределении его форм (алломорфов) *-nuss/-niss/-nüss* в письменности юго-запада: для XV в. как 5/3/2; для XVI в. как 3/1/1 [Stopp 1976, 49-51]. Его отмечают как одну из немногих «активных» юго-западных изоглосс [Гухман 1959, 65].

Ареалогия суффикса *-nus(s)* на юго-западе до конца не исследована. В XV в. он вытесняется в северной части нижнеалеманского [Besch 1967, 225-227]. Деривационная база *-nus* в рвнв. период сужается в сферу отглагольных образований, а продуктивность снижается. В общенемецком литературном языке продуктивность и частотность этого суффикса, особенно у существительных среднего рода, возросла.

Восходящая к двн. форме общая глагольная флексия мн. числа Präs. Indik. *-nd* была защищена от редукции, но рано (XI в.) испытала на юго-западе воздействие конкурирующих флексий *-en* и *-et* (последняя возникла из *-ent* в результате утраты носового перед дентальным) [Жирмунский 1956, 481-482]. Являясь древним германским примарным окончанием **-nt* 3 л. мн. числа, оно имело и.-е. соответствие **-nti* в Präsens. Распространившись по аналогии как ареальная алеманская инновация в позднем двн. на форму 2 л. мн. числа и частично на форму 1 л. мн. числа, флексия закрепилась

во 2 л. мн. числа Konj. (в древнеалеманском) и в Imperativ [Mettke 1983, 173-177].

Субареальное варьирование этой глагольной флексии противоречиво. По одним данным, в свн. период она в основном представлена в формах 3 л. мн. числа, имея рефлекс в восточно-средненемецком (в частотной форме *seind*) [Wegera 1982, 126]. По другим данным, в XIV веке *-nd* доминирует в парадигме мн. числа в эльзасском и в швабском, но ограничено 2 и 3 лицом мн. числа Präs. в южной части верхнеалеманского [Hartweg 1989, 126]. В XIV-XV вв. невыразительный в отношении категории лица *Einheitsplural* (*Dentalplural*) как маркер юго-западных текстов вытесняется из форм 1 лица, а как региональная форма *-nd* исчезает в швабском к концу XVI в., в алеманском к XVII в. Она чаще маркирует формы сильных глаголов, обладая устойчивостью лишь в 3 л. мн. числа Präsens.

Рассмотрение архаичных (отчетливо отмеченных в поздний дивн. период в алеманском) структурных особенностей юго-западного узуса на фоне ривн. состояния и их генезиса позволяет говорить об относительной лабильности каждого грамматического признака в отдельности, их разрозненности, но показательности в целом как «сетки признаков». Следует учитывать их сочетание с различными признаками субареального (диалектного) уровня.

Особенностью грамматических изоглосс юго-западного ТВЛЯ является изоморфизм – устойчивое наличие явлений в диахронии в диалектном языке субареала [Moser 1929, 20-54]. Часть особенностей юго-западного ТВЛЯ (единый глагольный показатель мн. числа как критерий диалектного членения, восточно-швейцарская изоглосса) коррелирует с признаками его диалектной базы. Например, свн. форма Part. II. *gsin*, единая глагольная флексия мн. числа Präs. *-nd*, диминутивный суффикс *-li(n)* сохранены в современных алеманских и частично в швабских диалектах [Penzl 1969, 33].

В памятниках ривн. письменности региона изоглоссы юго-западного ТВЛЯ могли образовывать диапазон варьирования, обусловленный комплексом прагматических, стилистических, эстетических и других причин. Нас интересует, какие из грамматических элементов регионального узуса обладали устойчивостью (проявились в репрезентативных текстах в большинстве форм), какие факторы (в частности внешние) влияли на это. Стилистическую маркированность изоглосс ТВЛЯ юго-запада можно оценивать как изолированные языковые единицы в парадигматическом аспекте (абсолютная стилистическая окраска) или как реализуемые в тексте – в синтагматическом аспекте (сфера употребления). Для морфологических изоглосс юго-западного ТВЛЯ можно выделить компоненты стилистической окраски: функциональный (сфера использования), квази-нормативный

(высокий/нейтральный/низкий) и экспрессивный (контекстуальный, коннотативный, ситуативный). Первый компонент относится к жанрово-стилистическим группировкам текстов, второй и третий взаимосвязаны и реализуются в оппозициях высокая/низкая и экспрессивная/нейтральная единицы (лексемы, словоформы). Ограничения накладывали прагма- и макростилистические параметры способов изложения, их комбинации в текстах: сообщение, повествование, описание, характеристика.

Действие стилистико-текстовых параметров регулирует отбор и насыщенность регионально маркированных морфологических средств. Например, в отдельных жанрах деловой письменности изоглоссы не могли обладать большим объемом (корреспонденция, краткие записи «городских книг»). Встречаемость в них некоторых морфологических признаков, могущих иметь дополнительное стилистическое значение, незначительна (причастие II *gsin*, форма мн. числа глаголов и основ *gan/stan*, суффикс *-nuss* абстрактных существительных, диминутивы). Напротив, частотность форм пассива, а, следовательно, формы Part. II глагола *gsin* 'быть' выше в канцелярской, в «специальной» и научной прозе, а абстрактных существительных с *-nuss* в информативно насыщенных текстах.

Жанрово-стилистически мотивированные частотность, отсутствие (ослабление) изоглосс юго-западного ТВЛЯ сами по себе не являются маркером снижения/ограничения региональной окраски конкретных юго-западных текстов как проявление устойчивости регионального узуса. Это имело место в случае их вытеснения и/или конкуренции с инорегиональными единицами (межрегиональное варьирование). Так, в синхронии и диахронии словообразовательные суффиксы немецкого языка стилистически в целом нейтральны: стилистическая окраска словообразовательных моделей реализуется в оппозиции «нейтральный/ экспрессивно-оценочный» и в отношении функциональных стилей (функциональная окраска).

При этом, например, значение уменьшительности и субъективной оценки у некоторых существительных с диминутивом *-lein*/*-lin* может исторически нейтрализоваться, его нейтральное значение малой величины объекта, субъективной оценки чаще зависит от контекста. Абсолютной стилистической окраской в парадигматике обладают лишь производные существительные и антропонимы с рвнв. диминутивом *-le*/*-li(n)*/*-l*/*-i*, имеющие экспрессивно-оценочные значения (уничижительные, негативные, доверительно-вежливые, ласкательные) и другие субъективные коннотации, которые в синтагматике более разнообразны. Доминирующей семантикой этих диминутивов является комбинация оценочности и уменьшительности.

Стилистически нейтральный суффикс *-nuss* маркировал научные и официально-деловые тексты, сигнализировал использование их черт в художественном тексте. В двн. языке производные отглагольные существи-

тельные с этим суффиксом характерны для теологической и философской прозы. Его частичная стилистическая маркированность в синтагматике мотивирована содержанием текстов, где увеличивается число производных с ним. Как суффикс абстрактных существительных *-nuss* часто маркирует в XV в. философско-мистические тексты [Henzen 1957, 178].

Исследования суффиксов *-el/-li/-lin* и *-nuss* в переводных научных и художественных рвнв. рукописных текстах констатировали бóльшую частотность *-lin* и зависимость их дистрибуции от жанрово-стилистических, содержательных параметров текста, переводческой установки (дословный, свободный перевод), от личности автора. Так, вариант *-lin* доминирует при передаче латинских диминутивов в дословном переводе, *-nuss* был употребительнее в правовых текстах [Zur Wortbildung 1983, 84-109]. Вариантные формы с *-(e)li(n)/-li* более частотны в повествовательных, менее в информативных (правовых, деловых) текстах. Частотность диминутивов в верхненемецких источниках XV-XVI вв. по сравнению со средненемецкими (почти вдвое) свидетельствует о наличии значительной доли среди них экспрессивно нейтральных производных [Wegera 1982, 212-214].

Спорным является вопрос о текстообразующей функции словообразовательных суффиксов *-lin* и *-nuss* при создании содержательной когерентности некоторых текстотипов. Частое воспроизведение словообразовательной модели в тексте или его фрагменте, в рекуррентных единицах (ключевых словах) способствовало созданию внутритекстовой парадигмы тематического согласования. Если модель с *-lin* в основном выполняла экспрессивную функцию, то модель с *-nuss* поддерживала когерентность рвнв. текстов понятийно нагруженной религиозной и научной прозы [Степанова 1984, 235-238].

Поскольку категория числа не имеет в парадигматике стилистической окраски, региональные формы мн. числа глаголов получали дополнительную стилистическую окраску в синтагматике. Так, тематико-стилистической маркированностью обладали формы с *-nd* во 2 л. мн. числа. Они встречаются преимущественно в текстах официально-респектабельной и стилизованной переписки (формулы-обращения с местоимением), поскольку флексия индифферентна в отношении категории лица. Эта глагольная форма характерна для речи герольдов (обращения к публике) в народной драме. Не слишком частотны формы *-nd* 1 л. мн. числа (доверительные „*Wir-Formen*“) в повествовательных текстах и дневниках. Официальность как стилевая доминанта канцелярско-деловых текстов, предпочтение безличных форм накладывали ограничение на употребление форм 1 л. мн. числа глагола.

Рассмотренные грамматико-морфологические изоглоссы в целом могут быть соотнесены с формирующейся в рвнв. литературном языке общей дихотомией «вербальный/номинальный стили». В рамках «именного сти-

ля», характеризующегося частотностью именных образований, сжатостью изложения, понятийной насыщенностью уменьшается доля полнозначных глаголов, актуализуются суффиксальные производные абстрактные существительные с *-nuss*. Основными их сферами является канцелярская письменность, научная (популярная) литература, теология, где доля родного языка в рассматриваемый период незначительна на фоне латыни.

Употребление стилистически нейтрального в парадигматике причастия II *gsin* в аналитических формах глагола как компонента пассивных конструкций, форм перфекта, в причастных оборотах в синтагматике является стилистическим маркером прозаических текстов, тяготеющих к высокому стилю, имевших усложненные синтаксис и глагольные структуры. Это официально-канцелярские, хроникальные, научные тексты, проза гуманистов, переводы религиозной догматики. Причастие II *gsin* в структуре перфекта маркирует связные повествовательные рвнв. «тексты о прошлом» (глубинный временной план). Это «народные книги», роман, городские хроники, средняя частотность перфектных конструкций в которых в юго-западном ареале была почти вдвое выше, чем, например, в нижненемецком. Как «фоновая» форма перфект обязан своей частотностью в нарративе влиянию разговорного языка южнонемецкого типа, где он стал в рвнв. период преобладающей временной формой [Семенюк 2000, 50-53].

Жанрово-тематически маркированным было отчасти употребление глагольных основ *gan/stan* ‘идти/стоять’ в повествовательных текстах, рецептах, руководствах, хрониках, содержавших описания соответствующих действий людей и тяготевших к «глагольному стилю». Здесь отдано предпочтение употреблению финитных глаголов, а не номинативным словосочетаниям.

Таким образом, ареальные грамматические изоглоссы ТВЛЯ юго-запада, не являясь его основными маркерами, обладали частично разноаспектной функциональной, текстовой и жанрово-стилистической отмеченностью. Это оказало влияние на их устойчивость и распределение как компонентов узуса в ситуации взаимодействия/вытеснения в текстах изоглоссами других ТВЛЯ, на их релевантность. Упомянутые релевантные субареальные (диалектные) признаки и их комбинации в юго-западных текстах были тоже частично стилистически маркированы на фоне юго-западных изоглосс, являясь индикаторами сниженного, узколокального или неофициального уровня письменной коммуникации, или маркируя конкретные источники или формы/лексемы (влияние фактора адресата и диапазона пространства текста, портретирование героев в драме и др.).

Метаязыковые оценки современниками грамматических черт юго-западного ТВЛЯ немногочисленны. Так, о важности формы причастия II *gsyn* писал в середине XVI в. гуманист В. Лациус. Большую ценность име-

ют сведения Конрада Геснера в лингвистическом трактате „Mithridates. De differentiis linguarum“ (1555 г., гл. „De lingua Germanica“). Он иллюстрирует различия швейцарского и швабского узусов списком словарных и формальных альтернатив. В «списке Геснера» отмечены как швейцарские грамматические изоглоссы единая глагольная форма мн. числа *-nd*, форма причастия II *gzun*. Но некоторые маркеры ограничены ареалом Цюриха, являясь рефлексамии диалектно-разговорной речи [Trümpy 1955, 17, 87].

Решающее значение для устойчивости юго-западного ТВЛЯ и элементов его узуса имели их отношения к его основным функциональным разновидностям – «канцелярским языкам», к местной письменно-литературной традиции и к «языкам печатников».

3. Дискурсивные практики и «языки первопечатников»

Дискурс первопечатников следует понимать собирательно как совокупную деятельность (и ее результат) основных участников раннего типографского производства – наборщика, корректора, печатника, которые нередко совмещались в одном лице. Нас интересует влияние «издательского индивидуализма» ранней печати на отражение грамматических изоглосс юго-западного ТВЛЯ, что целесообразно рассмотреть в аспектах, обусловленных спецификой местной ранней печати как способа презентации текста.

Диглоссия первопечатников в отношении разнорегиональных письменных узусов рнвн. типа реализовалась конкретно в зависимости от типа издаваемого текста, его предназначения, происхождения. Основные дискурсивные практики первопечатников юго-запада связаны с поисками корреляций языка рукописи и печатного текста; с переизданиями инорегионального текста; с переизданиями стереотипного текста; с корреляцией язык автора текста и узуса первопечатника; с печатью «нормативных текстов» (формуляриев, риторик, учебных пособий) и с техникой оперативной печати [Дубинин 2015, 19-24].

Наличие особых узусов первопечатников юго-запада традиционно описана исследователями уже для 1470-х гг. [Socin 1888, 185]. Эта ситуация господства «локальных языков» печатников отмечена доминированием противоречивой практики транспонирования рукописей (*Umsetzverfahren, Textvermittlung*) или перепечатаваемых текстов, она лишена ясной линии развития, особенно если источник не был каноничен. Как следствие ранние оттиски были иногда регионально более окрашены, чем язык рукописи источников или современных юго-западных канцелярий. Рассмотрим наиболее показательные в этом отношении примеры ³.

³ Подробнее анализ персоналий печатников и источников см. в гл. VI: Дубинин С.И. Ареальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка позднего средневековья. Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2002. (URL: <http://dlib.rsl.ru/01002328320>).

Так, ведущий печатник Аугсбурга Гюнтер Цайнер, «модернизируя» язык печатно воспроизводимых рукописей, сохранял или даже «восстанавливал» грамматический маркер юго-западного ТВЛЯ –морфологическую региональную изоглоссу в глагольной парадигме 1 и 3 л. мн. числа *-ent* вместо доминирующей в рукописи *-en*, сохранял синкопы/апокопы. Тенденции к регионализации языка оттиска у Г. Цайнера последовательно отражает и воспроизведение им глагольной основы *gan* [Fudjii 1997, 110-123].

При переиздании инорегионального текста печатник Конрад Финер (Эслинген) вставлял флексию *-nd*, но устранял словообразовательную изоглоссу – суффикс *-nuss*. Остальные юго-западные изоглоссы проявляются у Финера только в отдельных словоформах. В его издании перевода известного гуманиста Никласа фон Виле представлено большинство юго-западных изоглосс (морфологические черты). Тот факт, что Финер «восстанавливает» в перепечатке одного из важнейших памятников средневековой немецкой литературы – диалога «Землепашец» юго-западные черты, отсутствующие в оригинале, свидетельствует об ориентации тиража на местного, но не только на швабского читателя его продукции.

Существенной частью репертуара первопечатников юго-запада являлись переиздания стереотипных текстов религиозной прозы, в частности, популярной библейской литературы на родном языке (пленарии, перикопы, евангелические гармонии, отрывки библии). Юго-запад занимал здесь лидирующее положение: из 14 долютеровских южнонемецких полных библий, начиная с «библии Менделя» (Страсбург, 1466 г.), текст которой был для них отправной точкой, 9 библий было издано до 1518 г. в Аугсбурге, 3 в Страсбурге и проданы крупными тиражами. Но, например, во всех начальных фрагментах аугсбургских библий⁴ юго-западные изоглоссы остаточны, представлены спорадически только в отдельных редких словоформах: синкопа/апокопа и глагольная флексия *-nd*.

В основном тексте первопечатных библий более устойчива и частотна лишь флексия *-nd*, а апокопа постепенно вытесняется [Гухман 1959, 54-55]. Остальные секундарные юго-западные черты отмечаются только в единичных формах, например, суффикс *-nuss* в ЛЕ *finsternuss*. Во всех фрагментах евангелий юго-западные изоглоссы остаточны и представлены спорадически в отдельных редких словоформах. Из первичных это глагольная флексия во 2, 3 л. мн. числа *-nd* и синкопа/апокопа. В формах с синкопой/апокопой проявляется и интертекстуальное варьирование. Нейтрализация синкопы/апокопы в поздних изданиях неотчетлива, а флексия *-nd* более устойчива в

⁴ Для оценки проявления узуальных черт традиционно применяется методика их оценки («срезов») в аутентичных фрагментах текстов (начальные абзацы, концовки, стандартные цитации и др.).

библиях до 1500 г. В таком востребованном в предреформационную эпоху типе текста и авторитетном источнике, как библия, узусы первопечатников одного крупного центра (Аугсбург) закономерно демонстрируют как ранний, хотя не последовательный, переход на *Gemeines Deutsch*, так и влияние восточно-средне немецкой традиции.

Интересно сопоставить данные наблюдения с ситуацией при повторной публикации некоторыми типографами Аугсбурга и печатниками близлежащего Ульма художественных текстов для массового читателя (переводы басен Эзопа). Авторство их первоисточника, в отличие от библии И. Менделя, автохтонно данному (восточно-швабскому) субареалу. Здесь важнейшие юго-западные изоглоссы представлены достаточно полно, но только за исключением морфологических(!), а объем региональных изоглосс еще более уменьшается. Это проявилось, например, в сокращении форм с синкопой/ апокопой [Дубинин 2015, 39-40].

М.М. Гухман констатирует на примере оттиска «Золотой легенды» влияние на распределение юго-западных черт (в частности флексии *-nd* в 3 л. мн. ч.) не только местной письменной традиции, которая в соседнем Ульме была более субареально окрашена, но и внутритекстового выбора вариантов форм. Так, в аутентичных фрагментах в ульмском тексте комбинируются формы *geen/komend*, а в аугсбургском оттиске встречается обратное соотношение *geend/komen* [Гухман 1959, 57-60].

Узусы юго-западных первопечатников крупных городских центров обнаруживают значительную хронологическую, интертекстовую и внутритекстовую вариативность при отражении региональных изоглосс в переизданиях стереотипных текстов (в основном анонимных авторов) разной жанрово-тематической принадлежности и степени каноничности (библии, развлекательно-назидательная проза). Однако вряд ли можно говорить о доминировании одного фактора при очевидной тенденции к нивелированию признаков местной традиции.

Следование принципу престижности в *editio princeps* или в перепечатках лишало узусы типографов юго-запада, в частности их швабских лидеров (Аугсбург, Ульм), черт устойчивой «квази-нормы», так как с их точки зрения не все инорегиональные черты (юго-восточные, восточно-средне немецкие) имели этот статус. Местный (в частности канцелярский) юго-западный узус уже не воспринимался печатниками как образец. Переиздания ускоряли процесс языкового выравнивания через смешение региональных/ инорегиональных черт. Период «приспособления» местной печати к уже сложившейся письменной традиции продолжался в 1470-1490-е гг.

Язык автора текста и узус первопечатника коррелировали достаточно сложно. Аутентичность текста (языка автора, в частности с юго-запада), особенно при перепечатках, часто имела для первопечатника второстепен-

ное значение. Так, издания Иоганном Ментелем свн. памятников – «Парцифалья» и «Титуреля» явились первым опытом публикации средневекового эпоса (1477 г.). Печатник «восстанавливает» в наборе единую глагольную юго-западную флексию мн. числа *-nd*. Соотносительное проявление синкопы/ апокопы в текстах опосредовано стихотворным размером: в парных рифмах Ментель иногда сохраняет ареальные признаки и вводит некоторые дополнительно – *gand/stand* вместо *gênt/stênt* в рукописи [Дубинин 2015, 44-45]. Региональная окраска языка библии Ментеля выражена слабее, чем в его издании «Парцифалья». Показательно отсутствие в сравнении с «Парцифалем» в языке ментелевской библии грамматических черт: наличие флексии *-et* во 2 л. мн. числа и вариантных форм в 3 л. мн. числа *-nt/-en*, вытеснение основ глаголов *gan/stan > gen/sten*. Язык библии Ментеля отмечен лишь рефлексом *-nd* в некоторых формах 3 л. мн. числа (*seint, kament*).

Примечательно, что швейцарец по происхождению Иоганн Кноблах после переезда в швабский регион пытался нивелировать некоторые региональные элементы юго-западного узуса при сохранении в целом аутентичности текстов, например, издаваемых им трактатов проповедника Гейлера Кайзербергского. Но флексия глагола *-nd*, а также фрагментарно суффикс *-lin* (ЛЕ *stucklin*) в его переиздании сохранены. Соотношение форм синкопы/ апокопы у Кноблеха не представляет ясной картины. Его позицию в отношении региональной окраски языка этого авторитетного религиозного автора в авторизированном *editio princeps* можно обозначить как умеренную.

Юго-западная (алеманская) маркированность языка всех местных изданий самого известного автора немецкой словесности рубежа XV-XVI в. эльзасца Себастиана Бранта, автора «Корабля дураков», значительна. Брант строго следил за аутентичностью своих текстов. Но, тем не менее, региональная окраска языка, например, его переводного научного трактата “Thesmorphagia” (1490 г.) в оттиске М. Фуртера (Базель) снижена за счет варьирования флексии 3 л. мн. числа *-nd/-en*.

Юго-западный узус в печатных формуляриях, риториках и учебных пособиях также отмечен особым отношением типографов. Появление этих источников в репертуаре местных первопечатников позволяет предположить, что они служили основой региональной унификации письменнo-литературной традиции последней трети XV в., упрочили как руководства для пишущих ее связи с канцелярским дискурсом. Но в реальности, прокламируя «образцовость» своего языка в стилистическом плане, они не ориентировались лишь на местный узус и локального читателя, а их «нормативность» в отношении узуса юго-западного условна.

Практически каждое издание этого типа имеет свои особенности. Так, язык немецких глосс к юго-западным переизданиям грамматики Доната, в частности, в Аугсбурге (печатник Г. Кестлин) регионально значи-

тельно окрашен: флексия *-nd*, суффикс *-nuss*. Региональная окраска оттиска популярных в школе фрагментов «Переводов» фон Виле у К. Финера (Эс-линген) тоже значительна: сохранен исходный для рукописи уровень синкопы, но формы синкопы/апокопы при этом распределены между текстами беспорядочно вариативно. Менее последовательно используется глагольная флексия *-nd*, причастие II глагола 'быть' отмечено в форме *gewesen*, формы основы *stan/steen* варианты.

Наиболее регионально окрашены издания учебных пособий у печатников малых центров, но чаще не грамматическими маркерами: стабильна форма причастия II *gsin*, несколько менее последовательно отражена флексия *-nd*, а суффикс *-nuss* вытеснен *-niss*. Так, региональная юго-западная окраска языка риторического пособия Г. Геслера (Аугсбург, печатник А. Зорг) и особенно аугсбургского формулярия имеют остаточный характер, обнаруживая переход на *Gemeines Deutsch*. Относительно последовательно отражены лишь основы *gan/stan*, синкопа/апокопа и флексия *-nd*.

Узусы первопечатников юго-запада при издании справочно-учебной литературы и риторик, отражавших как и религиозные тексты (библии) раннюю стадию кодификации письменно-литературного языка через образцовые/ типовые тексты [Семенюк 1996, 13], не обнаруживают принципиальных отклонений от отмеченной в контексте производства других видов ранней печатной продукции модели развития. В практике местных первопечатников отсутствует установка на презентацию регионального узуса как «образцового».

Дискурс и язык ранней оперативной печати был связан с быстрым размножением одностраничных оттисков. На юго-западе эта печать изначально активно использовалась в официально-административных целях, опираясь на материалы канцелярской письменности. Можно предположить, что узусы печатников при публикации информативных «листочков» активнее отражали ввиду их прагматической ориентации на локального адресата местную канцелярскую традицию.

Однако соотношение ареальных черт в разнотипных текстах (реклама продаж, приглашение на стрельбы, объявление) своеобразно [Дубинин 2015, 64-65]. В тексте приглашения (Базель, печатник М. Венцлер) наличествуют причастие II *gesin* и флексия *-nd*, что отсутствует в тексте объявления (Эльзас, аноним). Варьирование узусов первопечатников при отражении юго-западных черт в «быстрой печати» информационного типа не имеет четких контуров, регулируется фактором субъективного отбора при очевидном влиянии юго-восточного письменного узуса.

Так, в «листочках» С. Бранта (одностраничные плакатные оттиски его стихов) представлен суффикс *-niß* вместо *-nuss*. Но если сравнить региональную окраску языка произведений Бранта в его книжных оттисках у

Б. фон Ольпе и М. Фуртера (оба из Базеля) с языком «листочков», то он в одностраничной печати несколько ближе к «умеренному» узусу последнего. Их сближает варьирование флексии *-nt/-en*, что объяснимо ориентацией «лестничной продукции» фон Ольпе на более широкий рынок. Узус юго-западного ТВЛЯ отчетливо предстает в виде «открытой нормы» именно в дешевой оперативной печати. Это соответствует ее первичному утилитарному характеру при значительно более широком диапазоне ее использования/продаж по сравнению с книгами.

Выводы

В 1460-1510-е гг. взаимодействие разрозненных узусов первопечатников юго-запада, что могло усилить интеграцию, было слабым, несмотря на наличие корректуры и «образцовой» рукописи. Вызванное потребностью обеспечить «общепонятность» языка отдельных видов их продукции, и как следствие – овладение инорегиональными письменными формами, оно имело в основном пассивный характер.

Если для первопечатников издательского лидера – Аугсбурга первичен узус *Gemeines Deutsch*, характерно вытеснение субареальных признаков, что повышало степень наддиалектности местного «печатного идиома», то в других центрах юго-запада шло его освоение. Эта практика зависела от ряда факторов (авторство, тип текста/адресата, характер печати, происхождение, установки печатника, ареал рынка). Примечательны отсутствие разделения печатной практики региона по политико-конфессиональному признаку, отход печатников от узусов местных «канцелярских языков». В структурном отношении первенствуют транспонируемые фонетические, но не грамматические явления (рецепция черт восточно-средне немецкого узуса). Лишь некоторые субареальные грамматические признаки остались маркерами юго-западной принадлежности оттисков.

В изменении социо-функциональных и статусных параметров юго-западного ТВЛЯ активное региональное книгопечатание играло решающую роль. Перестройка урбанистической письменной культуры в ситуации печатного производства/тиражирования текстов, их распространения вне прежней ориентации на конкретного заказчика/читателя (особенно литературных текстов), становление отношений «автор – первопечатник – реципиент», появление новой читательской культуры усилили интеграцию в немецком письменно-литературном языке.

Отход печатников юго-запада в наборном тексте от традиции канцелярий, противоречивое формирование индивидуальных узусов «инкунабульного периода» 1460-1510-х гг. означало превращение их как субъектов языкового отбора в расчетливых «пользователей» местной письменной традицией, в отличие от канцеляристов как ее носителей

и хранителей. Ранняя печать отмечена колебаниями, противоречиями практики типографов в отражении узуса юго-западного ТВЛЯ.

Кратковременный всплеск региональной окраски оттисков отличал первопечатников конца XV в. малых и средних городов региона (Эслинген, Ульм, Фрейбург). Первопечатники не продолжили традицию юго-западной деловой письменности, узус местных «канцелярских языков» не стал для них образцом. Даже при издании «нормативных» источников (формулярии, риторики, учебники, грамматики) и стереотипных «нормализующих» текстов (библии, светские тексты, используемые в школе) юго-западный узус не рассматривался местными печатниками как образец (за исключением Швейцарии).

Узус юго-западного ТВЛЯ отражался в языке печатных произведений в зависимости от типа и статуса текста, авторства, способа переиздания, рынка сбыта и суммы других факторов все более фрагментарно, по «остаточному принципу». Из грамматических маркеров это практически только глагольная флексия *-nd*, что лишило «языки печатников» набора местных грамматических черт. С XVI в. практика печатников ведущих центров юго-запада (ранее Аугсбург, затем Страсбург, Базель) демонстрирует устойчивую ориентацию на юго-восточный узус *Gemeines Deutsch* и активную, уверенную рецепцию престижных черт восточносреднемецкой традиции.

Литература

- Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Т.2. М., 1959.
- Гухман М.М. Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. М., 1970.
- Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара, 2000.
- Дубинин С.И. Дискурс первопечатников и немецкий письменно-литературный язык юго-западного ареала // Миры дискурса: монография / под общ. ред. Н.К. Даниловой, Самара, 2015. С.10-78.
- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л., 1956.
- Зеленецкий А.Л. Истоки немецкого языка. Ч.1. Калуга, 1992.
- Семенюк Н.Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М., 2000.
- Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
- Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М., 1992.
- Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М., 1985.
- Besch W. Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. München, 1967.

Besch W. Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Standardsprache // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von Besch W. u.a. Berlin - N.York, 1985. 2 Halbband. S.1781-1810.

Fudjii A. Zur Augsburger Druckersprache im 15. Jahrhundert // Gesellschaft, Kommunikation und Sprache Deutschlands in der frühen Neuzeit / Hrsg. von Mattheier K.J. u.a. München, 1997. S.101-130.

Gießmann U. Die Flexion von *gehen* und *stehen* im Frühneuhochdeutschen. Heidelberg, 1981.

Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Beiträge zur Laut- und Formenlehre / Hrsg. von Moser H., Stopp H. und Besch W. Heidelberg, 1988. Bd. 7.

Henzen W. Schriftsprache und Mundarten. Ein Überblick über ihr Verhältnis und ihre Zwischenstufen im Deutschen. 2 Aufl. Bern, 1954.

Henzen W. Deutsche Wortbildung. 2 Aufl. Tübingen, 1957.

Metzke H. Mittelhochdeutsche Grammatik. 5 Aufl. Leipzig, 1983.

Moser V. Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd.1.1. Heidelberg, 1929.

Penzl H. Geschichtliche deutsche Lautlehre. München, 1969.

Socin A. Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Heilbronn, 1888.

Sonderegger St. Zur sprachlichen Stellung der Zürcher Bibelübersetzung 1524-1535 // Festschrift für I. Reiffenstein / Hrsg. von Stein P.K. u.a. Göppingen, 1988. S.59-81.

Stopp H. Schreibsprachwandel. Zur großräumigen Untersuchung frühneuhochdeutscher Schriftlichkeit. München, 1976.

Stopp H. Das in Augsburg gedruckte Hochdeutsch // Zeitschrift für deutsche Philologie. Berlin, 1979. Bd. 98 (Sonderheft). S.151-172.

Trümper H. Schweizerdeutsche Sprache und Literatur im 17. und 18. Jahrhundert. Basel, 1955.

Wegera K.P. Möglichkeiten und Grenzen der philologischen Auswertung einer elektronisch gespeicherten Datei zum Frühneuhochdeutschen. Aufgezeigt am Beispiel der Diminutivsuffixe // Sprachen und Computer / Hrsg. von Fix U. u.a. Dudweiler, 1982. S.207-222.

Zur Wortbildung des Frühneuhochdeutschen. Ein Werkstattbericht / Hrsg. von Moser H. u.a. Innsbruck, 1983.

Сокращения

ЛЕ – лексическая единица

ТВЛЯ – территориальный вариант литературного языка

Критерий ясности как основа концепции грамматической правильности в грамматиках английского языка эпохи Просвещения

In the epoch of the Enlightenment the normative tradition was based on the concept of perspicuity, which together with the neoclassical principle of unity lay the foundation for the greater part of prescriptive rules. The desire to achieve the isomorphism of language and thought made grammarians favour constructions which can be described as diagrammatical icons, in which a certain structural similarity between linguistic structure and its cognitive counterpart was to be found. This tendency is revealed in recommendations concerning subject/predicate agreement, word order, the use of articles, pronouns and connectors, differentiation of compound and complex sentences, the emphasis on syntactic cohesion and thematic/rhematic structure of sentences.

Антропоцентрический подход к изучению грамматики предполагает изучение роли человеческого фактора в развитии грамматического строя языка. В XVIII – XIX вв. большую роль в формировании грамматических норм английского языка играла нормативная традиция. Рекомендации нормативных сочинений, накладываясь на стихийные процессы языковой эволюции, замедляли или ускоряли распространение языковых инноваций и определяли социально-стилистические контуры этого процесса. Это обстоятельство делает актуальным изучение критериев грамматической правильности, которые лежали в основе грамматических рекомендаций.

Изучение состава предлагаемых грамматистами правил показывает, что их рекомендации опирались на целый комплекс разнородных критериев языковой правильности. К ним относились ориентация на распространенный узор и на эталонные тексты, выравнивание форм по аналогии, учет этимологических соображений и межязыковых параллелей, учет коммуникативно-стилистического потенциала языковых конструкций и их связь с логикой и т.п. Большую роль играл и личный вкус нормализатора: начиная с античности, нормирование языка понималось не как строгая научная деятельность, но как своего рода искусство. Именно личный вкус нормализатора должен был примирить разнородные критерии правильности и помочь разработать оптимальные рекомендации.

Как показывает изучение англоязычной нормативной традиции, она не была однородной: рекомендации грамматистов относительно одной и той же конструкции были непоследовательными и часто вступали друг с другом

в противоречие, что, конечно, существенно ограничивало их действенность. Вместе с тем было бы неправильно представлять корпус нормативных правил как набор бессистемных и произвольных запретов.

Тремя доминантами нормативного дискурса эпохи Просвещения, вокруг которых группировались рекомендации грамматистов, были требования ясности, единства и выразительности. Эти требования были сформулированы в риторике Х. Блэра [Blair 1812, 214-287] и повторялись, с небольшими вариациями, в других работах как риторической, так и собственно грамматической направленности. Эти категории можно назвать смысловыми доминантами англоязычного нормативного дискурса [Германова 2014, 241-253].

При этом ведущим критерием грамматической правильности было требование ясности (*perspicuity*). В классицизме ясность оборачивалась разными гранями: в философии – это отчетливость исходных понятий и логическая последовательность суждений; в архитектуре – упорядоченная композиция с акцентированной главной осью и немногочисленность деталей; в словесном искусстве – определенность замысла и точность словесного выражения, гармония частей и целого, отсутствие излишних деталей, отвлекающих внимание от главного. В контексте настоящей статьи нас будут, прежде всего, интересовать связи между философией, поэтикой классицизма и науками о языке.

Ясность как требование, прилагаемое к интеллектуальной и речевой деятельности, не было изобретением эпохи Просвещения. Уже в «Риторике» Аристотеля ясность названа необходимым качеством хорошего слога: «достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что, раз речь неясна, она не достигнет своей цели» [Аристотель 2000, 82]. О ясности писали и римские риторы. Так, по мнению Цицерона, первым требованием к речи являются чистота и ясность языка, залогом которых является точный выбор слов, следование грамматическим правилам и нормативное произношение [Цицерон 1972]. О ясности как о необходимом требовании, предъявляемом к вербальному выражению, писал и Квинтилиан, относивший к достоинствам слога ясность, чистоту, правильность и соразмерность [Квинтилиан 1834].

Однако в риторике требование ясности было не единственным и даже не главенствующим: это было элементарное условие, которому должно было соответствовать любое высказывание, а не только речь искусного ратора: как писал Цицерон, человека, не умеющего говорить ясно и правильно, и вовсе «не считают за человека» [Цицерон 1972]. Главной задачей ратора было убеждение аудитории, а оно достигалось обращением не только к разуму, но и к страстям. Кроме ясности, к риторическим категориям относились сила, пышность, внушительность, возвышенность, блеск, живость, красота,

правдивость, полнота, усладительность и другие качества [Гаспаров 1972]. Поэтому большая часть наставлений риториков касалась «украшения» речи, то есть использования различных тропов и фигур речи, которые не столько проясняли смысл, сколько придавали тексту образность, выразительность и живость.

В средневековой гомилетике требование ясности хотя и сохранилось, но оказалось несколько потесненным. Тот факт, что проповеди, по крайней мере в ряде случаев, произносились на латыни, усложняло их восприятие аудиторией, даже с учетом того, что в ту эпоху романские языки были ближе друг к другу и к латыни, чем в наше время¹. Понятность проповеди обеспечивалась театрализованной манерой произнесения, подбором простых житейских примеров и другими не собственно языковыми средствами.

В эпоху Просвещения требование ясности выдвинулось на первый план. В трудах философов ясность понималась как интеллектуальное достоинство, определявшее качество мысли. Р. Декарт, которого считают основоположником философии Нового времени, так сформулировал свое интеллектуальное кредо: «<...> старательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению» [Декарт 1950, 272]. Именно ясность представления, по Декарту, является доказательством истинности: «я <...> могу принять за общее правило, что все воспринимаемое нами весьма ясно и вполне отчетливо – истинно» [Там же, 283]. Причина тождественности ясности и истинности в том, что ясное и отчетливые идеи исходят от Бога и в силу этого не могут не быть истинными [Там же, 287].

Эти принципы интеллектуальной деятельности были перенесены и на литературно-художественное творчество: рационалистическое в своей основе требование ясности рассматривалось как основа эстетики классицизма. Так, ясность (*la clareté*) является ключевым понятием для Буало: поэтическое искусство адресовано уму, и лишь потом – чувствам: «пока неясно вам, что вы сказать хотите, простых и точных слов напрасно не ищите; но если замысел у вас в уме готов, все нужные слова придут на первый зов» (1674) [Буало 1980, 427]. Сходные мысли находим и у лингвистов [Alembert 1805, 254-317; Bouvier 1853, 208].

С литературно-художественного творчества понятие ясности было распространено на язык как таковой. Французский язык признавался

¹ Так, известный проповедник XIII в. Гумберт Романский выступал против полного подчинения запросам аудитории, что потребовало бы перехода на народные языки: «<...> когда они (проповедники) путешествуют по миру, они не должны оставлять язык небесный (т.е. латынь) ради языка этого мира» [Цит. по: Челышева 2014, 83].

наиболее ясным языком, в котором языковые категории отражали универсальные категории разума. Это означало новый поворот «темы ясности»: если в риторике и стилистике ясность рассматривалась как качество авторского стиля, то, с точки зрения французских лингвистов, ясность (или ее отсутствие) была свойством самой языковой структуры. Постулируемая особая ясность французского языка связывалась со строгим порядком слов, при котором подлежащее предшествовало сказуемому, а остальные члены предложения следовали за предикативной группой. Именно этот порядок развития мысли был признан рациональным: инверсии связывались с воздействием на разум страстей и игрой воображения [Ажеж 2008, 145-154]. Вторым столпом ясности французского языка считалась точность словаря, который, благодаря обилию тонко дифференцированных синонимов, мог, как считалось, выразить мысль наиболее точным образом. Представление об исключительной ясности французского языка стало устойчивым стереотипом, который сохраняется до сих пор [Swiggers 1987].

В Англии эпохи Просвещения требование ясности также играло решающую роль, но его реализация имела свои особенности: ясность не приписывалась самому языку, но рассматривалась как важнейшая текстовая категория. Для английских философов (Бэкон, Гоббс, Локк, Беркли) было характерно выражение скепсиса по поводу гносеологических возможностей естественных языков. Поэтому перед филологами вставала задача совершенствования языка, и неудивительно, что в основу нормализаторской деятельности был положен критерий ясности, подкреплявшийся принципом единства, важным для поэтики классицизма (ср. требования единства места, времени и действия).

Одним из первых принцип ясности как залог успешности коммуникации провозгласил лорд Кеймс (Г. Хоум) (1762): «Поскольку передача мысли есть основное назначение языка, правило состоит в том, что ясность не должна быть принесена в жертву никаким другим красотам языка» [Kames 184, 255]. Аналогичные рассуждения находим и в трудах авторов риторик [Campbell 1858; Blair 1812].

Ясность понималась как свойство текста, состоящее в соответствии вербального дискурса дискурсу ментальному. Британские филологи исходили из положения о вторичности языка по отношению к мышлению: язык оформляет уже в большей или меньшей степени сформировавшиеся идеи; это своего рода «одежда мысли». Такое понимание природы и функций языка можно назвать «инструментальным»: язык мыслится как средство передачи уже готовых смыслов, но не как средство их создания.

Соответственно, морфологические и синтаксические конструкции должны были максимально точно отражать характер концептуализации описываемой ситуации. По мысли авторов эпохи Просвещения, идеально

устроенный язык, который пытались создать грамматисты, должен был стать «прозрачной» семиотической системой, не привносящей в мысль собственных оттенков смысла.

Поиски изоморфизма языковых и мыслительных категорий ставили перед нормативной грамматикой задачу более полного использования смысловозначительных возможностей языка, что существенно сокращало сферу свободного варьирования². Важным следствием применения критерия ясности было усиление иконичности грамматических конструкций: рекомендуемые конструкции являлись характерными примерами икон-диаграмм, в которых при отсутствии изобразительного сходства имеет место сходство отношений между элементами структуры знака и референта.

Так, британские грамматисты широко использовали принцип, который в семиотике принято называть «принципом дистанции» (*distance principle*) или «принципом близости» (*proximity*): «чем ближе друг к другу семантически или функционально два концепта, тем больше вероятности, что они будут расположены рядом друг с другом лексически, морфотактически или синтаксически» [Givon 1985, 202]. Вполне в духе этого принципа грамматики рекомендуют ставить слова, связанные по смыслу, рядом [Blair 1812, 243]. Поскольку порядок слов в английском языке в большинстве случаев фиксирован, эти рекомендации касались относительно небольшого круга явлений: расположения наречий, обстоятельств и других второстепенных членов предложения. Действие принципа близости можно усмотреть и в той критике, которой подвергались постановка предлога в конце синтагмы (*prepositional stranding*) и расчлененный инфинитив (*split infinitive*): в этих случаях служебные слова отрывались от тех слов, с которыми они были связаны, что нарушало связность конструкции.

Концептуальная близость или противопоставленность концептов могла подчеркиваться и с помощью артиклей. Так, в обороте *the soul and body* лорд Кеймс рекомендует поставить один артикль, если душа и тело рассматриваются автором как единое целое, и два (*the soul and the body*), если они противопоставляются [Kames 1841, 257]. Разные концепты предлагалось отделять друг от друга и с помощью повтора предлогов: *Death is the common lot of all, of good men and of bad* [Murray 1808, 408].

Характерны также правила согласования подлежащего и сказуемого. Так, глагол при собирательных существительных типа *family, team, crew* рекомендовалось употреблять в единственном или множественном числе в зависимости от того, хотел ли автор подчеркнуть недискретный характер множества или стремился представить его как совокупность

² Например, в сфере форм нерегулярных глаголов или при разграничении функций союзов *that* и *which*.

дискретных единиц. Подлежащие, объединенные союзом *and*, требовали глагола во множественном числе, поскольку в таких случаях речь идет о совокупности объектов. При подлежащих, объединенных союзом *or*, глагол, напротив, требовалось поставить в единственном числе, так как объекты рассматриваются по отдельности. Правила согласования подлежащего и сказуемого были детально разработанными [Brown 1851]. Одним из последствий этого было усиление когезии в рамках предложения: компоненты предложения оказывались прочно подогнанными друг к другу, и предложение обретало желанную целостность. Так принцип ясности получал дополнительную поддержку благодаря действию другого важного риторического принципа – принципа единства.

Стремление добиться максимального соответствия языкового выражения характеру концептуализации действительности отчетливо прослеживается во внимании, которое грамматики уделяли согласованию времен. Это правило распространялось не только на личные формы глагола, но и на форму инфинитива. Соответственно, предложения *I rejoiced to have seen my friend* и *I rejoiced to see my friend* рассматривались как не идентичные с точки зрения выражения одновременности или предшествования действий [Murray 1808, 259].

Принципы единства и ясности имели прямое отношение и к структуре предложения: «в законченной мысли или ментальной пропозиции все члены или части связаны друг с другом, одни поверхностно, другие тесно. Чтобы выразить такую мысль словами, недостаточно, чтобы все составляющие ее идеи были четко выражены; необходимо также, чтобы содержащиеся в мысли отношения также были выражены в соответствии со степенью их связанности» [Kames 1841, 266]. Даже длина оборотов, описывающих соотносимые друг с другом объекты, должна быть примерно одинаковой [Kames 1841, 262].

На протяжении предложения рекомендовалось соблюдать единство места и действия и не смещать фокус внимания с одного персонажа или предмета на другой. Как писал Кеймс, «предложение или период должны выражать одну единую мысль или ментальную пропозицию, а разные мысли должны отделяться друг от друга, будучи помещенными в разные предложения или периоды»; в противном случае «в языке объединяется то, что разделено в реальности» [Kames 1841, 260]. Применение подобных правил приводило к более тщательному различению сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и совершенствованию структуры последних. Рекомендую вводить в фокус внимания или выводить из него некую составляющую для перераспределения прагматической информации, грамматисты стремились привести структуру предложения в соответствие со структурой мысли: в этом также проявляется ориентация на иконичность

языковой конструкции.

Стремление сделать текст предельно ясным и связным приводило к особому вниманию к употреблению коннекторов и дейктических слов. Ошибки в употреблении местоимений при анафорической отсылке могли привести к ошибкам при определении референта, так что «единственным оставшимся способом (исправить предложение – НГ) может быть придание ему другой формы, которая не потребует частых отсылок к лицам, упомянутым выше» [Blair 1812, 250]. С ним были согласны и более поздние авторы. «Как только я вижу многократное повторение *it* на одной странице, я всегда трепещу от страха за автора», – писал У. Коббет [Cobbet 1819, 104].

Таким образом, в эпоху Просвещения ясность понималась не как субъективно-психологическая категория, но как объективное свойство, заложенное в тексте. Субъективные аспекты (интеллектуальные возможности аудитории, ее подготовленность к восприятию авторских идей, психологическое состояние, заинтересованность в обсуждаемой тематике) во внимание не принимались.

Ситуация меняется в эпоху Романтизма, когда язык из «одежды мысли» превращается в силу, которая сама формирует мысль. Единицы языка перестают пониматься как знаки, однозначно соотносящиеся с когнитивными конструктами и имеющие фиксированное значение для всех говорящих. Меняется и взгляд на отношения между говорящим и слушающим, между читателем и текстом. Восприятие текста стало трактоваться как процесс активный и творческий: в рассуждениях о диалоге между писателем и аудиторией на первый план выходит индивидуальная интерпретация текста. Этот ход мысли приводит В. фон Гумбольдта к формулированию знаменитой антиномии речи и понимания (в русской традиции эта мысль представлена в работах А.А. Потебни): любое понимание является недопониманием, или, точнее, пониманием по-своему.

В результате на протяжении XIX в. нормативные рекомендации, потеряв свое философско-эстетическое обоснование, начинают все чаще восприниматься критически как формальные искусственные правила; роль нормативной традиции падает, вплоть до ее вывода в англоязычных странах в XX в. за пределы академической науки. При этом, однако, возрастает значимость владения этими рекомендациями как социально-культурными маркерами, указывающими на социальный и образовательный статус пользователей языком.

Литература

- Ажеж К.* Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр. Б.П. Нарумова. М., 2008.
- Аристотель.* Риторика. Поэтика. Пер. В.Г. Аппельрота. М., 2000.
- Буало Н.* Поэтическое искусство // Литературные манифесты

западноевропейских классицистов. Пер. С.С. Нестеровой и Г.С. Пиларова. М., 1980. С. 425-439.

Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 7-73.

Германова Н.Н. История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М., 2014.

Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.

Квинтилиан. Риторические наставления. Ч.2-я (книги 7-12). СПб., 1834.

Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

Чельшиева И.И. Проповедник и его аудитория: лингвистические аспекты исследования средневековой романской проповеди //Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст. М., 2014. С. 80-98.

Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in syntax / Haiman J. (ed.) Amsterdam, 1985. P. 187-219.

Swiggers P. A l'ombre de la clarté française // Langue française. 1987. Volume 75, Numéro 1. P. 5-21.

Источники

Alembert Jean Le Rond d'. Oeuvres philosophiques, historiques et littéraires. Tome. 3. Bastien, 1805.

Bouvier E. Des perfectionnements que reçut la langue française au 17e siècle. Bruxelles, 1853.

Blair H. Lectures on rhetoric and belles-lettres: in 3 vols. Vol. 1. London, 1812.

Brown G. The Grammar of English Grammars. London, 1851.

Campbell G. The Philosophy of Rhetoric. New York, 1858.

Cobbett W. Grammar of the English Language in a Series of Letters. 3rd ed. London, 1819.

Kames, lord. Elements of Criticism: with Analyses and Translations of Ancient and Foreign Illustrations. New York, 1841.

Murray L. An English Grammar: Comprehending the Principles and Rules of the Language. Vol.1. York, 1808.

Whately R. Elements of Rhetoric. Oxford, 1830.

Отпричастные семантические образования в лексикографической перспективе¹

Der vorliegende Beitrag ist einem Problem gewidmet, mit dessen Lösung sich Lexikographen, die an dem Akademischen deutsch-russischen Wörterbuch arbeiten, konfrontiert sehen und das die lexikographische Beschreibung von Partizipien betrifft. Die Autorinnen des Beitrags schlagen vor, auf die gängige Kennzeichnung *part adj* (partizipiales Adjektiv) komplett zu verzichten und sie durch die Kennzeichnung *a* (Adjektiv) zu ersetzen. Die auf die Partizipien bezogenen Eintragsinformationen werden dementsprechend in zwei funktionale Homonyme aufgeteilt, wobei die Semantisierung des ersten Homonyms die kategoriale Bedeutung des Partizips erfasst und die Beschreibung des zweiten Homonyms alle hybriden semantischen Einheiten beinhaltet, deren Bedeutung über die kategoriale hinaus geht.

Любое лексикографическое описание языка должно соответствовать двум разнонаправленным запросам пользователя. С одной стороны, от словаря ожидается максимальная полнота, то есть фиксация и толкование как можно большего количества языковых единиц и явлений. С другой стороны, любая инвентаризация становится необозримой, если она не опирается на четкую классификацию и категоризацию описываемых явлений. Поэтому от лексикографического описания ожидается особая концептуальная целостность и последовательность. Каждая лексическая единица должна быть инвентаризирована в концептуально обоснованных и единых осях координат лингвистического описания. Однако очевидно, что многие языковые факты обладают разнохарактерными, подчас взаимоисключающими, особенностями, отличаются настолько большой полифункциональностью в речи и столь диффузными семантическими свойствами, что любая попытка поместить данный языковой факт в ячейку с четко очерченной лингвистической маркировкой неизбежно приведет к упрощению, а, следовательно, и искажению реальных языковых процессов. Подобная двойственная направленность лексикографического описания заставляет авторов словарей искать концептуальные компромиссы между стремлением «академически» унифицировать разнохарактерный языковой

---

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 160400219

факт и стремлением дать как можно более подробную «прикладную» картину его, нередко противоречивого, использования. Особенно это касается тех вопросов, на которые современное языкознание может предложить пользователю целый ряд взаимоисключающих ответов, то есть таких вопросов, которые были и остаются дискуссионными. Очевидно, что такая «вечная» дискуссионность не должна препятствовать лексикографированию в целом и выбору речевых решений пользователем в частности.

Поиск компромиссного решения естественным образом ставит вопрос о степени свободы лексикографа в выборе той или иной стратегии лексикографического описания. С одной стороны, автор словаря ограничен заданным форматом, то есть установленными заранее типологическими характеристиками издания. Этот набор характеристик лексикограф не вправе расширять или сокращать по своему усмотрению. Так, например, концепция академического двуязычного словаря предполагает наличие орфографического, фонетического, грамматического, структурно-семантического, стилистического, фразеологического и, при необходимости, других параметров. С другой стороны, несмотря на строгие заданные параметры, лексикографическое описание, как и любое другое описание языка, является субъективным. Причем субъективность здесь следует трактовать как проявление антропоцентризма в самом широком смысле этого слова. Лексикографическое описание не может быть абсолютно объективным за счет присутствия в нем, во-первых, личности лексикографа как мыслящего субъекта и, во-вторых, за счет ориентации словаря на пользователя. Субъективность как неотъемлемое свойство лексикографического описания и реализация свойственного ему антропоцентризма проявляется в отдельных сегментах словарной статьи в разной степени. Очевидно, что переводческой и иллюстративной зонам словарной статьи более свойственны субъективированные толкования, нежели, например, грамматическим пометам. Однако спорные случаи грамматической трактовки языковых фактов побуждают лексикографа к принятию той или иной традиционной точки зрения или к поиску некоего концептуального компромисса. В выборе новой грамматической пометы реализуется ментальный взгляд автора словаря на характер концептуальных разногласий и суть самого языкового факта, а следовательно, проявляется свойственное всем лексикографическим текстам качество – субъективность.

Одной из наиболее сложных для теоретического обобщения и лексикографической интерпретации грамматических категорий является причастие. Оно обладает двойственными лексико-грамматическими характеристиками, отличается большой структурно-семантической диффузностью и полифункциональностью. Особая сложность и разнохарактерность свойств этого языкового факта порождает

непрекращающуюся лингвистическую дискуссию, концептуальные результаты которой были и остаются противоречивыми. В современных грамматиках и монографиях, посвященных детальному рассмотрению частеречного статуса причастий, можно выделить два взаимоисключающих подхода и попытки объединить эти подходы в компромиссном решении: причастие или относят к системе глагола, или считают его частью системы имени прилагательного, или выделяют как самостоятельную часть речи. В рамках первого подхода грамматисты считают причастие вербоидом, то есть нефинитной глагольной формой, полагая, что наличие у причастия морфологических категорий рода и падежа не препятствует отнесению причастия к глагольным словоформам. Являясь нефинитной атрибутивной глагольной формой, причастие сочетает категориальные признаки глагола и прилагательного и объединяет значения действия и признака. В рамках второго подхода причастия относят к прилагательным. Так, например, В.В. Виноградов характеризует причастие как гибридную глагольно-прилагательную форму и помещает его после имени прилагательного. В попытках преодолеть слабости каждого из подходов некоторые исследователи предпочитают наделить причастие статусом самостоятельной части речи, обладающей особыми характеристиками в силу двойственности своей природы.

Наряду с работами, посвященными частеречному статусу причастий, существуют многочисленные исследования процесса адъективации (адъективизации, адъективирования) причастий, то есть лексикализации исходной причастной словоформы в функциональных условиях, свойственных имени прилагательному. Под лексикализацией понимается изменение категориального статуса и структурно-семантических характеристик слова, принадлежащего одной части речи, в результате его функционирования в синтаксических условиях, свойственных другой части речи. Очевидно, что об адъективации речь может идти исключительно в тех случаях, когда причастие рассматривается как грамматическая категория, относящаяся к системе глагола, или самостоятельная часть речи. Если же изначально рассматривать причастие как имя прилагательное, то вопрос об адъективации не стоит, а словоформы переходят «из процессуальной разновидности прилагательных в разряд качественных прилагательных» [Иванникова 1974, 303]. В данной статье не преследуется цель представить обзор возможных подходов к исследованию данной проблематики и решить проблему категориального статуса данного языкового явления. Обзоры возможных подходов и практических решений вопроса о частеречном статусе причастий приводятся в многочисленных диссертационных исследованиях и монографиях, посвященных данной грамматической категории. Однако даже беглое знакомство с наиболее значимыми из них позволяет сделать

вывод, что на данном этапе научного обобщения наличествующие теории отличаются противоречивостью, терминологической неоднородностью и перегруженностью. Такая своего рода дискуссионная избыточность существенным образом затрудняет лексикографирование причастий как в количественном, так и в качественном отношении.

Приведем несколько общих соображений, касающихся двойственной природы причастий и имеющих непосредственное отношение к их лексикографическому описанию. В современном немецком языке причастие второе обладает тремя различными функциями: входит в качестве неспрягаемой части в составные глагольные формы, используется атрибутивно и адвербиально. Функции причастия первого ограничиваются атрибутивным и адвербиальным употреблением. Вхождение причастия второго в состав глагольных форм, с одной стороны, и использование причастий в типичных атрибутивных позициях, с другой, обуславливают тот факт, что причастие находится в эпицентре действия двух разнонаправленных сил – лексикализации, то есть постепенного смещения и окончательного перехода причастных, то есть глагольных, словоформ в разряд прилагательных, и грамматикализации, опирающейся на использование причастий в глагольных формах и заставляющей причастие сохранять структурно-семантические характеристики глагола. Гибридная природа причастий, с одной стороны, способствует лексикализации словоформ в функциональных условиях, свойственных имени прилагательному, а с другой стороны, заставляет словоформу сохранять в своей семантической структуре значение процессуальности и темпоральной привязки. В семантике многих причастий происходит смещение акцентов то в сторону большей выраженности семантических компонентов, свойственных имени прилагательному и отражающих статичность и качественность признака, то в сторону таких компонентов, которые тесно связаны с их глагольностью и отражают процессуальность признака. Очевидно, что такая диффузная структура значения с трудом поддается объективизированному описанию, а следовательно, делает само описание отпричастных семантических образований зависимым от ментального видения субъекта. Именно такая двойственная природа причастий и заставляет исследователей находить аргументы как в пользу их глагольности, так и в пользу их адъективности, а противоречия обоих подходов порождают возможность трактовать причастие как самостоятельную часть речи.

Таким образом, «недостаточная теоретическая разработанность понимания природы причастия и процессов его переходности» является причиной того, что составители словарей не определили четких критериев подачи этого разряда слов в лексикографических изданиях [Сызранова 2012, 327]. Из трех выше обозначенных концептуальных подходов наименее

продуктивным для лексикографического описания представляется интерпретация причастий как глагольных форм. Строгая реализация такого подхода приведет к отказу от включения в словарь причастий как отдельных лемм, поскольку это противоречило бы лемматическому принципу лексикографического описания. Дело в том, что причастие, будучи интерпретированным как нефинитная глагольная форма, не может быть представлено как отдельная лемма и, соответственно, не подлежит семантизации. Именно поэтому различные словари вырабатывают свои компромиссные концептуальные решения, которые позволяют семантизировать причастие, соблюдая при этом лемматический принцип. Одно из таких решений получило широкое распространение в немецко-русской переводной лексикографии и представлено, в частности, в Большом немецко-русском словаре [НБНС 2008-2010]. В рамках этого решения словарная статья разграничивает различные функциональные условия употребления причастий, пользуясь понятием грамматической омонимии. Словарная статья, посвященная данной словоформе, фиксирует два функциональных омонима: причастие как нефинитную глагольную форму и его грамматический омоним «причастное», то есть отглагольное, прилагательное (*part adj*):

geschlossen I *part II* *om* schließen (sich) II *part adj* **1.** закрытый; замкнутый; eine ~e Bebauung рядовая застройка, застройка без промежутков; ~e Eröffnung закрытое начало (*шахматы*); eine ~e Kochplatte герметическая электроплитка; ~e Sammlung, ~er Bestand закрытый фонд (*не дополняемый новыми поступлениями*); ein ~er Satz *грам.* законченное предложение; eine ~e Silbe *фон.* закрытый слог; ein ~er Touristenzug специальный туристский поезд; ein ~er Vokal *фон.* закрытый гласный; eine ~e Vorstellung закрытый спектакль [сеанс] **2.** закрытый; сплоченный, сомкнутый; ~es Schussfeld *воен.* зона сплошного огня; ~ gegen das Projekt stimmen коллективно голосовать против проекта **3.** единый, цельный; eine (in sich) ~e Persönlichkeit цельная личность.

Подобный лексикографический компромисс имеет одно важное преимущество, которое заключается в том, что выделение первого грамматического омонима, то есть причастия второго, позволяет уделить внимание производящему элементу семантического деривата, то есть отглагольного прилагательного. Однако, наряду с этим преимуществом, в словарной статье наблюдается явный перекокс в сторону второго омонима. Первый омоним никак не семантизируется, грамматические пометы не позволяют сделать никаких выводов относительно использования данного причастия в атрибутивных функциональных условиях, поскольку значение причастия не выходит за рамки категориальной семантики причастной словоформы. Кроме того, подобный компромисс заставляет говорить об отдельном часте-

речном образовании – отглагольном («причастном») прилагательном. При этом эта грамматическая категория не отличается от категории собственно прилагательного ни парадигматически, так как выражает признак предмета, ни синтагматически, так как используется преимущественно как препозиционное определение. Естественным образом возникает вопрос, не ведет ли такой лексикографический компромисс к навязыванию пользователю информации, отражающей не реальное функционирование языковой единицы, а скорее один из этапов теоретического осмысления ее частеречного статуса.

Если соотнести данное лексикографическое решение с вопросами, сформулированными выше, вырисовывается следующая картина. Отражая дискуссионность языкового явления, лексикографическое описание не способствует более детальной семантизации данной лексической единицы, а лишь перегружает пользователя информацией о возможных субъективных представлениях языкового факта. Слово должно семантизироваться в словаре не только как синтагматическая единица: словарь призван выстраивать и парадигматические отношения семантизируемого слова со словами аналогичного частеречного статуса. Маркируя функциональный ономим причастия второго как некое частеречное образование *part adj*, словарь указывает лишь на источник семантической деривации, но не выстраивает парадигматическую ось со словами, принадлежащими к части речи прилагательное, маркированными как *a* (прилагательное). Однако ни значения, ни приведенные в словарной статье иллюстративные примеры не предоставляют информации об основании дифференциации *part adj* (отглагольное прилагательное) и *a* (прилагательное) ни на структурно-семантическом, ни на функциональном уровнях. Учитывая преимущественное употребление данных словоформ в функциональных условиях, характерных для имени прилагательного, было бы более целесообразным отказаться от указаний на источник семантической деривации в пользу включения данных слов в парадигматическую вертикаль имени прилагательного, то есть, маркируя их как *a*:

geschlossen I *part II om* schließen (sich) II *a*...

Подобные грамматические пометы, с одной стороны, более соответствуют прикладному характеру двуязычного переводного словарного издания и запросам реципиента и, с другой стороны, не наносят ущерб его концептуальной академичности.

Спорный момент, который возникает в связи с предлагаемой организацией грамматических помет, связан с вопросом адъективации причастий. Такой лексикографический компромисс трактует все функциональные ономимы подобного рода как прилагательные, то есть фактически констатирует переход причастий в разряд имен прилагательных. Рассмотрим возмож-

ные преимущества и недостатки подобного теоретического допущения для пользователя двуязычного переводного словаря.

Причастие является полифункциональным образованием и обладает гибридной категориальной семантикой, выражающей как признаковость, так и глагольность. Сам характер признаковости причастий также не является однородным. Определяемый причастием в атрибутивной функции предмет может характеризоваться как получивший новый признак в результате определенного воздействия на него, совершенного ранее, или в случае изменения состояния самого предмета, произошедшего ранее (в случае с атрибутивным употреблением причастий от предельных глаголов). Такой признак носит процессуальный характер и имплицитно некое состояние, в котором находился предмет до воздействия на него извне или до наступления нового состояния. Так, например, в словосочетании *aufgewärmtes Essen* значение причастия подразумевает наличие некоего предыдущего состояния, которое характеризовало предмет до воздействия на него. В словосочетании *warmes Essen* такое предыдущее состояние не имплицитно, а не процессуальному признаку. Аналогичным образом соотносится и значение словосочетания с причастием от предельного глагола *das erkrankte Kind* со значением словосочетания *das kranke Kind*. В примерах с прилагательными признак мыслится субъектом статично как не имеющий темпоральной соотнесенности. Именно смещение акцентов в семантической структуре слова с процессуальности на качественность признака и является основанием для констатации факта перехода причастия в разряд прилагательных, то есть его адъективизации. Грамматическая помета *part adj*, от которой мы предлагаем отказаться при лексикографировании причастий, не только является указателем на направление деривации, но и констатирует наличие остаточного процессуального признака в семантической структуре слова, то есть навязывает пользователю определенный ментальный взгляд на языковые факты, который, с нашей точки зрения, выходит за рамки естественного антропоцентризма лексикографического описания. Снабжение многих отрицательных семантических образований подобными лексикографическими пометами привносит в семантическую структуру слова ненужный компонент значения, который, если и присутствует в ней, то реализуется далеко не во всех контекстах.

Рассмотрим в качестве примера лексикографическое описание причастия *geschlitzt*:

geschlitzt I *part II* *om* schlitzen II *part adj* **1.** с разрезом, с прорезью; ~е Augen раскосые глаза; ~er Mantel [Rock] пальто [юбка] с разрезом **2.** *mex.* с выемкой, шлицованный

Лексикографическая помета *part adj* заставляет пользователя вычленять значение слова согласно направлению семантической деривации

schlitzen → *geschlitzt* (*part II*) → *geschlitzt* (*part adj*), то есть навязывает ему определенное направление ментального взгляда с конечным представлением о том, что в значении причастного образования *geschlitzt* доминирует процессуальный семантический компонент. Однако подобная семантизация не соответствует той структуре значения, которая зафиксирована в толковых словарях. Так, Duden [DUDEN] толкует значение глагола *schlitzen* как *mit einem Schlitz versehen*, то есть толкует значение действия через его результат. Следовательно, для более успешной семантизации отпричастного семантического образования *geschlitzt* в переводном двуязычном словаре не следует делать акцент на отглагольном направлении деривации, поскольку семантическая структура данной словоформы включает не процессуальный признак, а признак статичный. Иными словами, *geschlitzt* – это не ‘тот, которого разрезали’, а ‘с разрезом’, причем в семантической структуре причастия не имплицитруется предыдущее (неразрезанное) состояние. Перевод и иллюстративные примеры противоречат помете *part adj*, поскольку не содержат семантического компонента признака процессуального, а явно включают в деривационную цепочку имя существительное *schlitzen* ↔ *Schlitz* → *geschlitzt*. Может показаться, что помета *part adj* и не предполагает трактовки данного слова как исключительно причастия, подразумевающего процессуальный признак, однако само упоминание отглагольности («причастности») является лишним и не нужным пользователю, поскольку предмет не характеризуется через его отношение к действию. В семантической структуре описываемого слова отсутствует сема глагольности, а содержится сема признаковости относительного свойства, так как предмет характеризуется через его отношение к другому предмету (*Schlitz*). Слово *geschlitzt* может быть отнесено к разряду относительных прилагательных. Таким образом, лексикографическое описание данного слова может выглядеть следующим образом:

geschlitzt I *part II om* schlitzen II a 1. с разрезом, с прорезью; ~er Mantel [Rock] пальто [юбка] с разрезом; ~e Augen раскосые глаза 2. *mex.* с выемкой, шлицованный

В пользу такого оформления свидетельствуют и другие многочисленные причастия, образованные от нечастотных глаголов со значениями, близкими к терминологическим. Причастия узкоспециальных дискурсов, с точки зрения некоторых исследователей, не подвергаются адъективации, поскольку «адъективация – это процесс живого языка и не может протекать в такой искусственной, условной области языка, какой является терминология» [Калакуцкая 1971, 59]. Именно эта группа слов представляет особый интерес для заявленной проблематики, поскольку, исходя из этого теоретического соображения, подобные слова в словаре не могут быть снабжены пометой как имена прилагательные. Однако это допущение противоречит

фактам немецкого языка, в котором выделяется довольно обширная группа терминологически окрашенных отрицательных семантических образований, значение которых утратило семантический компонент признака процессуального в пользу признака статичного, то есть утратило темпоральный глагольный след в пользу качественности, лишенной всякой темпоральной привязки. Производящие глаголы таких причастий являются существенно менее частотными, чем однокоренное имя существительное. Значение таких глаголов, как и глагола *schlitzen*, трактуется как *'mit einem Merkmal versehen'*. Например, *geschindelt* 'черепичный, покрытый черепицей' образовано от производящей основы глагола *schindeln* 'покрывать черепицей'. Очевидно, что сам глагол является вторичным по сравнению с именем существительным *die Schindel* 'черепица' как с этимологической точки зрения, так и с точки зрения употребительности. Так, согласно корпусу DWDS [DWDS], на 356 случаев употребления существительного *die Schindel* приходится всего пять случаев употребления глагола *schindeln*. Значение слова *geschindelt* 'черепичный, покрытый черепицей' не подразумевает наличия предыдущего состояния 'не покрытый черепицей' и выражает понятие качества через отношение к определенному предмету – черепице (*die Schindel*), то есть как значение относительного прилагательного. Следовательно, *geschindelt* не должно классифицироваться как *part adj*, поскольку указание на глагольную производящую основу ничем не способствует семантизации и может направить ее по ложному пути. *Geschindelt* должно быть снабжено пометой *a* (прилагательное):

geschindelt I part II om schindeln II a крытый черепицей, черепичный

Аналогичным образом не содержат процессуального признака в своей семантике прилагательные *geschirmt* 'экранированный, с экраном', *gespundet* 'шпунтованный, со шпунтом', *gewölbt* 'выпуклый, сводчатый, со сводом', *gespornt* 'со шпорами', *gestielt* 'с ручкой', *gestempelt* 'со штампом', *gesprenkelt* 'в крапинках, с крапинками, пятнистый', *gestrichelt* 'штрихованный, со штриховкой; пунктирный', *gestuft* 'ступенчатый', *getäfelt* 'с панелями, обшитый панелями', *getrüffelt* 'с трюфелями', *getüpfelt* 'в точках, в крапинках', *gewalmt* 'двускатный', *gewandet* 'облаченный, в одеждах', *gewellt* 'волнистый, гофрированный', *gezackt, gezähnt, gezahnt* 'зубчатый, с зубцами' и т.д. Значения всех этих прилагательных объединяет отсутствие семантического компонента процессуального признака и наличие признака относительного, соотносящего характеристику не с действием, а с предметом.

Таким образом, группа таких семантических образований, которые вследствие своих узких, а отчасти и узкоспециальных значений, должны бы демонстрировать наименьшую склонность к адъективизации, демонстрирует обратное. Снабжение их грамматической пометой *a* (прилагательное)

вместо *part adj* (отглагольное, «причастное», прилагательное) не искажает языковой действительности. Грамматическая помета *a* указывает на доминирование в семантической структуре слова непроцессуального признака, то есть в должной мере способствует семантизации подобных слов.

Преимущества такого способа лексикографирования указанной группы слов подтверждаются также следующими соображениями. В немецком языке существуют слова, образованные при помощи префикса *ge-* и суффикса *-t*, то есть партиципальных словообразовательных элементов, но не от глагольной, а от именной производящей основы. Речь идет о таких псевдопричастиях, как *gesippt* 'связанный узами родства (с кем-л.), родственный (кому-л.)', *gesinnt* 'благонравный, вежливый', *gesockelt* 'цокольный, с цоколем', *geschwänzt* 'хвостатый, с хвостом (о животных, мифологических существах)', *geschweift* 'хвостатый (о небесных телах с метеорным следом)', *gespritet* 'с добавлением спирта', *gestirnt* 'усеянный звездами, в звездах', *gestromt* 'мраморный (об окрасе собак, кошек)', *getrost* 'спокойный, уверенный', *geviert* 'четырёхугольный, квадратный', *gezweigt* 'разветвленный', *gestaubt* 'посыпанный мукой' и т.д. Общей чертой таких слов является отсутствие однокоренного глагола, а следовательно, любого основания трактовать их как отглагольные прилагательные. К этой группе слов примыкают другие псевдопричастия, имеющие однокоренной глагол, который, однако, в силу своего значения и грамматических характеристик не может рассматриваться как исходная точка деривации. Так, например, прилагательное *getigert* соотносится с однокоренным глаголом *tigern*, который, согласно Duden и DWDS, имеет два значения. Первое – *mit einer an ein Tigerfell erinnernden Musterung versehen* – снабжено пометой *selten*. Ни в одном из корпусов не обнаруживаются примеры на употребление спрягаемых форм глагола в данном значении. Очевидно, что глагол *tigern* с соответствующей парадигмой спрягаемых форм существует в языке исключительно в значении *irgendwohin, zu einem oft weiter entfernten Ziel gehen, marschieren*, тогда как первое значение было выведено искусственным путем на основании существующего прилагательного *getigert*. Это прилагательное не может быть образовано от глагола *tigern* в единственном существующем значении, поскольку этот глагол обладает другой семантикой, не является переходным и не относится к глаголам перехода из состояния в состояние.

Аналогичные взаимоотношения с однокоренными глаголами, которые могли бы претендовать на роль производящих основ, но таковыми не являются, наблюдаются у целого ряда имен прилагательных с партиципальными словообразовательными элементами. Прилагательное *gestelzt* 'напыщенный, выпранный, высокопарный, ходульный' соотносится с непере-ходным непередельным глаголом *stelzen* 'ходить на ходулях, держать себя неестественно', который не может быть, согласно своим грамматическим

признакам, производящей основой. Очевидно, что производящей является именная основа существительного *die Stelze* ‘ходули’, что позволяет говорить об отсутствии всякого глагольного процессуального следа в структуре значения имени прилагательного *gestelzt*. Таким же образом соотносятся прилагательное *gestieft* ‘в сапогах’ с глаголом *stiefeln* ‘шагать, идти большими шагами’ и именем существительным *der Stiefel* ‘сапог’, прилагательное *gestreift* ‘полосатый’ с глаголом *streifen* во всех его значениях и именем существительным *der Streifen* ‘полоса’ и т.д.

Снабжение слов типа *geschlitzt*, *gewölbt*, *geschirmt*, *gestuft* и т.д. грамматической пометой *a* (прилагательное) позволит выстраивать парадигматические отношения с прилагательными типа *getigert*, *gestelzt*, *gestirnt*, *geschwänzt*, то есть с такими прилагательными, у которых отсутствует глагольная производящая основа. Построение парадигматических отношений в этом случае опирается на общую частеречную принадлежность на основании общего для всех слов такого рода категориального значения признака и функционирование в условиях, свойственных имени прилагательному.

Перейдем теперь к более многочисленной группе слов, лексикографирование которых вызывает особые сложности. Это отпричастные семантические единицы, образованные преимущественно от переходных глаголов, выступающие в типичных атрибутивных позициях и обладающие сложной семантической структурой, в которой, как правило, значение признака процессуального и признака статичного, непроцессуального представлены в разной степени. Максимальная степень выраженности второго признака является основанием для констатации лингвистами факта полной адъективизации причастия. Способность глагольной основы образовывать адъективированные причастия, то есть прилагательные, обусловлена несколькими факторами, главными из которых можно считать ее семантические свойства, например, многозначность производящего глагола и его употребление в переносном значении.

Среди таких причастий четко выделяется группа слов, в семантической структуре которых имплицитно не представлено наличие некоего предыдущего состояния, а, следовательно, утеряна семантическая составляющая процессуального признака в пользу признака статичного. Рассмотрим пример лексикографического описания слова *geschlossen*, приведенного выше. Все иллюстративные примеры, семантизирующие слово и предоставляющие информацию о типичных контекстах его употребления, свидетельствуют в пользу грамматической пометы *a* (прилагательное). Слово *geschlossen* имеет значения ‘закрытый, замкнутый, сплоченный, сомкнутый’, в которых не представлено остаточное значение действия, совершенного над объектом. Данные признаки мыслятся как статичные состояния или свойства. Так, например, *eine geschlossene Bebauung* ‘рядовая застройка,

застройка без промежутков’ – это не застройка, которая находилась изначально в другом состоянии и была позднее «застроена» («закрыта»); *eine geschlossene Kochplatte* ‘герметическая электроплитка’ – это бытовой прибор, которому изначально присущ признак герметичности; прилагательное *geschlossen* в словосочетаниях *eine geschlossene Sammlung* ‘закрытый фонд’ и *ein geschlossener Touristenzug* ‘специальный туристский поезд’ характеризует соответственно предметы ‘фонд’ и ‘туристский поезд’ не как объекты, над которыми было совершено некое действие. Аналогичные наблюдения очевидны и применительно к другим иллюстративным примерам (*ein geschlossener Satz* ‘законченное предложение’, *eine geschlossene Silbe* ‘закрытый слог’, *eine geschlossene Vorstellung* ‘закрытое представление’). Процессуальность признака, предполагающего наличие предшествующего состояния, тем более не просматривается в примерах с переносным значением слова, например, в словосочетании *eine geschlossene Persönlichkeit* ‘цельная [самодостаточная] личность’.

Аналогичную семантическую структуру обнаруживают и такие слова, как *geschieden* ‘разведенный’, *geschlechtsgebunden* ‘зависящий от пола’, *geschraubt* ‘напыщенный, натянутый, неестественный’, *gesetzt* ‘степенный, солидный’, *gespannt* ‘натянутый, напряженный’, *gesprachen* ‘устный, разговорный’, *gestaffelt* ‘ступенчатый, дифференцированный’, *gestählt* ‘крепкий, закаленный’, *gesteckt, gestopft, gespickt* ‘битком набитый’, *gesteigert* ‘повышенный, большой’, *gestellt* ‘постановочный’, *gestanden* ‘опытный, зрелый’, *gesucht* ‘изысканный, вычурный’, *gewachsen* ‘сложившийся, устоявшийся’, *gewiegt* ‘опытный, ловкий’, *gewinkelt* ‘изогнутый углом’, *gewitzt* ‘умный, опытный, хитроумный’, *gewunden* ‘извилистый, изогнутый; витиеватый’, *geziert* ‘жеманный, манерный, неестественный’, *gezwungen* ‘принужденный, натянутый, неестественный’ и т.д. Данная группа слов характеризуется полным отсутствием глагольного следа в семантической структуре, как, например, в случаях с прилагательными *gesetzt* ‘степенный, солидный’, *gestanden* ‘опытный, зрелый’, *gewitzt* ‘умный, опытный, хитроумный’, или его минимальным присутствием, как, например, у прилагательных *gesprachen* ‘устный, разговорный’, *gestaffelt* ‘ступенчатый, дифференцированный’, *gewunden* ‘извилистый, изогнутый; витиеватый’. Сокращение вплоть до полного исчезновения глагольного следа, то есть выраженной процессуальности и темпоральной зависимости признака, происходит не только благодаря активному употреблению производящего причастия в переносном значении, но также благодаря семантике самой глагольной основы, которая часто выражает не конкретное действие, а свойство или состояние или же отличается большой полисемией. В этой связи весьма красноречивым является попадание в такую группу прилагательных *gestanden* и *gesetzt*, если принять во внимание весьма богатую семантику производящих основ *stehen* и *setzen*.

Таким образом, снабжение вышеуказанных слов грамматической пометой *a* (прилагательное) не искажает языковой действительности, а отражает структурно-семантические характеристики этих слов.

Наиболее проблематичным, а, следовательно, требующим особенно пристального внимания, представляется лексикографирование слов, в семантической структуре которых глагольный след представлен в достаточной степени, то есть ощущается говорящим и должен быть отражен в переводе. Подобные слова составляют не самую многочисленную группу. Так, из 115 «причастий», полученных методом сплошной словарной выборки, к этой группе можно отнести всего 42 единицы, то есть около 37 %. Многие из них, помимо значения признака, являющегося результатом конкретного специального действия, развивают переносные значения. Их семантическая структура по мере развития переносных значений теряет глагольный след. Так, например, слово *geschmalzen* имеет следующие значения: 1. приготовленный с добавлением жира [смальца]; приправленный жиром [смальцем] 2. бав., австр. разг. смачный, сочный (напр. об *оплеухе*) 3. бав., австр. разг. неслабый (о крупной денежной сумме, напр. о *гонораре*, *ценах*). Очевидно, что глагольный след представлен в ощутимой степени только в первом значении. Во втором и третьем значениях семантический компонент процессуальности признака полностью отсутствует. Таким образом, только в первом значении слово может претендовать на статус *part adj*, то есть специфического частеречного образования с систематической реализацией семы процессуального признака. Однако даже в первом значении слово *geschmalzen/geschmalzt* практически утратило способность иметь при себе зависимые слова, то есть потеряло семантическую валентность производящего причастия. Следовательно, и в этом конкретном случае грамматическая помета *a* не затруднит, а облегчит семантизацию словарной единицы и характеристику ее употребления и не будет искажением языкового факта.

Аналогичным образом дело обстоит и с лексемой *gestaut*, имеющей значения 1. *tex., гидр.* запруженный, подпертый (напр. об *уровне озера*) 2. скопившийся, стремящийся вырваться на поверхность. Согласно словарной статье, второе значение иллюстрируется примерами *gestaute Aggressionen* 'накопленная агрессия' и *gestaute Emotionen* 'подавленные [сдерживаемые] эмоции'. Варианты перевода отпричастного семантического образования в его переносном значении отражают размытость глагольного следа, а само образование как в первом, так и во втором значении опять-таки утрачивает исходную причастную семантическую валентность, то есть употребляется как прилагательное без управляемого слова.

Семантическая структура и характер развиваемых значений слов, относящихся к группе с ощутимым глагольным следом, весьма неоднородны. В этой связи показательными являются значения отпричастного семантиче-

ского образования *gestochen*: 1. колотый 2. гравированный 3. (сверх)точный; аккуратный; резкий (о *фотографии*). Очевидно, что в отдельных значениях наблюдается различная степень выраженности глагольного следа. В третьем, переносном, значении семантический компонент процессуальности признака представлен минимально. Варианты перевода ‘сверхточный; аккуратный; резкий’ вообще не содержат и следа процессуальности и темпоральной обусловленности признака, значимых для пользователя. Означает ли это, что словарь в этом случае должен констатировать наличие еще одного функционального омонима? Ведь именно подобные примеры, возможно, заставят усомниться в преимуществах грамматической пометы *a* (прилагательное) перед *part adj* (отглагольное, «причастное», прилагательное). В этом случае словарная статья выглядела бы следующим образом:

gestochen I *part II* om *stechen* II *part adj* 1. колотый 2. гравированный III *a* (сверх)точный; аккуратный; резкий (о *фотографии*)

Подобная организация словарной статьи, возможно, и является наиболее точно отражающей языковую действительность. Однако примеры, иллюстрирующие отдельные значения, опять-таки свидетельствуют в пользу диффузности семантической структуры слова и невозможности четкого разграничения интересующих нас структурно-семантических характеристик. В этой связи представляется невозможным точное разграничение и фиксация в словаре лексико-семантических вариантов и/или функциональных омонимов с точки зрения степени присутствия или полного отсутствия в их семантике глагольного следа. Каждый конкретный пример употребления по-своему реализует потенциал семантической диффузности причастия, смещая акценты в сторону процессуального или непроцессуального признака. Переводной двуязычный словарь вынужден фиксировать отдельные значения при помощи перевода и иллюстративных примеров, каждый из которых по-разному отражает семантический потенциал лексикографируемого слова. Так, например, первое значение ‘колотый’ может иллюстрироваться примером *eine gestochene Wunde* ‘колотая рана’ и идиомой *glotzen [gucken] wie ein gestochenes Kalb* ‘установиться как баран на новые ворота’ (букв. установиться как теленок, которого режут); третье значение, маркированное в пробном варианте словарной статьи как функциональный омоним (прилагательное) благодаря полной адъективизации производящего причастия, можно проиллюстрировать примером *eine fein gestochene Note* ‘точно взятая нота’. Очевидно, что эти примеры отличаются различной степенью присутствия глагольного следа в структуре значения. ‘Колотый’ в словосочетании ‘колотая рана’ отражает скорее качественные характеристики раны, нанесенной колющим предметом, то есть скорее характеризует предмет как прилагательное, тогда как пояснительное слово ‘точно’ в словосочетании ‘точно взятая нота’ усиливает глагольный след и сближает прилагательное

с производящим причастием. Подобная путаница, обусловленная противоречиями между грамматическими пометами, сопровождающими функциональные омонимы, и иллюстративными примерами, недопустима в словаре и существенным образом усложняет усвоение словарной единицы пользователем. Именно отпричастные семантические образования отличаются большой пестротой и диффузностью, затрудняющей лексикографирование.

«Слово как единица речи в использовании или в определенном контексте имеет только одно значение и обычно выполняет только одну грамматическую функцию. Слово единица языка, или как словарная единица, относящаяся к определенной части речи, объединяет и содержит в себе в качестве потенции все свойственные ему в разных контекстах и случаях его использования значения и функции» [Аничков 1968, 126]. Следовательно, словарная статья должна предложить пользователю в качестве компромиссного такое лексикографическое решение, которое бы максимально полно отражало семантическую диффузность, лежащую в основе большого функционального потенциала отпричастных семантических образований. Использование в одной словарной статье, описывающей такую единицу, как грамматической пометы *part adj*, так и пометы *a*, как в приведенном выше пробном варианте, навязывает пользователю лишнюю концептуальную информацию и противоречит самой сути семантической диффузности отпричастного образования, сводя ее к простому набору разнохарактерных составляющих. Дело в том, что диффузность предполагает размытость, взаимопроникновение семантических компонентов, а не их механическое присоединение друг к другу. Учитывая неоднородный характер признаковости как категориального значения имени прилагательного, использование грамматической пометы *a* (прилагательное) является с нашей точки зрения более удачным компромиссным решением даже применительно к словам с осязательным глагольным следом. Рассмотрим, например, отпричастное семантическое образование *gesperrt*, в значениях которого присутствует процессуальный признак, имплицитно характеризующий предыдущее состояние характеризуемого предмета ‘закрытый, загороженный, перекрытый; заблокированный’. Однако степень присутствия этого признака по-разному проявляется в иллюстративных примерах *ein gesperrtes Konto* ‘заблокированный счет’ и *ein gesperrter Schwimmer* ‘дисквалифицированный пловец’. По-разному отражают степень присутствия глагольного следа приведенные варианты перевода (ср. ‘закрытый’ и ‘загороженный’). Отнесение отпричастного семантического образования *gesperrt* и аналогичных слов к разряду прилагательных имеет некоторые преимущества. Во-первых, это позволяет выстроить парадигматические отношения с другими именами прилагательными, в том числе отпричастного происхождения, (например, *geschlossen*), употребляемыми преимущественно в функции препозиционального определения.

Во-вторых, это позволяет отразить семантическую диффузность лексикографируемого слова с помощью разнохарактерных иллюстративных примеров и вариантов перевода. В-третьих, такое решение никоим образом не затруднит идентификацию собственно «причастных» словоупотреблений. Последние подразумевают вхождение данного слова в состав причастного оборота с реализованной глагольной валентностью, поскольку подобные словоупотребления относятся к системному и категориально обусловленному использованию причастий, а, следовательно, имплицитно относятся к той зоне словарной статьи, которая посвящена первому грамматическому омониму (*part II om spregen*).

Подобный лексикографический компромисс предполагает и существенное количественное сокращение словарных единиц причастного происхождения. Из словаря по возможности должны быть изъяты причастия, образованные от некоторых глаголов, обозначающих специальное действие, и имеющие только одно значение, полностью совпадающее с категориальным значением причастия как глагольной формы. Так, например, представляется нецелесообразным включать в переводной немецко-русский словарь отдельными леммами *gesprüht* ‘распыленный’, *gestrandet* ‘потерпевший кораблекрушение’, *getankt* ‘заправленный’, *getarnt* ‘замаскированный’, *geteert* ‘просмоленный’, *getauft* ‘крещеный’ и аналогичные слова на основании того, что их значения идентичны категориальному значению причастия как глагольной словоформы, а, следовательно, выводится из семантики производящей основы. Причастия с одним непереносным значением включать в словарь нецелесообразно, если только они не отличаются каким-либо интересным употреблением, как например, причастие *gestriegelt* ‘начищенный до блеска’, употребляемое, в частности, в составе идиоматического выражения *gestriegelt und gebügelt* ‘с иголки’.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предложенный способ лексикографирования отпричастных семантических образований является компромиссным и не должен отождествляться с попыткой решения вопроса о частеречной принадлежности причастий. Членение словарной статьи на два функциональных омонима (I *part II* от соответствующего глагола II *a*) отражает все словоупотребления причастия как в функциональных условиях, свойственных ему как глагольной форме, так и в функциональных условиях, свойственных имени прилагательному. Употребление собственно причастий в их грамматической функции и в функции препозиционального определения, в том числе и с зависимыми словами на основе глагольной валентности, отражено в первой части словарной статьи. Второй функциональный омоним *a* (прилагательное) охватывает те случаи словоупотребления, в которых лексикографируемая единица проявляет свои гибридные свойства и реализуется в значениях с разной степенью присутствия гла-

глагольного следа. Если значение первого функционального омонима не выходит за рамки категориального значения причастий и поэтому не требует ни перевода, ни иллюстративных примеров, то второй омоним отличается намного более богатой семантикой. Именно поэтому вторая часть словарной статьи требует и вариантов перевода, отражающих различную степень присутствия глагольного следа, и иллюстративных примеров, которые также должны способствовать семантизации отпричастного образования. Представленный подход также даст возможность отказаться от особого частеречного образования *part adj*. Эта грамматическая помета в немецко-русском переводном словаре является явно лишней и даже может ввести в заблуждение, поскольку отражает направление семантической деривации, а представленные варианты перевода и иллюстративные примеры часто документируют семантику лексикографируемой единицы как не имеющую глагольного следа. Информация о направлении деривации является лишней в словаре не этимологического, а двуязычного переводного статуса. Кроме того, подобный лексикографический компромисс позволит вывести отпричастные семантические образования за рамки глагольной обусловленности и включить их в общую парадигму имен прилагательных. Это является явным преимуществом, поскольку отпричастные семантические образования расширяют свою семантическую структуру и развивают новые значения, расширяя и дополняя именно семантические компоненты признаковости.

Приведенные соображения доказывают, что грамматические пометы, требующие поиска компромисса, являются одним из наиболее интересных примеров возможной субъективации лексикографического описания. С нашей точки зрения, поиск наиболее оптимального решения в подобных случаях должен производиться, исходя из прикладных интересов и удобства адресата. Понимание антропоцентризма как ориентации на адресата при создании словаря в данном случае реализуется за счет попытки максимально объективировать проявления субъективного взгляда лексикографов, который, в случае с пометой *part adj*, отражал не столько объективный результат научной дискуссии, сколько многочисленные точки зрения на ее современной стадии.

Литература

- Аничков И.Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной? // Вопросы теории частей речи. М., 1968. С. 116-129.
- Иванникова Е.А. О так называемом процессе адъективации причастий / Е.А. Иванникова // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 279-304.
- Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.

Сызранова Г.Ю. Субстантивированные причастные формы и проблема из лексикографирования // Вектор науки ТГУ. № 4 (22), 2012. С. 325-327.

Словари

НБНС – Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т.: около 500 000 лексических единиц / под общим руководством Д.О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008-2010.

DUDEN online [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duden.de/>

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Schindel>

Омонимия и проблемы разметки электронных корпусов¹

The paper considers theoretical and practical aspects of markup, with special focus on grammatical and lexical homonymy in dialectal corpora. Shortcomings of markup include applying to rich empirical data certain linguistic theories that cannot completely describe it. Thus, some valuable linguistic material in corpora may be hidden by the markup. Speaking about dialectal corpora as ones with especially rich markup, the author shows how it influences research possibilities.

Электронные корпусы предоставляют лингвисту эмпирическую базу, с помощью которой можно уточнять значение, способ функционирования и сферу использования языковой единицы. До появления корпусов для решения выше приведенных исследовательских задач требовалась бóльшая опора на собственную языковую интуицию, что могло приводить к искажению значения слов, к неадекватному отражению их реального употребления в языке, к слишком упрощённому пониманию (ср. [Granger 2003, 18]). Электронные корпусы предоставляют возможность сделать лингвистическое исследование более объективным, но насколько эта возможность будет использована, зависит от исследователя. Учёт корпусных данных ведёт к корректировке, а часто и к необходимости изменения тех гипотез и теорий, с которыми лингвист приступает к работе. Тем не менее, необходимо помнить о том, что и сами корпусные данные подвержены влиянию лингвистических теорий и могут исказить имеющийся языковой материал.

Под электронным корпусом в статье понимается «собрание текстов на данном языке, представленное в электронном виде и снабжённое научным аппаратом (разметкой)» [Плунгян 2005, 6]. Обе названные характеристики – электронная форма и наличие разметки – основное, что отличает электронные текстовые корпусы, с одной стороны, от текстовых (традиционных) корпусов, с другой стороны, от любого собрания текстов в электронной форме. Одной из ключевых характеристик корпуса является наличие в нём «реального» языкового материала, а не сконструированного непосредственно исследователем (ср. [Sinclair 1991, 171]). Разметка представляет собой ту информацию, которая вносится в

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-04-00119 «Исследование лексической омонимии в зонах взаимодействия языка и диалектов (на примере нижненемецкого ареала)»

тексты при их обработке. Характер этой информации зависит от цели, с которой составляется корпус. Например, возможны морфологическая, морфосинтаксическая, семантическая разметка и др. К первичной разметке, присутствующей практически в каждом корпусе, относят *токенизацию* (разбиение на орфографические слова), *лемматизацию* (приведение словоформ к словарной форме) и *парсинг* (синтаксический анализ).

Отношение к роли интуиции в исследовании, а также эмпирический либо рационалистический подход исследователя, во многом определяют отношение к разметке, или аннотированию корпусов. Проблема в том, что при аннотировании могут использоваться теории, игнорирующие эмпирические сведения. Е. Тонини Бонелли [Tognini Bonelli 2001] следующим образом поясняет это положение. Она подчеркивает, что многие теоретические и дескриптивные исследования изолированы от результатов корпусных исследований. Хотя исследователи отмечают, что корпуса могут быть использованы для проверки гипотез, не было серьёзного исследования, которое бы подтвердило главные теории. Эти теории вырабатывались в течение многих лет, проверялись интуицией исследователя и были очень абстрактными. Иными словами, возможный минус аннотации в том, что она применяет к богатому эмпирическому материалу корпусов теории, созданные без его учёта. Более верным видится изменение и корректировка теорий с помощью данных корпуса. Как подчеркивает С. Грис [Gries 2006, 4], для корпусной лингвистики характерно, что корпус является не просто базой примеров, из которых некоторые могут отрицаться; рассмотрению и анализу подлежат все примеры, обнаруженные в корпусе, даже если они не соответствуют изначальным гипотезам.

Лингвистические теории воздействуют на электронный корпус уже на этапе первичной разметки. Так, *токенизация* предполагает разбиение на орфографические слова. На этом этапе составители корпуса определяют свое понимание слова и его границ. Также выбирается, выделять ли в отдельные токены иные знаки, например, пунктуационные, что влияет на поисковые возможности исследователя. При *лемматизации* словоформы приводятся к словарной форме, после чего проводится их синтаксический анализ (*парсинг*). Для данных трех задач автоматической обработки текста с помощью современных технологий, в том числе нейронных сетей, были достигнуты высокая точность и полнота (ср. результаты нейронных сетей [Dozat, Manning 2017] и обученных разметчиков [Ragheb, Dickinson 2013]). Тем не менее даже на этом начальном этапе обработки текста возникают трудности с омоформами (при лемматизации), диалектными формами (при парсинге) и др.

Сложнее оказываются задачи по разграничению омонимов и определению значения многозначного слова, то есть соотношению

конкретной словоформы в конкретном тексте с одним из значений слова (WSD – word sense disambiguation). Омонимы, особенно если они относятся к разным грамматическим классам, поддаются автоматической обработке, в отличие от случаев, когда грамматический класс совпадает. Выделение значений многозначного слова – задача нетривиальная даже для лексикографа, не говоря уже об ее автоматическом разрешении. Существует несколько подходов к решению данной проблемы:

- 1) Машинное обучение с учителем (supervised machine learning)
- 2) Словарные методы (dictionary / knowledge-based methods)
- 3) Машинное обучение без учителя (unsupervised learning)
- 4) Смешанные методы машинного обучения (semi-supervised learning)

Кратко рассмотрим данные подходы:

(1) Машинное обучение с учителем подразумевает наличие семантически размеченного корпуса для обучения. На основе этого корпуса строится вектор лингвистически значимых признаков, характеризующих контекст слова. К этим признакам могут относиться словоформы или леммы, частеречные пометы, частоты слов. С самим контекстом можно работать как с коллокациями или как с «мешком слов»² (bag of words). Применяться могут классификаторы по типу Naïve Bayes и Decision List.

(2) Словарные методы предполагают наличие вручную создаваемых ресурсов, таких как словари и тезаурусы. Одним из востребованных ресурсов является WordNet. В данном случае релевантной является информация о значении слова в словаре, его тезаурусном классе, синонимическом ряде (аналог в Wordnet – synset). К этому же классу методов относятся методы контекстного пересечения (например, алгоритмы Corpus Lesk и Walker's algorithm): для определения значения слова берутся слова из его словарной дефиниции, из примеров в статье, гиперонимы и гипонимы. Таким образом получают «мешок» признаков. Алгоритм Corpus Lesk предполагает создание на основе этого шаблонов на сочетаемость. В алгоритме Уолкера окружение слова сравнивается с «мешками» признаков отдельных значений, вычисляется вес каждого из значений на основе контекстных слов и таким образом определяется наиболее вероятное значение данного слова в контексте. Сюда можно с некоторой долей условности отнести методы, базирующиеся на графах. По текстам больших объемов строится граф. В качестве узлов выступают слова. Ребрами выступают те слова, которые встретились вместе (например, в предложении или триграммах³). (По строению подграфа для

² Модель текстов на натуральном языке, в которой каждый документ или текст выглядит как неупорядоченный набор слов без сведений о связях между ними.

³ Последовательность из трех элементов, в данном случае – слов.

конкретного слова можно попробовать выделить различные значения слова, определить типичный для этих значений контекст и сравнить его с конкретным предложением, в котором употреблено слово.

(3) Машинное обучение без учителя не требует наличия трудоемких словарных ресурсов или размеченного корпуса, в отличие от (1) и (2), но и не дает высоких результатов: не все значения слова четко отделяются друг от друга.

(4) Смешанные методы машинного обучения подразумевают обучение на основе небольшого количества размеченных примеров. Новые примеры размечаются на основе обучения, и уверенно разрешенные примеры используются для нового обучения.

Над задачей снятия лексической омонимии работают как в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], так и в глубоко аннотированном синтаксическом корпусе Syntagus (подробнее в [Фролова, Цинман 2015]). В НКРЯ доступен поиск по семантическим признакам слова. К примеру, можно искать «лук как еда» или «лук как оружие». Однако по данному запросу находятся оба омонима. Данная система поиска по лексико-семантическим признакам основана на частичной семантической разметке текстов. Словам в тексте приписывается один или несколько семантических и словообразовательных признаков, например, ‘лицо’, ‘вещество’, ‘пространство’, ‘свойство человека’, ‘диминутив’, ‘отглагольное имя’ и др. При этом одно слово может попадать в несколько классов. Разметка текстов осуществляется автоматически с помощью программы Semmarkup (автор А.Е. Поляков) в соответствии с Семантическим словарем Корпуса. Семантическая омонимия в Корпусе не снимается, так как ручная обработка семантически размеченных текстов трудоемкая. Поэтому многозначным словам приписывается несколько альтернативных наборов семантических признаков. В НКРЯ входит также глубоко аннотированный синтаксический корпус [ГАК], который в расширенной форме существует и отдельно в виде корпуса Syntagus. В нем осуществлена полуавтоматическая лексико-синтаксическая разметка. Многозначным словам приписывается одно из значений, имеющих в комбинаторном словаре процессора ЭТАП-3. Обнаруженная лексическая многозначность разрешается синтаксическим анализатором (*парсером*) или лингвистом-экспертом при редакции. И.М. Богуславский [Boguslavsky 2014] указывает, что на данный момент в Syntagus не показывается конкретное значение слова, а только его лемма. Поэтому и лексическая неоднозначность разрешается только, если у неоднозначной словоформы имеются разные леммы и / или различные частеречные тэги. Если омонимы относятся к одной части речи, то омонимия не снимается. В новой версии корпуса планируется снабдить все омонимы и многозначные слова конкретными значениями.

При обработке диалектных текстов трудности возникают даже на первичном этапе. Особые сложности вызывает имеющаяся в текстах лексическая и грамматическая омонимия. Рассмотрим, какая разметка присутствует в ряде корпусов диалектных текстов, и какие дефициты удается обнаружить.

Диалектный корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) содержит на данный момент (12.2016) 197 текстов и 194283 токена. Каждый текст снабжается большим количеством метаразметки. В «паспорте текста» можно помимо стандартных параметров, таких как название текста, время создания текста и объем текста, найти информацию о регионе и месте записи, жанре, информацию о возрасте, годе и месте рождения, профессии информанта, а также о фонетических особенностях текста (например, о типе безударного вокализма после твердых согласных). Для ряда текстов доступна также аудиозапись. На основе этих параметров пользователь может создать подкорпус, который будет лучше соответствовать целям его исследования. Тексты подаются и в орфографизированном, и не орфографизированном виде в зависимости от того, в какой форме тексты были получены составителями корпуса (подробнее об унификации текстов в [Летучий 2005]). Поиск в корпусе осуществляется как по словоформе или лемме, так и по грамматическим и дополнительным признакам, а также их сочетанию. В грамматических признаках помимо стандартных категорий «часть речи», «падеж», «время» и др., есть «диалектная морфология», с помощью которой можно искать диалектные флексии, основы, суффиксы или диалектные формы. Диалектные особенности отмечены также для падежа, числа, времени, степени / краткости, переходности, для рода, одушевленности, залога, вида и типа словоизменения. В дополнительных признаках можно выбрать помимо прочего поиск несловарных форм. Для каждой словоформы в тексте доступны для просмотра лемма с ссылкой на словари, грамматические признаки словоформы и факультативно дополнительные признаки (подробнее о разметке в [Летучий 2009]). Данную информацию можно получить нажатием на конкретную словоформу в тексте. Неудобство для пользователя состоит в том, что нельзя в этом же окне просмотреть расшифровку используемых сокращений. И сами тексты, и отдельные токены снабжены большим количеством метаразметки, что делает данный корпус важным инструментом для изучения диалектов русского языка. В корпусе разметка осуществляется полуавтоматически. Транскрибированный текст переводится в орфографизированную форму, которая затем обрабатывается стандартным грамматическим анализатором. Далее в тексте вручную снимается грамматическая омонимия и отмечаются диалектные грамматические особенности лексем. Авторы проекта подчеркивают, что главное отличие Диалектного корпуса НКРЯ от других русских диалектных корпусов состоит в установке на

сплошную грамматическую разметку текстов [Качинская, Сичинава 2015, 157]. Несмотря на обилие разметки, лексическая омонимия в диалектных текстах в корпусе пока никак не отмечается.

Корпус [Nordic Dialect Corpus and Syntax Database] содержит записи, полученные в Дании, на Фарерских островах, в Исландии, Норвегии и Швеции. Записи сопровождаются транскрипцией, для прослушивания доступны аудиофайлы и, при наличии, видеозаписи. Для каждой словоформы в выдаче можно просмотреть лемму, фонетическую и грамматическую информацию. Данные по информантам доступны не для всех записей. В случае, если таковые имеются, доступны сведения о поле и возрасте говорящего, стране, регионе и месте его проживания, а также данные по объему записи и карта с указанием места проживания информанта. Метаразметка может быть использована для создания подкорпусов по требуемым параметрам. При задании поискового запроса помимо конкретной лексической информации (лемма, словоформа, сегмент слова) можно указать его желаемую частотность в корпусе (встречается один раз или больше / ноль или один раз / ноль или больше) и различные грамматические характеристики. Диалектные лексемы в корпусе дополнительно не размечаются.

Архив разговорного языка Института немецкого языка в г. Мангейм [DGD] содержит ряд корпусов, посвященных диалектам на территории Германии. Среди них «Немецкие диалекты: округ Бёблинген», «Диалекты ГДР», «Корпус Цвирнера» и др. Для корпусов имеется информация о времени, месте сбора материалов, принципах отбора информантов, а также о жанре представленных текстов. Корпусы отличаются друг от друга по степени проработанности: не везде все записи представлены в электронном формате и имеется электронная документация к записям и транскрипты. При двойном нажатии на искомую словоформу начинает проигрываться отрывок аудиозаписи. Текст транскрипта написан на стандартном немецком, в то время как аудиозапись является диалектной. Лексические, фонетические и иные диалектные особенности аудиозаписи в транскрипте не отражены.

В [FRED] представлено 370 записей на различных диалектах Великобритании. Записи охватывают девять основных диалектальных зон. Аудиозаписи с транскриптами, а также транскрипты с частичечной информацией в текстовом формате (.txt) доступны для скачивания. Также имеется интерактивная база данных [FRED. Interactive Database]. В ней осуществляется полнотекстовый поиск конкретных словоформ. Поиск по леммам и грамматическим характеристикам невозможен. Предоставляется информация о возрасте, поле и месте проживания информанта. Искать место, в котором встречается искомая форма в тексте, пользователю предоставляется самому. Пользователь может прослушать полностью аудиозапись (в случае ее наличия в доступе онлайн), посмотреть текст и скачать текст с разметкой. Корпус

нацелен скорее на изучение морфологии и синтаксиса региональных вариантов английского в Великобритании, поэтому фонетическим особенностям внимания не уделяется.

Для изучения национальных вариантов английского языка был создан корпус из веб-текстов [GloWbE], взятых с сайтов соответствующих регионов. Всего были получены данные по 20 национальным вариантам английского языка, среди прочего, США, Канады, Великобритании, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, Индии и т.д. В корпусе можно посмотреть употребительность искомого слова в разных странах, просмотреть контексты, в том числе расширенные, и метаданные (страна, название текста, источник). С точки зрения изучения диалектов интересна форма выдачи материала, делающая возможным удобное сравнение распространенности искомого слова в разных диалектальных зонах.

Н.В. Трубавина и Т.Н. Москвина [Трубавина 2013, Москвина 2014] описывают проект по созданию мультимедийного корпуса диалектных текстов российских немцев Алтайского края. В статьях, помимо прочего, обосновывается выбор программного обеспечения для планируемого электронного корпуса – программа EXMARaLDA, разработанная для построения и управления корпусов разговорного языка [EXMARaLDA]. Транскрипты в корпусе планируется представлять в «полуорфографической записи» – транскрипции, приближенной к орфографии современного немецкого языка с использованием нескольких специальных символов.

С пользовательской точки зрения, наиболее подходящим для изучения морфологических, фонетических и синтаксических особенностей диалектов среди рассмотренных корпусов представляется способ подачи информации в Диалектном корпусе НКРЯ. Тексты снабжены большим количеством метаразметки, благодаря чему возможен более точный поиск искомого явления с меньшим количеством неподходящего материала. Ценной для исследователя является возможность автоматического анализа диалектных особенностей текстов благодаря разметке диалектной морфологии.

Диалектный корпус скандинавских языков также снабжен богатой метаразметкой, однако его пользовательский интерфейс неудобен и отсутствует дополнительная разметка для диалектных лексем. Данные, собранные в [DGD] и [FRED], предоставляют лишь ограниченные возможности для поиска и минимум разметки.

Подведем некоторые итоги. Работа с текстами электронных корпусов открывает перед исследователем новые возможности, которые во многом определяются особенностями поискового движка, используемого в корпусе, и обилием разметки. Тем не менее исследователю необходимо помнить, что поисковый движок корпуса находит только ту лингвистическую информацию, которую решено было указать составителями корпуса и которую уви-

дел и снабдил соответствующим тэгом разметчик корпуса (автоматический анализатор и / или лингвист при мануальной обработке текста). Таким образом, в электронном корпусе исследователь видит языковой материал во многом через призму лингвистических теорий, которыми руководствовались составители.

Литература

Фролова Т.И., Цинман Л.Л. Современное состояние глубоко аннотированного корпуса текстов русского языка (СИНТАГРУС) // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. Т.6, 2015. С. 272-300

Качинская И.Б., Сичинава Д.В. Диалектный подкорпус сегодня // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – Т. 6. – Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 2015. – С. 142-162. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/download/85214822.pdf>

Летучий А.Б. Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009, с. 114-128. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/06.pdf>

Летучий А.Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005, 215-232. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/13letuchy.pdf>

Москвина Т.Н. Методы и подходы корпусной лингвистики в исследованиях семантики диалектной лексики // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. Стр. 1269. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/download/30079934.pdf>

Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. М.: Индрик, 2005. С. 6-20.

Трубавина Н.В. Текстовый Корпус немецких диалектов на Алтае: общие принципы построения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №373. Стр. 38-43. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/download/52242104.pdf>

Boguslavsky I. SynTagRus -a Deeply Annotated Corpus of Russian // Les émotions dans le discours. Emotions in Discourse. Eds. Peter Blumenthal, Iva Novakova, Dirk Siepmann. Peter Lang Edition, 2014, p. 367-381.

Dozat T., Manning C.D. Deep Biaffine Attention for Neural Dependency Parsing. ICLR conference paper, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://openreview.net/pdf?id=Hk95PK9le>

Granger S. The corpus approach: a common way forward for Contrastive Linguistics and Translation Studies? // Granger S., Lerot J., Petch-Tyson S. (Eds.): Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies. Amsterdam/New York, NY, 2003, 219 pp. P. 17-30.

- Gries St. T, Stefanowitsch A. Introduction // Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus-based Approaches to Syntax And Lexis (Trends in Linguistics: Studies and Monographs) (Trends in Linguistics. Studies and Monographs), 2006. P. 1-18.
- Ragheb M., Dickinson M. Inter-annotator Agreement for Dependency Annotation of Learner Language. Proceedings of the Eighth Workshop on Innovative Use of NLP for building Educational Applications. 2013. pp. 169-179. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aclweb.org/anthology/W13-1723>
- Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford University Press. 1991. 179 pp.
- Tognini Bonelli E. Corpus linguistics at work. John Benjamins Publishing, 2001. 223 pp.

Электронные корпуса

- Диалектный корпус НКРЯ*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-dialect.html>
- ГМК*. Глубоко аннотированный (синтаксический) корпус. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-syntax.html>
- DGD*. Datenbank für Gesprochenes Deutsch. [Электронный ресурс]. – URL: http://dgd.ids-mannheim.de/dgd/pragdb.dgd_extern.welcome
- FRED*. Freiburg English Dialect Corpus. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www2.anglistik.uni-freiburg.de/institut/lkortmann/FRED/>
- FRED*. Interactive Database. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fred.ub.uni-freiburg.de/>
- GloWbE*. The Corpus of Global Web-Based English. [Электронный ресурс]. – URL: <http://corpus.byu.edu/glowbe/>
- Nordic Dialect Corpus and Syntax Database*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tekstlab.uio.no/scandiasyn/>

Программное обеспечение

- EXMARaLDA*. [Электронный ресурс]. – <http://exmaralda.org/en/about-exmaralda/>

**Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика
как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском
языке¹**

The given paper focuses on the translational and linguocreative activity of the prominent Anglo-Saxon scholar Ælfric (ca. 955-1010) who was the first to translate Latin grammar into Old English. His grammar going back to “*Institutiones grammaticae*” by Priscian and “*Ars maior*” by Donatus, provides witness of the sound system, word stock and grammar features of both languages, and his terminology suits perfectly to serve the needs of Old English. Ælfric’s principles of linguistic description (typology of linguistic phenomena, contrasting analysis of language facts, domestication widely used in explanation of facts of the foreign language, etc.) are a unique example of an anthropocentric approach to the study of Latin in pre-Conquest period.

История языкознания знает немало случаев, когда научный труд, посвященный анализу некоторой языковой системы и выполненный на ином языке, одновременно становится и описанием последнего. Примером целенаправленного описания языка-объекта исследования при помощи метаязыка, который так или иначе также систематизируется, приобретая терминологический аппарат, может считаться «Латинская грамматика» англосаксонского монаха Эльфрика, написанная в конце X в.

Из всех трудов Эльфрика, считавшегося самым успешным автором конца англосаксонской эпохи, наибольшее значение для европейской лингвистической традиции, безусловно, имеет его «Латинская грамматика», составляющая вместе с глоссарием и разговорником комплексное пособие по изучению латинского языка. О ее распространении позволяют судить те факты, что она сохранилась в многочисленных списках, была хорошо известна в Англии и что благодаря ей ученый получил прозвище «Эльфрик Грамматик», или «Эльфрик Грамматист». Критическое издание «Грамматики» и глоссария осуществил немецкий лингвист Ю. Цупица в 1880 г. [*Ælfrics Grammatik und Glossar 1880*].

Обращение Эльфрика к латыни неудивительно: в эпоху почти безраздельного ее господства в областях религии, образования и, в целом, пись-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках коллективного гранта по проекту № 16-04-00373 “Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций”.

менной культуры владение ею является необходимым, и ученый настаивал на этом, разрабатывая принципы преподавания латыни в школах при монастырях (обязательное изучение латинского языка будущими священнослужителями было введено еще Альфредом Великим на столетие раньше). Однако, как указывает В.М. Алпатов, «единственный язык лингвистической традиции или ее вариантов, с одной стороны, не был материнским языком для всех, кто занимался его изучением, или по крайней мере для значительной их части. С другой стороны, этот язык был полностью освоен, его исследователь мог исходить не только из корпуса текстов, но неявно, а иногда и явно из своей собственной языковой интуиции, из ощущений носителя языка. Позиция лингвиста не могла быть ни в одной традиции отделена от позиции носителя языка. Даже если речь шла о толковании не совсем понятного текста, исследователь старался вжиться в текст, понять контекст, в котором употреблено неясное слово» [Алпатов 1999, 20-21]. Именно такой подход, характерный и для лингвистических исследований более позднего периода, присутствует в латинской грамматике Эльфрика (ок. 955-1010), монаха и церковного писателя конца англосаксонской эпохи.

Труд Эльфрика, полное название которого – «*Excerptiones de arte grammatica anglīce*», восходит к «Грамматике» Присциана, написанной в конце VI в. и считавшейся образцовой на протяжении практически всего Средневековья. В ряде мест Эльфрик обращается к более простой, но также популярной грамматике Доната. Все три книги обнаруживают значительную общность в плане организации материала, названий книг и глав и т.д. Последние исследования показывают, что Эльфрик переводил «Грамматику» непосредственно с анонимного трактата «*Excerptiones de Prisciano*», представляющего собой сжатое изложение книг Присциана и Доната [Excerptiones... 2002].

«Грамматика» Эльфрика складывается из ряда разделов, носящих латинские названия и представляющих собой изложение основ графики, фонетики, грамматики и (частично) риторики. Следующие за предисловием «*Incipiunt Excerptiones de arte grammatica anglīce*» разделы *De littera* «О букве», *De sillaba* «О слоге», *De diptongis* «О дифтонгах» посвящены проблемам графики и фонетики. Эльфрик демонстрирует смешение понятий звука и буквы, характерное для европейской языковой традиции вплоть до XIX в., а также неразличение звонких и глухих, сонорных и шумных, смычных и щелевых согласных, вполне объяснимое для уровня лингвистических знаний того времени:

Sodlice on lædenspræce synd preo and twentig stafas: a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, f, u, x, y, z. of ðām syndon fif vocales, þæt synd clypjenðlice: a, e, i, o, u. ðas fif stafas aetōwjað heora naman þurh hī sylfe and būtan ðām stafum ne mæg nān word bēon āwriten, and for ðī hī synd qvinque vocales

gehātene. tō ðisum is genumen se grēcisca y for intingan grēcisca namena, and se ylca y is on engliscum gewritum swīde gewunelic. ealle ða oðre stafas syndon gehātene consonantes, þæt is, samod swēgende: forðan de hī swēgaþ mit ðām fif clyppjendelicum. Donne bêoþ gyt of þām samod swēgendum sume semivocales, þæt synd healfclyppjende; sumo syndon mvtæ, þæt synd dumbe. Semivocales syndon seofan: f, l, m, n, r, s, x. þās syndon healfclyppjende geeigede, forðan de hī nabbað fulle clypunge, swāswā ðā qvingve vocales. <...> þā oðre nigon consonantes synd gecwedene mvtæ, þæt synd dumbe. hī ne synd nā mid ealle dumbe, ac hī habbað lytle clypunge. þa synd : b, c, d, g, h, k, p, q, t [Ælfric 1880, 5-6, по техническим причинам циркумфлекс, используемый в издании Цупицы для обозначения долготы гласных, заменен в отдельных случаях макроном]. ‘В латинском языке двадцать три буквы: a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, f, u, x, y, z, из них пять vocales, то есть гласных (буквально: «звучащих»). Эти пять букв называются так, как есть, и без этих букв не может быть написано ни одно слово. Так называются пять гласных букв. К ним следует причислить греческое у (игрек) для греческих слов, и это же у вполне обычно в английской письменности. Все остальные буквы называются consonantes, то есть согласные (буквально: «созвучные»), потому что они звучат вместе с гласными. Некоторые из этих согласных являются semivocales, то есть полугласными, а некоторые – mvtæ, то есть немymi. Полугласных семь: f, l, m, n, r, s, x. Они называются полугласными, потому что не имеют полного звучания, как [вышеназванные] пять гласных <...> Остальные девять согласных называются немые. Они не совершенно немые, но у них малое звучание. Это: b, c, d, g, h, k, p, q, t’ (здесь и далее перевод на русский язык наш – Е.Я).

Собственно описание грамматического строя латинского языка начинается с предисловия «Praefatio de partibus orationis», в котором Эльфрик, следуя античной традиции, выделяет восемь частей речи: имя, объединяющее существительное и прилагательное, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог и причастие [Там же, 6, 8]. Определения части речи весьма любопытны: *nomen is nama, mid ðam we nemnað ealle ðing ægder gē synderlice gē gēmænelice* ‘nomen – это имя, которым мы называем всякие вещи, или же единственные в своем роде, или же общие (классы вещей)’; *verbum is word, and word getācnað weorc, oððe drōwunge oððe gefaþunge* ‘verbum – это глагол (буквально: слово), а глагол означает работу, страдание или терпение (в последних двух случаях речь идет, конечно, о способности субъекта претерпевать какое-либо воздействие, т.е. вводится косвенное указание на залоговые различия); <...> *participium ys dæl nimend. hē nymð ānne dæl of naman and oðerne od worde, of naman he nymð casus, þæt is, declining, and of worde hē nymð tide and getācnunge, of him bām hē nymð getel and hīw* ‘participium – это причастие (буквально: принимающее часть). Оно берет одну часть от имени, а другую – от глагола. От имени оно берет casus, то

есть склонение, а от глагола оно берет время и обозначение, а от них обоих оно берет число и вид' [Там же, 8-9]. Другие разделы «Грамматики» посвящены грамматическим категориям рода, числа, времени, наклонения, залога, вида, склонениям существительных, разрядам местоимений, глагольным спряжениям, отложительным и дефективным глаголам, служебным частям речи и др.

Излагая латинскую грамматическую систему, Эльфрик лишь изредка прибегает к принципу контрастирования: *ys êac tô witenne, þæt hî bêod oft ôðres cynnes on lêden and ôðres cynnes on englisc. Wê cwedað on lêdyn hic liber and on englisc þêos bôc; eft on lêden haec mulier and on englisc ðis wif, nâ ðêos; eft on lêden hoc iudicium and on englisc ðes dom, nâ ðis*. 'Следует знать, что существительные часто бывают одного рода в латинском языке и другого рода – в английском. Мы говорим по-латински *hie liber*, а по-английски *þêos bôc* (ж.р.); по-латински *haec mulier*, а по-английски *ðis wif* (ср.р.), а не *ðêos*; по-латински *hoc iudicium*, а по-английски *ðes dom* (м.р.), а не *ðis*' [Там же, 18-19].

Межъязыковые различия проявляются особенно сильно в глагольной системе. Иллюстрируя темпоральные значения латинских глагольных форм средствами английского языка, Эльфрик вынужден использовать лексические маркеры – наречия времени, так как в глагольной системе древнеанглийского, как и других древнегерманских языков, присутствуют лишь две временные формы – презенса и претерита: *amo – ic lufige* 'я люблю', *atabam – ic lufode* 'я любил', *amaui (amavi) – ic lufode fulfremedlice* 'я совершенно полюбил', *amaueram (amaveram) – ic lufode gefyrn* 'я раньше любил', *amabo – ic lufige gyt tô dæg oððe tô merjen* 'я еще люблю сегодня или буду любить завтра' [Там же, 130-131]. Хотя в английском языке X в. сочетания – зародыши аналитических форм будущего времени, перфекта, плюсквам-перфекта, пассивного залога уже нередки и сам Эльфрик регулярно использует их, например, в своем переводе Ветхого Завета, он намеренно избегает их в «Грамматике». Цель Эльфрика, замечает В.Ло, не в создании системы параллельных латинских и английских форм, а в экспликации латинского материала [Law 1987, 61].

Безусловной заслугой Эльфрика является разработка им терминологического аппарата метаязыка. Лингвистическая терминология Эльфрика весьма разнообразна и включает:

– собственно латинские заимствования: *part* < лат. *pars* 'часть (речи)', *casu* < лат. *casus* 'падеж', *declinung* < лат. *declinatio* 'склонение', *dyptongon* < лат. *dyptongus* 'дифтонг';

– семантические кальки латинских терминов: *cynn* (лат. *genus*) 'род', *gemet, hâd* (лат. *modus*) 'наклонение', *hîw* (лат. *species*) 'вид', *getel* (лат. *numerus*) 'число', *tîd, tîma* (лат. *tempus*) 'время', *sweg* (лат. *accentus*)

‘ударение’, *gebigeð* (лат. *obliquus*) ‘косвенный (падеж)’, *stemn* (лат. *vox*) ‘злог’;

– кальки – поморфемные переводы латинских дериватов и композитов: *andwerd* (лат. *praesens*) ‘презент’, *dælnimend* (лат. *participium*) ‘причастие’, *getâcnung* (лат. *significatio*) ‘обозначение’, *menigfeald* (лат. *pluralis*) ‘множественный’, *wêrlíc* (лат. *masculus*) ‘мужской’, *wiflic* (лат. *femininus*) ‘женский’;

– описательные выражения: *ælc ofer nama* (лат. *appellativum*) ‘апеллятив’, букв. ‘любое другое имя’, *ða ðe cumað of oðrum namum* (лат. *derivativus*) ‘производное’, букв. ‘то, что происходит от другого имени’, *se ðridde stæpe* (лат. *superlativum*) ‘суперлатив’, букв. ‘третья степень’ и др. Общая характеристика терминов, созданных или используемых Эльфриком, приводится в [Gneuss 1989; Law 1993; Chapman 2010; Kastovsky 2011 и др.]

Описывая грамматический материал, Эльфрик касается попутно и проблем словообразования, приводя дериваты отдельных единиц и эксплицируя серийность как латинских, так и древнеанглийских словообразовательных элементов: лат. *mater* – др.-а. *môdor* ‘мать’, лат. *maternus* – др.-а. *môdorlic* ‘материнский’, лат. *frater* – др.-а. *brôðor* ‘брат’, лат. *fraternus* – др.-а. *brôðorlic* ‘братский’, также: лат. *ferrum* – др.-а. *îsen* ‘железо’, лат. *ferreus* – др.-а. *îsen* ‘железный’, лат. *aurum* – др.-а. *gold* ‘золото’, лат. *aureus* – др.-а. *gylden* ‘золотой’, лат. *argentum* – др.-а. *seolfor* ‘серебро’, лат. *argenteus* – др.-а. *sylfren* ‘серебряный’, лат. *stagnum* – др.-а. *tin* ‘олово’, лат. *stagneus* – др.-а. *tinen* ‘оловянный’, лат. *aes* – др.-а. *bræs, âr* ‘медь’, лат. *aeneus* – др.-а. *bræsen, æren* ‘медный’, лат. *plumbum* – др.-а. *lêad* ‘свинец’, лат. *plumbeus* – др.-а. *lêaden* ‘свинцовый’ и т.д. [Ælfric 1880, 15].

За исключением сведений о латинском стихосложении, «Грамматика» Эльфрика носит выраженный практический характер. Стремясь к доступности изложения, Эльфрик вводит в отдельные примеры, заимствованные у Присциана, обозначения местных реалий, ремесел, известных англосаксам, и т.д., утверждая, таким образом, принцип доместикации: *cudo – ic smidige* ‘я кую’, *auro – ic ofergylde* ‘я покрываю позолотой’ [Там же, 211-213]. При этом в «Грамматике» хорошо заметна усиленная христианизация примеров, сказывающаяся, в частности, в замене античных имен на имена библейских персонажей, цитировании библейских стихов или отсылке к библейским событиям: *tunc dixit Iesus – þâ sæde se hælend* ‘и сказал Иисус’ [Там же, 237], *pious et fortis fuit David rex – ârfæst and strang wæs David cyning* ‘благочестивым и сильным был царь Давид’ [Там же, 258], *heu mihi, domine, quia peccavi nimis in uita mea – wâ is mê, drihten, forþan ic syngide swiðe on minum life* ‘горе мне, господи, за то, что я много грешил в жизни своей’ [Там же, 278].

Интерес ученого к лексике, столь ярко проявившийся при разработке им лингвистической терминологии, характерен и для глоссария.

Сохраняя целостную структуру, «Грамматика» Эльфрика не лишена ряда погрешностей. Иллюстративный материал заимствован главным образом из Присциана или заменен выдержками из христианских авторов; именные и глагольные парадигмы как таковые не приводятся, вместо них идет последовательное, но пространное описание. Как указывает В. Ло, в методическом плане пособие Эльфрика создает определенные неудобства, так как не предполагает изучение латинского языка с нуля: приступающий к чтению книги уже должен владеть начальными знаниями латинской грамматики. Однако на промежуточном этапе книга могла бы быть вполне полезной, подготавливая учащегося к непосредственному освоению грамматик Доната и Присциана [Law 1987, 53-54].

По мнению Ю.А. Клейнера, «анализ «Грамматики» с очевидностью показывает, что она строится по единому и во многом нетрадиционному плану. Поскольку латынь не была родным языком Эльфрика, он, естественно, опирался на труды римских грамматиков. Однако в его книге мы находим достаточно оригинальных суждений, позволяющих считать ее самостоятельным, хотя и компилятивным научным сочинением. Отрывки из Доната и Присциана – не более чем цитаты, точность перевода которых лишний раз подчеркивает мастерство Эльфрика как переводчика и лишний раз указывает на самостоятельность его собственных рассуждений. Книга Эльфрика во многом напоминает современные описания тех или иных языков, также в значительной степени компилятивные» [Клейнер 1985, 74].

Все вышесказанное позволяет считать, что «Грамматика» Эльфрика не является собственно переводом. Говоря в предисловии о своей попытке перевести Присциана, Эльфрик лишь следует принципам средневековой культуры, в которой автором является не только непосредственный сочинитель текста, но и его переписчик, переводчик, редактор. При этом повышается и роль переводчика, который становится проводником прецедентного текста в новую культуру, что приобретает не меньшую важность, чем собственно авторство. Об этом писал еще несколько десятилетий назад А.Д. Швейцер, указывавший, что «процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [Швейцер 1988, 14].

Созданный именно таким образом текст Эльфрика является в высшей степени антропоцентричным. Ориентированный на англосаксонского читателя, он сообщает ему сведения о латинском языке, преломленные сквозь призму древнеанглийского языка. Потенциальный читатель Эльфрика – молодой образованный англосакс, будущий священнослужитель, носитель христианских ценностей – приобретает новые знания, оставаясь в рамках своей культуры; в его картине мира выстраивается ряд новых концептуаль-

ных областей, элементы которых получают преимущественно древнеанглийские обозначения.

«Грамматика» Эльфрика не является единственным грамматическим сочинением, созданным в средневековой Европе. Почти одновременно с ней был написан пространный трактат Бюрхферта (Byrthferth), в котором, помимо прочего, рассматриваются и некоторые вопросы номинации. Автор трактата назвал свой труд учебником (“Manual”), хотя использование его в учебных целях сомнительно. В древневерхненемецком переводе латинской версии трактата Аристотеля “De interpretatione” («Об истолковании»), выполненном Ноткером в X в., также поднимаются вопросы номинации, обсуждается соотношение знака и предмета, приводятся семантические характеристики частей речи; остальные проблемы, в частности, истинность и ложность высказывания, решаются с позиций философии и логики. Позже, в XIII в., появляются четыре древнеисландских грамматических трактата, посвященные фонемному составу исландского языка того времени, орфографии, фигурам речи. «Грамматика» Эльфрика отличается от этих трудов своим смешанным, оригинально-переводным характером, широким охватом языкового материала, систематичностью, богатой иллюстративностью и, главное, обращенностью к читателю, умением вводить информацию, становясь на позиции аудитории и используя попеременно то один, то другой культурно-языковой код.

«Грамматика» Эльфрика оставила важный след в истории европейской лингвистической традиции. Она использовалась по меньшей мере до Нормандского завоевания, пока новая эпоха не наложила на несколько столетий полный запрет на использование английского языка в официальной сфере. Хотя научные достижения Эльфрика формально не имели продолжения, принципы, применяемые им в грамматическом описании (типологизация языковых явлений, контрастирование материала несходных языков, доместикация иллюстративного материала и др.) обнаруживаются и в современных лингвистических исследованиях.

Литература

- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. Уч. пособие. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Клейнер Ю.А.* Латинская грамматическая традиция в Англии VII-XI вв. (Беда, Алкуин, Эльфрик) // История лингвистических учений. Средневековая Европа. М., 1985. С. 62-76.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Charpman D.* Uterque Lingua / Ægðer Gereord: Ælfric’s Grammatical Vocabulary and the Winchester Tradition. The Journal of English and Germanic Philology / Vol. 109, No. 4 (October 2010). Pp. 421-445.

Excerptiones de Prisciano. The Source for Ælfric's Latin-Old English Grammar. Ed. by D.Porter. Cambridge: D.S.Brewer, 2002.

Gneuss H. The Study of Language in Anglo-Saxon England. The T. Northcote Toller Memorial Lecture delivered in the John Rylands University Library of Manchester on 6 March 1989. Bulletin John Rylands Library, 1989 (single print).

Kastovsky D. Translation Techniques in the Terminology of Ælfric's Grammar: Semantic Loans, Loans Translations and Word-Formation // Merja Kytö, John Scahill and Harumi Tanabe (eds.), Language Change and Variation from Old English to Late Modern English. Series: Linguistic Insights: Studies in Language and Communication. Vol. 114. Bern: Peter Lang, 2011. P. 163-174.

Law V. Anglo-Saxon England: Aelfric's «Excerptiones de arte grammatica anglice» // Histoire Épistémologie Langage. 1987. Vol. 9. № 9. 1. Pp. 47-71.

Law V. The Historiography of Grammar in Early Middle Ages // History of Linguistic Thought in Early Middle Ages. Ed. by V.Law. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993. Pp. 1-24.

Источник

Ælfrics Grammatik und Glossar. Hg. von J.Zupitza. Erste Abteilung: Text und Variante // Sammlung Englischer Denkmäler in kritischen Ausgaben. Bd. 1. Berlin, 1880.

Мотивы переводческого решения при передаче предикативности: русский и английский языки

The paper focuses on one of the most structurally relevant features of the Russian language which is essential translation-wise – a noun group made up of two nouns, one of them being a de-verbal noun which retains original predicativity. The author suggests a translation strategy based on restructuring of the syntactic structure of the noun group and the sentence. The strategy enables the translator to find a workable solution in dealing with this specific feature of Russian.

1. Введение

В настоящее время в теории перевода активно разрабатываются нетривиальные переводческие проблемы, связанные с определением «частных» структурно-значимых особенностей сопоставляемых языков в *переводческой* перспективе. Выявление таких особенностей позволяет системно представить и выстроить корреляции между ними и в конечном итоге помочь переводчику принять адекватное переводческое решение. В этой связи см., например, анализ переводческих проблем У. Эко, работы по теории перевода Н.К. Гарбовского, Е.В. Бреуса и Д.И. Ермоловича с фокусом на конкретных межъязыковых преобразованиях [Эко 2006; Гарбовский 2007; Бреус 1998; Ермолович 2014], монографию [Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий 2014], равно как и работы активно практикующих переводчиков – например, П.Р. Палажченко [Палажченко 2013]. См. также статьи, публикуемые в журнале переводчиков «Мосты», издаваемом с 2004 г., системно исследующие конкретные переводческие проблемы.

Одной из самых структурно-значимых особенностей русского языка в переводческой перспективе является, например, проблема передачи предикативности – в этой области хорошо изучены переводческие трансформации перевода русских причастных, деепричастных оборотов или, напротив, английских субъектных и объектных инфинитивных оборотов или причастных оборотов. Эти трансформации системно представлены в учебных пособиях по грамматике и переводу, тогда как вторичная предикативность, представленная в отглагольных существительных, скрытая предикативность в предлогах или системная корреляция между русскими предикатами действия и английскими предикатами состояния изучены в меньшей степени.

В данной статье предлагается анализ способов перевода вторичной предикативности в семантике русских отглагольных существительных: обо-

сновывается мотивировка принятия переводческого решения в случае с

– именной группой (ИГ), в составе которой содержится отглагольное существительное, причем ИГ выполняет различные функции – подлежащего, дополнения, определения и др.;

– ИГ с семантически «пустым» отглагольным существительным;

– ИГ с существительными, вносящими информацию об изменении размера – типа *рост*, *понижение* или о возникновении, появлении объекта или события – например, *возникновение конфликта*;

– ИГ со словами типа *причина*, *место*, *время*.

В качестве материала для исследования выбраны примеры перевода с двуязычных сайтов, а также примеры из переводческой практики автора.

2. Русские отглагольные существительные в переводческой перспективе

Отглагольные существительные обычно классифицируются как абстрактные (см. [Сулейманова 1987; Грамматические аспекты перевода 2010]) – речь идет об абстрагированности от протекания во времени описываемого действия: действительно, глагол представляет действие как лежащее на оси времени, тогда как отглагольное существительное представляет его уже как предметную сущность, ср. *шуметь* – *шум*, где действие *шум* представлено абстрагированным от реального протекания во времени. Вместе с тем, существительное сохраняет часть предикативности (например, способность управлять существительным, использоваться с указателями длительности – *во время шума* и др.), степень выраженности которой может изменяться при переходе от языка к языку. Например, полнопредикативное предложение может переводиться как такое же полнопредикативное предложение, но может принимать вид причастного или деепричастного оборота или даже отглагольного существительного. При этом, как справедливо отмечает Г.Я. Солганик, «для стилистического облика текста немаловажное значение имеет соотношение частей речи» [Солганик 2006, 156]. Действительно, тот факт, что абстрактные понятия обозначаются в одном языке скорее глаголами, а в другом – существительными, не может оставаться незамеченным [Балли 2003, 85]. Так, для русского языка свойственно использовать отглагольные существительные в большей степени, чем для английского [Бреус 1998]. Интересно, что в известной дискуссии начала 20 годов XX в. между Г.О. Винокуром и А.М. Пешковским по вопросу о частотности отглагольных существительных высказывалось мнение о том, что их неумеренное использование ведет к засилью канцеляризм, которого нужно избегать (А.М. Пешковский – «Назад к глаголу», 1925 – цит. по [Солганик 2006, 157]). Тем не менее, оппозиция имя-глагол в современном русском языке все-таки часто решается в пользу имени. В этом смысле

можно говорить, что отглагольное существительное (как и неличные формы глагола – инфинитив, причастие, герундий) представляет собой «ослабленную», вторичную (редуцированную) предикативность. При этом природа абстрагированности в семантике отглагольных существительных иная, чем, например, у собирательных существительных или родовых. Иная и стратегия перевода, которая в целом направлена на устранение этой абстрагированности, редуцированной предикативности и ориентирована на разворачивание ее в полноценную предикативность, то есть глагол-предикат, ср., например, *Пока не вполне ясны причины падения курса евро – We do not know yet why the euro (exchange rate) fell so dramatically*, где отглагольное существительное разворачивается в предикат в составе придаточного предложения образа действия.

3. Перевод ИГ с отглагольными существительными

Перевод таких ИГ, в составе которых содержатся отглагольные существительные, переводчик начинает с предпереводческого анализа текста и определения функции ИГ, после чего вырабатывает стратегию перевода. В работе Е.В. Бреуса предложены убедительные алгоритмы принятия решения на основе учета функции ИГ [Бреус 1998, 34-43]. Интерес представляют также частные случаи с особыми классами существительных, например, с семантически «пустыми» существительными в составе ИГ – так, в высказывании *Заключение контракта позволит нам доставлять товары в срок* существительное *заклучение* в принципе избыточно. (Действительно, документ имеет силу контракта только после его подписания, в противном случае он называется проектом контракта.) При переводе на английский язык переводчик опускает это избыточное существительное – *The contract will let us deliver goods on time*. То же самое существительное – *заклучение* – в составе той же ИГ (*заклучение контракта*) может быть и семантически не «пустым», и в таком случае его нельзя опустить при переводе, ср.: *Заклучение контракта оказалось очень сложным процессом / заняло почти год*, где предложение теряет смысл без этого существительного, которое должно быть соответственно сохранено при переводе – *Signing the contract took us a year*.

ИГ, содержащие слова, обозначающие изменение размера или качества объекта, обычно переводятся прилагательными в сравнительной степени. Слова типа *появление / возникновение* в составе такой ИГ также часто переводятся при помощи прилагательного *new* (в положительной степени). В случае если в состав ИГ включены указания либо на величину изменения – например, *5% рост ВВП*, или *увеличение продолжительности жизни на 10 %*; либо на дополнительную характеристику, выраженную прилагательным – *резкий рост уровня жизни*, отглагольное существительное сохраняет свою частеречную принадлежность *a 5% growth of GDP, 10 % growth of life*

expectancy.

ИГ, выражающие категории пространства, времени, причинности при помощи слов типа *причина, место, время*, представляют особый интерес в переводческой перспективе. Нужно сказать, что категории пространства, времени, причинности с древних времен интересовали философов и получали разнообразные интерпретации, определяемые в значительной степени философскими течениями, к которым принадлежал тот или иной философ. Так, пространство интерпретировали как образуемое совокупностью представленных в нем объектов (множество) – например, Г. Лейбниц, или как вмещище объектов – Р. Декарт. Для интерпретации языковых явлений метапонятие пространства оказалось чрезвычайно продуктивным – оно позволяет описать не только значение многих слов, но и ряд синтаксических структур (например, безличные модели типа *В комнате пахнет яблоками, У меня сумбур в голове, У него звенело в ушах, Над головой гудело, или У него вырезали аппендицит*). Такая высокая описательная сила и объяснительный потенциал данного метатермина позволяют с уверенностью говорить о том, что обозначаемая им категория представляет собой объективную реальность, она действительно служит основой категоризации мира человеком.

Исследования по переводу русских отглагольных существительных в функции определения на английский язык позволили обнаружить ряд особенностей, которые могут служить новыми аргументами в пользу объективной реальности категории пространства, времени и причинности.

Как известно, русские отглагольные существительные в функции определения переводятся на английский язык при помощи инфинитива, *-ing*-формы или причастия – например: *надежды на обуздание криминального беспредела – hopes to put an end to rampant crime; вариант обеспечения безопасности – a way of ensuring security; задача защиты прав человека от глобального зла терроризма – the task of protecting human rights from the global scourge of terrorism; механизм обеспечения интересов инвесторов – a mechanism for safeguarding the interests of investors; нуты оздоровления отрасли – ways to clean up the industry; опасность признания границ – the danger of recognized borders*.

Вместе с тем было обнаружено, что в ряде случаев конструкции с определяемыми словами *место, время* и *причина* требуют при переводе особой трансформации. Русская структура **существительное время, место, причина + отглагольное существительное** (в функции определения) будет соответствовать в английском языке **придаточному предложению времени, места, причины, вводимому словами where, when, why**. Подлежащее для этого предложения берется из широкого контекста, а сказуемое представляет собой результат трансформации отглагольного существительного: отглагольное существительное (являющееся, как и

всякое отглагольное существительное, редуцированным предикатом, или единицей с вторичной предикативностью) разворачивается в предикатную структуру, иными словами, в «нормальное» сказуемое, например: **место предоставления услуг – the organization where the service is provided.**

При этом возможны два варианта перевода:

1) если данная конструкция не занимает начальную позицию в предложении, она разворачивается в полноценное придаточное предложение времени, места или причины, которое вводится словом *where, when, why*; при этом само слово *time, place* или *reason* опускается, ср. *сообщить о времени доступа к документам*, когда конструкция с отглагольным существительным переводится на английский язык как **when the documents are available**; *сообщить о времени доставки гарнитура* – **inform when the furniture set is due**; *граждане извещаются о месте и времени проведения выборов* – **people are informed when and where elections are held**; *мы не знаем причин происшедшего* – **we don't know why it happened**;

2) если конструкция с отглагольным существительным и опорным словом *место, время, причина* находится в начале предложения, при переводе на английский язык слово *time, place, reason* не опускается: *the time when, the place where, the reason why*, ср. *время, когда это было модно, прошло* – **the time when it was trendy is over**; *место встречи еще не известно* – **we don't know the place where we are meeting**; *причины аварии расследуются* – **the reasons why the cars collided are being investigated**.

Вместе с тем, такая общая стратегия применяется не всегда. Есть случаи, когда при переводе конструкций с определяемыми словами, принадлежащими к базовым категориям мышления, переводчику приходится опираться на другие стратегии (см. подробнее в [Грамматические аспекты перевода 2010; Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий 2014]). Рассмотрим мотивы переводческих решений в таких случаях.

При переводе ИГ с опорными словами, обозначающими категорию времени, выбор принципа перевода определяется лексическим значением слова, а именно:

1. при переводе на английский язык конструкций с определяемым словом *эпоха* возможно использование различных синонимичных единиц, например, *time when, epoch when, period when*: **эпоха бурного развития технологий – period of technological progress**;

2. конструкция с определяемым словом *срок* часто разворачивается в предложение со словами *dates, period, timeframe, timeline, leadtime* или *in / within 20 days' period (of time)*, причем отглагольное существительное разворачивается в предикат (полный или редуцированный): **срок принятия новых членов – the timeframe for admitting new members**; **срок предоставления**

документов – *the deadline to submit documents*;

3. если в предложении имеется информация о наступлении времени для реализации события, обозначенного отглагольным существительным, используется модель *it is (high) time to do / we did*: **пришло время переосмысления существующих моделей – *it's time to reinvent the current patterns***. Давно **пора бы заняться здоровьем – *it's time you focused on your health***;

4. когда в исходном предложении предоставлена информация об окончании процесса / периода, используется модель *N is over*: **переговоры завершились – *the talks are over***;

5. в некоторых случаях опорное слово может быть семантически «пустым» и при переводе опускается: **период строительства начинается через 2 недели – *the construction is to start in two weeks ('time)***;

6. словосочетание с определяемым словом, принадлежащим к категории времени, также может переводиться на английский язык с использованием клише: *travel time* – **время нахождения в пути**; *maturity date* – **срок погашения кредита**; *perеходный период* – ***transition period***; *срок оплаты (на сче́те)* – ***date due***;

7. в ряде случаев при переводе может полностью воспроизводиться структура исходного сочетания: *эпоха забвения и разрухи* – ***time of neglect***.

Рассмотрим стратегию перевода ИГ с опорными словами, обозначающими категорию места:

1. часто конструкции с определяемым словом, обозначающим категорию места, переводятся на английский язык с помощью клише, ср. **место происшествия – *disaster area***; **место происшествия / преступления – *crime scene, accident scene*** (выбор клише зависит от масштаба случившегося);

2. особенность перевода конструкций с определяемым словом *область* (одним из синонимов слова *место*, также обозначающим базовую категорию мышления) определяется тем, что чаще всего в русском языке оно не несет в себе «территориального» признака и употребляется не в прямом смысле. При переводе используются слова *concerning, dealing, focusing, in the context of, in the field of* и их синонимы *in terms of, in the aspect of, within the borders, within the frame(work) of the approach, as regards* – ср. **в области передовых технологий – *as regards technology sector***;

3. в случае, когда опорное слово не несет семантической нагрузки, оно опускается, ср. **из области слухов – *it's gossip***.

Рассмотрим далее частные случаи перевода ИГ с опорными словами, обозначающими категорию причины:

1. чрезвычайно частотной является модель перевода, основанная на перегруппировке семантических компонентов и употреблении каузального глагола: *trigger, lead to, give rise to, prompt, endorse, induce, compel*,

provoke и пр., причем как в активном, так и в пассивном залоге: *неудачная реклама явилась причиной конфликта по расовому признаку – ill-conceived advertising resulted in interethnic tensions*;

2. опорное слово *повод* может переводиться сочетаниями *with regard to, concerning* или передаваться предлогами *on, about*, например: *разговоры по поводу перехода футболиста – rumours about the footballer's transfer*. Если опорное слово семантически пустое, оно опускается.

Описанные особенности данных слов, рассмотренные в переводческой перспективе, позволяют сделать чрезвычайно важный вывод общелингвистического и методологического характера касательно объективности существования данных категорий в человеческом сознании. Выявленные закономерности поведения данных единиц при переводе позволяют утверждать, что категории, представленные данными словами, получают особое осмысление и имеют объективный статус, а не являются плодом направленного упорядочивания и конструирования реальности, они сами реальность.

В самом общем виде стратегия перевода абстрактных имен различного типа на английский язык представляет собой снятие абстрагированности и трансформацию типа предикативности в пользу более «полноценной». Именно учет грамматической категории исходного языка и понимание закономерного соответствия данной категории в языке перевода, а также категориальные семантические особенности единицы перевода позволяют переводчику принять адекватное решение при выборе варианта перевода. Иными словами, в основе принятия переводческого решения лежит системный учет межъязыковых различий на всех уровнях языка, что проявляется в установлении отношений переводческой эквивалентности между единицами этих уровней прежде всего; и далее осуществляется «выбор» уровня эквивалентности переводчиком, причем уже с учетом культурно-обусловленных особенностей языков.

Литература

Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.

Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. Издательство Московского университета. 2007.

Грамматические аспекты перевода. М., 2010.

Ермолович Д.И. Русско-английский перевод. Учебник. М., Auditoria, 2014.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. М., 2014.

Палажченко П.Р. Отрицание английское и русское (заметки переводчика) //

«Мосты». №3 (39) 2013, №4 (40) 2014 С.30-39.

Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006.

Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их местоименные актуализаторы *весь / целый* и *all / whole*. Дисс...канд. филол. наук. М., 1987.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. 2006

Проблема синтаксической вариативности при изучении художественного перевода¹

The paper considers the problem of linguistic or, more specifically, syntactic variation from the perspective of the theory of literary translation. The opening part offers a brief retrospective on how the problem has been traditionally treated in linguistics; it sets out the necessary background and provides the context. Then the paper takes a closer look at the phenomenon of syntactic variation to finally show how it could be approached in literary translation studies.

В статье предпринимается попытка рассмотреть проблему языковой – в частности, синтаксической – вариативности в свете теории художественного перевода. Вначале представлена краткая история вопроса, где демонстрируется широкий круг проблем, связанных с изучением языкового варьирования в языкознании. Затем мы переходим к рассмотрению такого явления, как синтаксическая вариативность, а в заключительной части показываем, какое значение оно имеет при исследовании лингвистических аспектов художественного перевода.

Вопросы вариативности в языке многократно и плодотворно обсуждались разными исследователями (см., например: [Бабенко и др. 2000, 8-19; Валгина 2003, 26-41; Гак 1998, 367-373; Головина 1983, 58-63; Горбачевич 1978; Добровольский 2007; Крысин 2011; Немченко 1998; Норма и социальная дифференциация языка 1969; Солнцев 1984; Телия 1968; Шведова 1983; Швейцер 1983; Языки мира: Проблемы языковой вариативности 1990])².

Проблематика языковой вариативности отличается значительной шириной. Вариативность средств выражения определяют как непереносимое свойство развитого литературного языка, являющееся «свидетельством – с одной стороны – его богатства и гибкости, с другой стороны – его непрерывного развития» [Золотова 1974, 147]. О ней говорят в типологической перспективе, подчеркивая важность обобщений относительно пределов языкового варьирования, основанных на сравнении конкретных языков, поскольку главная цель типологии – «исследование языкового варьирования и

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00291.

² Также нет недостатка в зарубежных исследованиях, посвященных данной тематике (см., например: [Cedergren, Sankoff 1974; Cheshire 1987; Eckert 2000; Labov 1978; Labov 2001; Sankoff 1973]).

естественных ограничений на языковое варьирование, предсказывающих, какие свойства могут и какие не могут быть присущи человеческим языкам, не только ныне существующим или когда-либо существовавшим, но и тем, которые могут когда бы то ни было и где бы то ни было существовать» [Кибрик 2010, 17].

Вопросы вариативности в языке составляют неотъемлемую часть социолингвистических исследований, когда изучается соотношение нормативного и узуального в языке различных социальных групп. Так, В.М. Алпатов пишет: «Многие японские исследователи отмечают большое языковое варьирование в японском обществе, далеко не сводящееся к разграничению литературного языка, диалектов и просторечия. <...> японские студенты пишут сочинения на правильном литературном языке, а говорят между собой совершенно иначе» [Алпатов 2007, 158].

В ряде работ проблемы языковой вариативности рассматриваются в диахроническом плане – в связи со становлением литературных языков [Бабенко 1996; Семенюк 1965; Семенюк 1970; Семенюк 1977; Семенюк 1996; Ярцева 1985].

В отечественной лингвистической литературе бытуют терминологические дублеты – вариантность и вариативность³. Как правило, они взаимозаменяемы и подразумевают под собой: «1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы <...>; 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом» [ЛЭС 1990, 80]. Мы также понимаем их как синонимы и далее, за исключением цитации, будем использовать термин «вариативность».

Неоднократно отмечалось, что стремление к варьированию – онтологическое свойство языка, опосредующее функционирование всех его единиц в речи, «обеспечивающее творческий характер языка и эффективность общения» [Кожина 1983, 129]. Механизмы вариативной интерпретации действительности и их речевая реализация – языковое варьирование – лежат в основе «приемов речевого воздействия и управления сознанием адресата, процессами понимания речевых сообщений» [Баранов 2012, 19].

Понятие вариативности удачно раскрывается через метафору конкуренции, в результате чего языковая вариативность представляется как «конкуренция средств выражения» [Валгина 2003, 27]. В ходе развития языка на основе конкурентного отбраковывания побеждают варианты, наиболее при-

³ В зарубежной литературе терминологических синонимов для обозначения вариативности в языке больше: 1) *linguistic variation / variation linguistique* [Adger, Smith 2010; Englebert 2000; Kiesling 2011]; 2) *linguistic variability / variabilité linguistique* [Haddican, Plunkett 2010; Stosic, Fagard 2012], *linguistic variety / variété linguistique* [Bex 2002; Klinkenberg 1999].

способленные для реализации социальной функции, наиболее отвечающие требованиям коммуникативной целесообразности.

Вариативность в языке возникает под влиянием совокупности эндогенных и экзогенных факторов, которые могут действовать как одновременно, так и последовательно. С одной стороны, отбор и закрепление тех или иных вариантов обусловлены возможностями самого языка и происходят под воздействием законов аналогии, речевой экономии и т.д. С другой стороны, вариативность проявляется в результате межъязыковых контактов, в силу территориальной разрозненности (влияние диалектов) и социальной дифференциации населения, говорящего на языке. В языковой вариативности находят отображение половозрастные характеристики носителей языка.

На каждом языковом уровне вариативность может проявлять себя по-разному, а степень варьирования – изменяться с течением времени, и таким образом жизненный цикл различных вариантов не одинаков. Процесс непрерывного варьирования, являясь одним из признаков жизнеспособности языковой системы, в отдельные исторические периоды подвергается сдерживанию и упорядочиванию: сокращение «вариантов происходит, как правило, в результате регламентации, кодификации явлений» [Там же].

Вообще, как отмечает В.М. Солнцев, в лингвистике к проблеме вариативности обращаются в следующих случаях: «а) при изучении “механизма”, “устройства” языка, которое можно назвать вариантно-инвариантным; б) при изучении функционирования языка и перехода от языка к речи; в) при исследовании внутриязыковых факторов изменения и развития языка (варьирование и превращение вариантов в новые сущности); г) при потребности объяснить разный облик “одних и тех же единиц” или их форм <...>, объяснить различного рода чередования под влиянием разных факторов <...>; д) при социолингвистическом изучении варьирования нормы и использования разных проявлений одних и тех же единиц в стилистических, экспрессивных и нормообразующих целях» [Солнцев 1984, 33]. Указанные случаи охватывают и диахроническое, и синхронное направления исследования.

Нам представляется, что главным образом исследование художественного перевода входит в круг случаев, обозначенных выше в категориях «а» и «б», однако комплексный характер таких исследований часто не позволяет их отнести к одной конкретной категории.

Как уже упоминалось выше, здесь нас прежде всего интересует языковое варьирование на синтаксическом уровне. Следует отметить, что в современных отечественных работах по лингвистике синтаксическая вариативность становится центральным объектом исследования сравнительно

редко⁴. В 2012 г. вышел в свет сборник статей «Вариативность в языке и коммуникации», где проблемы синтаксиса затрагиваются лишь в нескольких работах [Баранов, Добровольский 2012; Валиахметова 2012; Кульпина 2012].

В отношении синтаксической вариативности исследователи не высказывают единого мнения, не всегда признавая существование этого языкового явления. В отдельных работах авторы пытаются разграничить синтаксическую синонимию и синтаксическое варьирование (наличие синтаксических вариантов), указывая, что «в прямом смысле синтаксических вариантов мало» [Валгина 2003, 37], хотя в языке закреплены разные способы выражения мысли. И если рассматривать параллельные синтаксические конструкции, то это скорее синонимы, чем варианты: например, в зависимости от речемыслительной программы определительные отношения передаются причастными оборотами или определительными придаточными (ср.: *Замок, стоящий на высокой горе, виден издалека*, – *Замок, который стоит на высокой горе, виден издалека*). Приведенные предложения направлены на передачу одного информационного сообщения, однако синтаксические конструкции, в них реализованные, не одинаковы и потому не являются вариантами, «так как представляют собой разные синтаксические образования» [Там же]. Таким образом, в синтаксическом плане за вариантами закрепляется обязательный признак структурной идентичности.

Целесообразность разграничения синтаксической синонимии и синтаксического варьирования на основе формального признака можно отнести к числу вопросов, возникающих в дискуссиях между сторонниками формализма и функционализма. С позиций функционального подхода, которого придерживаемся здесь мы, синтаксическая вариативность может трактоваться шире, а синтаксические синонимы – рассматриваться как варианты, реализуемые в речи в зависимости от выбора той или иной коммуникативной стратегии говорящим (см. [Bureau 1976, 102, 104, 166]). В этой связи примечательны слова Е.В. Падучевой о свойственной русским «глаголам выбора» синтаксической вариативности, «которую можно интерпретировать как мену диатезы, т.е. как согласованное изменение коммуникативных рангов участников ситуации, подобное тому, которое происходит при залоговых трансформациях» [Падучева 2004, 318].

Такое понимание синтаксического варьирования находит отражение в отечественной и зарубежной научно-популярной литературе. Так, в своей монографии, посвященной практическому применению лингводи-

⁴ В зарубежной лингвистике, напротив, наблюдается повышенный интерес к различным аспектам синтаксической вариативности (см., например: [Biberauer 2008; Cornips, Corrigan 2005; Deulofeu 1992; Dorgeloh, Wanner 2010; Jacobson 1979; Langue française 1997; Winford 1996]).

дактических стратегий полиглотов, Д.Б. Никуличева пишет: «Компетенции II-й группы тренируются за счет целенаправленного введения в пересказ различных *парафраз* – то есть *иных способов выражения исходного смысла* [курсив автора – В.Н.], будь то замена ключевых слов на их синонимы, <...> грамматическое и синтаксическое варьирование структуры высказывания (например, замена активного залога на пассивный, изменение тема-рематической структуры фразы, замена инфинитивных оборотов на герундиальные и т.п.)...» [Никуличева 2014, 80-81]. В специализированной литературе по детской речи синтаксическое варьирование выступает речевым механизмом, развитие которого необходимо стимулировать, чтобы обеспечить гармоничное развитие ребенка [Bonnet, Tamine-Gardes 1984, 29; Naigles, Hoff 2006, 342-344; Rowe, Salo 2014]. В англоязычных учебных пособиях по художественному письму (*creative writing*) синтаксическая вариативность оказывается одним из показателей, используемых для качественной оценки результатов при продуцировании письменного текста: высокая степень синтаксического варьирования представляется одной из обязательных характеристик хорошо написанного текста⁵ [Davidson 2014, 111; Hanson 2002, 123; Prose 2006, 96; Rand 2001, 16, 119; Zemach, Islam 2006, 96].

Синтаксическая вариативность в этом смысле тесно связана с лингвистической функцией языка [Гак 1998, 371-373], когда человек целенаправленно осваивает игровое экспериментирование с разными функциональными синтаксическими вариантами для оформления в речи отдельно взятого информационного сообщения. Чтобы определить степень функциональной равноценности, каждый синтаксический вариант на стадии доречевой реализации оценивается субъектом речи на предмет соответствия грамматическим правилам – во-первых, и принципу коммуникативно-стилистической целесообразности – во-вторых [Золотова 1974, 146]. Надо заметить, что развитие речевой рефлексии, отвечающей за успешность таких оценочных процедур, зависит от целого ряда разнообразных факторов, о которых пишет А.А. Леонтьев применительно к проблеме вариантности речевых высказываний [Леонтьев 1974, 29-35].

Понятие функциональной равноценности разных синтаксических вариантов имеет принципиальную важность для исследования лингвистических аспектов художественного перевода, где практическим материалом часто служат два и больше вариантов перевода одного исходного текста. Переводные отрезки, где представлены изучаемые языковые единицы, находятся в отношениях функциональной эквивалентности, которые устанавливаются между оригинальным текстом и его переводами, и потому могут

---

⁵ В нашей стране отсутствует практика издания учебников по художественному письму, в то время как в англоязычной литературе эта традиция существует давно.

быть названы функциональными вариантами. Здесь очевидны параллели с понятием функционально эквивалентных фрагментов, введенным в статье [Добровольский и др. 2005, 266]: «Для решения собственно лингвистических задач (в первую очередь, в области сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии) важны отношения типа *слово – слово, слово – словосочетание, словосочетание – слово*. Такие пары могут быть названы *функционально эквивалентными фрагментами* [выделение автора – В.Н.] (ФЭФ). Типовая задача пользователя может быть сформулирована так: *Извлечь все случаи употребления слова L (в оригинале) и его ФЭФ (в переводе)* [выделение автора – В.Н.]. Функциональная эквивалентность, как видно из определения, трактуется, исходя из конкретных исследовательских нужд: авторы, раскрывая понятие, в значительной степени апеллируют к процедурам корпусного метода. Функциональный принцип эквивалентности, таким образом, заключается в том, чтобы считать равноценным вариантом переводной фрагмент, структурно соположенный оригиналу, то есть выполняющий в переводном тексте сходную функцию. Следуя этому определению, соответственно, переводные варианты одного исходного фрагмента (например, в границах предложения/сложного синтаксического целого) можно представить как варианты синтаксические.

Этот подход к синтаксической вариативности можно проиллюстрировать не только на примере изучения письменных переводных образцов, но и привлекая опыт киноперевода. Здесь синтаксическое варьирование в известной мере обусловлено прагматическими установками. При субтитровании, наряду с необходимостью придерживаться строго определенного количества печатных символов в строке (см. [BBC Subtitle Guidelines 2016; Díaz Cintas, Remael 2014, 84]) и максимальной протяженности в две строки, поиск синтаксически приемлемых вариантов зависит от таких факторов, как продолжительность демонстрации субтитра, положение субтитра в кадре, разбивка видеоряда на сюжетные отрезки, количество участников в субтитрованных коммуникативных ситуациях и т.д. Дублирование также требует сложного эксперимента с синтаксическими вариантами: в процессе укладки перевода редактор и переводчик, не изменяя смыслового наполнения реплик, производят редакционную правку, «добиваясь наиболее точного артикуляционного совпадения нового текста с изображением на экране» [Коноплев 1956, 344]. Чтобы обеспечить такое совпадение, учитывается расстановка пауз в речевом потоке, маркирующая границы слов и предложений, отслеживаются моменты смыкания губ у актеров при произнесении реплик. Редакционная правка переводного текста на стадии укладки предполагает замену как отдельных слов, так и предложений. В качестве примера приведем отрывок из диалога странствующего кукловода и его куклы-солдата (к/фильм «Старая, старая сказка», 1968 г., реж. Н. Кошеверова, DVD-издание

«Ruscico», 2000 г., начало отрывка – 07 мин. 03 сек., завершение – 07 мин. 57 сек.):

Исходный текст:

- Буду писцом в суде или помощником нотариуса.
- Ты об этом пожалеешь. Возьми нас с собой, а?
- Ты мой солдат, я твой генерал. Пожалуйста, не рассуждай. Давай расстанемся по-хорошему? Будь своих друзей, и сыграйте для меня сказку.
- Какую?
- Какую хотите, только подлиннее. Мне что-то не спится.

Дубляж:

- *I might become a secretary. Maybe I could even be a court clerk.*
- *I think you'll be sorry. Take us with you. Please?*
- *You're my soldier, I am your general. Stop arguing with your general. Can't we say goodbye like friends? Come on, go and wake the others. And act out one of the old tales.*
- *Which one?*
- *Anyone you like. Only make it long. I can't go to sleep tonight.*

Субтитры:

- *I might become a secretary or a court clerk.*
- *You'll be sorry about that. Take us with you. Please?*
- *You're my soldier, so stop arguing. Can't we say goodbye like friends? Go and wake the others. Act out a fairy tale for me.*
- *Which one?*
- *A long one. I won't be able to sleep tonight.*

Субтитрированный вариант (285 печатных знаков) меньше того, что использован в дубляже (369 печатных знаков), на 84 знака и на 5 знаков меньше исходного текста (290 печатных знаков). Он широко использует возможности синтаксической компрессии при подборе переводных вариантов, руководствуясь прагматическими установками, обозначенными выше. Ими же во многом мотивированы синтаксические трансформации в дубляже (ввод путативного предиката *think* 'думаю', дискурсивного *come on* 'ну, давай же' и другие типы осложнения синтаксической структуры предложения), где переводческий выбор определяется задачами укладки.

Таким образом, очевидно, что при изучении лингвистических аспектов художественного перевода особое значение приобретает функциональный подход к проблеме синтаксической вариативности. В соответствии с ним структурно не идентичные синтаксические модели, представленные в разных переводах одного и того же исходного текстового отрезка, могут

квалифицироваться как функционально равноценные варианты⁶. Выбор конкретного варианта не является произвольным: на него влияет целый ряд разных ограничений, как, например, технические требования при кинопереводе. Вместе с тем этот переводческий выбор характеризуется определенной степенью свободы, которая зависит от индивидуальной способности переводчика экспериментировать с синтаксическими структурами, от объема его синтаксического репертуара. Соответственно, изучение синтаксической вариативности в художественном переводе трудно представить вне антропоцентризма.

Литература

- Аллатов В.М.* Михаил Викторович Панов глазами востоковеда // Жизнь языка. Памяти Михаила Викторовича Панова / Каленчук М.Л., Земская Е.А. (ред.). М., 2007. С.153-162.
- Бабенко Н.С.* Функциональные аспекты варьирования в истории немецкого языка // Вариативность в германских языках: функциональные аспекты. М., 1996. С. 23-32.
- Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.Н., Крючкова Т.Б., Селиверстова О.Н., Семенюк Н.Н.* К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. 2000. № 2(5). С. 8-19.
- Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2012.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Авторская фразеология и проблема варьирования // Вариативность в языке и коммуникации / Федорова Л.Л. (ред.). М., 2012. С. 343-360.
- Валгина Н.С.* Современный русский язык: Синтаксис. М., 2003.
- Валиахметова А.Р.* Развитие предложно-падежных конструкций *с чем / вокруг чего* в современном русском языке // Вариативность в языке и коммуникации / Федорова Л.Л. (ред.). М., 2012. С. 73-84.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Головина Э.Д.* К типологии языковой вариантности // Вопросы языкознания. 1983. №2. С. 58-63.
- Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма на материале современного русского языка. Ленинград, 1978.
- Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А.* Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М., 2005. С. 263-296.

⁶ Такой подход открывает широкие исследовательские перспективы, в частности, например, дает возможность использовать наработки теории художественного перевода в корпусной лингвистике, грамматике конструкций и двуязычной лексикографии.

Добровольский Д.О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 18-47.

Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма. М., 1974.

Кибрик А.Е. Место сравнительного языкознания в кругу лингвистических дисциплин // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. ст. к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М., 2010.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1983.

Коноплев Б.Н. Основы фильмопроизводства. М., 1956.

Крысин Л.П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 4. С. 38.

Кульпина В.Г. Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира // Вариативность в языке и коммуникации / Федорова Л.Л. (ред.). М., 2012. С. 85-98.

Леонтьев А.А. Факторы вариативности речевых высказываний // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 29-35.

Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород, 1998.

Никуличева Д.Б. Говорим, читаем, пишем [Электронный ресурс]: лингвистические и психологические стратегии полиглотов. М., 2014.

Норма и социальная дифференциация языка / Гухман М.М., Ярцева В.Н. (ред.). М., 1969.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 157-179.

Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 549-596.

Семенюк Н.Н. К характеристике разных видов варьирования в истории немецкого языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Ярцева В.Н., Гухман М.М. (ред.). М., 1977. С. 109-129.

Семенюк Н.Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / Семенюк Н.Н., Порхомовский В.Я. (ред.). М., 1996. С. 23-47.

Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31-42.

Телия В.Н. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

Федорова Л.Л. (ред.) Вариативность в языке и коммуникации. М., 2012.

Шведова Н.Ю. К понятию вариативности в языке (на материале лексического множества) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1983. Т.

42, №3. С. 232-245.

Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.

Языки мира: Проблемы языковой вариативности / Ярцева В.Н. (ред.). М., 1990.

Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. М., 1985.

Adger D., Smith J. Variation in agreement: A lexical feature-based approach // *Lingua* 120, 2010. P. 1109-1134.

BBC Subtitle Guidelines, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bbc.github.io/subtitle-guidelines/>

Bex T. Variety in Written English: Texts in Society/Societies in Text. London & New York, 2002.

Biberauer Th. (ed.) The Limits of Syntactic Variation. Amsterdam & Philadelphia, 2008.

Bonnet C., Tamine-Gardes J. Quand l'enfant parle du langage. Bruxelles, 1984.

Bureau C. Linguistique fonctionnelle et stylistique objective. Paris, 1976.

Cedergren H., Sankoff D. Variable rules: Performance as a statistical reflection of competence // *Language* 50, 1974. P. 333-355.

Cheshire J. Syntactic variation, the linguistic variable, and sociolinguistic theory. *Linguistics* 25, 1987. P. 257-282.

Cornips L., Corrigan K. (eds.) Syntax and variation: Reconciling the biological and the social. Amsterdam, 2005.

Davidson J. Reading Style: a Life in Sentences. New York, 2014.

Deulofeu J. Variation syntaxique: recherche d'invariants et étude des attitudes des locuteurs devant la norme // *Langages* 108, Vol. 26, 1992. P. 66-78.

Díaz Cintas J., Remael A. Audiovisual Translation: Subtitling. New York, 2014.

Dorgeloh H., Wanner A. (eds.) Syntactic Variation and Genre. Berlin & New York, 2010.

Eckert P. Linguistic variation as social practice. Oxford, 2000.

Englebert A., Pierrard M., Rosier L., Van Raemdonck D. (eds.) Vivacité et diversité de la variation linguistique. Tübingen, 2000.

Gadet F. (ed.) La variation en syntaxe // *Langue française* 115, 1997.

Haddican B., Plunkett B. (eds.) Formalizing syntactic variability: Context and issues // *Lingua* 120, 2010.

Hanson A. Visual Writing. New York, 2002.

Jacobson S. Issues in the study of syntactic variation // *Papers from the Scandinavian Symposium on Syntactic Variation / Jacobson S. (ed.)*. Stockholm, 1979. P. 23-36.

Kiesling S.F. Linguistic Variation and Change. Edinburgh, 2011.

Klinkenberg J.-M. Des langues romanes: Introduction aux études de linguistique romane. Bruxelles, 1999.

Labov W. Principles of linguistic change: Social factors. Malden, MA, 2001.

Labov W. Where does the linguistic variable stop?: A response to Beatriz Lavandera // Working Papers in Sociolinguistics 44, 1978. P. 1-16.

Naigles L.R., Hoff E. Verbs at the Very Beginning: Parallels Between Comprehension and Input // Action Meets Word: How Children Learn Verbs / Hirsh-Pasek K., Michnick Golinkoff R. (eds.). New York, 2006. P. 336-363.

Prose F. Reading Like a Writer. A Guide for People Who Love Books and for Those Who Want to Write Them. London, 2006.

Rand A. The art of nonfiction: a guide for writers and readers. New York, 2001.

Rowe M.L., Salo V.C. Child-Directed Speech (Effects of Variation in Quality) // Encyclopedia of language development / Brooks P.J., Kempe V. (eds.). Los Angeles, London, New Delhi, Singapore & Washington DC, 2014. P. 78-82.

Sankoff G. Above and beyond phonology in variable rules // New Ways of Analyzing Variation in English / Bailey C.J., Shuy R. (eds.). Washington, D.C., 1973. P. 44-61.

Stosic D., Fagard B. Formes et sens: de l'unicité à la variabilité // Langages 4 (188), 2012. P. 3-24.

Winford D. The problem of syntactic variation // Sociolinguistic variation: Data, theory and analysis. Selected papers from NWAVE 23 / Arnold J. et al. (eds.) Stanford, 1996. P. 177-192.

Zemach D.E., Islam C. Writing in paragraphs. Oxford, 2006.

Словари

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Ярцева В.Н. (ред.). М., 1990.

Contents

Introduction. Human Factor in the Germanic Studies (*Dina Nikulicheva.*)..5

I

The Perceptual Foundation of Grammatical Categorization

<i>Mikhail Kotin.</i> Korrelierende kategoriale Signale aus synchroner, diachroner und typologischer Sicht.....	9
<i>Anna Gukh.</i> Kategoriale Formen des deutschen Verbs aus der Sicht des Sprechers.....	17
<i>Dina Nikulicheva.</i> Danish Spatial Prepositions and Adverbs as a Reflection of Speaker's Orientation in Time.....	26

II

The Cognitive Foundation of Metaphorical, Grammatical and Lexical Categorization

<i>Elena Beliaevskaya.</i> Conceptual Structures Underlying Lexical and Grammatical Categorization: Similarities and Dissimilarities.....	40
<i>Irina Zykova.</i> On the Ways the Grammatical Potential of Phraseology is Realized in Light of the Notion of Phraseological Creativity: from Lexical to Grammatical Categorization.....	49
<i>Anna Donchenko.</i> The Role of Conceptual Metaphors in the Formation of Language Categories.....	57
<i>Alexandra Nagornaya.</i> English Collocations of <i>Thrilling Moment</i> and <i>Thrilled Moment</i> Type as a Means of Conveying Subjective Temporal Experience.....	64
<i>Evgenia Terekhova, Tatiana Velikoda.</i> Anthropogenic Metaphor in Scientific Prose: Textual Functioning and Heuristic Potential.....	76

III

Grammar Changes in Modern Germanic Languages

<i>Nadezhda Golubeva.</i> Grammatikalisierung als Stratifikationsfaktor kategorialer Semantik im Gegenwartsdeutschen.....	81
<i>Andrei Levitsky.</i> Cognitive and Communicative Aspects of Functional Re-orientation of the Present-Day English Language Units.....	90
<i>Liya Kovaleva.</i> Sentential Field and Structuring of Syntactic Units.....	98
<i>Elena Chekalina.</i> The Interaction between the Grammar and Semantics of Common and Neuter Gender in Scandinavian Languages.....	103
<i>Anna Rivlina.</i> Globalization of English and Contact-induced Changes in Grammar.....	111
<i>Rodmonga Potapova, Vsevolod Potapov.</i> Denglisch in der Internet-kommunikation.....	123

IV

The Grammar of Interpersonal Communication

<i>Svetlana Bogdanova</i> . Linguistic Means of Expressing Social Deixis in Modern English.....	135
<i>Alexander Zelenetsky</i> . The Evolution of Polite Address in Dutch.....	145
<i>Anna Averina</i> . Antropozentrität von Modalpartikeln im Deutschen.....	157
<i>Elena Zhiltsova</i> . Emphase and Means of Its Expression in Modern Swedish.....	166
<i>Anastasiya Nemtseva</i> . The Pragmatics of Utterances Containing the Danish Indefinite Pronoun <i>Noget</i>	174

V

**Narrator's Subject and Researcher's Subject:
Textual Manifestations**

<i>Tatiana Toporova</i> . On the Subjectivity of a Prediction Genre and Linguistic Expression of the Subject in the Old Icelandic <i>Völuspá</i>	181
<i>Catherine Squires</i> . Legal Agent vs. Grammatical Subject in Russian-German Treaties of the 12 th -14 th c.	193
<i>Sergei Dubinin</i> . Die grammatischen Marker der Usus der deutschen Frühdrucker.....	203
<i>Natalia Guermanova</i> . Perspicuity as the Foundation of the Concept of Grammatical Correctness in English language grammars of the Enlightenment.....	222
<i>Elena Kondakova, Elena Morozova</i> . Partizipiale Bildungen aus der Sicht der modernen zweisprachigen Lexikographie.....	230
<i>Elena Krotova</i> . Homonymy in the Markup of Machine-Readable Corpora...248	

VI

The Grammar of Translation and Translator's Solutions

<i>Yekaterina Yakovenko</i> . Between the Original and Translation: Ælfric's Attempt to Translate a Latin Grammar into Old English.....	257
<i>Olga Suleimanova</i> . What Factors Determine Translator's Choice in Translating Russian Predicative Constructions into English.....	265
<i>Vitaly Nuriev</i> . The Problem of Syntactic Variation from the Perspective of Literary Translation Theory.....	273

**Грамматические категории германских языков
в антропоцентрической перспективе.**

Коллективная монография

Подписано в печать 20.11.2017 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл.печ.л. 22 Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»
Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru